

Институт нового индустриального развития (ИНИР)
им. С.Ю. Витте

**НОВОЕ ИНДУСТРИАЛЬНОЕ
ОБЩЕСТВО:
ИСТОКИ, РЕАЛЬНОСТЬ, ГРЯДУЩЕЕ.
НООНОМИКА**

IV-й том

Избранные материалы семинаров, публикаций и мероприятий
Института нового индустриального развития (ИНИР)
им. С.Ю. Витте по тематике концепции
нового индустриального общества второго поколения
и нооиндустриального развития общества

Санкт-Петербург
2020

Новое индустриальное общество: истоки, реальность, грядущее. Ноономика. IV-й том (Избранные материалы семинаров, публикаций и мероприятий Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте по тематике концепции нового индустриального общества второго поколения и нооиндустриального развития общества) / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. Сб. науч. трудов. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2020. – 422 с.

В сборнике научных трудов Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте раскрываются результаты современных научных исследований, посвященных смене господствующей парадигмы экономической теории и трансформации экономической политики под влиянием радикальных социальных и технологических изменений последних десятилетий; проработаны различные аспекты Нового индустриального общества второго поколения и Ноономики, как новых моделей социально-экономического устройства; исследуются прикладные аспекты экономического и социального развития современной России в условиях происходящих трансформаций.

Сборник трудов предназначен для профессорско-преподавательского состава университетов и научных сотрудников, занятых исследованием проблем современной экономики, докторантов, аспирантов, магистрантов, а также студентов бакалавриата, обучающихся по направлению 38.03.01 «Экономика». Материалы сборника могут быть использованы руководителями и специалистами аппарата управления бизнес-организаций и государственных органов при разработке программ и стратегий развития.

ISBN 978-5-00020-068-1

© Институт нового индустриального
развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, 2020

**НОВОЕ ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО:
ИСТОКИ, РЕАЛЬНОСТЬ, ГРЯДУЩЕЕ.
НООНОМИКА**

Избранные материалы семинаров, публикаций и мероприятий Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте по тематике концепции нового индустриального общества второго поколения и нооиндустриального развития общества

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	8
Часть 1. НИО.2: концептуальные основы и российские практики (материалы Санкт-Петербургских семинаров ИНИР им. С.Ю. Витте).....	13
1.1. Материалы научного семинара «Генезис нового качества общественного развития: от нового индустриального общества второго поколения к ноономике» (11 октября 2019 г.) (стенограмма).....	15
Часть 2. НИО.2: международные контексты (материалы зарубежных семинаров и конференций с участием ИНИР им. С.Ю. Витте).....	69
2.1. Бодрунов С.Д. «Государство и технологическая революция: политэкономический взгляд». Доклад на Международной конференции «Экономика будущего и будущее политической экономики» (Франция, Лилль, 3-4 июля 2019 г.).....	71
Часть 3. НИО.2: что сегодня?	81
3.1. Бодрунов С.Д. «Технологическая революция требует глубокого реформирования экономики». Доклад на открытии Пленарной сессии Санкт-Петербургского международного	

экономического конгресса (СПЭК-2019) «Форсайт «Россия»: будущее технологий, экономики и человека» (Санкт-Петербург, 3 апреля 2019 г.)	83
3.2. Бодрунов С.Д. «План и рынок: перспективы интеграции». Доклад на Абалкинских чтениях Вольного экономического общества (ВЭО) России (Москва, РЭУ им. Г.В. Плеханова, 25 апреля 2019 г.)	92
3.3. Бодрунов С.Д. Выступление на 21-й экспертной сессии Координационного клуба ВЭО России на тему: «Национальные проекты социальной политики: как реализовать приоритеты?» (Москва, 26 апреля 2019 г.)	102
3.4. Бодрунов С.Д. «Политическая экономия в эпоху технологических и социальных трансформаций: от обновления теории к обновлению практики». Выступление на открытии Четвертого Международного политэкономического Конгресса (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 14 мая 2019 г.)	108
3.5. Бодрунов С.Д. «Ответить на вызовы технологической революции: задачи, стоящие перед экономикой России XXI века». Доклад на открытии Пленарного заседания Московского академического экономического форума (МАЭФ) (Москва, РАН, 15 мая 2019 г.).....	114
3.6. Бодрунов С.Д. «Россия, Китай, ЕАЭС: точки сопряжения». Доклад на Центральном Пленарном заседании Евразийского промышленного Конгресса «ИНТЕГРАЦИЯ» (Москва, ГК «Президент-отель», 15 октября 2019 г.).....	122
3.7. Бодрунов С.Д. «Задачи и перспективы перехода России на новую стадию индустриального развития». Доклад на открытии Пленарной сессии Уральского экономического форума «Урал – драйвер неиндустриального развития России» (Екатеринбург, 24 октября 2019 г.).....	126

3.8. Бодрунов С.Д. Доклад (Вступительное слово) на Всероссийском экономическом собрании (Москва, Дом Союзов, 11 ноября 2019 г.)	141
3.9. Бодрунов С.Д. «Развитие технологий и человеческих качеств предполагает новые приоритеты экономической, социальной и инвестиционной политики». Доклад на открытии Пленарной сессии VI Международного конгресса «Производство, наука и образование в эпоху трансформаций: Россия в [де]глобализирующемся мире» (ПНО-2019) (Москва, 04 декабря 2019 г.)	150
3.10. Выступление на совместном заседании Отделения общественных наук РАН и ВЭО России по теме «Драйверы роста экономики: человеческий капитал, наука, технологии» (Москва, 29 января 2020 г.)	162
Часть 4. Новое индустриальное общество второго поколения и ноономика.....	173
4.1. Бодрунов С.Д. Материалы открытой лекции «Новое индустриальное общество второго поколения и ноономика как ключевые ориентиры социально-экономической трансформации: предпосылки формирования и инструментарий развития» в Северо-Западном институте управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург, 14 октября 2019 г.), в Уральском государственном экономическом университете (Екатеринбург, 24 октября 2019 г.), Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, 05 декабря 2019 г.), в Московском международном университете (Москва, 20 декабря 2019 г.).....	175
Часть 5. Ноономика	203
5.1. Бодрунов С.Д. К вопросу о ноономике	205
5.2. Бодрунов С.Д. Ноономика: онтологические тезисы.....	213

5.3. Тезисы презентации учебника С.Д. Бодрунова «Общая теория ноономики» в Московской школе экономики МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, 18 сентября 2019 г.) и на 21-й международной ярмарке интеллектуальной литературы Non/fiction (Москва, Гостинный двор, 06 декабря 2019 г.) 233

5.4. Bodrunov S. Prospects of Transitioning to a New Model for Socioeconomic System Organization (Noonomy) 239

Часть 6. Альманах рецензий на издания ИНИР им. С.Ю. Витте по концепции ноономики 253

6.1. Глазьев С.Ю. Отзыв на рукопись Бодрунова С.Д. «Общая теория ноономики. Учебник»..... 255

6.2. Пороховский А.А. Отзыв на рукопись Бодрунова С.Д. «Общая теория ноономики. Учебник» 257

6.3. Бузгалин А.В. «Технологическая революция: необходимость и возможность качественных изменений в социально-экономическом развитии ((дискуссии по книге С.Д. Бодрунова «Ноономика») 260

6.4. Колганов А.И. Ждет ли нас неэкономическое будущее? 268

6.5. Воейков М.И. Государство, материальное производство и экономика будущего (размышления над книгой С. Д. Бодрунова «Ноономика») 287

6.6. Komlos J. It is difficult to make predictions, especially about the future 301

6.7. Силова Е.С. Возможна ли ноономика в России? (размышления о книге С.Д. Бодрунова «Ноономика») 311

6.8. Зотова Е.С. «Общая теория ноономики» – учебник для изучающих современные проблемы техно-социо-экономических трансформаций 318

6.9. Plotnikov V. Review of the book «Noonomy» by Sergey Bodrunov	327
6.10. Хабибуллина З.Р. Творческий труд: специфика, динамика развития и характеристика системной трансформации	335
Часть 7. НИО.2: что дальше? (материалы коллоквиумов ИНИР им. С.Ю. Витте).....	349
7.1. Стенограмма коллоквиума на тему «Экологические и глобализационные аспекты концепции нономики» (03 июля 2019 г.).....	351
7.2. Стенограмма коллоквиума на тему «Пенетрация и риднесс как универсальные свойства мироздания» (03 июля 2019 г.)	371
7.3. Стенограмма коллоквиума по теме «Пенетрация и риднесс» (06 сентября 2019 г.)	376
7.4. Стенограмма коллоквиума по теме «Нооиндустриальное общество: от экономики к ноономике» (22 ноября 2019 г.).....	380
7.5. Стенограмма коллоквиума по теме «Шеринг-экономика и ноономика» (05 февраля 2020 г.)	412

Предисловие

Ноономика и Новое индустриальное общество второго поколения: теоретические предпосылки возникновения и механизмы развития

Современная экономическая мысль находится на переломном этапе своего развития. Господствовавшая в *mainstream* экономической науки система теоретических взглядов, выстроенная преимущественно на постулатах неоклассической теории, в рамках которой предполагается наличие автоматического саморегулирования экономики через рыночный механизм, показала свою несостоятельность на практике. Эти провалы теории столь очевидны, что термин «рыночный фундаментализм», получивший распространение в последние годы в российском общественно-политическом и социально-экономическом дискурсе, приобрел ярко выраженный негативный оттенок.

По нашему мнению, это не связано с тем, что неоклассическая экономическая теория «универсально плоха». Все дело в инерционности мышления, общественного сознания и экономического образования. Ведь примерно полстолетия назад она выглядела вполне прогрессивно, и ее рекомендации казались более действенными, чем у превалировавшего тогда в государственной политике капиталистических стран кейнсианства. Применительно к теориям вообще не применимы этические оценки. Теории объективны по своей сути. Но описываемая ими реальность непрерывно меняется, поэтому требуется синхронное изменение и теоретического описания этой реальности.

Но, как известно, любой созданный в человеческой культуре институт, формальный (в виде, например, норм права) или неформальный (в виде например, традиций), сразу после создания начинает «жить своей жизнью», в том числе оказывая обратное влияние на ту социально-экономическую среду, которая его породила. Эту двойственность взаимного влияния хозяйственных процессов и социальных установлений довольно

удачно в свое время отразил К. Маркс в своей теории базиса (basis) и надстройки (superstructure). И как раз сегодня мы столкнулись с моментом, когда изменившийся базис настоятельно требует некоторых изменений в надстройке, в частности в укоренившихся парадигмальных взглядах на природу и устройство, динамику и направления эволюции экономики, отраженных в господствующих экономических теориях.

Как ответ на этот вызов, в рамках исследований Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте и лично его директора профессора Бодрунова С.Д. были сформулированы концепции Нового индустриального общества второго поколения (НИО.2) и Ноономики. Эти концепции указывают на ошибочность положений «рыночного фундаментализма», на утрату ими адекватности в изменившемся, вследствие стремительного технологического развития и социальных трансформаций в течение последнего полувека, мира.

У этих теорий пока еще не выстроен строгий теоретический фундамент, что вполне естественно, т.к. они еще находятся в стадии становления. С позиций теоретических классификаций, теории НИО.2 и Ноономики базируются на элементах институционализма (в частности, его технологической ветви), марксизма (в части стремления рассматривать хозяйственную и социальную эволюцию в неразрывном единстве), кейнсианства (в части признания необходимости активного государственного интервенционизма при условии сохранения рыночных принципов организации экономики), а также используют методологию и инструментарий многих других направлений экономической мысли.

Этот определенный эклектизм вполне оправдан тем обстоятельством, что главная задача построения новой теории – не достижение ее «красоты» и теоретической строгости, но построение адекватного описания и понимания протекающих в хозяйственной системе процессов, раскрытие природы и сути наблюдаемых экономических явлений. То есть, при конструировании новой теории, по нашему мнению, следует исходить из принципа, авторство в формулировании которого приписывают многим известным ученым: «Нет ничего практичнее хорошей теории».

Проблематика НИО.2 и Ноономики пока еще нова и для российской, и для мировой науки. Этим определяется значительное внимание к ней и ее активное обсуждение на научных мероприятиях (семинарах, коллоквиумах, симпозиумах, конференциях и т.д.), а также постепенное увеличение количества научных публикаций по этой проблематике. Значительные усилия в популяризации и развитии этих альтернативных взглядов предпринимает ИНИР им. С.Ю. Витте. В данном издании представлены исследовательские материалы и результаты их презентации на различных научных мероприятиях, организатором или участником которых выступал институт и его директор – профессор С.Д. Бодрунов в течение 2019 года.

В частности, в рамках научного семинара «Генезис нового качества общественного развития: от нового индустриального общества второго поколения к ноономике», рассмотрены теоретические предпосылки возникновения как самого НИО.2, так и формируемой на его основе Ноономики, их системно-генетические взаимосвязи, условия развития и требования к структуре и направленности мер государственного регулирования, которые могли бы способствовать более эффективному и безболезненному переходу к этим новым моделям экономического и общественного устройства.

Именно рациональное государственное регулирование (такая позиция характерна для некоторых направлений институционализма и кейнсианства), по мнению С.Д. Бодрунова, лежит в основе перспективной модели экономики, по крайней мере на начальном этапе ее формирования. В докладе «Государство и технологическая революция: политэкономический взгляд» он сосредотачивает внимание на направлениях госрегулирования, необходимых для этого ресурсах, в новую индустриальную эпоху, которая приходит на смену «постиндустриализму».

В исследованиях НИО.2 и Ноономики, как новых феноменов, значительное внимание должно уделяться не только традиционным количественным методам, но и качественному, сущностному анализу. Это связано, например, с тем известным обстоятельством, что рост объемов производства в третичном секторе экономики и «сжатие» промышленности не привели, как предполагали теоретики постиндустриализма, к утрате значимости

материального производства. Напротив, в современном мире эта значимость возросла и продолжает возрастать, хотя – с позиций статистических – в развитых странах мира на промышленный выпуск приходится всё меньшая доля ВВП.

Следствием этого является реиндустриализация (новая индустриализация, неоиндустриализация и т.п.), которая из статуса теоретической концепции трансформируется в руководящий принцип государственной экономической политики и в России, и в большинстве развитых стран мира (о странах развивающихся мы здесь не говорим, т.к. многие из них еще находятся на этапе доиндустриального или раннеиндустриального развития, в этой связи нуждаются в индустриализации без приставки «ре-»).

Одновременно с возрождением промышленной политики, переход к НИО.2 и Ноономике требует пересмотра всей системы приоритетов государственной политики в целом. Эти вопросы нашли отражение в третьей части предлагаемых вниманию читателей материалов, озаглавленной «НИО.2: что сегодня?» Здесь приводятся результаты анализа наших успехов и проблем в развитии, касающихся технологических, институциональных, управленческих, социальных, научно-образовательных, инновационных, внешнеэкономических, региональных, инвестиционных, ресурсных и иных аспектов.

При этом, говоря о практических шагах по формированию новой социально-экономической модели, нельзя, как мы уже указывали выше, обойти вниманием вопрос теоретического осмысления как самой этой модели, так и политики перехода к ней, осуществления связанных с этим трансформаций. Этим проблемам посвящены 4-я и 5-я части представляемых вниманию читателей материалов. Важно подчеркнуть, что в 2019 году был издан учебник профессора С.Д. Бодрунова «Общая теория ноономики», а соответствующие пионерные учебные курсы включены в программы обучения ряда российских университетов.

Это позволяет надеяться, что к исследовательской программе в этой перспективной области будут подключаться молодые специалисты, не зашоренные традиционализмом mainstreama. А значит – можно рассчитывать на новые теоретические находки и эмпирические обобщения, новые идеи и

дальнейшее развитие теории НИО.2 и Ноономики, в том числе в ее взаимосвязи с экологическими, глобализационными, философскими и иными аспектами.

Перечисленные выше и многие другие вопросы являются предметом исследований и дискуссий постоянных участников семинаров Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте (Бодрунов С.Д., Бузгалин А.В., Гринберг Р.С., Десаи Р., Фриман А., Золотарев А.А., Клейнер Г.Б., Колганов А.И., Котц Д., Ленчук Е.Б., Лэйн Д., Плотников В.А., Рязанов В.Т., Сорокин Д.Е., Ткаченко Е.А., Хубиев К.А. и другие известные российские и зарубежные специалисты).

Публикацией данного сборника трудов мы приглашаем читателей к продуктивной и конструктивной дискуссии по кругу рассмотренных в нем проблем, а также к активному сотворчеству в разработки новых и перспективных разделов современной экономической теории, связанных с теоретическим осмыслением концепции Нового индустриального общества второго поколения и Ноономики.

Золотарев А.А., к.э.н.

Плотников В.А., д.э.н., проф.

Часть 1.

**НИО.2: концептуальные основы
и российские практики
(материалы Санкт-Петербургских
семинаров ИНИР им. С.Ю. Витте)**

МАТЕРИАЛЫ
научного семинара ИНИР им. С.Ю. Витте «Генезис нового
качества общественного развития: от нового
индустриального общества второго поколения к ноономике»

(11 октября 2019 г., Санкт-Петербург)

11 октября 2019 г. в Санкт-Петербурге состоялся очередной научный семинар Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте по теме «Генезис нового качества общественного развития: от нового индустриального общества второго поколения к ноономике».

Основные проблемы, вынесенные на обсуждение:

- преобразование экономического общества в неэкономическое;
- структура производства в эпоху ноономики;
- роль и место человека в новом производстве;
- социальные аспекты изменений в общественном устройстве;
- культура как ограничитель симулятивных процессов.

С основным докладом выступил д.э.н., профессор, директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества России, Президент Международного Союза экономистов С.Д. Бодрунов.

В рамках семинара состоялась презентация и обсуждение учебника «Общая теория ноономики» (автор – С.Д. Бодрунов).

На семинаре выступили:

А.И. Колганов – заведующий лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, д.э.н., профессор;

С.А. Толкачев – первый заместитель руководителя Департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве РФ, д.э.н., профессор;

В.Т. Рязанов – заведующий кафедрой экономической теории экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, д.э.н., профессор;

Л.А. Булавка-Бузгалина – профессор Центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, д.э.н., профессор;

Д.Б. Эпштейн – главный научный сотрудник Северо-Западного НИИ экономики сельского хозяйства РАСХН, д.э.н., профессор.

Модератором семинара выступил А.В. Бузгалин – руководитель московского отделения Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, профессор кафедры политической экономики МГУ имени М.В. Ломоносова, д.э.н., профессор.

**Стенограмма
научного семинара ИНИР им. С.Ю.Витте
«Генезис нового качества общественного развития: от нового
индустриального общества второго поколения к ноономике»**

11 октября 2019 г.

Начало: 10.00.

Организатор мероприятия: Институт нового индустриального развития им. С.Ю. Витте.

Руководитель научного семинара – директор ИНИР им. С.Ю. Витте, д.э.н., профессор С.Д. Бодрунов.

Модератор семинара – руководитель Центра современных марксистских исследований МГУ имени М.В. Ломоносова, руководитель московского отделения Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, д.э.н., профессор А.В. Бузгалин

Бузгалин А.В.: Здравствуйте, коллеги! Мы ведем себя немножко неприлично для интеллигенции, интеллигентные люди, говорят, должны всё начинать с опозданием на 15 минут, во всяком случае в России. Но, тем не менее, сейчас 10 часов, мы будем пунктуальны, поскольку сегодня у нас очень интересная, хотя и традиционная, встреча. Я думаю, что все, кто пришёл сюда, захотят выступить, но выступить удастся далеко не всем, я предупреждаю сразу. Тут противоречие неизбежное между желанием услышать содержательные и развернутые сообщения, с одной стороны, и желанием что-то высказать, с другой стороны. Я представлюсь: Бузгалин Александр Владимирович, профессор МГУ, в данном случае я выступаю в качестве научного руководителя Московского отделения Института нового индустриального развития имени Сергей Юльевича Витте и в качестве вице-президента Вольного экономического общества России, чем я весьма горжусь.

Я рад открыть очередное заседание нашего семинара. Я хочу подчеркнуть – очередное заседание нашего постоянно действующего семинара. Мы в этих замечательных апартаментах (я даже не могу сказать, что это просто зал) встречаемся далеко

не первый раз, и серия дискуссий продолжает тему, которая становится всё более и более актуальной, дискуссий, посвященных тому, как происходящие на наших глазах качественные технологические изменения сказываются на общественном развитии и, даже более того, вызывают мощные новые интенции и новые противоречия в экономике, обществе и в бытии человека. Вот такой немножко философский дискурс на нашем семинаре тоже всегда присутствует, он, семинар наш, по определению – междисциплинарный.

Сейчас я хотел несколько слов сказать о нашей повестке дня. Мы откроем наши размышления, размышления вслух, в диалоге, с видеопрезентацией, которая была подготовлена для серии международных встреч. У неё есть англоязычная версия, есть русскоязычная версия, для книг, кстати, будет ещё и немецкая, и испанская, возможно, португальская. То есть мы так идём не только вглубь, но и вширь, и эта презентация показывает основные реперные точки темы и основные реперные точки разработки проблемы профессором Сергеем Дмитриевичем Бодруновым. Я затем попрошу, с вашего разрешения, Сергея Дмитриевича кое-что дополнить, он любезно согласился прокомментировать основные положения, сделать какие-то дополнительные акценты, поскольку ученый так устроен, что он не может остановиться, даже когда он достиг уже, казалось бы, всего, что ему нужно, но всё равно надо что-то сделать ещё, что-то покритиковать в самом себе, что-то дальше продвинуть. Поэтому сегодня будет вот такая дополнительная, развивающая основные идеи часть нашего семинара.

Мы пригласили для участия в нашей сегодняшней дискуссии известных профессоров, которые выступают со своими комментариями, профессоров, которые с разных сторон смотрят на проблему. Андрей Иванович Колганов из МГУ – это политэконом старой закалки. Наверное, он не обидится, если я выдам страшную тайну, которую знают все, что он марксист – таковым был и остался. Это – один взгляд. Профессор Сергей Александрович Толкачёв – это Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, он автор целой серии работ по проблемам влияния технологических изменений на экономику. Записавшийся с докладом Карен Хачикович

Момджян – философ из МГУ, вчера поздно вечером позвонил мне, что ему стало как-то не очень хорошо, приболел, к сожалению. Он не смог приехать, но сказал, что обязательно напишет текст, потому что его очень заинтересовала эта тема, и он как-то вот так был очень расстроен тем, что у него не получилось приехать. Какие-то из своих тезисов он мне назвал, я по ходу дискуссии их озвучу. Виктор Тимофеевич Рязанов – представитель СПбГУ, всем питерцам он хорошо известен, в представлении не нуждается. А москвичам ещё больше, да, то Вы, Сергей Дмитриевич, сняли мои слова с языка, что называется. Людмила Алексеевна Булавка – профессор, философ, занимающаяся проблемами философии культуры, профессор Московского государственного университета. Я надеюсь, что выступит в нашей дискуссии Давид Беркович Эпштейн, профессор, доктор наук, которого мы тоже хорошо знаем по-нашему семинару.

Дальше будем ориентироваться по обстановке, что у нас получится со временем, потому что мы в принципе должны были бы всё закончить в 12:00. Два маленьких секрета: я уже сказал, что обсуждаемая теория, работа профессора Бодрунова, вызвала широкий интерес, и сегодня это уже не просто книга, с которой мы были знакомы. Даже, собственно, две книги, на самом деле: “Новое индустриальное общество второго поколения”, которую мы обсуждали, и “Ноономика” – мы тоже обсуждали и эти доклады, и эти книги. Сейчас – это уже учебник “Общая теория ноономики”, и буквально вот только что я говорил с деканом философского факультета МГУ член-коррпом РАН Мироновым, и он сказал, что факультет будет очень рад, если будет представлен межфакультетский курс на базе этого учебника для преподавания студентам Московского государственного университета. Я знаю, что курс уже начинает читаться и в регионах России, и в Питере, и вот в Москве в МГУ будет читаться, поэтому мы включаемся в этот процесс.

Я понимаю, что всем хочется получить учебник, но в данном случае мы поступили несколько злодейски по отношению к интеллигентной аудитории. Дело в том, что, если интеллигентному человеку дается в руки книга, то он дальше (вот видите Андрея Ивановича Колганова, нет, Андрей Иванович не

смотрит, Андрей Иванович смотрит на компьютерную версию, это Сергей Александрович уже смотрит книгу, хотя и видел ее уже, кажется), то есть, если людям интеллигентным дать книгу, они больше ничего не будут делать, они будут читать книгу. Поскольку у нас все-таки семинар, а не коллективное чтение книги, то мы решили поступить несколько жестоко. Вы сможете получить этот учебник не в начале, а после его презентации и семинара, и, я надеюсь, что Сергей Дмитриевич найдёт всё-таки 5 минут для того, чтобы поставить автограф на этой книге, в конце сделаем такую маленькую автограф-сессию, если у нас хватит на это сил, времени и всего остального.

За сим я заканчиваю небольшое вступление, у нас даже никто не опаздывает, за исключением пары профессоров, и мы можем, наверное, перейти далее. Молодой человек, пожалуйста, будьте добры, включайте видеотрансляцию.

Представляется видеопрезентация учебника «Общая теория ноономики» (текст видеопрезентации прилагается).

Бузгалин А.В.: Мы посмотрели фильм, который, на мой взгляд, и очень точно представляет ключевые идеи, и красиво, но главное всё-таки – это содержание всегда, а не форма. Я буду рад и попрошу Сергея Дмитриевича Бодрунова несколько прокомментировать и то, что мы уже увидели, и то, что написано в учебнике, и дополнить, может быть, какими-то акцентами, соображениями. Как Вы сочтете нужным.

Бодрунов С.Д.: С места?

Бузгалин А.В.: Где вам удобнее, Сергей Дмитриевич, если на трибуне удобнее, то можно на трибуне, если удобнее здесь, то можно здесь. Давайте попробуем на трибуне, хорошо.

Бодрунов С.Д.: Это место на трибуне Дома ученых рассчитано на великих людей.

Бузгалин А.В.: Тут просто вообще не рассчитано никак, тут просто оно как стоит, так и стоит, Сергей Дмитриевич.

Бодрунов С.Д.: Да, но, с другой стороны, зато хорошо, что на трибуне текст не очень видно, придется выступать так, не прямо по тексту. Александр Владимирович, спасибо большое за презентацию этого материала. Уважаемые коллеги, я думаю, что

на самом деле для многих из вас, большинства из вас, то, что сегодня показано, сейчас представлено, это уже не очень большая новость. Новость только, по большому счету, в том, что сформированы, укомплектованы эти идеи и мысли уже в виде учебного материала. Я не обольщаюсь, что этот материал – идеальный по форме и содержанию, ему только несколько всего дней с момента выхода из печати, да и делался он быстро и очень оперативно, чтобы успеть к началу чтения упомянутых Александром Владимировичем курсов. Поэтому, наверное, можно найти в нём, если внимательно почитать, какие-то шероховатости, недостатки и прочее. Но, тем не менее, я попытался всё-таки в этом материале основные идеи изложить. Почему? Потому что, во-первых, возникла необходимость сделать некоторое обобщение и популярное изложение базовых идей, которые прорабатывались у нас на семинарах, где вы присутствовали при этом много лет, и по крайней мере в последние годы мы неоднократно обращались к этому материалу в той или иной форме.

Но, кроме этого, конечно, состоялось много и нового, после того, как отрабатывались эти идеи в статьях, здесь у нас на семинарах, в научных коллоквиумах ИНИРа – Александр Владимирович особенно активен на коллоквиумах был, он задавал тон обсуждению очень часто. Кроме этого, после выхода базовых книг у нас было большое представление материалов по индустриальному обществу второго поколения, по ноономике, с развитием теоретической концепции, в разных вузах, на научных советах, в разных сообществах экспертных, международных и так далее. Вы знаете, мы на Санкт-Петербургском экономическом конгрессе об этом говорили неоднократно. Я выступал с лекциями и докладами в Кембридже, Александр Владимирович представлял материал в Нью-Йорке, докладывался материал в Пекине, в Москве и в разных городах России. Кроме того, в ходе этих обсуждений было предложено написать именно такое, более популярное изложение, что ли, чтобы можно было давать этот предмет не на уровне профессорского состава (изучать, смотреть), а всё-таки, учитывая его многофункциональность, «долгоиграющий» и междисциплинарный характер и прочее, привлечь к этому делу

студенческую аудиторию, аспирантов, молодых исследователей. Тем более, что студенты, например, в Московском университете – очень активны, интересуются, и поэтому, и в связи с этим мне было предложено написать все-таки некий учебник.

Сначала я сопротивлялся, учитывая то, что у меня сейчас занятость огромная, я возглавляю Вольное экономическое общество России, где постоянно идут мероприятия, надо делать доклады, выступать, модерировать сессии экспертов высокого уровня. Но, тем не менее, мы всё-таки договорились с моими коллегами по институту, за лето скомплектовали наработанные материалы, поработал я над ними какое-то небольшое относительно время, и вот уже родился такой учебник. Еще одна важная вещь: он не только для студентов, он также и для любого, кто хочет просто ознакомиться с идеями ноономики. Потому что, к моему удивлению, уже осенью прошлого года я обнаружил в интернете вебинары по ноономике, которые ведут совершенно неизвестные мне люди. Я не уверен, что они хорошо понимают сами идеи и принципы, изложенные во всем этом моем материале. Очень было много попыток «ухватить» термин ноономика как некий симбиоз механический ноосферы и экономики. И даже наши, не буду называть фамилии, довольно большие учёные, которых я, в общем-то, нещадно покритиковал за то, что они так подошли, они тоже так как-то в том же ключе пытались интерпретировать само понятие этого подхода, этого термина.

Короче, возникла необходимость в пояснениях и интерпретации.

Поэтому, собственно говоря, появился учебник. Я думаю, что не открою большой тайны, если скажу, что я действительно начну этот курс впервые именно в Уральском университете по простой причине – потому что я там почётный профессор. Это – крупнейший экономический университет, 16 тысяч студентов обучает из многих десятков стран, и мне лестно и приятно эту почетную миссию выполнить. Там уже записалось большое количество студентов, которые готовы на этот курс ходить, и есть уже какая группа людей, которая по этому учебнику начала писать методический материал. Я дистанционно участвую, в конце ноября, надеюсь, выйдет

методическое пособие страниц на 100 для того, чтобы можно было более детально прорабатывать это всё со студентами разных курсов. Но, тем не менее, это всё больше для студентов старших курсов, безусловно – может быть, последний курс бакалавриата и магистратуры, аспиранты и так далее.

Что в учебнике? Он начинается с методологической части. В ней раскрывается мое авторское представление о материальном производстве, продукте, об индустриальном типе производства, и так далее. Однозначно позиция, которая там, собственно говоря, чётко проводится – это то, что индустрия прочно занимает место технологического ядра в современной экономике. Именно её эволюция во многом определяет, во-вторых, сдвиги в социально-экономическом строе общества на протяжении последних 250 лет. И вот этот слайд, который здесь в фильм вмонтирован – это одна из фраз, которая есть в этом учебнике. Как акцент. Он акцентирует внимание именно на этой позиции.

Далее – еще один тезис: развитие современной экономики подводит нас к порогу новой технологической революции. Это – индустрия 4.0, интернет вещей, аддитивные технологии, синтез нано, био, информационных и когнитивных технологий, так называемая NBIC-конвергенция. В последнее время к NBIC прибавилось S, NBICS, совершенно справедливо, социальные науки, на мой взгляд – это абсолютно точно тренд исследования этого процесса и, собственно говоря, движение нашего развития. Я хотел бы сказать, что то, что мы видим, это – не просто переход на следующую ступеньку технологического развития, а то, что отличительной чертой новой технологической революции становится резкий скачок в применении новых знаний. Доля знаниеемких затрат возрастает, доля материальных ресурсов относительно сокращается. Если следовать этой тенденции – мы можем ожидать то, о чём пишется в книгах “Новое индустриальное общество второго поколения” и “Ноономика” – что мы перейдём к уровню производства, когда знания будут в любом варианте – как бы их ни считать, в каких единицах ни пытаться исследовать. Знание становится основным производственным ресурсом. И это во многих отраслях уже сегодня так.

В частности, если взять тот же самый iPhone, то в нём, по оценке самой компании-производителя, до 94% стоимости в сегодняшних ценах – стоимость знания, а остальное – материальные ресурсы. Это – как один из примеров знаниеемкого продукта на современном этапе.

Четвертая позиция, которую я хотел бы тоже обозначить, это то, что для выхода к этому новому качеству производства нужен не только технологический скачок, но и совершенствование всех компонентов современного материального производства. Потому что, кроме технологии, если помните наши семинары, и в первой главе книги об этом тоже говорится, в методологии, что вообще производство – это не один, а четыре компонента, не только технология: это труд, это материальные ресурсы, это организация производства ещё. Обычно, когда говорят о технологическом скачке, то подразумевают, конечно, технологии в первую очередь. На самом деле это далеко не так. Меняется всё материальное производство, и при этом, если говорить широко о технологиях, меняются, собственно, технологии труда, технологии организации производства. В этом плане можно говорить о технологической революции, но, если говорить о традиционном понимании смысла производства, то, конечно, это комплексная такая большая индустриальная революция.

В то же время, если мы понимаем, что это процесс происходит, можно говорить о том, что итогом этой самой революции будет как раз переход в новое состояние нашего развития, и это будет новое индустриальное общество второго поколения (если индустриальную эпоху во времена и в терминах Дж.К.Гэлбрейта считать поколением первым). Именно – индустриальное общество, оно останется индустриальным по сути, потому что оно будет всё равно в основе своей иметь индустриальную деятельность.

Главным источником развития этого производства, однако, выступает, как источник главного экономического ресурса – знания, выступает познание человеком окружающего мира. Откуда мы берём ресурсы: когда-то землю копали, что-то еще делали, сейчас будем «копать» знание, потому что это – основной ресурс, из которого будет происходить всё

удовлетворение наших потребностей, в значительной, базовой части. Новый индустриальный способ производства имеет такую высокую знаниеемкость, которая оттеснит на задний план материальные затраты и затраты человеческого труда, создавая знаниеемкий продукт.

Следующий тезис: рост технологических возможностей удовлетворения потребностей ставит человечество перед дилеммой в цивилизационном развитии. В фильме мы об этом косвенно упомянули, но я хотел бы буквально пару слов сказать, обратить на это внимание. Мы говорим очень часто, что впереди экологический кризис: то пластмассой мы весь мир засорили, то появляются мутанты в зоомире, то исчезают ежедневно целые десятки и сотни видов живых существ, возникают технетические существа, которые плодятся гораздо быстрее, чем природа создавала этот мир. Господь создал всё за 7 дней, но мы, похоже, что (Он творил «с умом»!) творим иногда без ума и гораздо быстрее. Потому что уровень прироста технетических так называемых существ (если говорить о терминологии геозооза и технологических ценозов) растет стремглав, и в этом случае речь идет о том, что, если учесть эти существа и то, как они «живут», то получается, что и эти «существа» (условно говоря, которые существуют, от слова «существовать») – они тоже занимают определенное место в нашем пространстве. Так вот этого места занимают они все больше и больше, вытесняя естественные сущности природы, и сегодня человек, их создатель, уже (если следовать Вернадскому, даже уже в те времена, когда жил Вернадский) стал значимой геологической силой, не говоря о «биологической» силе. А уж если говорить о биологической, то больше существ, которые уничтожили бы живую природу, чем человек, в общем-то, наверное, природа пока не создала. Это ведет серьезному кризису, кризису многих вещей, например, биологическому, или – к геномному кризису, когда люди могут и в себя вмешаться, и создать существа, которые могут быть неподконтрольны, и многое другое.

Что толкает людей на то, чтобы двигаться по этому, я бы сказал, весьма вероятно, губительному пути? На это – отвечает следующий тезис: толкает сегодняшняя экономическая система, в которой главным является, следуя капиталистическим принципам

и основам, является получение прибыли, независимо ни от чего, любой ценой; сегодня это – в первую очередь продвижение симулятивных, ненужных товаров во имя этой прибыли, на производство товаров этих, толкает на разграбление природы бессмысленное (ведь часто не удовлетворяются при этом реальные потребности людей!) и так далее, и тому подобное. О разуме здесь говорить сложно, хотя все считают такой принцип ведения хозяйства разумным (возьмем любой учебник экономики или многие другие учебники, где очень много говорится о том, насколько рационально или нерационально то или иное поведение). По этому поводу у нас в ИНИРе был коллоквиум, где мы разбирали, что такое «рацио» и что такое «разум». Мы удостоверились (по крайней мере у нас здесь пришли к такому выводу), что это разные вещи.

Я бы хотел сказать, что такое развитие всегда, в общем-то, так или иначе приводило к каким-то кризисам, когда человек делал нечто, что никак чему-то не соответствовало. Я попробовал поизучать эти вещи с точки зрения такой историко-философской, и, некоей мере – опираясь не только на марксовскую теорию общественно-экономических формаций, но и на других специалистов, которые писали в свое время по этому поводу: на Шпенглера, Тойнби и так далее. Я пришёл к выводу, что, в общем-то, наверное, всякая смена таких – они говорили «цивилизаций» (я считаю, что – этапов развития нашей общей цивилизации) связана с вызовами, с которыми человек сталкивается в своём развитии. Естественными природными вызовами, другими вызовами. У нас, в данном случае, таковым является не геологическая катастрофа, как это бывало во времена оны, не какие-то природные явления (засухи, мор, голодовка, золотуха и прочие вещи); нынешний вызов – это научно-технический, технологический прогресс сегодняшний. И дилемма сейчас выглядит так: либо общество не сумеет направить возможности, которые предоставляет техническая революция, на своё совершенствование, увлечется ложными целями и ценностями, усугубит негативные тенденции современной цивилизации вплоть до утраты человеком своей собственной сущности – либо человечество сумеет реализовать

переформатирование нынешних цивилизационных установок. Только так.

Следующий пункт: о каком переформатировании можно говорить? Речь идёт как раз о переходе на этап разумного ведения хозяйства, на нооэтап. На этом этапе ноопроизводство, будучи отделено от человека, от общества, по своим целям и задачам остаётся подчинённым обществом. С развитием ноообщества, с переходом к ноопроизводству и ноопотребностям, происходит и переход от экономической рациональности к новой, и этот новый характер рациональности и, соответственно, новая определенность целевых установок развития приобретает первостепенное значение и служит основой изменения характера общественных отношений. Место экономики, тем самым, займёт ноономика. В основе ноономики лежит неэкономический тип удовлетворения человеческих потребностей, которые сформируются через новое качество производства, в котором человек станет, в соответствии с предвидением Маркса, «по ту сторону собственно материального производства». Кое-что об этом в фильме фильмоскоп наш показал.

Следующая позиция. Я думаю, что на это стоит обратить более пристальное внимание, потому что в видеофильме об этом тоже очень косвенно сказано, тем более учитывая, что у нас на семинаре находится великолепный философ, специалист в области философии культуры, Людмила Алексеевна Булавка. Спасибо большое, что приехали. К сожалению, не доехал до нас профессор Момджян, но он прислал нам свои заметки; он тоже серьёзный специалист, его заинтересованность в нашем семинаре меня, честно говоря, тоже порадовала. Я должен особо сказать, что вся эта конструкция, предусмотренная в теории ноономики, может развиваться только тогда, когда человек параллельно одним знаниям (в частности, технологическим знаниям и прочим научно-естественным) будет усваивать и другие знания, осваивать другие знания. Что именно? Именно – знание и познание мира как мира культуры, как мира самоограничения, самоограничения вот этих самых потребностей. В свое время человек «вышел из природы», и понимаете, можно привести примеры как бы естественного «зоо»-подхода человека к

удовлетворению потребностей своих; говорят, что очень сложно просто человеку преодолеть себя, невозможно отказаться от своих «природных» установок: вот я хочу больше сегодня, сейчас, и так далее, и тому подобное. Отсюда этот, я считаю, «зоо»-подход: вот съесть и не дать никому размножаться на этой территории, это моё. Как собака (или животное какое-то), извините, вот он свою территорию занял, пометил – все, не тронь. Отсюда, на базе такого подхода, даже основные наши общественные институты возникли, некоторые специалисты полагают, что так и государство образовалось. Одной из причин появления феномена государства было тоже «огораживание» территории, которая наша, моя, нашей нации, нашего сообщества, и так далее, и тому подобное. Я далек от того, чтобы утрировать, привожу это просто для иллюстрации, но тем не менее – что-то в этом есть.

Но ведь существует еще, кроме «зоо», наш разум, существует «ноо». Человек может и в состоянии научить себя не требовать того, что наносит ему самому вред. Наркотики. Обжорство для диабетика. Миллионы людей ежедневно демонстрируют такой подход на, если можно так выразиться, микроуровне. Нужно человеку осознать этот вред, нужно понять, что плохо, а что хорошо и для него, и для общества, каковы интересы других людей, и что плохо, и что хорошо и для них, и что для этого, чтобы хорошо было, а не плохо, надо делать. Ведь было очень много примеров, когда люди идут на самопожертвование, они отказываются от многих вещей, вплоть до того, что отказываются от своей собственной жизни, если на то пошло. И говорить о том, что человек такой вот просто зверь, я считаю, абсолютно нерационально и неправильно. Человек – это человек, и чем дальше он развивается, тем больше он ноочеловек, а не зоочеловек, не биочеловек. Поэтому что, если мы будем идти преимущественно зоо-путем, мы, извините, сожрем планету, среду обитания, ухудшим для своих детей будущее, и так далее. Это – важное знание. Сакральное пока для массового осознания, но приоткрывающееся для тех, кто более-менее продвинул. Человек это осознает – рано или поздно, если мы будем заниматься и этим развитием людей, а не только технологическим.

К сожалению – и это следующий тезис, – сейчас наблюдается этот разрыв: технологии идут гораздо быстрее, чем то, что называется повышением уровня культуры и пониманием человеком – что можно, а что нельзя. Великие люди, которые создали атомную бомбу, осознали, что применять ее нельзя, и делали некоторые шаги, о которых мы все знаем, чтобы этого не произошло и не случилось. И хотя бомбу изобрели и у нас, и неизвестно, насколько помогли нам те люди, которые изобрели ее в другом месте, но, тем не менее, применения её не было после варварских актов в Японии, когда Соединенные Штаты ее применили. Я считаю, что это – показательные примеры (Карибский кризис и так далее), когда люди смогли договориться и найти способы устранения возникающих угроз и опасностей, связанных с возможностями технологическими, которые даёт сегодняшний мир.

Последний тезис, на который я бы тоже хотел обратить внимание, здесь в фильме об этом не говорилось, но думаю, что это важно. Мы – Россия, россияне. У нас собственная страна, собственная сейчас, на данный момент, экономика, у неё есть свои особенности. Я долго могу критиковать сегодняшнюю экономическую политику, думаю, что ближайшее время, если кому-то повезет и он захочет приехать, я приглашаю, буду выступать по этому поводу, по поводу сегодняшней экономической политики на Всероссийском экономическом собрании в День экономиста, 11 ноября. Планируем сделать обсуждение этой проблемы и в Отделении общественных наук Российской академии наук, я буду там делать доклад. В Москве мы каждый год такие мероприятия проводим. Так что, думаю, об этом мы еще поговорим.

Но мы все понимаем, что проблем сегодня много, они проистекают от той экономической политики, которая сегодня проводится, и которая далеко не во всём и не всегда, в нашем понимании, осуществляет верные меры по развитию России. Но ведь, понимаете – до этапа НИО.2, и тем более – ноономики, до этапа решающих преобразований (а они грядут!), до того, как это наступит некий новый уклад нашей жизни, пройдет большое время, определённое время, которое трудно оценить в километрах или годах. И всё это время – это время

существования пока еще нынешнего, экономического общества. Но экономическое общество – это и конкурентное общество, где есть лидеры, а есть отстающие. И если мы, Россия, чувствуем нашу (извините за пафос) историческую миссию (а мы всегда её чувствовали) – быть такими лидерами в таком развитии, нооразвитии (и отсюда и проистекают, предполагаю, и многие наши беды, и многие наши желания, и многие наши трансформации и так далее), то мы должны понимать, что мы не должны отставать сегодня в экономическом развитии. Потому что сейчас тот силен, у кого есть мощная экономика, в которой знание становится всё более и более важным фактором. Поэтому развивать надо сегодняшнее индустриальное производство, надо проводить сегодняшние высокотехнологические исследования, надо развивать науку – и развивать одновременно человека с новыми ценностными установками, осуществлять формирование людей с помощью (может быть, я немножко оболъщаюсь) подобных обсуждаемому курсов, объясняя людям, что делать можно и нужно будущему инженеру, менеджеру, специалисту, а что делать нельзя для того, чтобы наша Родина была не на последнем месте.

Спасибо.

Бузгалин А.В.: Спасибо большое, Сергей Дмитриевич. Мы переходим к обсуждению. Но прежде мне хотелось бы подчеркнуть несколько тезисов, которые, на мой взгляд, требуют постановки в центр внимания в нашем обсуждении. Один из них – это та полемика, которая, похоже, начинается. Мы с Сергеем Дмитриевичем часто спорим по разным вопросам, он критикует Бузгалина за чрезмерную марксистскость, если так можно высказаться, а я, соответственно, обороняюсь и пытаюсь сказать, что марксистская теория объясняет если не все, то почти всё. Но в данном случае прозвучала достаточно серьезная и важная интенция, касающаяся необходимости использования того подхода, который заложена Тойнби, Шпенглером и их последователями для объяснения современных изменений. Я думаю, что этот дискурс, этот аспект станет новым витком в обсуждении наших проблем.

Второй момент, который я хотел бы подчеркнуть, это тоже скорее философский тезис: переход от зоо к ноо. Звучит

несколько публицистично, но за этим скрыт довольно глубокий, я бы сказал – просто глубокий, социально-философский смысл, контент. Не случайно на эту тему опубликована статья профессора Бодрунова в журнале “Вопросы философии” – обратите внимание. Просто экономическая публика редко читает философские работы, а философская публика еще реже читает экономические работы. Если ты работаешь на стыке разных наук, то ты как-то оказываешься в очень сложном положении на самом деле. Но вот эта тема очень важна, потому что роль знания, роль разума, роль человека в новом экономическом бытии – это постановка, которая требует принципиального изменения. 90% сегодняшних экономистов заиклены на том, что давно было названо рыночным фундаментализмом, и те, кто говорит об экономике с точки зрения производства и технологии, социальных отношений, человека, смыслов развития, как бы выпадают из вот этой монетаристской парадигмы и вызывают иногда недоумение, иногда жесткую критику. А вот нам очень важно этот аспект, мне кажется, развивать и подчёркивать.

Ну и последний момент, который мне хотелось бы, чтобы мы подчеркнули. Все эти, казалось бы, абстрактные философские тезисы оказываются очень жестко связаны с выбором путей развития нашей с вами страны. Потому что, если мы говорим: знаниеемкое материальное производство, – мы должны сказать, что нам необходимо образование не для элиты, а образование, в котором большинство граждан России будет людьми, обладающими креативным творческим потенциалом. Это – сразу жёсткая постановка. Если мы говорим о том, что нам надо развивать знаниеемкое материальное производство (последний слайд, который представлен в сообщении Сергея Дмитриевича), то в этом случае нам надо понять – а каким образом будет обеспечен приоритет высокотехнологичного знаниеемкого производства? Тут же вылезет стратегическое планирование и активная промышленная политика – от этого никуда не денешься просто. То есть любой вот этот социально-философский, экономико-философский тезис оказывается абсолютно жёстко завязан на принятие решений в области экономической политики. Нет ничего практичнее хорошей теории (ну извините, у меня опять тут марксистские уши

вылезли). Да, знаменитый тезис, но это не потому, что кто-то сказал, а потому, что это действительно правда.

Я думаю, эти моменты нам важно подчеркнуть, и поскольку Карен Хачикович Момджян, к сожалению, не здоров (мы все не очень молоды, и периодически случаются проблемы), он просил передать два аспекта, которые он хотел осветить сегодня. Возможно, они будут как-то раскрыты в других выступлениях. Аспект №1 касается целостности изменения технологий экономики и общества человека. Принципиальный акцент, который он хотел сделать, и которой он вынес из диалога с работами Бодрунова – это акцент на целостности этих изменений. У нас как-то каждый про свое пишет обычно. А здесь наш коллега видит как раз такой целостный подход. Это очень значимо. И второй акцент (это тема исследования профессора Момджяна) – это проблема прогресса и измерения прогресса в условиях, когда надо каким-то образом соединить (помните, «в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань») два разных аспекта. Вот видите, у меня даже «осел» вылез куда-то не туда, сложная тема, клинит. В данном случае нам надо как-то сопрячь в одном, в едином понимании прогресса, тему технологии, человека, общества и еще экономической эффективности.

Но это скорее была проблема постановки данной задачи, решения ее, во всяком случае, Момджян мне никакого не высказал, я не уверен, что оно есть на самом деле уже готовое, но вот этот доклад продуцирует этот поиск. Мне кажется, какие-то аспекты этого решения мы найдём и, может быть, даже не только какие-то аспекты, а просто компоненты решения мы найдём в тех работах, которые мы сегодня обсуждаем. Я просто специально выступать не буду, поэтому позволил себе такой небольшой комментарий.

Сейчас давайте перейдем к дискуссии. Я прошу придерживаться регламента – где-то так в 10-15 минут. Первое слово – Андрею Ивановичу Колганову, доктору экономических наук, профессору, заведующему лабораторией сравнительного анализа экономических систем экономического факультета МГУ имени Ломоносова. Подготовиться Сергею Александровичу Толкачеву.

Колганов А.И.: Добрый день, уважаемые коллеги. Я назвал своё сообщение “Концепция ноономики как методологическая платформа прогностических социально-экономических исследований”.

Что позволяет мне рассматривать концепцию ноономики именно как научную методологическую платформу для дальнейших исследований? Тот факт, что она опирается на обобщение целого ряда реальных объективно сложившихся тенденций технологического и социально-экономического развития. Та технологическая тенденция, из которой исходит концепция ноономики, как уже здесь подчеркивалось, это повышение знаниеинтенсивности современного производства, повышение знаниеемкости производимого продукта, прогрессирующее вытеснение человека из материального производства и повышение роли научных знаний и информации в технологическом развитии, что ведёт, соответственно, к углублению интеграции производства науки и образования. Кроме того, в прагматическом плане очень важно значение исследования в рамках концепции ноономики таких тенденций, как возрастание в ходе технологического развития ресурсной нагрузки на природную среду, и расширение возможностей прямого вмешательства в природу человека.

Рост технологического могущества человека одновременно оборачивается и возрастанием рисков, которые угрожают и существованию человека, и утратой им своей собственной природы. Вот эти тенденции, которые отмечаются в работах Сергея Дмитриевича, они находят полное подтверждение в тех реальных процессах развития пятого и шестого технологического укладов, которые мы наблюдаем сейчас. Все эти новые технологии совершенно очевидно обладают более высокой знаниеемкостью, чем технологии предшествующего этапа. Помимо этого, эти технологии характеризуются синергией различных отраслей научного знания в соответствии с происходящими процессами конвергенции технологий и формированием гибридных технологий. Именно этот рост знаниеемкости и эффекта синергии и конвергенции технологий как раз и обеспечивает одновременно понижение материалоемкости и энергоёмкости выпуска продуктов и услуг.

Мы видим на примере, скажем, аддитивных технологий, которые развиваются на основе использования технологий 3D-принтирования, что эти знаниеемкие технологии позволяют значительно снизить материалоёмкость, создать высокую степень безотходности производства. Подобным же ростом знаниеемкости характеризуются такие новейшие тенденции, как создание так называемых умных фабрик, использование промышленного интернета вещей, применение технологий искусственного интеллекта, применение способов управления технологическими процессами на основе автоматической обработки больших массивов информации, поступающих от встроенных датчиков. Кроме того, все эти тенденции обеспечивают вытеснение человека из непосредственного производства при возрастании роли творческой деятельности человека и функции целеполагания.

То же самое, что я говорил здесь про аддитивные технологии, можно сказать и про новейший биотехнологии, про нанотехнологии, квантовые технологии, и так далее. Все современные технологии базируются на росте знаниеемкости производства и обеспечивают снижение, соответственно, материальной ресурсоемкости и вытеснение человека из процессов непосредственного производства.

Социально-экономические тенденции современной эпохи, развивающиеся на основе этого технологического прогресса, носят весьма противоречивый характер. С одной стороны, мы видим растущие технологические возможности удовлетворения потребностей человека, но, с другой стороны, мы видим и разбухание фальшивых, иллюзорных, навязанных потребностей – при том, что для части человечества даже их насущные витальные потребности толком не удовлетворяются, а социальная поляризация растет. С одной стороны, происходит развитие методов сознательного регулирования социально-экономических процессов, но с другой стороны стихия рыночных процессов по-прежнему способна подрывать, расшатывать эти усилия, ввергая хозяйственную систему человечества в очередной кризис.

Развиваются процессы глобализации мирового хозяйства, что отражает объективную потребность в интернационализации

производства, в росте взаимосвязанности и взаимозависимости мира. Но, опять же, с другой стороны, мы видим, что глобализация используется как инструмент борьбы некоторых влиятельных государств и сверхкрупных капиталистических группировок за мировую гегемонию. Финансиализация мирового хозяйства, с одной стороны, обеспечивает сверхбыстрое перемещение капитала в максимальной ликвидной форме, тем самым расширяя возможности управления процессами структурной и технологической перестройки производства. Но, с другой стороны, она привела к разбуханию финансовой сферы, оттягивающей из сферы производства реальные ресурсы и способной дестабилизировать реальный сектор экономики.

Вот эти противоречивые процессы нашли отражение в тезисе о том, что сейчас мы вошли в ситуацию новой нормальности, и сам по себе этот тезис на самом-то деле выступает как замаскированная стыдливая констатация происходящего расшатывания основ мирового хозяйства. Возрастает волатильность рынков, ослабевают традиционные рычаги государственного регулирования, снижается уровень инвестирования в производство, падают темпы экономического развития и фактически заморожен рост благосостояния населения. Таким образом, с развитием технологий, с эволюцией современной экономической институциональной системы мы видим как нарастание новых возможностей развития, так и нарастание угроз. Это заставляет нас всерьез относиться к выводу о приближении кризиса современной цивилизации, о приближении точки бифуркации, что настоятельно требует от нас поиска форм разрешения обостряющихся противоречий развития.

Именно на основе констатации этих фактов Сергеем Дмитриевичем делается вывод о том, что существует необходимость и объективная тенденция перехода к следующему поколению нового индустриального общества, которая бы обеспечило нам потенциал выхода из этих противоречий. И новое индустриальное общество второго поколения реконструируется в концепции профессора Бодрунова как раз как вывод из анализа и тех возможностей, которые сейчас существуют в развитии, и тех противоречий, которые создаются

современным этапом развития человеческой цивилизации. Хотя переход к новому индустриальному обществу второго поколения открывает возможности существенно смягчить указанные противоречия, однако их полное преодоление требует качественного преобразования всего устройства современного общества и, естественно, способов его хозяйственной деятельности – как в силу того, что мы видим новые возможности, создаваемой технологическим развитием, так и в силу того, что эти возможности в рамках современного экономического устройства неизбежно влекут за собой разрушительные тенденции.

Фактически требуется выход не просто за пределы капиталистической общественной системы, а выход за пределы экономического общества вообще. Надо сказать, что прогноз наступления посткапиталистического и постэкономического общества достаточно давно был сделан в марксистской традиции, но надо сказать, что концепция будущего общества у профессора Бодрунова отличается от этого марксистского прогноза по целому ряду направлений. Во-первых, в концепции ноономики даётся развернутая характеристика той технологической основы, которая делает возможным переход к постэкономическому обществу, выход за пределы экономической необходимости и экономической рациональности. Правда, должен сказать, что некоторые современные марксистские разработки в отношении оценки технологических изменений сближаются с данной позицией. Во-вторых, на основе анализа этой технологической основы Сергей Дмитриевич Бодрунов делает вывод, который в классическом марксизме прямо не формулировался, о том, что вместе с выходом человека из непосредственного участия в материальном производстве отмирают также и отношения людей по поводу участия в этом производстве, то есть производственные отношения. Не будет в ноономике на ноообщественном этапе развития производственных отношений людей.

Наконец, в-третьих, Сергей Дмитриевич Бодрунов реконструирует тот способ, которым будет регулироваться хозяйственная деятельность после выхода человека из непосредственного производства. В марксизме такой концепции

до сих пор нет. А с его точки зрения, это будет система направляющих и целеполагающих воздействий человека по отношению к относительно автономной безлюдной техносфере, функционирующей на основе самоорганизации деятельности технетических существ.

четвёртых, в концепции ноономики развивается тезис о новой критериальной основе хозяйственной деятельности в условиях ноономики. Эта критериальная основа будет определять цели производства, формирование и удовлетворение потребностей людей, и она будет вырастать из изменений природы деятельности самого человека, которое во все большей степени будет сосредоточено в сфере творчества, в процессе познания и в процессе технологического применения нового знания. Такая творческая природа основной деятельности человека обусловит и изменение структуры его потребностей, которые будут ориентированы не на добычу и поглощение возможно большего объема средств существования, а на обеспечение средств развития самого человека, на возвышение человеческой культуры во всех ее проявлениях.

Соответственно, именно эти культурные императивы и станут основным внутренним критерием, определяющим цели производства, формирование и удовлетворение потребностей. Насыщение потребностей при этом будет оцениваться не так, как сейчас, не по объемным показателям – насколько большой объём всего мы смогли потребить (с пользой, без пользы – неважно). Насыщение потребностей будет оцениваться по степени удовлетворения конкретных рационально определяемых человеком потребностей, направленных на его собственное развитие. Вот если мы можем эти конкретные потребности удовлетворить, значит мы работаем успешно. Вопрос не в том, сколько мы потребили, а в том – удовлетворили мы свою потребность или нет.

Такой прогностический взгляд на перспективы развития человеческого общества даёт нам методологические и теоретические предпосылки для постановки очень широкого спектра исследовательских задач. В число таких задач входит, скажем, изучение промежуточных этапов движения к новому индустриальному обществу второго поколения и к ноономике, и,

соответственно, изучение закономерностей формирования, эволюции и смены таких этапов. Кроме того, актуальной становится оценка и ближайших перспектив социально-экономического развития с точки зрения их соответствия или несоответствия магистральному стратегическому направлению развития на новую ступень существования общества, на новую ступень человеческой цивилизации. Это затрагивает и определенное понимание направления развития технического прогресса, и необходимых для этого изменений социально-экономических институтов, экономической политики и в целом общественного устройства.

С этой точки зрения реиндустриализация России на высокотехнологической основе, о которой профессор С.Бодрунов также пишет много лет, предстаёт не только как необходимость настоящего, но и как императив, вытекающий из понимания будущего.

Бузгалин А.В.: Эти часы намекают, что 10 минут закончились, так что можно ещё пару-тройку минут.

Колганов А.И.: Хорошо. Реиндустриализация в этом смысле нам необходима не только для ускорения темпов развития экономики, не только для усиления ее конкурентных позиций в мировом хозяйстве и для подъема благосостояния населения, она необходима с точки зрения создания необходимых предпосылок для движения на следующий этап общественного развития. Если мы не собираемся вечно находиться в положении догоняющих более развитые державы, нам надо поставить своё развитие таким образом, чтобы при данных объективных ограничениях выйти на самые передовые рубежи, определяемые как раз стратегическими перспективами эволюции общества. Это требует и выстроенной определённым образом политики технологической модернизации, которая должна быть нацелена на решение именно тех задач, которые соответствуют важнейшим тенденциям развития, на которых основана возможность прогрессивных перемен не только в настоящем, но и в будущем. Необходимо соответствующее стратегическое планирование и разработанная на его основе активная промышленная политика, которая обеспечит концентрацию усилий на решении задач технологического

прорыва, нацеленных как раз на реализацию перспективных долгосрочных тенденций: на увеличение удельного веса знаний в производстве и его продукте, на сокращение удельного веса материальных ресурсов в затратах, и на высвобождение человека из непосредственного производственного процесса.

Решение этих задач, безусловно, потребует подкрепления его со стороны ускоренного развития творческого потенциала самого человека. И последнее предполагает значительное повышение удельного веса инвестиций в образование, в научные исследования и опытно-конструкторские разработки, в здравоохранение, – не только в медицину как таковую, но в развитие всех составляющих здорового образа жизни, включая сюда и состояние окружающей человека природной среды. Такое увеличение на самом деле требуется не на проценты, если мы оцениваем задачу именно со стратегических позиций, а в разы по сравнению с достигнутым уровнем. Можно привести достаточно банальное сравнение: мы прекрасно помним, что в свое время, когда Советский Союз первый вышел в космос, то Соединённые Штаты, пытаясь понять, чему Советский Союз обязан тем, что он сумел опередить ведущую мировую державу в освоении космического пространства, сделали вывод, что одним из основных факторов было состояние системы образования в СССР. Я хочу сказать, что, если сейчас мы тратим на развитие образования менее 4% валового внутреннего продукта, то Советский Союз в пятидесятые годы в период создания условий для освоения космического пространства тратил 10-11% валового внутреннего продукта.

Бузгалин А.В.: Андрей Иванович, ты мне друг, но время идёт для всех одинаково. Пожалуйста, вывод.

Колганов А.И.: Вывод: невозможно решать задачу опережающего развития страны путем постоянного отставания с вложениями и в разработку и применение новейших технологий, и в развитие творческого потенциала человека.

Бузгалин А.В.: Вывод столь же очевидный, сколь хорошо известный. Да, спасибо. Я бы попросил обратить внимание и последующих выступающих, и всех, кто здесь присутствует, и тех, кто будет смотреть видеоматериалы, читать тексты, на то акцентированное различие традиционного

марксистского подхода и подхода профессора Бодрунова к видению будущего, которое прозвучало в выступлении Андрея Ивановича. Я думаю, это важный момент, потому что здесь многие всё-таки выросли из старой научно-философской школы, но, может быть, и молодой – мы сами подумаем все вместе.

Сергей Александрович Толкачёв, доктор экономических наук, профессор, первый заместитель руководителя департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве Российской Федерации и так далее.

Толкачев С.А.: Добрый день, дорогие друзья. Извините, я с презентацией, хотя студентам уже без презентации лекции читаю, понял весь вред презентации для лекций, но здесь будут схемы, которые словами долго объяснять. Пожалуйста, дальше, следующий слайд. В качестве вступления я не открою ничего нового, если скажу, что в настоящий момент в академической среде очень серьёзно обсуждаются вопросы не просто кризиса, а скажем мягко, глубокого кризиса капитализма или по крайней мере той модели, которую сейчас он олицетворяет. В этой связи мне хотелось бы проанализировать закономерности данного кризиса и показать место теории нового индустриального общества 2.0 в историческом разрезе, в русле исследования циклических закономерностей чередования технологических и мирохозяйственных укладов.

В настоящий момент я работаю в составе группы под руководством академика Глазьева, которая исследует данный вопрос в рамках одного НИР, и вот здесь свежие результаты этого исследования представляю на ваш суд. Прежде всего хотелось бы сказать, что мы обнаружили в ходе исследования исторического материала своеобразное циклическое чередование господствующего типа мирохозяйственных связей или типа регулирования внешнеэкономических отношений в мире по схеме протекционизм – фритредерство – империализм. Вот слайд перед вами, я не буду его долго комментировать. Мы в настоящий момент (совершенно не секрет, особенно после избрания Трампа, уже всем понятно) вступили в очередной этап протекционизма. Этот протекционизм надолго и, если отталкиваться от прошедшей истории, проводить к ней какие-то

аналогии, то, возможно, в сороковые годы наступившего века он сменится на очередной этап фритредерства.

Так же, как протекционизм после окончания Второй мировой войны сменился на режим фритредерства, который сменился империализмом в семидесятые годы, когда, собственно, началась (и это совпало с возникновением идей постиндустриального общества), миграция капитала. То же самое было в 19 веке, когда Великобритания, укрепившись в своей промышленной и торговой мощи, ввела режим империализма как норму в систему международных экономических отношений. Пожалуйста, дальше. Давайте здесь я сэкономлю время, не будем эти факты сейчас рассматривать, это – отдельные факты, подтверждающие эту таблицу. Пожалуйста, дальше. Вот здесь немножко становимся.

Вот видите, бурный этап британского экспорта капитала начинается как раз с 1870 годов, во время кризиса мировой экономики он идёт на спад, но потом снова возобновляется. Пожалуйста, дальше. Здесь видим в 1950-73 годы XX века режим золотого века свободной торговли, когда международная торговля по темпам роста обгоняла соседствующие периоды. Пожалуйста, дальше. Ну и наконец вот последний этап свидетельства перехода к империализму, когда вывоз капитала в результате либерализации, в результате вашингтонского консенсуса и всех прочих преобразований начинается с восьмидесятых годов. Мы поставили в качестве научной гипотезы положение о том, что чередование данных периодов является результатом чередования в характере внедряемых технологий, базовых технологий. Они у разных авторов имеют разные названия, у Сергея Юрьевича Глазьева это ядро технологического уклада. Давайте посмотрим, следующий слайд. Вот я здесь брал сами выдержки из работы Глазьева, всем широко известные.

Первая Промышленная революция в конце XVIII начале XIX века началась с парового двигателя, и это были, как мы называем условно, производственные технологии, которые преобразовывают сферу производства товаров. Затем пар пришёл в железные дороги и пароходостроение, и во второй трети XIX

века начинается строительство того, что мы назвали транспортным технологическим укладом или транспортными базовыми технологиями. Затем в последней трети XIX начале XX века великая информационно-коммуникационная революция этого времени – телеграф, телефон и радио, которая сопровождается переходом к империализму. В данном случае чередование господствующих технологических укладов соответствует чередованию этапов вызревания господства лидера мирохозяйственного уклада. То есть, Британии сначала нужно было достичь преимущества в производстве, затем она укрепила это преимущество за счет развития транспортных технологий того времени, ну и наконец пришла к господству за счёт информационно-коммуникационных технологий для того, чтобы легче управлять разбросанными по миру предприятиями.

Пожалуйста, дальше следующий слайд. То же самое повторяется в XX веке, здесь я не буду подробнее комментировать, за исключением того, что новый лидер, США, перехватил эстафету у Великобритании, и практически всё то же самое повторилось, включая последний период, когда кризис информационно-коммуникационных технологий и соответствующей модели финансового капитализма, как мы сейчас говорим, финансиализма, привел к тому, что в настоящий момент возлагается надежда на новый комплекс производственных технологий, о которых все говорят, и Сергей Дмитриевич еще раз подчеркнул сегодня. То есть – нарождающийся новый технологический уклад является в своей основе комплексом именно производственных технологий, которые должны преобразовать соответствующий производственный базис в каждой отдельной стране.

Соответствующий режим внешнеэкономической политики, режим мирохозяйственного уклада, наиболее соответствующий ему – это протекционизм. Трамп ломает сложившуюся глобальную систему для того, чтобы осуществить реиндустриализацию США, построить на территории США свой замкнутый целостный воспроизводственный контур, освоить первыми в мире комплекс базовых технологий нового поколения, базовых производственных технологий.

И вот теперь – вот эта, пожалуй, самая главная таблица, где я постарался увязать цикличность распространения технологических укладов и теорию нового индустриального общества второго поколения.

Итак, каждый законченный цикл мирохозяйственного уклада, который вбирает в себя одну-две промышленные революции и, как правило, три технологических уклада, соответствует чередованию режима мирохозяйственных связей по этой схеме: протекционизм-фритредерство-империализм; и обрамляется соответствующей господствующей теорией, которая на долгое время, на длительное время (так, пожалуй, лет на сто) занимает положение в умах общества. Маркс – общепризнанный теоретик индустриального общества того периода, когда он был свидетелем перехода от производственных к транспортным технологиям и укреплялось английское господство, но он не дожил до периода, когда начали развиваться технологии и средства коммуникации. Ленин потом продолжил описание того режима мирохозяйственных связей, который получил название империализм.

В это же время как отражение кризиса сложившегося, завершающегося мирохозяйственного уклада формируются теории социализма, которые, собственно говоря, обещают новый путь в будущее, показывают всеобъемлюще и обосновано, насколько сложившаяся тогда модель промышленного и финансового капитализма себя исчерпала, и что должно прийти ей на смену. Затем развитие общества развитых стран мира с учётом свершившейся социалистической революции, с учётом преобразований, которые произошли у нас, и на которые вынуждены были отреагировать развитые страны Запада, наиболее удачно отразил, наверное, своим знаменитом термином – новое индустриальное общество – Джон Кеннет Гэлбрейт. Мы его сейчас называем НИО 1.0, он отразил тот консенсусный переход от чистого капитализма, которого, понятно, нет, через государственно-монополистический капитализм в некую теорию конвергенции.

Бузгалин А.В.: Сергей Александрович, у нас часы каждые 15 минут бьют, 15 минут заканчиваются, извините.

Толкачев С.А.: Да, я сейчас заканчиваю. Сейчас до Сергея Дмитриевича дойду только.

Бузгалин А.В.: Надо было начать с этого...

Толкачев С.А.: Как мы знаем, технологические закономерности привели к развитию информационно-коммуникационных технологий, начиная с 70-х годов сложилась сложилась очередная модель финансового империализма и соответствующая удачная теория, которая объясняла подобные закономерности и объясняла смысл, и пролонгировала капитализм как модель, это постиндустриальное общество, о которым сейчас тоже говорили. Однако технологические изменения не стоят на месте. Новый комплекс базовых производственных технологий сейчас взрывается в нашу жизнь, теории постиндустриального общества, соответственно, себя изживают, отбрасываются. Им на смену логически приходит теория нового индустриального общества 2.0, НИО.2, автор которой, профессор С.Бодрунов, только что в очередной раз нам изложил ее главные тезисы.

Бузгалин А.В.: Пауза многозначительная в прямом смысле слова. Мы тут в кулуарах уже начали обсуждать триаду из имён, сложившуюся здесь, которую Вы приводите на слайде.

Толкачев С.А.: Понятно, что имен гораздо больше, но я самые ценные постарался привести здесь.

Бузгалин А.В.: Спасибо большое, Сергей Александрович. У нас даже при мягком регламенте всё равно докладчиков приходится останавливать. Пару слов комментария от Сергея Дмитриевича.

Бодрунов С.Д.: Уважаемые коллеги, я, конечно, благодарен уважаемым коллегам, и, тем не менее, несмотря на регламент, влезаю с комментарием, чтобы не забыть (знаете, уже тоже становлюсь настоящим завзятым профессором, поэтому всё время к концу семинара забываю, что я хочу сказать). Я обратил внимание на момент, когда в начале презентации Сергея Александровича был слайд о Т. Пикетти, который говорил о том, что нужно империалистов (такой зловредный), миллиардеров обложить налогом в 90%. Я во многом согласен с Пикетти, но здесь я не согласен. Знаете, почему? Да, обложить бы надо, хотя, может, и не 90, но – не всех, а сделать вообще повышенное

налогобложение для некоторых типов капитала, некоторых типов операций, некоторых типов доходов, такие налоги специальные вводить, как, например, на нефтяников, природная рента. Пусть будет рента капиталистическая, условно говоря. Например, спекулятивные операции биржевые, операции, не приносящие материального дохода, и так далее – облагать более высокой ставкой вплоть до того, что, если сверх чего-то – отсекают, просто отсекают, всё остальное в бюджет, чтобы не было стимула именно это направление развивать. В то же время доходы, полученные (неважно, какие доходы: маленькие, большие) от производственной деятельности в секторе новых технологий, секторов современных технологий, их облагать минимально либо вообще не облагать до какого-то уровня.

В этом плане я думаю, что это была очень важная государственная позиция, государственная политика, которая могла бы дать сделать реальные практические шаги в направлении того, о чём мы говорим.

Бузгалин А.В.: Спасибо, Сергей Дмитриевич. Мы продолжаем наш разговор. Виктор Тимофеевич Рязанов, заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор экономических наук, профессор.

Рязанов В.Т.: Прежде всего следует подчеркнуть, что вопрос о будущем, которое нас ожидает, не может не привлекать внимание не только ученых, но и простых граждан. Ведь это будущее, можно сказать, «стучится в дверь». О нем уже можно рассуждать и анализировать, имея в виду те масштабные перемены, которые происходят и видны «невооруженным глазом». В этом отношении книга Сергея Дмитриевича «Ноономика» и подготовленная на ее основе учебное пособие «Общая теории ноономики» отличаются актуальностью, вызывая интерес к самой выбранной теме. Предлагаемую автором концепцию по ее жанру можно отнести к сценарному прогнозу. Его отличие от футурологии и научной фантастики – в том, что он опирается на тщательный научный анализ существующих тенденций с нацеленностью на прогнозирование ожидаемых результатов и возможных последствий. Такой подход оправдан и перспективен. Попутно отмечу, что в таком прогнозном сценарии

интересны как его содержательные аспекты, так и понятийная характеристика наступающего нового периода в развитии экономики и общества.

Ноономика понимается как переход к «знаниеинтенсивному индустриальному производству», которое в более широкой трактовке предполагает формирование гармонично устроенного будущего общества за счет «скрещивания» экономических и ноосферных императивов. Собственно в такой конструкции прослеживается преемственная связь с учением знаменитого отечественного исследователя В.И.Вернадского о ноосфере как особом этапе в эволюции биосферы, характеризуемым доминирующей ролью разума человека. Это очень хорошо и правильно, тем более что смысл, который здесь заложен, а именно разумность, гармония общества и природы, гармония общества и человека – это всё тот идеал, к которому мы должны стремиться.

Что касается вообще самого предвидения и прогнозирования будущего, то само это будущее похоже на айсберг. Как известно, у него есть видимая область, которая по своему размеру не столь значительна, и имеется невидимая область, а это его главная и самая значительная часть. Так вот, наши представления о будущем складываются из «видимой области», т.е. тех явлений и тенденций, которые уже можно наблюдать и на их основе строить прогнозы. Но и для самой прогностической не менее существенную роль играет их «невидимая область», которая обусловлена фактором случайности и еще не выявленными факторами. Действие таких факторов в состоянии полностью развернуть существующие тенденции, придав им новое направление и дополнительный импульс. Поэтому в прогностической деятельности всегда надо иметь в виду, что мы не все можем знать о будущем, которое остается до конца непознанным. Возвращаясь к аналогии будущего с айсбергом, полезно и поучительно вспомнить историю корабля под названием «Титаник», который трагически завершил свой первый рейс из-за того, что экипаж вовремя не заметил надвигающуюся опасность столкновения с ним. Вот почему так важна правильная локация и своевременное обнаружение угроз. Все это можно перенести и на практику прогнозирования. Поэтому вопрос о

том, что из уже возникшего настоящего станет будущим, сохраняет свою неопределенность и только со временем можно будет получить на него окончательный ответ.

Теперь по поводу самой конструкции ноономики и ее некоторых содержательных аспектов. Выделю несколько важных, на мой взгляд, проблем. Во-первых, по поводу самого принципа технологического детерминизма. Дело в том, что, изучая многочисленные прогнозы и предсказания о будущих переменных, которые содержатся в аналитических документах и широко представлены в интернете, нетрудно убедиться в том, что они в основном опираются на описание возникающих технологий и новых технических средств. Иначе говоря, такого рода прогнозы построены на реализации принцип технологического детерминизма. То, что их надо изучать и использовать в прогностической деятельности, это правильно. Но нельзя только на их основе строить прогнозы о будущем.

В этой связи стоит вспомнить о К.Марксе, который в этих целях основывался на выделении ключевой роли производительных сил в формировании и перестроении как системы экономических отношений, так и самой хозяйственной деятельности. Безусловно, принцип технологического детерминизма имеет много общего со сформулированным Марксом общим законом соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил. Вместе с тем они полностью не совпадают. Производительные силы – более широкое и содержательное понятие уже в силу того обстоятельства, что их главным компонентом выступают сами работники, наделенные соответствующим образованием, квалификацией, поведенческими характеристиками, а все это не может не влиять на характер экономических отношений. Потому-то они и выступают как производительные силы людей, что указывает на активную и созидательную роль человеческого фактора в производственно-хозяйственной деятельности. Безусловно, технологический детерминизм также не может не учитывать решающее значение образовательной и квалификационной подготовки работников, необходимой для внедрения новых технологий. Однако роль этого фактора чаще всего

представлена на втором плане и подразумевается в качестве закономерной реакции на происходящие технико-технологические перемены в производстве.

В дополнении к корректировке оценки роли принципа технологического детерминизма выскажем предположение и о полезности уточнения места и значения самого научно-технического прогресса. Сегодня его, также как и общественный прогресс в целом, нам следует оценивать не только по тем ожидаемым позитивным результатам и переменам, который он несет, но и обязательно учитывать возникающие неизбежные издержки и потери, особенно в сферах экологии и социального развития. Ведь в руках человека оказались современные технологии, которые превратились в опасное оружие, способное все разрушить, и это относится уже не только непосредственно к военным технологиям. Вот почему технологический детерминизм не должен превратиться в технологический фетишизм, когда развитие технологий становится самоцелью, а общество – машиноцентричным.

Вторая проблема касается обнаружения ключевых или базовых технологий, которые наиболее точно отражают суть новой технологической волны и обладают наибольшим потенциалом для перемен в будущем. Об этом высказываются разные мнения. Конечно, можно предположить, что для современного этапа развития НТП более существенным является согласованное взаимодействие и взаимопроникновение разработанных новаций в социально-хозяйственную жизнь. Тем не менее даже при таком подходе все же сохраняется целесообразность выявления ключевых технологий, особое внимание обращая на их способность к качественному преобразованию как в сфере производства, так и применительно к трудовой и творческой деятельности человека.

Если использовать такой подход, то тогда целесообразно выделить две области нововведений. Одна из них – это внедрение искусственного интеллекта как основы качественного развертывания цифровых технологий в сфере производства. Можно утверждать, что искусственный интеллект, создавая «умные машины» и автоматизируя производство, освобождает человека от непосредственной производственной деятельности,

что радикально преобразует саму эту сферу и тем самым завершает процесс замещения человека в производственной деятельности машинами, который начался с первой промышленной революцией. Одновременно на этой основе обеспечивается сверхвысокая эффективность самого производства.

Другая область нововведений – это использование технологии редактирования генома человека, которое способно изменить природу человека. В позитивном отношении такая технология позволяет избавить человека от болезней и действительно дать возможность раскрыть во всей полноте его творческий и созидательный потенциал. Вместе с тем нельзя недооценивать и неизбежные риски и угрозы, которые появляются в процессе реализации технологии редактирования генома, а они связаны с неограниченной возможностью манипулировать и управлять человеком, преследуя корыстные интересы.

Попутно отмечу и такое обстоятельство. Какова судьба знаниеинтенсивного производства в условиях разветвления технологий искусственного интеллекта, когда сами умные роботы будут себя воспроизводить? Где здесь место знаниям? Как оно будет реализовываться в реальной хозяйственной жизни? Сегодня такого рода вопросы не имеют однозначного ответа, но задуматься об этом необходимо.

Наконец, последняя проблема, на которой хочу остановиться, в этом случае возвращаясь непосредственно к концепции нономики С.Д. Бодрунова. Речь идет о судьбе рыночного механизма в формирующейся конструкции хозяйственного устройства в будущем. Автором нономика понимается как неэкономический способ хозяйственной деятельности. С точки зрения конечного рубежа с этим можно согласиться. Но как к нему перейти и какова здесь роль рыночных отношений? Здесь возникает много вопросов, и ответы на них найти непросто. В заключении хочу пожелать Сергею Дмитриевичу найти на них ответы, продолжая полезные и нужные исследования. Спасибо за внимание.

Бодрунов С.Д.: Спасибо, Виктор Тимофеевич, замечательное выступление, правда, коллеги. Но я, учитывая, что

всё-таки Виктор Тимофеевич очень уважаемый мною специалист с тех времён ещё, когда он ещё мою младшую дочь учил экономической теории в Санкт-Петербургском государственном университете, что было уже много-много лет назад. Мы с ним лично познакомились позже, когда она уже стала кандидатом наук, только тогда я узнал, что азам ее учил Виктор Тимофеевич и его кафедра. Поэтому не могу пройти мимо двух вещей. У меня есть ещё старшая дочь, целый профессор, которая дома всё меня критикует за технологический детерминизм, солидаризуясь в каком-то смысле с Виктором Тимофеевичем. У меня есть работа по этому поводу, наш коллоквиум, один из коллоквиумов опубликованных, где я критикую Веблена, потому что я считаю, что мы должны подходить вот в этой части конкретно методически с марксистской точки зрения. Почему? Потому что здесь материальное (чётко материальное) производство определяет бытие, что называется, основу нашего сознания.

Мы должны думать о том, что не просто технологии меняют жизнь – о том, что они меняют, не стоит спорить. Но имеется и обратный процесс, имеется влияние и общественных вещей тоже на технологический прогресс. Потому что потребности людей возникают не только потому, что их предлагает технический прогресс, но потому, что они чаще всего возникают вне этого, но технический процесс позволяет разрешать эти потребности или убирать эти самые угрозы. Так что вот в этой части я бы хотел сделать такой комментарий.

Что ещё – тезис Виктора Тимофеевича о переходе от экономики к нооэкономике. Вы знаете, я в свое время на одном из семинаров сказал, что, если мы говорим о коммунизме, то помните, был такой советский анекдот: да, мы придём к коммунизму, но по пути кормить никто не обещал. Действительно, проблема перехода очень серьезная и важна. Мы не включили специально эти вещи ни в фильм этот, который показывали, ни в мой доклад, это не сегодняшняя тема, и здесь действительно огромное поле для развертывания исследований. Но, замечу, и Маркс не прописывал детали перехода к коммунизму. Все этапы предстоящего цивилизационного развития, видимо, можно прогнозировать, скорее всего, неким итерационным способом, всякий раз отталкиваясь от того, что

есть в конкретный период, и учитывая намечающиеся тенденции. Поэтому, замечу, мне и понадобился в моих комментариях отсыл к современному состоянию нашей экономической жизни и упоминание вот этих моментов, на которые мы также с необходимостью обращаем всякий раз внимание. Я сказал об этом в своем выступлении немножко, но вообще-то у нас есть работы в институте и по этим проблемам, о которых справедливо говорит Виктор Тимофеевич, у меня опубликованы статьи по этому поводу, как раз по этому самому пути. И, замечу, некоторые аспекты этой проблемы мы обсудим (я готовлю сейчас тезисы доклада) на очередном Санкт-Петербургском экономическом Конгрессе в марте 2020 года.

Основной тезис о том, что технологический прогресс, позволяющий разрешать удовлетворение человеческих потребностей всё более дешевым, относительно дешевым способом, все более максимально насыщает услугами пространство, создает и возможность удовлетворения большего количества потребностей людей всё легче, проще, «бесплатнее», условно говоря. И тогда у нас возникают очень широкие возможности удовлетворять такие потребности. А сегодня можно как угодно к этому относиться, но – уже сегодня мы имеем (вот Александр Владимирович выступал на одном из семинаров и об этом говорил) массу бесплатных услуг, на которую мы просто не обращаем внимания. Эти услуги оплачиваются чем? Оплачиваются обществом, оплачиваются общественным развитием, оплачиваются теми технологическими достижениями фактически, в которые уже вложен чей-то труд и вложены чьи-то затраты понесенные. И общество через более эффективное использование знания, через технологии, через новое индустриальное производство и так далее позволяет будет всё больше и больше удовлетворять вот эти несимулятивные потребности. И мы уже – (может быть, незаметно для себя) движемся по этому пути, меняя структуру экономических отношений, собственности, типы взаимодействия экономических акторов, и так далее.

Этот путь – длинный, непростой путь, сопряженный одновременно с тем, что необходимо воспитывать вот эту вот разумность потребления, удовлетворение несимулятивных

потребностей, и этот путь только, на мой взгляд – единственный, который может нас привести к нормальному результату, а не к революции. Я недавно был с Александром Владимировичем на конференции российских профсоюзов, я выступал – понятно как, как они выступали – тоже понятно как. Александр Владимирович почти им подыграл, говорит: “К топору зовите Русь”. Я сказал – к топору не надо звать Русь. А Руслан Семенович Гринберг, известный вам, наш научный руководитель института (в том числе), выступая, сказал, что, знаете, вот пока дитя не заплачет, матушка не перекрестится и не посмотрит, поэтому кричите громче, вас там, типа, только тогда и услышат. Я считаю, что громкость должна быть, конечно, но – не до уровня лопания или разрубания тем самым топором барабанных перепонок, иначе мы останемся без слуха и слышать ничего не будем. Иначе мы экономический ущерб себе нанесем гораздо больший, чем если бы мы делали шаги постепенные. А технический прогресс, работающий с «ускорением ускорения» (мы это установили ранее на нашем семинаре), сейчас позволяет нам эту проблему решать, только разумно подходить к его использованию надо. Спасибо.

Бузгалин А.В.: Я не буду отвечать на критику за революционность Бузгалина, я таким был, наверное, таким и останусь, тут уж ничего не попишешь. Я и в другой аудитории таким остаюсь, так что давайте это мы оставим за скобками сегодняшнего обсуждения, тем более оно никак не связано с политическими вопросами, во всяком случае – напрямую. Я рад, что у нас прозвучала вот эта дискуссия, и это один из фундаментальных вопросов – вопрос о мере развития или, наоборот, угасания, «засыпания» товарного производства, рынка, денег и всего остального. Это – тема, которая поднимается в обсуждаемой сейчас нами книге, и не только в учебнике, но и в работах “Новое индустриальное общество второго поколения”, “Ноономика”. Я думаю, этому можно будет посвятить один из наших семинаров специально, это был бы, на мой взгляд, очень такой интересный разговор. Вот импульс есть – то, что сейчас было только что сформулировано профессором Бодроновым, просто объективно возникает возможность нерыночного удовлетворения потребностей вследствие высокого уровня

накопленного интеллектуального, технологического и так далее потенциала общества.

Давайте подумаем, насколько это так, насколько это не так. Тезис о полемике с Пикетти по поводу обложения какого капитала и почему, если мы действительно выдавливаем финансовое посредничество – это усиление, прогресс рынка, или это всё-таки некоторое отмирание (я воспользуюсь старым термином) рыночных отношений? Вопросов очень много, очень больших, просто не хочется сейчас уходить в эту тему. Я думаю, будет правильно, если мы всё-таки вернёмся к изначальной тематике и посмотрим на социокультурные аспекты проблемы. Тем более, что вот такое нерыночное удовлетворение потребностей очень тесно связано с прогрессом культуры. Я думаю, что, если Людмила Алексеевна затронет эту тему, это будет то, что нужно.

Людмила Булавка, профессор, Московский государственный университет, доктор философских наук.

Булавка-Бузгалина Л.А.: Я приветствую всех, очень рада видеть в этом красивом зале. Главное – хочу отметить, внутренне очень давно-давно рада, что наметился поворот в обсуждениях тем экономистов, политэкономов, разворот к проблеме человека. Причём не к абстрактному человеку, к вопросам абстрактного гуманизма. Я хочу посмотреть на эту проблему с позиции того положения, которое выдвигает в качестве приоритетных критериев оценки нового поиска и устремленности к модели нового общества, построенного на основе знания, образования и так далее в качестве главного критерия развития человека, причём человека как субъекта. Для меня это принципиально важно, потому что в нашей стране мы имели результаты, успехи социально-экономического и культурного развития только тогда, когда человек становился не просто ресурсом развития, он становился субъектом развития. В обход этому положению мы имеем то, что мы сегодня имеем. Не будучи субъектом развития, человек перестаёт быть даже арсеналом, ресурсом этого развития.

Так вот, если посмотреть на проблему общества нового типа с этой позиции, то тогда я скажу, что это общество востребует новый тип знания – не заемного из разных там

интернет-источников, причём даже не воспроизводимого в своей истинности. Нет, это симулятивное воспроизводство знаний. Почему симулятивное? А потому, что оно подчинено другим задачам, это знание, оно подчинено знаниям потребительского отношения, связано с тем, что знание становится атрибутом моего социального положения как человека престижного потребления. Конечно, я вчера была на спектакле Серебренникова, я вчера слушал Бориса Березовского концерт – мне неважно, что он исполнял, важно, что был на престижном концерте; важно, что я работаю в престижной компании и так далее. Вот знание не должно подчиняться этим атрибутивным целям, потому что тогда оно становится мертвым – и мёртвым, и более того, абсурдным.

Вы знаете, истинное знание отчуждается из знания, которое связано со сферой культуры, то есть сферой, которая предполагает результаты и предпосылки развития человека. Вот были такие казусы, когда, говоря, например, о Гегеле, студенты говорили: “Вы, наверное, путаете? Вы имеете в виду Google, наверное, не Гегель, а Google”, и многое-многое другое. Так вот знание должно становиться результатом нового типа человеческой деятельности, которая связана с развитием самого общества, а значит человека. И тут не удержусь от известного марксистского принципа, утверждаемого на протяжении всей истории развития марксизма: человек изменяется и развивается только тогда, когда он развивает сами общественные условия, в которых он существует. Так вот знание должно быть результатом открытия на основе этого развития.

Любимая книга Алфёрова – это книга “Два капитана”. Вот книга “Два капитана” как раз связана с этой историей научных открытий, которая становится основополагающим принципом и формирования судьбы человека, общества развития науки, и так далее. Тогда выдвигаются следующие положения, что, оказывается, переход к новому типу общества связан с культурной революцией, потому что открытие знаний и так далее – это результат культурной революции. Не случайно (и тут я перейду, сделаю такой историческую ретроспективу) в двадцатые годы: культурная революция, идет гражданская война, 14 стран Антанты воюют против страны молодой, новой, со

всеми ее противоречиями и так далее. И вдруг – культурная революция, где Ленин выделяет деньги, на разные клубы пролеткульта дает денег больше, чем на систему высшего образования. Что они там могут сделать? Да ничего, ну что они там. Я не говорю об Эйзенштейне, Мейерхольде – ничего они не сделать не могут. Вот там идёт то, что понимается под этим как формирование культурного потенциала, которое человеку позволяет отвечать на вопрос: куда и зачем движется он и само общество.

Поэтому – знание. Это общество нового типа выдвигает требование к новому типу генезиса самого знания. Второй момент: общество нового типа и вообще ноономика ставит проблему высвобождения от симулятивных потребностей. Конечно, если человек связан с развитием действительности и реальными условиями собственной жизнедеятельности, конечно, зачем ему симулятивные потребности? Попробуйте на высоких каблуках с гламурной сумочкой, я не знаю, сделать фундамент для дома – вы никогда не сделаете. Тут в качестве примера приведен известный ленинградский художник мирового значения Шемякин, который сделал проект собственного дома там, где базируется он в Америке. Журналист спрашивает: “А где, в какой в какой комнате вы живёте, спите, отдыхаете? – он говорит, – Где падаю от усталости, там и сплю”. Почему всё время в одной вот форме, некогда ходить по магазинам, то есть творческая деятельность сама уже структурирует и типы потребностей, и сам подход, и выбор.

Следующий момент, очень важный: новый тип общества, основанный на знаниях, образовании и культуре, высвобождает, становится предпосылкой снятия отчуждения социокультурной сферы от производственной сферы. Причём – это снятие отчуждения; конечно, никогда социально-культурная среда не была изолирована от производственной системы, никогда – они всегда связаны. Но они связаны так, эта связка бывает такая, что она вызывает, рождает фактор мощной симуляции, мощного разрушения как социокультурной сферы, так и экономики. Посмотрите, сегодня рыночный тоталитаризм, вся экономика, рынок втягивает всю социокультурную сферу. Назовите мне ту область сферы творчества, культуры, которая сегодня не завязана

на рынок. Конечно, нет, а вот знание общества нового типа, формирующееся на основе знаний культуры, оно формирует подчинение уже производственных задач задачам формирования социокультурной среды.

Заканчиваю. Так вот, теперь красивые все слова: культура, образование, общество нового типа – как звучит-то всё красиво, а – где главное противоречие? Главное противоречие этого общества заключается в том, что любой переход к этому обществу, он что, трансцендентальный, и это результат некоего такого исторического автоматизма? Вот мы с вами участвуем в конференциях, работаем, смотрим телевизор, встречаемся с друзьями – оно как-то само собой. Нет, этот переход предполагает, если хотите, некий революционный момент, культурного отношения революционной момент. Этот переход связан с тем, что продукт общества нового типа должен появиться раньше, чем переходит в активную фазу сам процесс формирования этого общества нового типа. А как это так? То есть результат должен опережать сам процесс, который его порождает. Вот это и есть то главное противоречие, когда сам субъект, формирующий это общество нового типа, появляется раньше.

Откуда он возьмется сегодня, когда сегодня культура отчуждена от общества, когда человек отчужден от собственных подлинных потребностей, собственных потребностей, и он становится не связанным с его развитием, не связанным с развитием общества, развитием культуры и, в конечном итоге, развитием производства? Откуда он возьмется – большой ставлю вопрос для дальнейших обсуждений. И вот переход – утверждая то, что мы говорим сегодня, обсуждаем книгу Сергея Дмитриевича Бодрунова, там заявлены важные положения, из которых я уже делаю собственные выводы: общество нового типа – это будет общество равноправия неравенств. На этом построена культура, мы сегодня имеем, казалось бы, равноправие, но это мнимо, а вот здесь будет равноправие неравенства, потому что в культуре никто никому не равен. Но есть ещё подводные камни общества нового типа, которые мы должны тоже выявлять, и быть готовыми к этому, когда мы рассматривать будем уже более конкретные модели – это то, что

общество выходя, попадая, выдвигая в качестве детерминирующей основы культуру, знание, образование (а это связано с человеком, с его сущностным содержанием), попадает под более возрастающий риск субъективных решений. Потому что принцип субъектного бытия делает и общество, и человека более зависимыми от его субъективных решений.

Важно, в качестве уже завершения – общество нового типа, о котором мы сегодня слушали в докладах и обсуждениях и Сергея Александровича Толкачёва, и Рязанова Виктора Тимофеевича, и Колганова Андрея Ивановича, общество нового типа переходит из сферы, основанной на императиве «иметь», в сферу, где главным принципом становится бытие человека – не иметь, а «быть». Так что будем двигаться туда по мере возможности. Спасибо.

Бузгалин А.В.: Спасибо. У нас тут, в кулуарах, обсуждая сегодняшнюю дискуссию, мы (чем дальше, тем больше) приходим к выводу, что, может быть, лучше постоянно повторяющееся, нодвигающееся при этом по спирали обсуждение проблемы даёт интересные новые результаты. Они кажутся нюансами, но из каждого из этих нюансов потом может вырасти огромного масштаба проблемы. Вот сегодня таких проблем было поставлено очень немало. Я рад предоставить слово Давиду Берковичу Эпштейну, доктору экономических наук, профессору, тоже постоянному участнику наших питерских семинаров. Давид Беркович, пожалуйста, Вам слово.

Эпштейн Д.Б.: Прежде всего, хотелось бы сказать большое спасибо организаторам семинара и непосредственно основному докладчику Сергею Дмитриевичу за чрезвычайно содержательную, глубокую и далеко продвинутую, вот что очень важно, постановку проблемы. Он, говоря словами Андрея Ивановича Колганова, рассматривает прогностически, что может дать развитие техники, современной техники, знаниеёмкой техники, тенденции развития индустрии, индустриального общества. Он на этом никоим образом не останавливается, а показывает, с какими социальными противоречиями это связано. Более того, он отнюдь не рисует (на мой взгляд по крайней мере, согласится он со мной или нет) такую радужную картину, что нас ждёт вот период: человек отойдет в сторону от производства,

точнее говоря, его отодвинут; самовоспроизводящиеся роботы будут увлекательно удовлетворять наши потребности, а человек развивать знания для них и передавать им. Правда, роботы в такой картине сами бы начали производить знание и сказали бы человеку, что он им вообще не нужен, а у нас и потребностей-то нет, только работать на благо самих себя.

О каких противоречиях справедливо сказал Сергей Дмитриевич? Это, в первую очередь, о том, что общество развивается таким образом, что всё время есть риск чрезвычайных катастроф, связанных с атомной бомбой, с внедрением в геном и многими другими рисками, плюс экологические риски, которые стали сейчас просто колоссальными. И что прямо и непосредственно само развитие техносферы не ведет к решению этого противоречия, нужно изменение общества. Сергей Дмитриевич – говорит, но в отношении общества – пока не видно, чтобы оно отвечало вот этим требованиям. Вот он ставит эту проблему, далее он говорит: пока производство ориентировано на прибыль, да прибыль ещё любой ценой, мы будем получать не улучшающуюся, а ухудшающуюся социальную картину, и значит, это должно быть изменено каким-то образом. Управление обществом, управление землей, ноосферой в этом смысле должно стать рациональным, и это революция, до этого ещё очень далеко.

Я не очень уловил, лелеет ли он надежду на то, что она всё-таки более-менее стихийно к этому перейдет, или тут потребуются кардинальные изменения в понимании со стороны мира? Тут уже в рамках государства проблемы не решаются, она решается только в рамках всего человечества. Если мы обратимся к истории, то мы увидим интересный процесс. Вообще в мире царят большие батальоны, – говорил Наполеон, или большие организации, корпорации, как сейчас говорят, а корпорациями управляют небольшие группы людей, отстаивающие и преследующие свои интересы, не интересы человечества и даже не интересы основной массы работников этих корпораций, а интересы узкой сравнительно группы руководителей этих корпораций.

Даже по отношению к государству мы вынуждены признать, что управляют деятельностью государства не столько

интересы трудящихся, которыми они руководят, сколько интересы непосредственно этого управляющего слоя, что совсем не одно и то же, это разные вещи. Именно поэтому мы имеем войны, революции и так далее. Как должна быть построена социальная система, чтобы вот эти вот большие батальоны, как они должны быть организованы, каковы должны быть стимулы руководящего слоя, какова должна быть демократия для того, чтобы направлять общество в интересах действительно общества, а не в интересах узкой части сравнительно, как это происходит сейчас? Стихийно отчасти это происходит, нельзя сказать, что это совсем не происходит. К сожалению, с большими издержками, если мы посмотрим, какие надежды подавал XIX век, какое развитие научно-технической революции, научно-технического прогресса. И, казалось бы, начало XX века знаменуется переходом к ноосферному обществу или чему-то в этом роде.

Бабахнула Первая мировая война, ее уроки были учтены, нельзя сказать, что всё это прошло даром для человечества. Если на самом деле посмотреть, то между первой и второй мировыми войнами происходит массовый шаг к социализации в разных смыслах, но в том числе и в политическом. Социал-демократы приходят к власти в большом количестве стран, общество изменилось, но какой ценой – ценой войны. Интересы масс привели всё-таки к тому, что они зазвучали в определённом образом интересах больших организаций. Но вновь – Вторая мировая война, и следующий шаг, мы опять видим, что все-таки эти интересы были вот таким тяжелым путем через войну учтены. До семидесятых годов идёт процесс социализации, дальнейшей социализации, и государство, и человечество в целом делает новый большой шаг к социализму, к обобществлению, к пониманию того, что необходимо приводить в соответствие техническую сферу и социальную сферу. Но вот этот путь – уж очень тяжёлый, это путь проб и ошибок. И то, что Сергей Дмитриевич ставит проблему о том, чтобы этот путь сменить на путь более рациональный, более осмысленный – тут нужна новая теория демократии, новая теория управления миром, чтобы интересы не руководителей больших корпораций, а

интересы человечества стали определяющими. И то, что он нас в эту сторону ведёт, на мой взгляд, большой прогресс. Спасибо.

Бузгалин А.В.: Спасибо, Давид Беркович. Мы вот только что как раз в кулуарах обсуждали вопрос о том, что сегодняшний семинар бросает вызов профессору Бодрунову решить ещё целую дюжину как минимум проблем, включая вопрос политико-экономической (но не в старом смысле слова науки «политэкономия»), в смысле соединения политического и экономического вопросов, политико-экономического разрешения противоречий глобального развития в условиях вот этих технологических напряжений. Сергей Дмитриевич, у вас есть силы немножко прокомментировать выступление?

Бодрунов С.Д.: Уважаемые коллеги, давайте мы сделаем так – сначала вопросы, если есть, да, давайте вопросы, а потом заодно ответу на вопросы и прокомментирую.

Бузгалин А.В.: Тогда я выполню историческую миссию неожиданную, я пойду в зал с микрофоном, потому что, если его отдать в зал, то нам его не вернут, Сергей Дмитриевич, и мы здесь останемся навсегда. Ну вот я не знаю, как, я буду его, не выпуская из рук, нет, я никому эту миссию не доверю, потому что здесь надо быть решительным злодеем, а роль злодея всегда играет Бузгалин.

Евсеев В.И.: Спасибо, Александр Владимирович. Евсеев Владимир Иванович, доктор технических наук, исключительно прикладной ученый и специалист. Рассматриваю это все как раз с точки зрения организации нового общества и нового производства. Вопрос вот чем: мы сегодня рассматриваем аспекты нового индустриального развития, внеэкономического, но не затрагиваем вторую часть – получение благ. Какая система будет их распределять и как? Спасибо.

Бузгалин А.В.: У кого ещё вопросы, коллеги? Кто поднимал руки?

Черенков Ю.А.: Сергей Дмитриевич, Ваша теория, которая уже доведена до уровня учебника, станет руководящей в значительных массах общества. Я представляю Союз малых городов, Черенков Юрий Алексеевич, и у меня вопрос такой. Я, конечно, прочитал, может быть, не слишком внимательно “Ноономику”.

Бузгалин А.В.: Это нехорошо. Надо очень внимательно.

Черенков Ю.А.: Прочту ещё раз, может быть, уже через учебник. Я не нашёл там ответа на вопрос, который сегодня уже возник – скоро 25 лет восстановлению капитализма в России. А именно – вопрос о социально-экономических диспропорциях, которые возникли сегодня между крупными городами (носителями, кстати, идей ноономики, тут надо признать – здесь крупнейшие прогрессивные предприятия с роботами и так далее) и вот той огромной областью, которая называется малые города, сельскохозяйственные области, которые за эти два 25-30 лет пришли к полной деградации. Как отвечает, или должна отвечать, Ваша теория на этот вопрос, хотелось бы узнать? Спасибо.

Яковлева Н.Г.: Наталья Яковлева, ведущий научный сотрудник Института нового индустриального развития. Я хочу коротко сказать, это действительно меня никто не подговаривал, даже Александр Владимирович не знал, что я буду выступать. Я хочу сказать, что у меня два учителя, научных учителя: это Сергей Дмитриевич Бодрунов и Александр Владимирович Бузгалин. Они, наверное, скорее всего, не догадываются об этом, но помимо того, что я организую многие мероприятия нашего института, я ещё очень много читаю и иногда пишу. Я хочу сказать, что сегодняшний семинар – много чего по ходу записала. Сергей Дмитриевич, хотелось бы даже не вопрос, а ремарку. Вот вы говорили об экономической политике, но знаниеемкое производство, формирование нового общества и как, наверное, даже не результат, а основа – это формирование нового человека. Где он формируется и когда, в процессе чего? Вот пока сегодня у нас идёт семинар, ведь рождаются, воспитываются и образуются дети, которые по сути дела и будут строить это новое общество. Поэтому, я думаю, что помимо экономической политики, нам очень внимательно нужно посмотреть на сферу образования, даже не высшего образования, а вообще образования в нашей стране, в первую очередь даже школьного. Наверное, вот тот революционный переход, о котором Вы говорили, такой не кровавой и не жёсткий, а мягкий революционный переход может произойти, только если мы обратим внимание на сферу образования и

будем эту сферу строить прогрессивный сферы образования и воспитания? Спасибо.

Бузгалин А.В.: Спасибо, я думаю, что ещё один и, наверное, будем заканчивать.

Чумаков С.И.: Чумаков Сергей Иванович, технологический институт. Поскольку я занимаюсь образованием, меня больше всего как раз этот вопрос интересует. Сергей Дмитриевич, представьте, сейчас место советника президента освободилась, Вы становитесь советником президента, что Вы сделаете с реформами образования? Все ругаются на Высшую школу экономики – главного законодателя в этом процессе, и все чувствуют субъективность, что реформы эти проходят неправильно. Понятно, что Андрей Иванович предложил там с 4% поднять до 11, но всё равно не выход. Как вы видите, какими должны быть эти реформы быть в свете вашей концепции?

Бузгалин А.В.: Спасибо, просто мы должны были закончить уже сейчас. Ещё один вопрос? А, извините, за камерой было не видно, пожалуйста.

Закиматов Г.В.: Закиматов Геннадий Вениаминович, инженер-системотехник. У меня такой вопрос: в основе вашей теории (она социально-общественная) прежде всего – это знание, человек, его интересы и так далее. Но как решить эти вопросы, не меняя экономическую систему? Потому что экономическая система, скажем, где нет возможности приложить вот этот высокий уровень знаний, или же, где нет рычагов управления экономикой, не может из-за этого развиваться сознательным путем. Какую Вы экономическую систему предлагаете: плановую, рыночную или какую-то другую смешанную, или ещё что-то?

Бузгалин А.В.: Спасибо. Я думаю, просто книга посвящена именно тому, какая система предлагается. Нет, мы не начнём еще раз всё обсуждать подробно, всё, полдень пробил.

Бодрунов С.Д.: Тени исчезают в полдень. То есть – сейчас мы вместе будем освещать пространство, освещать затемненные уголки. Я начну с ответа на вопрос по диспропорциям, потому что некоторые вопросы пересекаются. Диспропорции – не только в том, что есть крупные

конгломераты, где концентрируется, условно говоря, знание, мысль. Есть места, где больше реципиенты, чем «добыватели» этих самых знаний. Это естественно, это понятно, более того, существуют не только, ведь мы говорим о глобальном пространстве, об обществе в целом, цивилизационном устройстве, существуют целые регионы мира, где есть концентрация научной мысли, знаний, индустриального развития и так далее, а есть регионы, которые совершенно к этому не готовы, у них нет инфраструктуры соответствующей: ни исследовательской, ни потребительской с точки зрения потребления знаний цивилизованно, и так далее.

Больше того, я думаю, что на самом деле мы можем наблюдать процессы, и мы это видим постоянно, как одни и те же регионы становятся то продвинутыми, то отсталыми, и так далее. Это – исторический процесс, по этому поводу мы опять же на одном из наших коллоквиумов разбирали цикличность развития и нецикличность развития истории. Мы удостоверились, что история – вещь нелинейная, развитие происходит с отступлениями, ответвлениями, циклами, замкнутыми траекториями и многими другими вещами. В том числе – и в технологическом развитии, в том числе – в развитии по территориальному либо какому-то институциональному и прочим признакам.

Но мы должны понимать, что общество – это система, в которой есть элементы, есть связи. Если подходить с точки зрения системного подхода, то мы понимаем, что в динамической системе идет постоянное развитие в соответствии с теми функциями, которые несут те или иные элементы, и осуществляется связь между ними, взаимосвязь. Поэтому, конечно, при неравномерном развитии возникают диспропорции, которые могут быть решены по-разному. В каких-то случаях диспропорции могут привести к разрыву связей, ломке системы. Та же ломка социальной системы, революция. Тогда, после этого, это уже будет другая система, когда придет в более-менее стационарное состояние.

Может быть другая ситуация, когда мы можем, увидев, какие связи нарушаются, и мы понимаем, что это может привести к развалу системы, и нам необходимо ее сохранить – в этом

случае можно предпринимать некие адекватные действия, решения, которые позволяли бы выровнять процессы. В этом плане я могу сказать, этот вопрос пересекается с вопросом о благах. Мы с Джеймсом Гэлбрейтом, с сыном этого нашего великого мыслителя американского Джона Гэлбрейта, написали вместе даже две небольших книжки по этому поводу. Одна из них более предельно и подробно говорит о неравенстве, о том, как неравенство, как вот эта самая социальная проблема может привести к срыву, разрыву всего цивилизационного развития. Джеймс со своей стороны анализировал механизмы возникновения неравенства и вопросы современных подходов к изменению этой системы – это некие рецепты, условно говоря, в том числе американизированные рецепты, и так далее. С моей точки зрения была общефилософская, общетеоретическая концепция, к чему мы должны двигаться.

Коллеги, я еще раз говорю, что мы действительно находимся в состоянии тяжелой сегодня диспропорции в доходах населения вообще и по миру, и между странами, и между развитыми и неразвитыми, в этом плане, в индустриальном отношении нашими субцивилизациями, разная динамика их движения и так далее. Это приводит к колоссальной в нынешних условиях диспропорции. Основа этой диспропорции заключается в том, что нижний дециль и верхний дециль в мире, если 20-30 лет назад это было, допустим, 8-10, то сейчас уже 30 и 40. У нас в России уже более 20, мы понимаем, что это значит – это значит, что основная масса доходов, капитала, концентрируется наверху, условно, у этой верхней десятки процентов населения, нижняя группа остается «без ничего», а средний класс слишком у нас по размеру ниже среднего, условно говоря.

К чему это может привести – к разрыву, к тому, что у нас было на нашей профсоюзной конференции, когда люди начали говорить: “К топору зовите Русь” или “Давайте кричать громче”. Да, понятно, что необходимо государству, обществу и государству как инструменту общества учитывать эти вещи. Сегодня мы видим, что да, какие-то задачи ставятся, президент ставит задачи, помните эти задачи? Снизить количество бедных людей, поднять жизненный уровень – там несколько этих

позиций. Что мы реально сегодня видим? Мы видим сегодня следующее: количество бедных в нашей стране за 2018 год стало на полмиллиона больше, чем было в предыдущий год. Было 20,5, стало 21, по официальным данным Росстата, в той методике, росстатовской.

Дальше, реально располагаемые доходы населения – задача поставлена президентом, чтобы к 2024 году они поднялись, понятно, до какого уровня, а они у нас шестой год падают, и только в этом году обещают, что якобы к концу года мы выйдем на 0,1% повышения против предыдущего года, хотя по сравнению с 2012 годом мы остаемся на уровне ниже 6%, падение. То есть, коллеги, та экономическая политика, о которой сегодня мы говорим, не способствует вот этим всем вещам. Я еще раз говорю и буду об этом говорить более предметно и, может быть, более жестко на Всероссийском экономическом собрании, и на будущем Московском академическом экономическом Форуме (там я тоже докладчик) потому что необходимы, действительно, меры.

Коллега говорит о роли экономической политики. Действительно, очень важна экономическая политика, чтобы была правильная, потому что отсюда наша социальная политика. Мы можем решать социальные задачи только тогда, когда у нас в нашем сегодняшнем экономическом обществе нормальная экономическая политика, которая формирует правильные тренды экономического развития. И именно о них, об ориентации на них мы говорим, обсуждая концепцию ноономики. Сюда входит, в том числе, и реиндустриализация, и другие многие вещи, о которых мы уже с вами говорим.

Пару слов буквально – по поводу формирования нового человека, образовании и так далее. В этой работе это косвенно упомянуто, мы вообще здесь, в этой конкретной книге, мало говорим о том, что с этим сегодня в России. Эта книга посвящена другому – теории и концепции ноономики. Но тем не менее, действительно, как прикладная вещь вытекает просто закономерный вопрос, который коллеги задают – а где же и как мы будем воспитывать такого нового человека? Наталья Геннадьевна уже частично на этот вопрос ответила, сняла у меня, можно сказать, с языка. Я считаю, что учить ребенка (человека)

надо с пеленок, а не в ВУЗе только, и так далее, и продолжаться этот процесс должен до конца его жизни. У нас единая концепция с Олегом Смолиным, книга им написана была в свое время, “Образование через всю жизнь”. Наша концепция подразумевает именно такой процесс – образование через всю жизнь, причем образование техническое или специальное, это нужно, но нужно и образование общекультурное – это важнее сегодня и ценнее, человек при стремительном прогрессе технологий отстает в культурном развитии, а это чревато многими бедами при использовании достижений НТП.

Что касается воспитания, то надо действительно воспитывать начинать человека с пеленок, но на каждом этапе должны быть свои подходы к образованию: в школе – это одно, в детском саду, школе – другое, а в вузе – это третье. Для человека пожилого возраста жизненный опыт – это четвертое, пятое и так далее. На это надо обратить серьезное внимание, и на то, что коллеги говорили, что на образование нужно тратить не 4% ВВП сегодня, а в нынешних условиях, в том числе на социально-гуманитарное образование, надо тратить гораздо большие проценты, тем более, что ресурсы в стране уже есть – у нас накоплены отличные большие золотовалютные резервы, у нас есть деньги на счетах банков, у нас есть деньги компаний, корпораций, которые не используются в реальном секторе экономики, а используются спекулятивно на биржах и так далее. Значит, необходимо опять менять вот эти подходы, вводить другие налоги, вводить другие правовые решения. Потому что отсюда, если у нас в Гражданском кодексе написано, что главная цель бизнеса, предпринимательства, условно говоря, это – извлечение прибыли, то тогда в этом случае все остальные цели становятся второстепенными. Главная ли это цель в развитии человека, чтобы мы каждый год получали больше ВВП? Наверное, нет. Наша главная цель – потребности удовлетворить, как справедливо сказали наши коллеги. В том числе – образовательные. Образовательные потребности не только человека, а – общества!

Я думаю, что на это нужно обращать серьезное внимание, и к этому мы призываем, публикуя наши описания. Почему? Потому что мы как бы пытаемся подсказать – что же главное, что же

важное сегодня в развитии общества? Не вот эти, преподаваемые с большой помпой и большими капиталовложениями, курсы в вузах, где говорят о том, что главное – это прибыль, прибыль и прибыль, продвижение, маркетинг. Я сам в девяностые годы защищал докторскую диссертацию по маркетингу информационных систем и прекрасно понимаю, о чем идет речь, но, тем не менее, я говорю о том, что нам необходимо уделять внимание не только этому. Да, в сегодняшней экономике надо быть конкурентноспособными, но ведь будет и не экономика, ведь будет и другое время. И это время надо тоже приближать, продвигать, и к этому времени быть готовым. Люди, если они не будут об этом думать, не доберутся до такого состояния. И движение по экономическому пути развития в том виде, в котором мы видим, ни к чему хорошему не приведет, если вовремя не задуматься, не получить новые знания, не «имплементировать» их в голову и не остановиться.

Один остался вопрос – чтобы сделать на месте советника президента. Думаю, настаивал бы на ускорении решения, в том числе на практике, в нашей политике, тех вопросов и в том же ключе, что мы сегодня обсуждаем. Вот один из наших коллег – С.Ю.Глазьев – работал в должности такого Советника. Вы знаете, Сергея Юрьевича надо поздравить, он стал министром по интеграции ЕАЭС, и некоторые говорят – не понижение ли это? С моей точки зрения, советник президента может дать некие советы, его должность такая, по каким-то вопросам, которые ему поручены. Сергей Юрьевич Глазьев отвечал за вопросы интеграционного характера на постсоветском пространстве как советник президента. Сейчас с советника он повышен до министра наднационального органа, то есть его должность предполагает наднациональный характер. Его утверждает уже не президент России, а совет наших руководителей в ЕАЭС. В этом плане можно сказать, что он действительно на том верном пути, который позволяет нам тоже решать эти проблемы перехода к новому пространству. Потому что одной из задач, в решении которой я с ним принимал некоторое участие в Китае, где-то еще, в странах наших СНГ бывших – это вопросы технологической интеграции, цифровизации на общем пространстве; снятие барьеров через технологические решения и многие другие вещи,

абсолютно практические, но сподвигающие нас к тому, о чем мы сегодня говорим. Передадим ему привет. А задачи, которые сегодня называются, они общие, и нам с вами их надо поднимать на всех уровнях, каждому на своем месте. Спасибо.

Бузгалин А.В.: Большое спасибо, Сергей Дмитриевич. Спасибо всем участникам семинара, всем, кто задавал эти вопросы. У нас получился, по-моему, очень содержательный, глубокий разговор, с импульсами для будущего: как минимум – тема будущего рынка, как максимум – тема будущего мировой экономической системы в контексте тех изменений, которые описаны в книге профессора Бодрунова. Сергей Дмитриевич, у вас найдется 5-10 минут подписать книги коллегам? Мы затянули, конечно. Хотя наш семинар удачно заканчивается автограф-сессией. Спасибо всем!

Часть 2.

**НИО.2: международные контексты
(материалы зарубежных семинаров и
конференций с участием
ИНИР им. С.Ю. Витте)**

С.Д. Бодрунов

ГОСУДАРСТВО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД¹

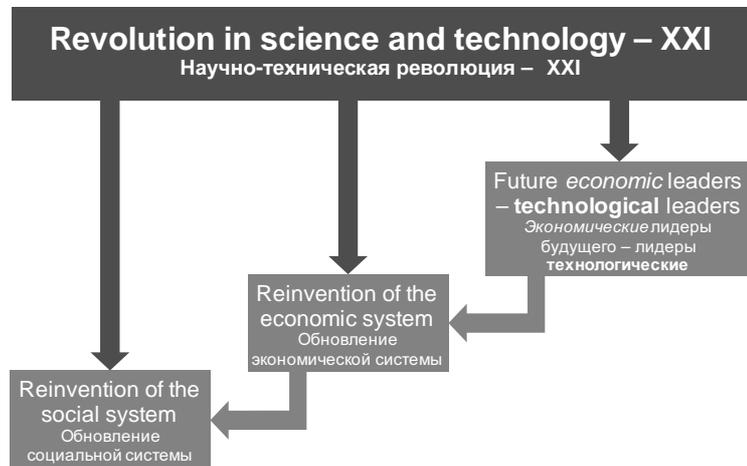
Доклад на Международной конференции «Экономика
будущего и будущее политической экономии»
(Франция, Лилль, 3-4 июля 2019 г.)

Уважаемые коллеги!

Новое тысячелетие ознаменовалось (слайд 1) так называемой Четвертой научно-технологической (иногда ее называют – и не зря – промышленной) революцией – возникновением глубоких и ускоряющихся изменений в технологиях, требующих обновления экономической и социальной систем, всех основных институтов общества. Становится всё более очевидным: экономические лидеры будущих десятилетий – лидеры технологические.

S.Y. Witte Institute for
New Industrial Development (INID)

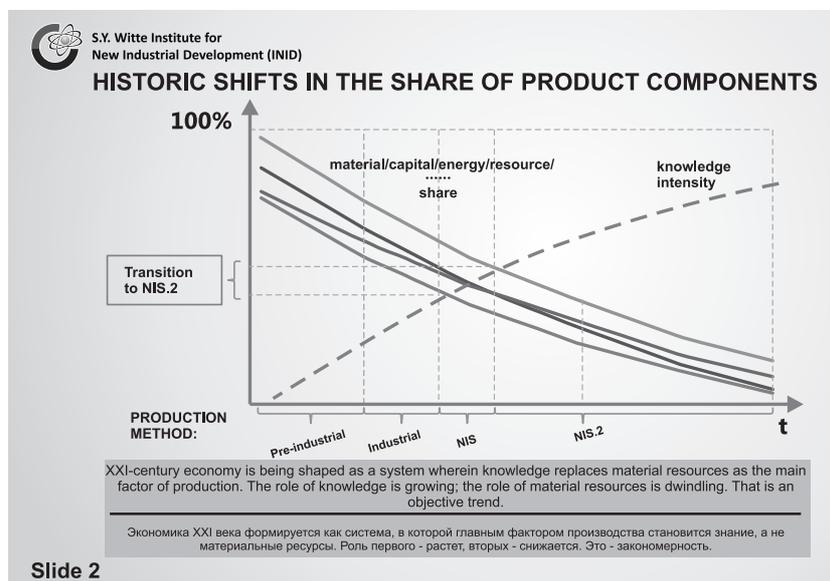
Slide 1

¹ Опубликовано в журнале «Экономическое возрождение России». – 2019. – № 3(61). – С. 11-14.

Этот подход был четко выражен на прошедшем два месяца назад в Московском государственном университете Четвертом международном политэкономическом конгрессе (МПЭК), который стал одним из основных событий Московского академического экономического форума (МАЭФ) – важнейшего пространства дискуссий по экономической теории и экономической политике в России и в мире.

Эти мероприятия проходили под эгидой Российской академии наук и Вольного экономического общества России – старейшей (нам уже более 250 лет) и крупнейшей (объединяющей около 300 000 членов) общественной организации нашей страны, и, как президент этого общества, я взял на себя ответственность сформулировать некоторые важнейшие положения, прозвучавшие на этих форумах.

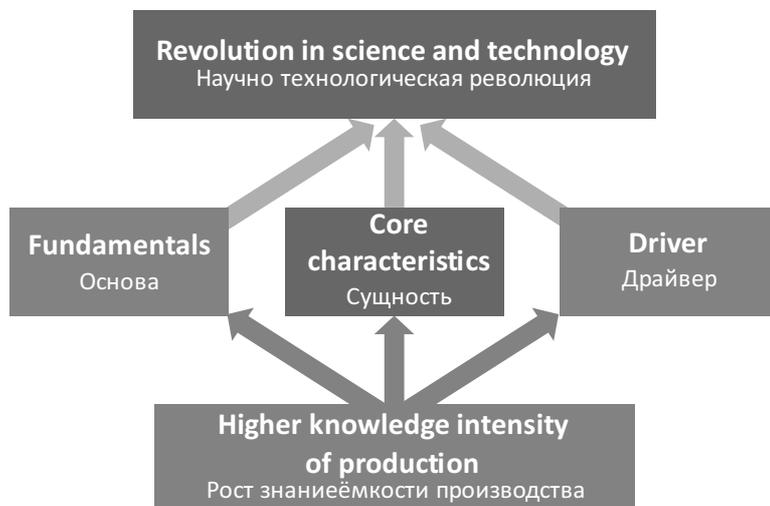
Итак. Сегодня, как никогда, необходимо возрождение, но на новой основе, парадигмы, утверждающей *примат материального производства*. Это – обращение к тому фактору, который реально изменяет облик экономики: экономические отношения и институты, «правила игры» и экономическая политика должны соответствовать вызовам технологической революции. (Слайд 2).

И главное, фундаментальное здесь – изменения в содержании материального производства, обусловленные ростом его знаниеемкости.

Экономика XXI века формируется как система, в которой главным фактором производства становится знание, а не материальные ресурсы. Роль первого – растет, вторых – снижается. Это – закономерность. Мы должны не только зафиксировать этот тренд – тренд неуклонного роста знаниеемкости производства – но и сделать на этой основе соответствующие теоретические и практические выводы.

Начнем с того, что в политэкономической методологии принято называть базисом. Рост знаниеемкости производства – это основа технологической революции, ее сущность. А, как известно, именно противоречия сущности некоторого явления составляет источник и движущую силу его развития, говоря современным языком – драйвер. (Слайд 3).

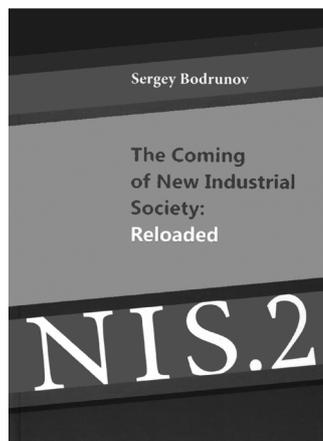
Slide 3

В данном случае таким драйвером технологических трансформаций становится то, что кажущееся (подчеркну – кажущееся!) нематериальным феноменом знание становится основой и источником прогресса материального производства. И это не уход в постиндустриализм – эти иллюзии нам дорого стоили – это прогресс как раз материального производства, акцент на приоритете которого делает именно политическая экономия. Отсюда – востребованность именно ее методологии, теории и даже языка для исследования технологических, экономических и социальных трансформаций XXI века.

Рассмотрим этот вопрос чуть подробнее. Технологическая революция является порождением стремления человека ко все более полному удовлетворению своих непрерывно возрастающих потребностей. И происходит это через знание, включая познание человеком и самих новых потребностей, и механизмов их удовлетворения. (Слайд 4).

S.Y. Witte Institute for
New Industrial Development (INID)

Slide 4

Technological revolution stems from people's quest for full satisfaction of their ever-growing wants. Such satisfaction occurs through knowledge and incorporates the recognition of new wants and exploration of mechanisms for their satisfaction. Technological progress leads to the creation of a new type of material production and new type of society. J.K. Galbraith's the new industrial state and postindustrialist chimeras will be replaced with the **new industrial society of the second generation (NIS.2)**.

Технологическая революция является порождением стремления человека ко все более полному удовлетворению своих непрерывно возрастающих потребностей. Это происходит через знание, включая познание и самих новых потребностей, и механизмов их удовлетворения. Технологический прогресс ведет к формированию нового типа материального производства и нового типа общества. На смену новому индустриальному обществу Джона Кеннета Гелбрейта и миражам постиндустриализма идет **новое индустриальное общество второго поколения (НИО.2)**.

В свою очередь, технологический прогресс ведет в современных условиях к формированию не только нового типа материального производства, в котором человек шаг за шагом переносит, в соответствии с предвидением Маркса, на плечи машин все то, что они могут делать без его участия, постепенно выходя из непосредственного процесса производства. Рождается новый тип общества, идущий на смену и новому индустриальному обществу Джона К. Гэлбрейта, и миражам постиндустриализма – мы его называем новым индустриальным обществом второго поколения (НИО.2).

Новоиндустриальный переход в ближайший исторический период создает возможность сформировать динамический (!), постоянно обновляющийся баланс несимулятивных потребностей и возможностей их удовлетворения. Подчеркну – несимулятивных, т.е. «работающих» на прогресс человеческих качеств, а не на размножение потребностей-симулякров общества потребления.

Такой все ускоряющийся технологический прогресс (как математик по одному из моих образований я бы говорил здесь об аналоге ускорения ускорения!) есть важнейшая характеристика рождающихся на наших глазах качественно новых производительных сил (подчеркну еще раз – здесь более чем уместны категории классической политэкономии). Но такой технологический прогресс, прогресс знаниеемкости производства, формирует не только «умную» экономику» Нового индустриального общества второго поколения. Он создает предпосылки формирования новой системы всех общественных отношений и целей развития.

Последнее подчеркну: политическая экономия говорит не только и, может быть даже не столько о средствах, сколько о целях развития.

В этой связи сформулирую утверждение, которое, возможно, выглядит парадоксальным: в условиях научно-технической революции, порождающей не только возможности, но и проблемы, угрозы, основные дилеммы даже экономического развития перестают быть узко-экономическими, я бы даже сказал жестче – собственно экономическими. Это – вопросы определения стратегических целей развития и, в частности,

выделения ключевых направлений технологического развития и прогресса человеческих качеств, ибо, как известно, *ни один ветер не будет попутным для того, кто не знает, куда плыть.*

Мы в данном случае хотели бы обратить внимание на то, что эти цели лежат в рамках нелинейного, но неуклонного продвижения человечества в направлении формирования того типа общественного хозяйствования, который придет на смену экономике и который мы назвали НООНОМИКА. Именно ноономика и практикуемый в ее рамках тип производства станет базисом формирования нового типа общественных отношений – НОООБЩЕСТВА.

Ноономика – это не механический синтез экономики и ноосферного развития общества, о котором говорил Вернадский. Это – не «экономика ноосферного общества»! Это – не экономика, это – постэкономика, имеющая особые черты. Это – новый, неэкономический тип удовлетворения человеческих потребностей, который сформируется через новое качество производства, в котором человек станет (и об этом писал выдающийся политэконом К.Маркс, цитирую), «по ту сторону собственно материального производства». И это – то новое качество самого человека, на долю которого выпадет творческая по преимуществу деятельность.

Это, наконец – новые потребности. Прежде всего – в знаниях. Осознанные, несимулятивные потребности – и способы удовлетворения таковых отделившейся от человека производящей системой.

И, в завершение концептуальной платформы, это – иные общественные, неэкономические отношения, и иная, ноо-система ценностей и общественных институтов.

Все это – не футурология. Это – реализация прогностической функции науки, едва ли не главной ее функции. Книга об этом – «Ноономика», удостоенная в прошлом году в Берлине Премии Всемирной политэкономической ассоциации «За выдающийся вклад в развитие политэкономии XXI века» (за что я выражаю, пользуясь таким отличным случаем, свою признательность ведущим специалистам мирового политэкономического сообщества) – доступна участникам

Конференции на русском и английском языках и позволяет убедиться в этом всем желающим.

На этой основе возможно и необходимо *переосмысление роли государства в условиях глубоких технологических трансформаций.*

В нескольких словах я бы свой посыл сформулировал так: *умному производству нужно умное государство.* Модель государства – «ночного сторожа», которая на самом деле в чистом виде не работала даже в XIX веке, становится абсолютно непригодной для XXI столетия. Глобальные проблемы и технологии эпохи Четвертой промышленной революции на первый план выводят вопрос *подчинения действий государства интересам и общества в целом, а не отдельных групп. Это не только политическая, но и экономическая проблема, требующая политико-экономического анализа. Нужен целенаправленный поиск не только политических, но и социально-экономических альтернатив тому, что я бы назвал «манипулятивной демократией».*

Предпосылка решения этой проблемы – отказ от догмы, что только рынок есть экономическая основа демократии и переход к поиску моделей такого государственного регулирования, которое бы отражало интересы общества. В условиях знаниеемкого, «умного» производства это достигается путем формирования умного – меритократического – государства.

Только на этой основе можно пройти между Сциллой всеобщей административной мобилизации, о необходимости которой говорят отдельные радикальные государственники в России (и не только), и Харибдой «рыночного фундаментализма», видящего в государстве лишь политический механизм, компенсирующий «провалы рынка». Государство может и должно оставаться актором, действующим в современной *рыночной* экономике – действующим, не подменяя бизнес, но создавая систему институтов, тормозящих финансиализацию и симулятизацию потребностей, стимулирующих в то же время прогресс высоких технологий, их имплементацию в материальное производство, реализацию на этой основе социальных, гуманитарных и экологических

приоритетов. В XXI веке побеждает тот, кто реализует теоретически выверенный курс на активное общественное регулирование рыночной экономики, стратегическое планирование, государственно-частное партнерство.

Более того, задачей государства становится *диалектическое сопряжение мобилизации и либерализации*: активно стимулируя производство в сферах прорыва, в остальных областях экономической жизни государство может создавать либерализованную атмосферу, обеспечивая действенное функционирование механизмов рыночного саморегулирования.

Конкретизируем наши выводы. Движение к ноономике через «промежуточную станцию» новоиндустриальной, «умной» экономики в НИО.2 предполагает, что уже сегодня необходимо начать существенные изменения в роли и функциях государства.

Во-первых, активизация поддержки государством образования и его постепенная социализация, увеличение меры его общедоступности и, главное, переориентация его на решение задач гармоничного развития личности человека, а не только на формирование компетенций и навыков профессионала.

Во-вторых, для ускорения технологической революции государство должно взять на себя функции разработки и реализации долгосрочных стратегических программ научно-технического развития, включающих в свою орбиту деятельность не только государственных предприятий, но и частного сектора, университетов и др.

В-третьих, императивом деятельности государства должен стать акцент на культурном развитии человека, а не на наращивании ВВП любой ценой как стратегической цели общественного прогресса, о чем уже не первое десятилетие говорит мировая научная общественность.

В-четвертых, необходимо обеспечить движение в направлении не только к «умному производству», но и «умному государству». В обоих случаях речь может идти о передаче рутинных функций от человека к автоматизированным системам, об интернете не только вещей, но и государственных функций.

Но все это – только ближайшая перспектива. Стратегически по мере движения к ноономике функции государства должны претерпеть гораздо более глубокие

изменения. Технологические достижения создадут предпосылки для постепенного снятия противоречий финансиализации, общества симулятивного потребления, утилитарного отношения к природе; знание станет основой нового, постэкономического производства, а развитие человека-творца – основой общественных отношений. В каждом из этих аспектов роль государства будет изменяться по-разному. Государство как институт не исчезнет в ноообществе, но претерпит принципиальные качественные изменения.

Представляется, что со снижением значимости экономических отношений регулятивная функция государства в сжимающейся экономике будет снижаться, в то время как его роль в качестве «согласователя» интересов членов общества, общественных и частных интересов, касающихся развития личности, будет становиться все более значимой.

Завершая свой доклад, отмечу – все это императивы цивилизационного развития, если мы хотим сохранить нашу цивилизацию. В реальности же пока доминируют совсем иные процессы. К их числу относятся процессы повсеместного возрастания бюрократизации управления, господство финансиализации в экономике, растрачивание гео- и биосреды на реализацию зачастую псевдопотребностей общества, отсутствие прогресса в решении социальных проблем и неравенства, и т. п. Такое развитие чревато коллапсом экономики, природы и человека.

Пути решения этих проблем предоставляет технологическая революция, разворачивающаяся на наших глазах; она, однако, обуславливает необходимость глубоких изменений и в экономике, и в трансформации роли государства. Их основополагающая картина, при всех различиях в деталях, сводится к следующему: **приоритетом будущего развития должно стать стремление не к экстенсивному росту и максимизации частной выгоды, а к увеличению общественного блага и качества жизни людей – на основе высокотехнологического и знаниеемкого общественного производства.**

Часть 3.

**НИО.2:
ЧТО СЕГОДНЯ?**

С. Д. Бодрунов

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ТРЕБУЕТ ГЛУБОКОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ¹

Доклад на открытии Пленарной сессии
Санкт-Петербургского международного экономического
конгресса (СПЭК-2019) «Форсайт «Россия»: будущее
технологий, экономики и человека»
(Санкт-Петербург, 3 апреля 2019 г.)

Принципиальная особенность текущего периода развития мировой экономики – качественная трансформация ее технологического базиса. Приходит понимание того, что эти изменения – не просто текущие «усовершенствования», происходящие каждодневно. Мы стоим в начале *качественных трансформаций*, которые формируют глобальные вызовы для будущего социально-экономического развития. От монотонно-успокаивающих разговоров о постиндустриальном обществе, миражи которого заслоняли полисимейкерам и даже ученым пустыню деиндустриализации, началось движение к новой парадигме – *реиндустриализации*, восстановлению промышленности на качественно обновленной технологической основе.

У нас этот переход, несмотря на призывы верхнего эшелона власти, остается областью слов, а не дел. Областью разговоров, преимущественно о необходимости восстановления промышленности и техническом прогрессе; и все больше разрозненных упоминаний о тех или иных аспектах этих изменений. Но наши проблемы имеют совершенно другой масштаб, что только сейчас начинает осознаваться.

Между тем, ИНИР им. С. Ю. Витте в диалоге с рядом ученых РАН и мира работает над этими вопросами уже более 20 лет; в последние годы – совместно с огромным количеством участников-единомышленников на наших конгрессах (СПЭК и

¹ Опубликовано в журнале «Экономическое возрождение России». – 2019. – № 2(60). – С. 5-11.

ПНО). В отличие от господствующих не слишком концептуализированных (а часто и не систематизированных) перечней новых технологий, мы предлагаем теоретическое осмысление этих трендов и считаем, что в основе всех изменений лежит *рост знаниеемкости материального производства*.

Отсюда вытекает все остальное: генерируемые этим знанием новые *НБИКС-технологии*; необходимая для знаниеинтенсивного прогресса *интеграция* производства, науки и образования; курс на основанную на высоких технологиях *реиндустриализацию*; возможность *опережающей* (в случае получения и освоения надлежащих знаний), а не догоняющей траектории развития российской экономики – перечень легко продолжить.

Все остальные компоненты (роботы, компьютеры, интернет, новые источники энергии, цифровые и нанотехнологии) – все это следствия, блоки, элементы происходящего на наших глазах, но не до конца осмысленного (и обществом, и научным сообществом) сдвига. Суть этого сдвига (намеренно повторю) в том, что знания, а не вещи стали решающим фактором прогресса: 1) индустриального, 2) материального и 3) производства, а не некоего постиндустриального мира.

Качественное изменение материального производства приводит к рождению нового качества экономики и общества – нового индустриального общества второго поколения, которое становится прологом для последующего рождения качественно иного способа хозяйственной деятельности человека – нономики.

Подчеркнем: вывод о переходе к знаниеемкому типу материального производства как основе всех остальных изменений, ведущих к новому индустриальному обществу второго поколения, 5 лет назад впервые озвученный на нашем конгрессе, находит все большие подтверждения и получает все большее признание. Жизнь убеждает нас в его правоте.

Первое. Индустриальный по своим базисным характеристикам тип производства – это не прошлое. Это – и настоящее, и будущее. И XXI в. – это век рождения и все более быстрого прогресса новой, *знаниеемкой, индустрии*.

Второе. Это индустриальное производство является по своему содержанию *материальным*, ибо знания служат

средством прогресса материальной жизни общества и человеческих качеств. На этой – материальной – основе могут и должны расцвести и культура, и образование, и наука, которые в процессе обратного влияния становятся важнейшими факторами и прогресса самого материального производства, и его ноосоставляющей.

Третье. Мы говорим о качественно новом индустриальном материальном *производстве*. Акцент на производстве в данном случае принципиально важен, ибо он обуславливает ряд важнейших и актуальнейших следствий.

Производство – это *прежде всего труд и человек труда*. Эти темы звучат у нас все реже, будучи задавлены вопросами финансов, денег, кредитов, торговли, маркетинга, и т. д. Между тем одна из важнейших основ перехода к НИО.2 – это развитие *нового содержания труда и нового работника*.

Акцент на производстве важен и для осуществления *реформ* в управлении экономикой, где у нас уже не первое десятилетие господствуют финансовый капитал и финансовые ведомства. Наконец, приоритет производства должна учитывать и *экономическая теория*, где не худо бы вспомнить о новых разработках представителей и классической политической экономии, и мир-системного анализа, и ряда других научных школ.

В чем же суть знаниеинтенсивной экономики, каковы ее основные черты? Ответам на эти вопросы посвящены доклады на Санкт-Петербургских экономических конгрессах (2016–2017 гг.), наш доклад и его обсуждение на Секции экономики Российской академии наук в марте 2015 г., а также книги, которые предлагаются вниманию участников конгресса. А сейчас ограничимся несколькими репликами:

Наиболее ярко происходящие технологические сдвиги характеризует прямо *противоположная динамика* двух параметров: *роли и места* в создаваемых вновь продуктах *вещественных* факторов (1) и *знания*, возрастающего знания, формирующего знаниеемкий продукт (2).

Изменяется *процесс технологических инноваций* – для него характерны: а) «ускорение ускорения», своего рода вторая производная технологических обновлений; б) *непрерывность* инновационного процесса.

Формируются *возможности* и одновременно *необходимость интеграции производства, науки и образования* на микро- и макроуровнях.

Следствием этой трансформации становится изменение *места человека в общественном производстве* – он все более активно занимает положение «контролера и регулировщика», что еще 150 лет назад предвидел Карл Маркс.

Возникают условия для постепенного снижения давления и *вытеснения симулятивных потребностей* мира пресыщения, и складываются материальные предпосылки для развития *человека знающего*, культурного; именно такой человек становится востребованным знаниеинтенсивным производством.

Все эти выводы, как уже говорилось, были представлены в виде научных гипотез на наших конгрессах и в дальнейшем получили некоторое подтверждение и определенное признание. Более того, мы уже далеко продвинулись вперед, уйдя от проблематики нового индустриального общества второго поколения и занимаясь в последние два года тематикой более отдаленной перспективы.

Проблема в том, что в данном случае теория, к сожалению, забегает вперед по отношению к практике, особенно в нашей стране. И хотя теория здесь – это пояснение целей, к которым надо идти в реальной экономической практике, но, как сказал классик: «... суха теория, мой друг, а древо жизни пышно зеленеет».

Итак, ситуация в российской экономике, мягко говоря, неоднозначна. Справедливости ради отмечу – за 5 лет многое в нашей стране (как в экономике в целом, так и в продвижении идей восстановления индустриальных мощностей) удалось изменить к лучшему. Много, но далеко не все. Да и внешний контекст непрост. И дело не только в санкциях и контрсанкциях. На наших глазах меняется конфигурация мирового политико-экономического пространства. Россия оказывается перед жестким выбором: или стать одним из авторитетных игроков на этом поле, или оказаться в положении страны, зависимой от новых фаворитов и экономически, и политически.

В конце прошлого века угроза второго пути была более чем реальна. В последние годы ситуация меняется, и высокий уровень суверенитета России стал геополитической реальностью.

Однако геоэкономический суверенитет нашей страны пока под большим сомнением. Нам удалось осуществить прорывы в сфере оборонного производства, наметились (пусть весьма неоднозначные, но все же позитивные) сдвиги в аэрокосмической сфере, в строительстве транспортных (в том числе – трубопроводных) сетей. Мы смогли реализовать проекты мирового уровня в спорте (Олимпийские игры 2014 г. и недавний чемпионат мира по футболу), которые невозможно осуществить без приличной экономики.

Но у этой медали есть и другая сторона (см. рисунок). Президент поставил задачу повышения темпов роста и вхождения в пятерку мировых лидеров. Однако у нас в экономике вот уже 10 лет наблюдается тенденция к стагнации, медленный рост перемежается спадами. Хотя за последние 10 лет мы имеем средний рост в 1 % в год, и это вопреки предыдущей деиндустриализации, санкциям, негативной конъюнктуре и т. п., что неплохо, но сегодня этого мало. Относительно оптимистичные цифры Росстата о результатах 2018 г. (рост ВВП на 2,3 %) нас не особенно вдохновляют, ибо, чтобы начать догонять (хотя бы по экстенсивным показателям) наших основных геополитэкономических конкурентов, по оценкам многих макроэкономистов, нам нужны цифры, как минимум в два раза большие. Только в этом случае мы можем опередить по темпам роста мировую экономику.

Но это – часть проблемы и не самая важная. России нужен не столько экстенсивный рост, сколько интенсивное развитие. Рост ВВП сам по себе не отражает реальных *качественных* сдвигов в экономике, я говорил и писал об этом лет 10 тому назад, как и многие коллеги. Именно здесь у России есть немалые проблемы.

За годы обострения внешнеполитических проблем мы не смогли в полной мере решить задачу *импортозамещения в сфере высокотехнологического промышленного материального производства*. У нас все еще нет соответствующих мировому уровню массовых производств *знаниеемкого оборудования*, налицо дефицит современных кадров. У нас все еще большие проблемы с развитием как академической, так и прикладной науки.

О чем говорят наши успехи и наши проблемы? О том, что в стране есть и потенциал, и стремление решить проблемы, и это очень важно. Но четко выраженной стратегии, которая позволит использовать этот потенциал, пока нет. Более того, складывается ощущение, что и в обществе, и у властных структур нет понимания всей остроты необходимости глубокого реформирования системы экономических отношений и институтов, четкого осознания вытекающих из этого целей и методов экономической политики. И в первую очередь, нет, на мой взгляд, очень важного акцента – на необходимости отказа от ряда догм монетаристски-ориентированной экономической теории и экономического образования. А *последнее* играет отнюдь *не последнюю* роль в формировании кадров, определяющих экономический курс страны, ее будущее. И здесь большая ответственность лежит на экономической науке.

Россия	Глобальная экономика
Средний рост ВВП в 2008–2018 гг. } 1 %	
Прогноз роста ВВП: S & P Global Rating (2018–2021 гг.) ≈ 1,7...1,8 %; Правительство РФ – 2...3 % (к 2021 г.)	Прогноз роста ВВП на 2019–2020 гг. (Fitch): ≈ 2,8...3,1 %

Необходимо существенное повышение темпов и качества экономического развития

Мы должны помочь теоретически правильно сформулировать, *во-первых*, цели нашего развития. Об этом мы обычно мало задумываемся, ограничиваясь постановкой количественных задач: удвоение ВВП, вхождение (опять же по общему объему ВВП) в пятерку крупнейших стран мира и т. п. Между тем правильное определение цели – это главное. Обоснование выбора стратегически выверенных целей и дает наука, теория, которые позволяют не просто предугадать – *обосновать* направления будущего развития. Наши совместные исследования (в том числе наработки ИНИРа и коллег по нашему конгрессу, ведущиеся в непрерывном диалоге с учеными Российской академии наук, с экономистами, объединенными в

Вольное экономическое общество) показывают: такая *цель* – это *ускоренный технологический прогресс*, ведущий к прогрессу человека, общества и экономики. Этот вывод, казавшийся едва ли не очевидным уже в середине XX в., долгие годы у нас *на практике* подвергался не просто сомнению или переносу «во второй ряд», но забвению. Ставились по преимуществу тактические цели, причем приоритетно не связанные с технологическим развитием.

В последнее время, еще раз отмечу, произошли некоторые позитивные подвижки: сформированы Национальные проекты, предложена Национальная технологическая инициатива. О необходимости технологического развития неоднократно заявлял Президент страны, в том числе в недавнем Послании Федеральному Собранию. Это – весьма правильные шаги в направлении подъема национальной технологической базы. Но до целостного стратегического плана социально-экономического развития, в основу которого будет положен научно-технический прогресс, пока далеко.

Во-вторых, мы должны определиться с ресурсами. Для экономистов-практиков кажется едва ли не очевидным, что в данном случае речь должна идти в первую очередь о деньгах. Но это – не так. Самое парадоксальное, что деньги-то в России есть. Это убедительно доказал академик А. Г. Аганбегян. И я говорю не только о наших ЗВР, о профиците государственного бюджета. И даже не только о том, что около триллиона рублей бюджетных ассигнований прошлого года не было использовано. Речь идет и о других резервах, например: у нас до 30 трлн рублей – накопления предприятий, свыше 40 трлн – у населения, до 20 трлн рублей (а это, считай, годовой бюджет РФ!) составляет теневая экономика; все еще большие объемы капиталов вывозятся из страны и т. п. Как видим, дело не в финансовых источниках технологической интенсификации.

В знаниеинтенсивной экономике речь должна идти главным образом о человеческих ресурсах. И они в России тоже есть (РФ занимает одно из первых мест в мире по доле креативного класса, если считать по методике известного американского социолога-«креативиста» Ричарда Флориды), но эти ресурсы нашей экономикой «сегодняшнего лица»,

нынешнего типа – пока еще не востребованы в той мере, которая необходима для прорыва.

А чтобы имеющиеся деньги и человеческий потенциал интенсивно и стратегически точно использовать, необходимы, *в-третьих*, глубокие изменения в социальноэкономических отношениях и институтах. И начинаться они должны уже сейчас. Речь идет о системе мер, уже не раз предлагавшихся и представителями Секции экономики РАН, и экспертами ВЭО, и нами:

- 1) *ход от рыночного фундаментализма*, с чем солидарно большинство интеллектуалов, не говоря уже о гражданах, но за что держится (по экономическим причинам) меньшинство;
- 2) промышленная политика и стратегическое планирование;
- 3) активизация инвестиционной деятельности и концентрация главных ресурсов в базовых сферах технологического прорыва;
- 4) овершенствование государственного управления: «умной экономике» нового этапа развития общества нужно «умное государство»; повышение уровня доверия общества и бизнеса к государству.

Кроме среднесрочных *практических* решений, однако, необходимы и *теоретические* разработки, ориентирующие нас на долгосрочные перспективные подвиги. А они будут носить *качественный* характер. Рост знаниеинтенсивности производства ведет к формированию новой реальности, перспективы генезиса которой открываются уже сегодня. Эта перспектива – переход к *ноономике*.

Презентации нашей книги «Ноономика», вышедшей в 2018 г. на русском и английском языках, в Питере, Москве, Кембридже и т. д. показали, что общие закономерности, выделенные в нашей работе, большинством рецензентов поддерживаются, о чем говорили в Кембридже профессора Дэвид Котц, Дэвид Лайбман и Радика Дессаи. Весьма позитивный отзыв дал С. Амин, один из гуру мир-системного анализа. В Москве с позитивной в целом оценкой работы выступили академик С.Ю. Глазьев, профессора

С.Н. Бобылев, М.И. Воейков, С.А. Толкачев, член-корреспондент РАН Р.С. Гринберг и другие крупные специалисты.

Но, как показала практика научной дискуссии, присутствует и некоторое непонимание. Ноономику большинство пытается представить как некую «умную экономику» или «экономику эпохи ноосферы». Однако речь идет о *качественно новом* явлении. Ноономика – это неэкономический способ хозяйствования, удовлетворения несимулятивных потребностей общества и его членов. Это переход к реальности, которую в определенном смысле можно назвать постэкономической, о способе хозяйствования, где традиционные параметры – деньги, собственность, утилитарные и тем более симулятивные потребности – не будут иметь определяющего значения.

И где потребности людей в получении доступа к благам будут определяться не симулятивными контекстами экономической стороны бытия, а критериальной базой *ноообщественных отношений*. И причиной этого будут вовсе не романтические намерения, а сугубо материальные факторы: технологическое развитие, приводящее к формированию умного материального производства, позволяющего создавать утилитарные блага без прямой помощи человека и оставляющее на его долю самые главные – содержательно-творческие, собственно человеческие функции.

Но это – будущее. Пока же наши задачи скромнее, но вместе с тем – и труднее: сделать первые, подчас мучительные, но абсолютно необходимые шаги в этом направлении, именно в этом, иначе – возможна реализация самых чудовищных антиутопий.

С.Д. Бодрунов

**ПЛАН И РЫНОК:
ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ¹**

**Доклад на Абалкинских чтениях
Вольного экономического общества (ВЭО) России
(Москва, РЭУ им. Г.В. Плеханова, 25 апреля 2019 г.)**

Тема соотношения плана и рынка – одна из классических тем для обсуждения в современной экономической науке. Особый интерес она вызывает в нашей стране, в которой – в силу исторических причин – отношение к плану и рынку, как в теоретических исследованиях, так и в практике реализации экономической политики, неоднократно диаметрально менялось.

Если обратиться к сравнительно недавнему историческому прошлому России, то можно отметить, что в советский период ее развития принцип плановости в экономике абсолютизировался до степени, если можно так выразиться, фетишизации. В политэкономической теории социализма в качестве одного из основных законов развития провозглашался закон планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства. Из этого вытекала предопределяющая роль планирования для всей экономической политики и практики хозяйствования на всех уровнях социально-экономической системы.

В дальнейшем у нас, на рубеже XX и XXI веков, при переходе к рыночной экономике, принцип планирования, напротив, стал отвергаться, зачастую огульно и без должной аргументации. Эта теоретическая позиция уходит корнями в принцип свободы рыночных отношений невмешательства государства в рыночные процессы (*laissez-faire*), которого придерживался А. Смит и его последователи, а также в

¹ Опубликовано в Научных трудах Вольного экономического общества России. Том двести шестнадцатый. – №2. – 2019. – С. 190-203

либеральное видение государства в экономике в роли «ночного сторожа». Однако итоги рыночных реформ, выстроенных на идеологии и методологии рыночного фундаментализма, показали, что такая крайняя степень доверия к «невидимой руке рынка» не дает желаемых практических результатов. Попытка полностью лишить экономическое развитие плановой компоненты привело к тому, что само это развитие, спотыкаясь на каждом шагу, фактически остановилось, сменившись затяжной стагнацией. За последние 10 лет рост нашей экономики составил в среднем 1% в год.

Неэффективность отказа от плановости в период радикальных реформ подтверждается известными фактами. Например, по данным Всемирного Банка, до уровня ВВП 1989 года Россия восстановилась только в 2008 году, т.е. через 17 лет, тогда как экономику России, полностью разрушенную 4-х-летней Первой мировой войной, революциями и гражданской войной, советской системе, принявшей плановый подход, удалось восстановить уже через 12 лет, а восстановление экономики после Великой Отечественной войны, при несопоставимо большем ущербе, произошло через 11 лет.

Неудивительно, что уже с конца 1990-х гг. в России (и в правительстве, и в кругах экспертов) стала приобретать всё большую популярность точка зрения о том, что полный отказ от планирования – это ошибка. Логично, что к настоящему времени пришло понимание того, что абсолютизация и плана, и рынка – это неконструктивная позиция. Очевидно, что плановый и рыночный подходы в управлении и регулировании хозяйственной деятельности должны неким образом органично сочетаться, формируя институциональную среду смешанной экономики.

Этот теоретический вывод не нов, еще экономисты немецкой исторической школы его отстаивали, указывая на институциональное своеобразие каждой конкретной экономики. Но мы в России, к сожалению, к этому выводу приходим сейчас – на основе нашего опыта, совершенных ошибок и просчетов. В вопросе о том, что в современной экономической политике плановые и рыночные регуляторы должны сочетаться и дополнять друг друга, достигнут, пожалуй, некоторый консенсус.

Открытым, однако, остается вопрос – в каком соотношении должны находиться эти регуляторы между собой, какое их сочетание является наиболее эффективным, с учетом конкретной российской институциональной специфики и других факторов.

Заметим, что необходимость планирования на микроуровне хозяйственной системы (уровне фирмы) даже фундаментальными рыночниками не оспаривается. Действительно, планирование – это одна из функций менеджмента, без реализации которой успешная работа компании невозможна. Однако, в силу проявления эффектов агрегирования, те правила, которые успешно используются фирмами, не могут быть механически перенесены на макроуровень. Здесь необходим другой инструментарий, базирующийся на несколько иных принципах.

Прежде всего заметим, что в мире апробированы два основных подхода к осуществлению макропланирования в экономике – индикативный и директивный. Пример реализации последнего мы могли видеть в СССР, а также в других т.н. социалистических странах. В их экономиках были созданы централизованные системы планирования, в которых план рассматривался как обязательное к исполнению предписание, директива. Данная модель планирования строилась на общенародной (государственной) собственности на активы предприятий – исполнителей плана. Это давало возможность государственному плановому органу выдавать предприятиям директивы и требовать их исполнения.

Очевидно, что в современных российских условиях, когда в стране преобладает частный бизнес, возможности применения директивного планирования ограничены. По имеющимся оценкам, имеющим достаточную доказательную базу (табл. 1), доля госсектора в экономике России варьируется в диапазоне от 26 до 41% в ВВП. При этом сюда включены и значимые доли государства в частных компаниях, влияние на которые, очевидно, возможно лишь в рамках процедур корпоративного управления, но никак не посредством планов-директив. Понятно, что здесь может применяться только индикативное планирование.

Таблица 1

Источник	Доля госсектора в ВВП России
Росстат (2016 г.)	26,2 %
Всемирный банк (2015 г.) https://www.vedomosti.ru	36,8 %
(2017 г.) https://www.vedomosti.ru/opinion/article/s/2017/11/14/741701-skolko-gosudarstva	40,9 %

Тем не менее, многое из советского опыта планирования может использоваться и сегодня. Например, речь может идти о практике планирования по пятилетним периодам. Этот срок, по нашему мнению, определяется не некоей «магией цифр», а вполне прагматичными соображениями: именно за такой срок, при должной организации работ, как правило, можно создать и ввести в эксплуатацию современное крупное промышленное предприятие. Возможно, стоило бы «привязать» сроки к электоральным циклам.

Реализуемая же сегодня схема планирования бюджета страны на три года (по схеме 1+2 года), с позиций управления не финансовыми потоками, но процессами в реальном секторе экономики, нам представляется неоправданно краткосрочной. И последствия ее непроработанности регулярно можно видеть на практике, при сокращении государственного финансирования и/или сдвиге сроков исполнения госпрограмм, что, с очевидностью, приводит к их неполной реализации.

Именно на недостаточную «погруженность» современного государственного, если позволите, планирования в реальную экономику хотелось бы обратить внимание. Сегодня главный государственный плановый документ – это фактически бюджет. Он оперирует, что естественно для него, финансовыми показателями, и за их достижение отчитываются соответствующие чиновники. Но насколько эти финансовые ассигнования способствуют прогрессу реального сектора экономики? Этот вопрос малоисследован и остается открытым,

ведь целевая установка такого подхода – вовремя и в полном объеме, с оформлением установленных документов «освоить» бюджетные средства, а вовсе не решить стратегические задачи развития, на которые они выделены.

Для подтверждения этого вывода взглянем на структуру расходов федерального бюджета на реализацию госпрограмм в 2019 г. (табл. 2).

Таблица 2

Бюджетные ассигнования по госпрограммам в разрезе главных распорядителей бюджетных средств на 2019 г. в млн руб.
(фрагмент)

092. Министерство финансов Российской Федерации	3 049 604,3
392. Пенсионный фонд Российской Федерации	996 757,1
393. Фонд социального страхования Российской Федерации	724 961,4
188. Министерство внутренних дел Российской Федерации	698 120,7
074. Министерство образования и науки Российской Федерации	378 951,1
108. Федеральное дорожное агентство	344 973,9
149. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации	260 091,4
320. Федеральная служба исполнения наказаний	222 245,6
020. Министерство промышленности и торговли Российской Федерации	197 596,3
082. Министерство сельского хозяйства Российской Федерации	175 424,0
177. Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий	166 172,2
182. Федеральная налоговая служба	114 250,7

Данные Министерства экономического развития Российской Федерации <https://programs.gov.ru/Portal/analytics/structureFin>

Из таблицы 2 видно, что «главное министерство» в стране – Минфин России. Но приоритеты этого министерства не предполагают ответственности за развитие промышленности, системы госуправления, рост уровня жизни населения и т.д. Очевидно, что такое закрепление распределения ресурсов не способствует эффективной реализации даже самых тщательно проработанных и научно обоснованных программ и планов. Замечу – о какой нацеленности на технологическую модернизацию может идти речь при бюджете Минпрома в размере меньше 200 млрд. рублей, что, к примеру, в 3,5 раза меньше, чем бюджет полиции, и в целом – примерно всего 1,3% от бюджета страны.

Представляется, что в механизме макропланирования в России, по нашему мнению, необходимо учесть отмеченную нестыковку ответственности и права распоряжения ресурсами, а также повысить уровень конкретности целей и механизмов реализации планов, обеспечить комплексность планирования с выделением приоритетов, которые должны отличаться постоянством.

К сожалению, при планировании в современной России приоритеты беспрестанно меняются, что не позволяет понять – что же является «истинным приоритетом». Между тем, при индикативном планировании, когда к реализации государственных планов должен привлекаться бизнес, эта неопределенность приводит к отсутствию у него мотивации работать с государством.

Приведем конкретный пример. Сравнительно недавно, в июле 2017 года, Правительством РФ была утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (табл. 3).

Таблица 3

Программа «Цифровая экономика»

Период исполнения	Всего ассигнований (на период 2018-2024 гг.)
Июль 2017 г. (старт)	3,54 трлн. руб.
Февраль 2019 г.	1,634 трлн. руб. (в т.ч. – привлечение частных инвестиций: 534 млрд. руб.)

На первом этапе о ней много писали и говорили, ее формированию предшествовала значительная по объему аналитическая работа. Было предусмотрено – в индикативном режиме – выделение на ее реализацию приличных бюджетных ассигнований, а также привлечение внебюджетных средств (средств частных инвесторов). Но уже по прошествии полутора лет, в феврале 2019 года, после заседания Совета при Президенте России по стратегическому развитию и национальным проектам, сумма плановых расходов по данной госпрограмме была сокращена более чем в два раза относительно изначально заявленных 3,54 трлн руб. На период 2018-2024 гг. запланированы расходы лишь в сумме 1,634 трлн руб., в том числе 1,1 трлн руб. – средства федерального бюджета и 534 млн руб. планируется привлечь из внебюджетных источников.

Как должен отнестись бизнес, работающих по подобным программам индикативного типа, к такого рода резким изменениям? Для него это – повышение рисков, т.к. приведенные факты служат подтверждением того, что государство – неблагонадежный партнер, верить которому нельзя, и следует страховать от его оппортунистического поведения. Ну, а механизмы страхования известны – завышение смет и приписки, искажение отчетности, невыполнение плановых заданий и взятых на себя обязательств и т.д.

К сожалению, проявляющаяся зачастую необязательность, недобросовестность российского бизнеса, работающего с государством, одной из базовых причин имеет как раз невыполнение государством взятых на себя обязательств. Итог – хорошо

работающее, например, во Франции или Республике Корея, в тех же Китае, Японии, индикативное планирование в России дает «сбои».

А ведь, по сути, индикативное планирование является одним из механизмов государственно-частного партнерства. Не в том – достаточно узком – смысле, который закреплен в соответствующем федеральном законе, а в смысле широком, фундаментально-экономическом. В рамках партнерства ведь взаимодействие между государством и компаниями (прежде всего – крупными, системообразующими) строится не по «вертикали», а по «горизонтали». Но это предполагает наличие эффективного арбитража для разрешения конфликтных ситуаций, возникающих в процессе реализации индикативных планов. А его нет. Соответствующие институты не созданы либо неэффективны.

В результате, номинально трансформируясь в горизонтальные, отношения сохраняют свой вертикальный характер. То, что иногда проявляется как «ручное управление». И обе стороны такого партнерства, прекрасно это осознавая, вынужденно строят свое экономическое поведение с учетом данного обстоятельства. Поэтому индикативный план, как и советский директивный последних лет Союза, становится фикцией, условностью. Взаимодействие при его выполнении из совместной продуктивной работы над важными народнохозяйственными, инновационно-технологическими, социальными и т.д. проектами вырождается в стремление «изобразить деятельность», «освоить выделенные средства» и «красиво отчитаться» об этом.

Почему так происходит? Потому что ошибки бизнеса ему никак не прощаются, за них он платит своим рублем, при этом – серьезные ошибки могут привести и к банкротству компании, а еще – порой и к ответственности вплоть до уголовной. Чиновник, напротив, практически ничем не рискует. Ни сам персонально, ни тот орган, от имени которого он действует. Ошибки можно совершать сколько угодно, обосновывать и фундаментально просчитывать решения, в силу означенного, не обязательно. Зададимся простым вопросом: сколько должностных лиц и каких структур правительства были уволены с работы, понижены в занимаемых должностях или понесли иную ответственность из-за «ошибки» в определении затрат на программу «Цифровая экономика» почти на 2 трлн рублей? А при совершении аналогичных ошибках в других документах

индикативного планирования? Ответа, к сожалению, нет. Точнее он есть: всерьез – нисколько.

Индикативный план – важный инструмент управления на макроуровне и по многим другим причинам, не буду за неимением времени их детально раскрывать. Но для того, чтобы такой план реально заработал, он должен быть – да! – директивой для самого государства. Его выполнение должно являться обязанностью органов управления и их сотрудников, а пересмотр должен иметь под собой веские основания и сопровождаться тщательным анализом причин совершенных ошибок, в том числе с публичным вынесением санкций виновным.

Еще одно важное требование к перспективной системе планирования, на которое мы указывали выше – это *комплексный характер* планов. Это требование – не общетеоретическое, как может показаться на первый взгляд. Оно определяется известным законом необходимого разнообразия У.Р. Эшби. Современная экономика – весьма сложная система, и, отметим, в ходе развития НТП, его влияния на общество при переходе к НИО.² она и далее будет усложняться и видоизменяться. Следовательно, и система управления ею, и в частности – подсистема планирования, должна иметь сложность и комплексность не меньшую, чем сама управляемая система. Без этого эффективность управления обеспечить невозможно.

И здесь вновь целесообразно, на наш взгляд, обратиться к советской практике планирования. Народнохозяйственные планы при СССР носили иерархический характер, охватывая все уровни хозяйственной системы – от страны в целом до отдельного предприятия. Конечно, такой целостный подход был возможен в силу того, что в стране предприятия находились в государственной собственности. Поэтому поступающие к ним от государственных органов плановые задания были обязательными для выполнения.

Конечно, сегодня такой директивный подход в некоей мере возможен лишь в отношении государственных предприятий или компаний с определяющим госучастием. Но и при индикативном планировании комплексность также необходима.

² Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. СПб., 2016

Может быть, даже в большей степени, т.к. некоторая «расплывчатость», присущая природе индикативных планов, определяемая их необязательным (для частного бизнеса) характером, требует еще более четкой позиции государства и тесной координации его взаимодействия с бизнесом при разработке и исполнении планов.

Т.о., среди первостепенных задач сегодня, хорошо понимаемых теоретиками, но, к сожалению, не имеющих удовлетворительных, с практических позиций, механизмов реализации, является интеграция индикативных планов как по уровням властной вертикали: федерация – ее субъекты – муниципалитеты, так и учитывающих бизнес-планы хозяйствующих субъектов. Попытка решить эту задачу строится на положениях Федерального закона от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О государственном стратегическом планировании», в котором описана модель единой многоуровневой системы планирования, ориентированной на достижение стратегических целей социально-экономического развития с использованием индикативных принципов и программных механизмов. К сожалению, в создаваемой сегодня национальной системе планирования утрачено главное звено экономики – предприятия, притом, что, собственно говоря, именно они и осуществляют экономические функции производства, распределения, обмена и потребления.

В заключение хотел бы еще раз подчеркнуть – план и рынок не находятся в антагонизме, это – две формы управления и регулирования хозяйственного развития, которые в современных условиях могут и должны сочетаться между собой. Хозяйственная действительность многообразна, поэтому и способы управления ею также должны быть комплексными и гибкими.

Некоторые направления интеграции планового и рыночного регулирования, на базе методологии и теоретических положений стратегического и индикативного планирования, нами выше обозначены. Но глубина рассмотренной проблемы, конечно же, не исчерпывается предложенными выше замечаниями. Необходимы дальнейшие исследования, которые должны быть направлены на поиск эффективных инструментов интеграции плановых и рыночных методов, их эффективного соработания и применения.

С.Д. Бодрунов

**Выступление на 21-й экспертной сессии Координационного
клуба ВЭО России на тему: «Национальные проекты
социальной политики: как реализовать приоритеты?»¹
(Выдержки из доклада)
(Москва, 26 апреля 2019 г.).**

В 2018 году в систему стратегического управления в России были внесены существенные новации, заключающиеся в запуске серии национальных проектов, которые детализируют и конкретизируют меры достижения национальных целей развития, сформулированных в инаугурационном указе президента страны. В основе этих мер – стимулирование экономических процессов, что создает потенциал роста национальной экономики, которая, в свою очередь, является материальной базой для решения задач в социальной, политической, экологической, культурной и иных сферах.

На наш взгляд, не подлежит сомнению тезис о том, что конечной целью любого развития является Человек, рост его благосостояния, качества жизни. В этой связи, и содержание национальных проектов, и конечные итоги их реализации следует рассматривать через призму их социальной результативности. При этом важным ограничением является обеспечение устойчивости социально-экономического развития страны [6]. «Прорывы» с перенапряжением всех возможностей, как показывает исторический опыт, в дальнейшем зачастую приводят к спадам, замедлению темпов роста. Поэтому в социальной политике, реализуемой в рамках нацпроектов, следует соблюдать принципы эволюционности (постепенности) и сбалансированности, в том числе ресурсной.

Год назад, обращаясь к Федеральному Собранию, Президент России четко расставил приоритеты. По его мнению, Человек, его настоящее и будущее – главный смысл и цель нашего развития. Президент подчеркнул, что «в основе деятельности государства лежит сбережение народа России и

¹ Опубликовано в Научных трудах Вольного экономического общества России. Том двести семнадцатый. – №3. – 2019. – С. 40-49

благополучие граждан. И решение этих задач – ключевой фактор прорывного развития». Исходя из этого, перед нами сегодня стоит непростая задача – сохранить и преумножить человеческий капитал с помощью мер социальной политики, подкрепленной мерами политики экономической, в том числе направленной на развитие инфраструктуры.

Не вызывает сомнений, что расходы на человеческий капитал, инфраструктуру являются продуктивными, они обладают мультипликативным эффектом и исключительно важны для экономического роста. К сожалению, в этих вопросах Россия пока отстает от развитых стран. Так, по данным А.Г. Аганбегяна [1], Россия тратит на образование 4,1% ВВП, на здравоохранение – 5%. Для сравнения, Западная Европа и Соединенные Штаты тратят на образование 5,5% ВВП, а на здравоохранение Западная Европа – 10% ВВП, США – 17% ВВП. Нужно при этом учесть, что данные проценты отсчитываются от больших, нежели в России, сумм, то есть превышение относительно нашей страны в реальном выражении весьма существенное, как в суммовом выражении, так и в расчете на душу населения.

Любопытные расчеты сделали экономисты Высшей школы экономики. Если бюджетные расходы на образование и здравоохранение сохранятся на текущем уровне, то к 2035 году по этой причине численность населения России сократится на 1,7 миллиона человек, трудоспособного населения – на 5,4 миллиона человек даже с учетом повышения пенсионного возраста. В расчетах указанного научного коллектива выдвинута гипотеза, что такие показатели мы получим, если не будет кардинально улучшаться здоровье населения. Качество образования, как указывают специалисты ВШЭ в своей версии прогноза, также будет стагнировать.

Итак, существующая ситуация и инерционный прогноз говорят о серьезном риске ухудшения социальных показателей в России, стратегические ориентиры направляют нас на преодоление этого положения. Возникает вызов для системы государственного управления, экспертного сообщества. Его суть состоит в поиске путей преодоления негативных тенденций, результатом чего должно стать обновление российской модели социальной политики. Прежде всего, следует осуществить переход к индикативному планированию по

всем стратегическим целям и задачам [2]. Опыт постсоветского развития показал, что их не решить на основе «полухаотического» управления экономикой, парадигма которого строится на идеологии и методологии «рыночного фундаментализма».

Тем не менее, определенные шаги по смене парадигмы управления у нас делаются. Предпринимаются меры по упорядочению системы управления, приданию ей логичности и непротиворечивости. Мне думается, что мы идем тем путем, который должен вывести нас на правильную траекторию развития, но для этого надо многое и многое сделать. И при этом следует четко понимать приоритетность социального развития, опираясь при этом на материальную основу развития в виде устойчивой и конкурентоспособной национальной экономики, что требует пересмотра и модернизации сегодняшней экономической политики [5].

Вернемся к национальным проектам. На их реализацию выделены значительные ресурсы. «Общая стоимость реализации национальных проектов составляет 25,7 трлн руб. до 2024 года... Из них 13,2 трлн руб. выделит федеральный бюджет, 7,5 трлн руб. найдут во внебюджетных источниках, проекты на 4,9 трлн руб. профинансируют бюджеты регионов. Еще 147,8 млрд руб. возьмут из средств государственных внебюджетных фондов» (цит. по: <https://www.rbc.ru/economics/11/02/2019/5c6058199a79472f27e0f38e>). При этом многие специалисты отмечают, что этих средств, с учетом важности и масштабности целей и задач, всё равно не хватает, необходимо существенное увеличение инвестиций.

К сожалению, мы видим в каком-то смысле обратную тенденцию. Например, финансирование по программе «Цифровая экономика Российской Федерации» редуцировано вдвое фактически после первоначальных цифр. Чем это объяснить? Очевидно, речь идет о недостаточной научно-методической и нормативно-стратегической проработке многих документов стратегического уровня. Отсюда и возникает их несбалансированность, сомнительность некоторых численных показателей, в том числе – связанных с ресурсным обеспечением. Представляется, что следует активнее привлекать экспертное сообщество не только к разработке, но и к сопровождению процесса реализации нацпроектов, мониторингу их выполнения.

Есть и еще один важный аспект проблемы. Президентом поставлена задача ускорения экономического развития, России следует войти в пятерку экономических лидеров мира. Именно на базе решения этой задачи мы сможем обеспечить рост уровня и качества жизни россиян. Но для этого ускоренного экономического роста имеющихся производственных ресурсов уже недостаточно. В этой связи мы должны уделить особое внимание индустриальному развитию, новым технологиям, новому индустриальному развитию, развитию на новой технологической основе. Если мы хотим добиться нового качества роста, его социальной направленности, мы должны изменить структуру экономики [3].

К сожалению, специального национального проекта по технологическому развитию у нас нет вообще. Да, у нас есть проект «Наука», но это другой проект. У нас есть «Цифровая экономика Российской Федерации» – это тоже другой проект. Получается парадоксальная ситуация: имеется консенсус относительно приоритетности индустриального (на новой технологической основе) развития, но сама эта цель ни в нацпроектах, ни в других документах стратегического управления развитием страны явного отражения не получила.

Может быть, отсутствие явной цели и явного документа «прямого действия» искупается бюджетными приоритетами? Анализ показателей федерального бюджета, например, на текущий год этого не подтверждает. У нас 200 млрд рублей заложено на всю промышленность, не говоря уже о том, что вообще нет никакого специального проекта по этому поводу. Это в три раза меньше, чем, например, на содержание полиции. О каком индустриальном развитии, о каком прорыве можно говорить при таком скудном финансировании? По мнению автора, нужно обязательно на это обратить внимание.

С другой стороны, в стране реализуется Национальная технологическая инициатива, куда привлечены ученые, представители академии наук и других интеллектуальных центров, определены приоритеты; кроме того, принята стратегия национального технологического развития. Но эти все важные и нужные вопросы не получили документального закрепления в новой системе стратегического управления развитием страны. Под них нет национального проекта, нет координационного

органа, который мог бы этим всем заниматься и координировать работу. Представляется, что это серьезное упущение, которое следует как можно быстрее устранить.

Еще один вопрос, тесно связанный с рассматриваемой проблематикой – это доверие. Проблема доверия является одной из важнейших институциональных проблем России [4]. Его недостаточный уровень определяет многие негативные процессы: низкий уровень инвестиций, периодически усиливающаяся «бегство» населения от рубля, «утечку умов» за рубеж и пр. Решение этой проблемы не может быть получено в одночасье, здесь требуется длительная кропотливая работа власти, ее готовность к диалогу и открытости, через реализацию реальных демократических процедур.

К сожалению, при планировании и реализации нацпроектов, государство не всегда демонстрирует свойства надежного партнера, партнера, которому можно было бы доверять. Рассмотрим такой важный вопрос, как инвестиции в нацпроекты. Когда мы говорим об инвестициях, значимых для развития страны в целом, в первую очередь предполагаем, что это – государственные инвестиции. Но на самом деле – это и инвестиции бизнеса. А бизнес будет инвестировать тогда, когда есть доверие.

Вот представим себе (выше приводился этот пример), на цифровую экономику запланировали выделить 3 триллиона рублей. В этих 3 триллионах 1 триллион – это частные инвестиции. А потом через 1,5 года государство сказало: нет, давайте в 2 раза уменьшим всю эту программу, в том числе и государственные инвестиции в два раза. Это значит, что интересы бизнеса, который доверился государству и начал с ним работать по цифровым проектам, его финансовое состояние оказались под ударом. Может ли быть доверие в этом случае? Вопрос – риторический.

...

Проблему эту хорошо все знают. Даже Президент России говорит: «Хватит кошмарить бизнес». Что сделано по этому вопросу? Формально прогресс налицо: вдвое снизилось количество плановых проверок предприятий. В то же время, количество внеплановых проверок выросло втрое. Что это значит? Это значит, что проблема недоверия еще более обострилась. Отсюда, в том числе, и большая проблема с инвестициями – бизнес не очень-то доверяет государству, потому и вкладываться в нацпроекты не торопится.

Подводя итог, отметим, что мы не претендовали в данной небольшой статье на всеобъемлющее исследование затронутой темы. Она весьма сложна и многопланова. Мы придерживаемся точки зрения, что трансформация системы стратегического управления, осуществленная в последний год в России на страновом уровне, является положительным моментом. Переход к реализации государственной политики, в том числе в социальной сфере, на основе запуска национальных проектов – позитивный шаг.

В то же время, необходима дальнейшая трансформация институциональных основ реализации стратегического управления развитием. Некоторые, наиболее важные на данный момент – по мнению автора, направления такой трансформации обозначены в данной статье. При этом требуются дальнейшие исследования в этой предметной области.

Библиографический список

1. *Аганбегян А.Г.* О приоритетах социальной политики. М.: Дело, 2018. 512 с.
2. *Бодрунов С.Д.* Ноономика: монография. Москва-Санкт-Петербург-Лондон, 2018.
3. *Бодрунов С.Д.* Четвертая индустриальная революция – пролог нового индустриального общества второй генерации // Научные труды Вольного экономического общества России. 2017. Т. 205. № 3. С. 262-284.
4. *Быстрянец П.С.* Методология исследования и оценки институционального доверия в социальных институтах и управлении // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 2 (110). С. 119-122.
5. *Гринберг Р.С.* Некоторые размышления об императивах экономической модернизации в России // Экономическое возрождение России. 2018. № 2 (56). С. 41-46.
6. *Коростышевская Е.М., Плотников В.А., Пролубников А.В., Рукинов М.В.* Социальная компонента государственной региональной политики и ее роль в обеспечении устойчивого развития и экономической безопасности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 6 (114). С. 120-126.

С. Д. Бодрунов

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ В ЭПОХУ
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ:
ОТ ОБНОВЛЕНИЯ ТЕОРИИ К ОБНОВЛЕНИЮ
ПРАКТИКИ¹**

**Выступление на открытии Четвертого Международного
политэкономического Конгресса
(Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 14 мая 2019 г.)**

Напомню очевидный, но до сих пор не вполне утвердившийся в экономическом сообществе тезис: *потенциал безраздельно господствующей вот уже третье десятилетие в нашей стране неоклассической экономической парадигмы недостаточен для адекватного ответа на все более глубокие проблемы общественно-экономических практик, на вызовы технологического прогресса*. Об этом все чаще говорят и мэтры экономической науки, и те, кто формирует общественное мнение.

Обратимся к недавней истории. В нашей стране после ухода с исторической сцены «реального социализма» в одночасье произошла смена не только экономической политики и институтов, но и теоретических парадигм. На смену монополии марксистской политической экономии пришла монополия неоклассики, по преимуществу – ее монетаристской версии. «Рыночный фундаментализм» стал основой не только для теоретических исследований, образования, культурного процесса, но и для выработки главных направлений экономической политики. В свою очередь, рыночный фундаментализм в экономических практиках усилил позиции «экономического империализма» в общественных науках, что создало серьезные проблемы не только для экономистов, но и для философов, социологов, политологов.

¹ Опубликовано в журнале «Экономическое возрождение России». – 2019. – № 3(61). – С. 7-10.

Настало время вместе, на основе междисциплинарного диалога, искать пути обновления теоретических парадигм. И первый – важнейший! – шаг на этом пути – отказ от монополии на истину какой-либо из теоретических школ. Только открытый творческий диалог, подразумевающий непредвзятый, политически и идеологически не ангажированный поиск истины, должен стать основой для научно обоснованных рекомендаций по выходу из стагнации, в которую вползает мир и в состоянии которой уже не первый год находится российская экономика.

Для решения этой задачи у отечественной экономической теории есть немало предпосылок.

Начну с несколько неожиданного пункта: академических традиций *междисциплинарного диалога*. На наш взгляд, междисциплинарность, одна из важнейших традиций российской академической науки, является необходимым условием решения экономических вопросов. Дело в том, что основные проблемы российской экономики – это не узкоэкономические, я бы даже сказал жестче – не собственно экономические вопросы. Это – вопросы определения стратегических целей развития общества, в частности, выделения ключевых направлений технологического развития, ибо *ни один ветер не будет попутным для того, кто не знает, куда плыть*.

Между тем в России на протяжении десятилетий отсутствует определенность стратегических установок, которые, как правило, связываются не с задачей качественного развития социально-экономической системы, а с количественным ростом ВВП и решением проблемы, где взять деньги. Но прежде, чем отвечать на последний вопрос, необходимо четко определить: *для реализации каких задач, кем и в чьих интересах* нужны деньги? Обоснованный ответ на *этот* вопрос должно дать академическое сообщество, так как он требует анализа проблем развития человека, общества, технологий, а потому – будет принципиально междисциплинарным.

Вторая предпосылка. В нашей стране, как в никакой другой, сохранены основания для активного включения в процесс теоретико-экономического поиска не только монетаристских, но и широкого круга других направлений и школ экономической теории. И это – не только марксизм, хотя общемировой размах

празднования 200-летнего юбилея К. Маркса показал, что потенциал марксизма далеко не исчерпан. В России сложилась и активно развивается одна из наиболее мощных школ этого течения, я бы ее назвал «постсоветской школой критического марксизма». Один из лидеров этой школы – профессор А. В. Бузгалин. Можно, на мой взгляд, критиковать базисные тезисы этой школы за излишнюю радикальность, а порой – романтизм, но нельзя сбрасывать со счетов достижения и этой школы, и всего современного марксизма.

Однако особого внимания, как мне представляется, заслуживает возрождение наследия *классического институционализма*, представители которого, развивая идеи Джона Кеннета Гэлбрейта, акцентируют ключевую проблему экономики XXI в. – проблему трансформаций технологического пространства, ведущих к изменению облика экономических и общественных институций.

Принципиально важно обращение и к другой, к сожалению, не очень известной французской школе по генезису, исследующей проблемы *регулирования*. Без этого багажа мы не решим задачи развития активной промышленной политики и стратегического планирования, а без этих рычагов не выйдем на стратегию опережающего развития, одним из основных адептов которой является академик С. Ю. Глазьев. В значительной мере сюда примыкает по своему смысловому наполнению российская школа стратегирования, развиваемая по преимуществу Московской школой экономики МГУ им. М. В. Ломоносова.

Упомяну и об особом взгляде на современный мир представителей школы мир-системного анализа, методологические аспекты которой широко применяются в современных аналитических разработках не только экономистов, но и социологов, политологов, философов. Одним из основателей этой школы является недавно от нас ушедший, активно работавший с нами профессор С. Амин.

Диалог этих направлений будет неполным, если мы не пойдем по пути развития *кейнсианства*, в частности, его направления, отвечающего на вызовы четвертой промышленной революции, с учетом специфических российских условий. Подчеркну, что в нашей стране в силу пространственных и

геополитических особенностей активное государственное регулирование рыночной экономики объективно необходимо.

Последняя предпосылка успешного прогресса экономической теории в нашей стране, ориентированного не на самоудовлетворение страдающего аутизмом интеллектуала, а на решение общественных проблем, – *возрождение и развитие российской теоретико-экономической традиции*, носителями которой являются, в первую очередь, *Российская академия наук и Вольное экономическое общество России*. Знаменательно, что сегодня, в период активного поиска путей возрождения страны и научного обоснования новой модели экономики, именно они стали инициаторами создания крупнейшей в России площадки для междисциплинарного научного диалога – Московского академического форума и его важной составляющей – нынешнего, четвертого международного политэкономического конгресса.

Задача творческого диалога адептов различных направлений экономической теории – одна из важнейших не только в исследовательском поле, но и в пространстве экономического образования. Замечу, что *возвращение политической экономии, классического институционализма, достижений российского теоретико-экономического наследия в университетские аудитории* – необходимое условие формирования не просто грамотного, но и творческого, многосторонне образованного экономиста.

Однако, недопустимо сводить задачи ученых, экономического сообщества к теоретическому поиску. Теория важна не только сама по себе, но еще и потому, что позволяет дать практические рекомендации, определить научно обоснованные тренды экономического развития. Это в полной мере относится к политической экономии – направлению, название которого неслучайно перекликается с одним из самых актуальных вопросов современной России – *с выработкой экономической политики, адекватной вызовам четвертой промышленной революции*.

И здесь у политической экономии есть преимущества. Одно из главных – акцент на приоритете материального производства. Общеизвестность необходимости реиндустриализации российской экономики на новой технологической основе, технологической и

институциональной модернизации, о которых мы говорим и пишем уже более 20 лет, – только один из примеров. Но мы должны идти дальше, и направление вам известно – формирование экономических отношений и институтов, решающих задачи развития не просто материального, но *знаниеинтенсивного производства*.

Научное сообщество с большим интересом встретило предложенную нами *теорию нового индустриального общества второго поколения*. Об этом свидетельствует активное творческое обсуждение данной концепции в Москве, Кембридже, Берлине, Пекине, во многих других городах мира и России, проводившееся Институтом нового индустриального развития им. С. Ю. Витте и журналом «Экономическое возрождение России».

И что еще важнее: акторы, формирующие экономическую политику нашей страны, приходят к выводу о необходимости стратегического курса, нацеленного на *комплексную реализацию задач опережающего технологического развития*. Приняты в прямом смысле *долгожданные* законы о стратегическом планировании и промышленной политике; предложены национальные проекты и, что особенно важно, разработана и вступила в фазу реализации Национальная технологическая инициатива, определяющая прорывные направления технологического и индустриального развития страны. Процесс идет, хотя и не так быстро, как хотелось бы.

В своем движении вперед мы опираемся на достижения разных направлений экономической теории и на междисциплинарный подход. Выделю еще одну специфическую черту политической экономии. Эта теория всегда подчеркивала динамизм, развитие экономических систем, рассматривая его в естественно-историческом ракурсе. Более того, к числу важнейших приоритетов этой школы относится *изучение качественных скачков в социально-экономическом развитии*.

Сегодня тезис о рождении в «горниле» стремительно протекающей технологической революции нового общества и новой экономики становится едва ли не общепринятым. Но мы двигаемся дальше и утверждаем: на смену существующей системе, через новоиндустриальный этап второго поколения, идет не просто новый тип экономики – грядет *ноономика*. И это – не механический синтез экономики и ноосферного развития

общества, о котором говорил Вернадский. Это – не «экономика ноосферного общества»! Это – новый, неэкономический тип удовлетворения человеческих потребностей, который сформируется через новое качество производства, и человек в нем станет, как писал К. Маркс: «... по ту сторону собственно материального производства». Речь идет о новом качестве самого человека, которого ждет по преимуществу творческая деятельность.

Это и новые потребности, прежде всего – в знаниях. Осознанные, несимулятивные потребности – и способы их удовлетворения отделившейся от человека производящей системой. И, наконец, это иные общественные, неэкономические отношения и иная ноосистема ценностей и общественных институтов.

Все это – не футурология, а реализация прогностической функции науки, едва ли не главной ее функции. Об этом – «Ноономика», книга, удостоенная в прошлом году в Берлине Премии Всемирной политэкономической ассоциации «За выдающийся вклад в развитие политэкономию XXI века».

С.Д. Бодрунов

**ОТВЕТИТЬ НА ВЫЗОВЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ: ЗАДАЧИ, СТОЯЩИЕ ПЕРЕД
ЭКОНОМИКОЙ РОССИИ XXI ВЕКА¹**
(Выдержки из доклада)

**Доклад на открытии Пленарного заседания
Московского академического экономического форума
(МАЭФ)
(Москва, РАН, 15 мая 2019 г.)**

Технологические трансформации начала XXI века стали основой для активного поиска экономических и социальных институтов, которые обеспечат реальный прогресс Человека и общества на основе обретающего новое качество материального производства. Этот поиск – проблема исторической важности и это отнюдь не только прикладной вопрос. Это одновременно и вызовы для академической науки.

Поиску ответов на эти вызовы стал Московский академический экономический форум, организованный Президиумом Российской академии наук и Вольным экономическим обществом России и прошедший в Москве, в зале президиума РАН. Конференции, семинары и круглые столы Форума прошли в МГУ имени М.В. Ломоносова, РАНХИГС, Финансовом университете при Правительстве РФ и других университетах Москвы и 28 регионов России.

В названии Форума не случайно было подчеркнуто, что он носит академический характер. И дело здесь не только в том, что он проходит в стенах Российской Академии наук, и что президент РАН, известнейшие ученые Академии включились совместно с Вольным экономическим обществом России в его организацию. Суть дела, прежде всего, в том, что академическая, *фундаментальная наука – это пространство «не только*

¹ Опубликовано в Научных трудах Вольного экономического общества России. Том двести восемнадцатый. – №4. – 2019. – С. 62-69.

светоносное, но и плодоносное» (мы используем в данном случае образы Михаила Васильевича Ломоносова, выдающегося отечественного академического ученого, стоявшего у истоков создания и нашего Экономического общества). От глубины и точности теоретического анализа, от обоснованности и истинности научных обобщений в современном мире прямо зависит практика общественной деятельности, а в особенности – такая жизненно важная для каждого человека сфера, как экономика.

Именно такой была одна из важнейших задач Московского академического экономического форума – сформировать пространство теоретических дискуссий, нацеленных на выработку практических идей и рекомендаций, отвечающих на вызовы современности, главной особенностью которой является переход к четвертой технологической революции. Рекомендаций, адекватно реализующих интересы большинства, а не только элит, адресованных не только бизнесу и государству, но и гражданскому обществу, в том числе – его научно-образовательному подпространству. Это – объективный вызов времени.

Особую роль в выработке и продвижении таких рекомендаций играет экономическое сообщество страны, представленное Вольным экономическим обществом России. Образованная почти 255 лет тому назад, эта старейшая общественная отечественная организация и старейшее экономическое общество мира объединяет тысячи экономистов – ученых, бизнесменов, общественных и политических деятелей, молодежь. Именно это – широкий спектр профессий, позиций, подходов, включенность в теоретический поиск, образовательный процесс и одновременно – в практику хозяйствования – делает ВЭО России незаменимым актором популяризации, придания общественного звучания и реализации модернизационных стратегий и практик, разрабатываемых академическими специалистами.

И роль такой синергии в нынешнем стремительно меняющемся мире все более возрастает.

Новое тысячелетие ознаменовалось возникновением глубоких и ускоряющихся изменений в технологиях, требующих обновления экономической и социальной систем, всех основных

институтов общества. Становится всё более очевидным: экономические лидеры будущего – лидеры технологические.

Особые задачи в этом обновляющемся мире стоят перед Россией. Президент В.В.Путин, определяя ее стратегические приоритеты, подчеркнул: мы должны не просто войти в число пяти крупнейших экономик мира, решить многие вопросы социального плана. Предметная задача – изменить качество нашей экономики. За счет чего? Выступая недавно на встрече с Советом законодателей России, Президент подчеркнул: «Сверхзадача – изменить *структуру российской экономики*». Сделать это можно, только ответив на вызовы новой промышленной революции. Президент четко обозначил приоритет, главный тренд структурной перестройки нашей экономики – занять достойное место в ряду других индустриальных держав, отметив, что это задача непростая, но абсолютно решаемая. Без мощной технологической модернизации экономики, реиндустриализации страны мы не сможем решить ни экономических, ни социальных проблем.

Направления этих изменений мы, в принципиальном плане, знаем. Академия наук, экономическое сообщество России давно и активно работают над теоретическими вопросами взаимосвязи технологического, экономического и социального развития. В научной среде по этому поводу идут широкие дискуссии. Сегодня особенно актуален и важен открытый диалог – конструктивный, необремененный давлением со стороны, политическим и финансовым лоббированием. Только такое, академическое общение помогает искать истину и формировать консенсус по ключевым вопросам.

К числу таких положений – поддерживаемых многими лидерами академического сообщества и экономической общественности – относятся тезисы, которые будут раскрыты ниже.

Первое. Сегодня, как никогда, необходимо возрождение, но на новой основе, парадигмы, утверждающей *примат материального производства*. Это – обращение к тому фактору, который реально изменяет облик экономики: экономические отношения и институты, «правила игры» и экономическая политика должны соответствовать вызовам технологической революции. И главное, фундаментальное здесь – изменения в

содержании материального производства, обусловленные ростом его знаниеемкости.

Экономика XXI века формируется как система, в которой главным фактором производства становится знание, а не материальные ресурсы. Роль первого – растет, вторых – снижается. Это – закономерность. И мы должны не только зафиксировать этот тренд – тренд неуклонного роста знаниеемкости производства – но и сделать на этой основе соответствующие теоретические и практические выводы.

Второе. В академическом пространстве, в экономическом сообществе происходит уход от иллюзий постиндустриализма и «рыночного фундаментализма». Ни то, ни другое не может стать основой для качественного обновления нашей экономики.

Третье: в XXI веке побеждает тот, кто реализует теоретически выверенный курс на активное общественное регулирование рыночной экономики, стратегическое планирование, государственно-частное партнерство, создание макро- и микроэкономических стимулов прогресса технологий и человеческих качеств.

*Четвертое: развивая такие экономические отношения и формируя такие институты, Россия может получить ключ не только к догоняющему, но и **опережающему** развитию. Только на основе стратегии опережающего, а не догоняющего, развития Россия сможет занять достойное место в мире в новом веке.*

Однако для того, чтобы такая стратегия не стала авантюрой, необходимы системные академические исследования, опирающиеся на методологию и теорию не только неоклассики, но и *гетеродоксального направления экономической теории*, на исследования, носящие принципиально междисциплинарный характер. Именно на такие исследования нацелен наш Форум.

И это – вывод не только автора этих тезисов, но многих выдающихся ученых-экономистов.

...

Принимая доказываемый самой жизнью тезис о том что – **технологическая революция объективно обуславливает тренды экономического развития** – мы можем сделать следующий шаг и зафиксировать вывод о **росте**

знаниентенсивности материального производства и экономики в целом.

Он обуславливает целый ряд следствий.

Первое. *Императивом современности является возрастающая роль фундаментальной академической науки и сопряженных с наукой сфер (образование, культура), обеспечивающих генерацию новых знаний, а также – формирование субъекта генерации знаний – человека, обладающего креативным потенциалом. Но знания мало что дадут экономике и обществу, если не будет работать механизм трансформации их в технологии, и в первую очередь – в технологии материального производства, если не будет создано и не будет постоянно прогрессировать высокотехнологичное материальное производство, служащее основой для формирования грядущего Нового индустриального общества второго поколения.*

Вывод понятен: опережающее развитие в современных условиях станет возможно только в тех экономических системах, где экономические отношения и институты будут обеспечивать: а) непрерывную генерацию новых знаний; б) их ускоренную трансформацию в новые технологии (прежде всего – в материальном индустриальном производстве нового поколения), и в) использование результатов этого производства не столько для увеличения прибыли корпораций, сколько для решения социальных, гуманитарных и экологических задач общества.

Второе следствие, о котором мы не должны забыть и которое высвечивается только в случае многоаспектного, *междисциплинарного* видения проблемы – *объективная обусловленность возвышения роли научного и образовательного сообщества.* Это касается не в последнюю очередь экономики, равно как и сопряженных с ней сфер. И здесь *трудно переоценить роль Академии наук, университетов, соответствующих институтов гражданского общества России в исследовании и формировании идей о путях реализации стратегии опережающего развития России.*

Третье следствие. Коротко я бы его сформулировал так: *умному производству нужно умное государство.*

...
Теперь – о «плодоносности» академической экономической науки, о ее практическом значении. Сформулированные выше теоретические послы и их следствия позволяют обосновать ряд конкретных рекомендаций.

Важнейшими инструментами обеспечения опережающего развития являются *активная промышленная политика и стратегическое планирование*. В последние годы у нас начато, на мой взгляд, движение в этом направлении, приняты соответствующие законы. Относительно недавно сделан еще один правильный шаг: сформированы Национальные проекты, которые должны стать механизмом реализации стратегических приоритетов.

Но среди них нет, однако, ни одного, который бы прямо и целостно работал на решение проблемы приоритетного развития высоких технологий и реализацию всех связанных с этим задач. Да, есть те или иные аспекты этой проблемы в отдельных нацпроектах. Однако, представляется, необходима концентрация ресурсов и управления. Каким образом? И здесь, что называется, идеи могут быть разные.

Роль такого инструмента, к примеру могла бы выполнить *Национальная технологическая инициатива*. Этот инструмент ценен не только тем, что его главными творцами стали именно ученые (хотя это факт весьма примечательный!), но прежде всего тем, что *НТИ а) определяет прорывные направления технологического развития, и б) нацелена на решение задач трансформации научных достижений в технологии и – далее – в производство*, причем во всем многообразии его видов. При условии её широкого обсуждения и перманентного уточнения в рамках образовательного и научного сообщества, независимой экспертизы, *НТИ могла бы сыграть роль своего рода предметного плана технологического прорыва России*.

В связи с этим придание НТИ статуса, аналогичного Национальному проекту, с соответствующим финансированием и администрированием, с формированием специального органа стратегирования, планирования, финансирования и администрирования в рамках Проектного офиса Правительства

могло бы стать важным шагом в решении тех задач, обсуждению которых посвящен наш Форум.

Нужен, конечно, и орган, который мог бы с меритократическим экспертным участием РАН решать задачи соединения фундаментальных и прикладных научных разработок – с одной стороны, их имплементации в производство – с другой. И делать все это не от случая к случаю, фрагментарно, распыляя силы и средства, а в рамках единой долгосрочной стратегии – стратегии опережающего развития страны.

Такая постановка задач и выбор таких способов их решения обусловлены закономерностями не только технологического, но и экономического развития. *Целостная программа национального технологического развития создаст мощный конечный спрос на высокотехнологичную продукцию,* который вызовет цепную реакцию расширения спроса по всем отраслям национальной экономики – на высокотехнологичное оборудование, ресурсы, специалистов, знания.

Одним из примеров, показывающих эффективность такой модели в наших российских условиях, стал целенаправленный государственный подход к решению проблемы повышения обороноспособности страны, и, в частности, реализуемый в течение ряда лет целенаправленный государственный оборонный заказ. Нам известны публичные эффекты, демонстрирующее качество новых отечественных изделий военной техники. Но надо сказать, что это, если хотите – и заказ на высокотехнологичные рабочие места, более высокие доходы трудящихся, причем – по всей глубине индустриальной кооперации и связанным сферам экономической активности.

Аналогичные заказы в сфере атомного и добывающего энергооборудования, космоса, автомобилестроения, гражданской авиации, судостроения, медтехники, дорожной инфраструктуры и т.д. позволят обеспечить реальное импортозамещение, переадресовать многие десятки миллиардов долларов, которые мы «дарили» и, в значительной мере, продолжаем «дарить» зарубежным корпорациям, влив их в отечественную индустрию, инициируя прогресс не только конкретных производств, но и

целых отраслей – к примеру, станкостроения, а также в науку и образование.

Оборонная сфера – это всего лишь один, хотя и успешный, пример. Вопрос, однако, стоит шире и глубже. Это – вопрос определения многих взаимосвязанных стратегически выверенных приоритетов технологического прогресса и потребностей реальной экономики. Но кто иной, кроме ученых, работающих в диалоге с гражданским обществом, может стать «мозгом» разработки и реализации такого проекта?

Отсюда – ставшая в абсолютно практическую плоскость задача *возвышения роли науки, научно-технического и экономического сообщества, гражданского общества в целом в решении задач выработки и реализации стратегии технологического и экономического развития страны.* Нам необходимо продвижение по направлению к меритократическому управлению экономикой, управлению, осуществляемому носителями знаний, *умному управлению умным общественным производством в умном государстве.*

Представляется, что при таком подходе можно полагать возможным решение стоящих перед обществом задач. При этом условием решения названных задач становится осознание факта перехода общества к принципиально новому этапу развития – этапу, законы которого, намеренно повторю, диктуются стремительным ходом технологических трансформаций. Отвечая на эти вызовы, мы можем и должны идти по пути, основополагающая картина которого, при всех различиях в деталях, сводится к следующему: **приоритетом будущего развития станет стремление не к экстенсивному росту и максимизации частной выгоды, а к увеличению общественного блага и качества жизни людей – на основе высокотехнологичной и знаниеемкой экономики.**

С.Д. Бодрунов

РОССИЯ, КИТАЙ, ЕАЭС: ТОЧКИ СОПРЯЖЕНИЯ

**Доклад на Центральном Пленарном заседании Евразийского
промышленного Конгресса «ИНТЕГРАЦИЯ» на тему:
«Стратегическое партнерство с Китаем. Сопряжение ЕАЭС и
инициативы «Один пояс – один путь»
(Москва, ГК «Президент-отель», 15 октября 2019 г.)**

От лица Вольного экономического общества России, Международного Союза экономистов и от себя лично рад приветствовать Вас на первом Евразийском промышленном Конгрессе «ИНТЕГРАЦИЯ».

Уверен, что создание новой международной дискуссионной площадки внесет значительный вклад в продвижение интеграционных процессов на евразийском пространстве и развитие полноценного сопряжения Евразийского экономического союза и китайской инициативы «Один пояс – один путь», будет способствовать углублению экономических отношений и научно-технического сотрудничества между странами.

Темы, связанные с российско-китайскими отношениями и инициативой «Один пояс – один путь», не раз оказывались в центре повестки мероприятий, которые проводит Вольное экономическое общество России и Международный Союз экономистов. В частности, много говорили об этом на экспертных сессиях ВЭО России, «Абалкинских чтениях» и в нашей авторской передаче «Дом Э» на Общественном телевидении России. Не обошли ее вниманием и на страницах аналитического журнала «Вольная экономика».

К теме российско-китайских отношений так или иначе обращаются почти все крупные экспертные площадки – Восточный экономический форум, Петербургский международный экономический форум. Восток стал стержневой темой ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай», который прошел две недели назад.

Интерес к этой теме объясним. Россия выбрала поворот на Восток как стратегию внешнеэкономической политики. Происходит наращивание активности на восточном направлении и сближение с Китаем – одним из центров перехода к новому технологическому укладу. Добившись выдающихся успехов в социально-экономическом развитии, Китай обеспечивает качество экономического роста внутренним потреблением и форсированным инновационным развитием передовых производств, которые составляют ядро будущих технологических укладов.

Символично, что презентация книги «Ноономика», посвященной зарождению новой хозяйственной системы, проходила в Китае – в стране, которая подошла к экономике будущего ближе остальных государств.

России и Китаю предстоит пройти большой путь, в том числе расширять масштаб и качество двусторонней торговли. В прошлом году, как сообщает Федеральная таможенная служба, были достигнуты определенные успехи в этой области – за 2018 год товарооборот между странами вырос на 27,1 % до более 107 млрд долларов.

Однако, несмотря на то, что цифры растут, эксперты видят в структуре российско-китайской торговли асимметрию. Главной статьёй российского импорта по-прежнему остается нефть и горюче-смазочные материалы, Китай же поставляет нам в основном технику.

Нам нужно повышать долю несырьевой продукции в экспорте, как справедливо отметил Президент России, углублять структуру китайско-российской торговли, увеличивая экспорт высокотехнологичных и электротехнических продуктов.

Глубоко убежден, что инновации – важнейший аспект сотрудничества между нашими странами. Наращивая двустороннюю торговлю, важно развивать сотрудничество в научно-технической и инновационной сферах, акцентировать внимание на растущих возможностях технологического обмена между Россией и Китаем и развитию трансграничных инновационных проектов, реализуемых китайскими и российскими предприятиями.

Остро стоит вопрос об организации совместных научных исследований, о приоритете фундаментальных исследований для

формирования ядра новых технологий и общих экономических цепочек в совместном интеграционном технологическом развитии.

Для этого сегодня есть все условия. Пекин заинтересован в расширении сотрудничества с Москвой и готов к совместной работе в различных областях, включая науку, инновации и инвестиции.

В июне стало известно, что Российский фонд прямых инвестиций и Китайская инвестиционная корпорация создадут Российско-китайский научно-технический инновационный фонд, который поддержит проекты, направленные на развитие новых технологий в ключевых отраслях экономики двух стран. Соответствующие документы подписали представители Минэкономразвития РФ и Министерства науки и техники Китая в присутствии Президента России и Председателя Китая Си Цзиньпина.

В рамках того же визита в Москву Си Цзиньпин заявил, что наши страны рассматривают научно-технические инновации, электронную торговлю и цифровую экономику как новые драйверы кооперации.

Догнать Китай, который наряду с США является мировым лидером в области цифровой экономики, пока не представляется возможным – слишком велик разрыв. Тем не менее убежден – у России все впереди. Эксперты ООН придерживаются того же мнения.

В новом «Докладе о цифровой экономике» ЮНКТАД, который был презентован на площадке Вольного экономического общества России и Международного Союза экономистов, сообщается, что на США и Китай приходится 75% всемирных патентов на технологию блокчейн, 50% глобальных расходов на Интернет-вещей, свыше 75% объемов на глобальном рынке облачных вычислений, а также до 90% капитализации крупнейших 70 цифровых платформ мира. Для сравнения доля российских платформ – Mail.Ru и «Яндекс» – составляет всего 0,2%. Несмотря на эти цифры, у нашей страны очень большой потенциал, рынок считается одним из наиболее инновационных и технологически развитых, – полагают авторы «Доклада о цифровой экономике» ЮНКТАД.

Хотелось бы отдельно подчеркнуть актуальность темы пленарного заседания. В начале месяца Президент России

рассказал, что наша страна и Китай активизируют работы по проекту «Один пояс – один путь», добавив, что сопряжение интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза и китайской инициативы призвано стать одной из несущих опор Большой Евразии.

Нас объединяют действительно стратегические, долгосрочные интересы. Как справедливо заметил Си Цзиньпин, грандиозный инфраструктурный проект «Один пояс – один путь» – «это не соло Китая, а симфония заинтересованных сторон».

Сопряжение проекта «Один пояс – один путь» с Евразийским экономическим союзом несет в себе возможность перспективных инфраструктурных проектов в области транспорта, энергетики, экологии, торговли, финансов и цифровой экономики.

Убежден, что сопряжение позволит укрепить экономическое сотрудничество на континенте, развить транспортную и энергетическую инфраструктуру, будет стимулировать внедрение цифровых технологий, а также сыграет важную роль в будущем экономическом сотрудничестве Китая и России, позволит нашим странам обеспечить рывок в экономическом развитии на новой технологической основе, преодолев временные трудности.

Как вы знаете, на фоне торговой войны с США темпы экономического роста Китая замедлились до минимального за последние 27 лет уровня. Что касается России, доходы населения не растут пять лет подряд, а Правительство не исключает вероятность рецессии к 2021 году.

На этом фоне – не внушающих оптимизма экономических прогнозов и общей неопределенности в мире – для нас особенно важно расширять и укреплять сотрудничество, делая упор на инновации.

Глубоко убежден, что выработанные в рамках Конгресса рекомендации и заключенные соглашения будут способствовать обеспечению гармоничного и устойчивого экономического развития на всем евразийском пространстве.

Желаю организаторам и участникам Форума продуктивной работы, взаимовыгодного обмена опытом и новых идей!

С.Д. Бодрунов

**ЗАДАЧИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПЕРЕХОДА РОССИИ
НА НОВУЮ СТАДИЮ ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ¹**

**Доклад на Пленарном заседании Уральского экономического
форума, посвященного теме: «Урал – драйвер
неоиндустриального и инновационного развития России»
(Екатеринбург, Уральский государственный экономический
университет, 24 октября 2019 г.)**

Мир стоит на пороге драматических изменений, в основе которых лежит появление новых технологий; их совокупность определяет начало перехода к новому, шестому технологическому укладу. Специалисты обоснованно говорят о приближении новой промышленной революции. Однако глубокие технологические перемены всегда сопровождаются и переменами в социально-экономическом устройстве общества.

В экономическом научном и практическом пространстве идей существует, однако, позиция, озвученная во многих вариантах, согласно которой наблюдаемые сдвиги в технологической основе современного производства и вызванные этим структурные сдвиги в экономике, в особенности – широкое распространение информационно-коммуникационных технологий и рост удельного веса сферы услуг, означают переход к т.н. *постиндустриальному* обществу, в котором индустрия займет некоторое вспомогательное, а не определяющее значение [Bell, 1974].

Однако этот подход – чисто формальный. Рассматривая изменившееся соотношение материального производства и т.н. сферы услуг, он игнорирует тот факт, что материальное индустриальное производство остается основой функционирования экономики и ее ядром

¹ Опубликовано в сборнике материалов I Уральского экономического форума (УЭФ) «Урал – драйвер неоиндустриального развития России». г. Екатеринбург, 24-25 октября, 2019 г., С. 3-16.

Дело в том, что без опоры на материальные ресурсы, создаваемые индустрией, само существование сферы услуг является невозможным. Но – важно не только это. Важнее то, что именно индустриальное производство является источником технологического прогресса во всех отраслях экономики – как с точки зрения генерирования исследований и разработок, так и с точки зрения воплощения этих разработок в материальных средствах производства.

Концепции постиндустриального общества справедливо отталкиваются от того очевидного факта, что развивающиеся информационные и коммуникационные технологии преобразуют лицо экономики, что в экономике доля того, что современная экономическая статистика схоластически относит к услугам, растет, а доля промышленных товаров в традиционном понимании снижается. В то же время она дает ошибочную интерпретацию этого факта, полагая, что «экономика знаний» оттесняет материальное производство на второй план, выводя на первое место т.н. «производство знаний и информации».

Но ведь определяющая роль материального индустриального производства никуда не делась. И не долей в экономике это определяется. Действительно, применение новых знаний теперь получает преобладающую роль в производстве по сравнению с применением материальных ресурсов и энергии. Однако эту роль получает не «добыча» и обработка знаний сама по себе, а именно их применение в материальном производстве, их имплементация в материальный продукт.

Поэтому мы делаем другой вывод. Не «экономика знаний» оттесняет материальное производство, а само материальное производство меняется, приобретая новую качественную определенность, превращаясь в знаниеемкое материальное производство, новое и по форме, и по качественному содержанию, и по структуре, и по продукту; именно это явление предопределяет новое качество общественного устройства, его экономическую основу и структурные процессы. И именно отсюда – настоятельное требование необходимых изменений (отнюдь не косметических, а – системного характера) в экономике России.

Исторический опыт показывает, что индустрия вот уже более 250 лет выступает в качестве ведущего сектора экономики. При этом даже еще до первой индустриальной революции именно промышленность стала выступать в качестве фактора, определяющего экономическое могущество той или иной державы. Так, например, процветание Нидерландов, бывших лидирующей экономикой Европы в XVII веке, опиралось на ремесленную и мануфактурную промышленность. И именно упадок последних в XVIII веке, вместе с переориентацией экономики на торговые и ростовщические операции, т.е. на услуги, предопределил и сдачу экономических позиций, и, в конечном счете, длительную утрату политической независимости страны. И таких примеров в мировой истории было немало.

Мануфактурное производство, опираясь на глубокое разделение труда, подготовило переход к промышленному перевороту. Эта первая индустриальная революция основывалась на переходе к машинному производству, которое превратило простые операции, совершаемые ручным трудом, в функции машин – сложносоставных орудий труда, состоявших из рабочего орудия, передаточного устройства, и двигателя, делавшего машину не зависящей от использования природных источников энергии (мускульной силы человека или животных, энергии ветра или воды).

Переход от доиндустриального производства, основанного на ручном труде, к индустриальному производству означал переход к массовому производству стандартизированных изделий, что резко расширило возможности удовлетворения потребностей общества и его членов. Не менее важным было и то, что этот технологический сдвиг обеспечил господствующее положение капиталистическому укладу вместе со значительным углублением разделения труда, ростом его производительности, быстро развивающейся урбанизацией, расширением рынка и превращением его в мировой рынок. В то же время производственные отношения капитализма, в свою очередь, диктовали необходимость в постоянном технологическом обновлении производства.

Индустриальное производство, в отличие от предшествующих стадий развития, опиралось на технологии

такой сложности, которые уже не могли совершенствоваться на чисто эмпирической основе, путем использования накопленного производственного опыта, так сказать, эмпирического знания. Машинная техника требовала для своего развития значительного углубления познания законов природы. Наука стала все шире привлекаться к решению задач расширения производства и разработки новых технологий.

В результате в ходе экономического развития не просто стали возникать и применяться все новые и новые технологии, но смена прежних технологий на более совершенные приобрела волнообразный вид промышленных революций. Такие промышленные революции знаменовали собой радикальное обновление технической базы производства. Первая промышленная революция, начавшаяся в Великобритании в последней трети XVIII века, затронула в основном текстильную промышленность – было механизировано производство пряжи и тканей, появились фабрики, основанные на массовом применении прядильных и ткацких станков, приводимых в движение паровыми машинами.

Разумеется, при этом развернулся выпуск самих этих станков и паровых машин, а также токарных станков для обработки металла. Отметим, что первая промышленная революция, зародившаяся в недрах мануфактурного периода, опиралась в основном на эмпирический производственный опыт.

Вторая промышленная революция в первой половине XIX века произвела переворот в *средствах сообщения* – появились паровозы, паровые суда, электрический телеграф. Для обеспечения выпуска локомотивов и пароходов, как и для производства оборудования для их производства (металлообрабатывающих станков – токарных, фрезерных, сверлильных и т.д.), потребовалось обеспечить массовый выпуск стали. На этой стадии стали уже широко применяться достижения науки – теория тепловых машин, возникла теория машин и механизмов, стали востребованными открытия в области химии.

Третья промышленная революция (конец XIX – середина XX века) ознаменовалась отказом от широкого применения паровых машин на транспорте и в качестве приводов для станков.

Им на смену пришли электродвигатели, двигатели внутреннего сгорания, а паровые машины на крупных судах сменились паровыми турбинами. Проводные средства связи (телефон и телеграф) были дополнены (а позднее в значительной мере вытеснены) *радиосвязью* и *телевидением*. Началось массовое производство электричества.

Именно в период третьей промышленной революции началась массовая механизация сельского хозяйства. Значительно вырос удельный вес химической промышленности, на основе достижений органической химии началось применение пластмасс и синтетических волокон. Наука в этот период начинает выделяться в особую отрасль экономики, индустрия обзаводится специализированными исследовательскими лабораториями, конструкторскими и проектными бюро.

Третья промышленная революция принесла с собой и значительные изменения в системе капиталистических производственных отношений. Уже на заре третьей промышленной революции возрастает необходимость в значительной концентрации производства и капитала для реализации проектов, требующих значительных масс капиталовложений, а возникновение и развитие акционерных обществ создает экономическую оболочку для такой концентрации. В результате уже на рубеже XIX и XX веков образуются монополистические группировки. Их дальнейшая эволюция приводит к углублению наметившегося еще в середине XIX века разделению на собственников капитала и функционирующих капиталистов, что нашло отражение в концепции «революции управляющих». Сверхкрупный монополистический капитал вызвал к жизни необходимость государственного регулирования производства.

Результаты развития всех этих тенденций подытожил Дж.К. Гэлбрейт в своей книге «Новое индустриальное общество» [Гэлбрейт, 2008]. Он отметил а) и значительное влияние технологического прогресса на эволюцию форм организации капиталистического производства, б) и значительно возросшую роль специалистов и управляющих (которые были обозначены термином «техноструктура») в системе организации крупного капитала, в) и зависимость сверхкрупного капитала от

стабильности спроса, которая обеспечивается, с одной стороны, государственным регулированием, а с другой – изощренным манипулированием потребительскими предпочтениями.

Именно в этот период, во второй половине XX века, начинают складываться предпосылки четвертой промышленной революции. С появлением электронно-вычислительной техники и микроэлектроники (50-е – 60-е годы XX века) появляются возможности автоматизации производства и автоматизации обработки информации. Появилась реактивная авиация, человек вышел в космос, стал развиваться скоростной железнодорожный транспорт. Разработки в области энергии, в первую очередь – атомной, привели к значительному прогрессу в физике, что вместе с развитием микроэлектроники создало новые исследовательские возможности в смежных областях. Были расширены исследования в биологической науке, химии, в области производства материалов с заранее заданными свойствами. К концу XX века эти предпосылки позволили приступить к разработке и применению нанотехнологий.

Во второй половине XX века при этом значительно возрастают расходы на науку и образование, сфера научных исследований и опытно-конструкторских разработок окончательно оформляется как особая отрасль экономики. К концу XX века складываются национальные инновационные системы, призванные обеспечить непрерывную разработку новых научных результатов и их эффективное применение в производстве.

Однако технологические достижения 50-х – 70-х годов прошлого века не привели к промышленной революции, ибо не затрагивали основ массового индустриального производства. Широкое использование достижений компьютерной техники – станков с числовым программным управлением, промышленных роботов, персональных компьютеров, систем сотовой связи, информационно-коммуникационной сети Интернет, 3D-принтеров – которые давали потенциальную возможность как раз для изменений в базовых технологиях индустрии, началось только в конце XX – начале XXI века.

Исторически лишь совсем недавно были разработаны информационно-коммуникационные технологии, обеспечивающие массовое, совместное и комплексное применение этих достижений

на основе развития систем искусственного интеллекта, человеко-машинных систем, методов обработки массовых данных (big data) и методов дополненной реальности. Одновременно с этим значительный прогресс был достигнут в биотехнологиях (расшифровка генома человека, возможность корректировки наследственно аппарата) и нанотехнологиях.

Поэтому только сейчас стало возможным говорить о приближении 4-й промышленной революции. Ее часто при этом называют и *технологической* революцией. И – не зря. Почему?

Технология представляет собой способ взаимодействия всех элементов производственного процесса (исходных материалов, труда, орудий производства и методов организации производства), нацеленный на получение определенного результата (готового продукта или услуги) и обеспечиваемый необходимыми для этого знаниями и умениями. Фактически речь идет об имплементации новых знаний в технологический инструментарий, повышение его знаниеёмкости. В системе общественного разделения труда технологический прогресс развивается путем образования *взаимосвязанных комплексов технологических решений*, охватывающих большинство отраслей производства. Это и есть технологические уклады [Львов, Глазьев, 1986, С. 793–804].

Новые технологические уклады, возникая, не сразу вытесняют предшествующие, и в экономике каждой страны всегда сосуществуют одновременно несколько технологических укладов. Это происходит потому, что новые технологии охватывают сразу не все отрасли производства, поскольку, во-первых, не могут обеспечить более высокую эффективность сразу во всех отраслях, и, во-вторых, для некоторых из них на достаточно длительный период времени могут вообще отсутствовать принципиально новые технологические решения.

Появление новых технологических укладов является важнейшим фактором образования так называемых длинных волн конъюнктуры (циклов Н.Д. Кондратьева длиной 50-60 лет). На повышательной фазе цикла Кондратьева происходит бурный рост нововведений, ускоряются темпы экономического развития. На понижательной фазе цикла Кондратьева нововведения замедляются – как в связи с исчерпанием потенциала роста

эффективности новых технологий, так и в связи с вызванным этим исчерпанием перетоком инвестиций из производственной сферы в торгово-финансовую. Именно в этот период наблюдается вследствие этого обычно наблюдается рост услуг, в т.ч. во множестве – спекулятивных, и постепенно складываются предпосылки для новой волны технологического обновления.

В данный момент времени мировая экономика переживает понижательную фазу кондратьевского цикла, связанную с исчерпанием потенциала 5-го технологического уклада в развитых экономиках и медленным созреванием предпосылок перехода к 6-му технологическому укладу. Именно это явление есть основа наблюдаемых ныне пертурбаций в мировой экономике и вытекающей из нее политики, панические объявления наступления некоей "новой нормальности", вплоть до кликушескующих пророчеств о "конце истории" и наступлении эпохи "последнего человека" [Fukuяama, 1992], и лихорадочные поиски новых моделей экономического роста. Это явление, однако, на самом деле означает иное – что не в такой уж отдаленной перспективе нам предстоит новая волна технологического обновления, связанная с массовым применением достижений 6-го технологического уклада. И это – чрезвычайно важно.

Характеристики 6-го технологического уклада говорят о том, что нам предстоит столкнуться не просто с переходом на новый уклад, а что сам характер индустриального производства меняется. Мы входим не в постиндустриальное общество, которое оказалось миражом, а в новое состояние индустриального общества, которое мы называем индустриальным обществом второго поколения (НИО.2). Оно принципиально отличается от описанного Дж.К.Гэлбрейтом нового индустриального общества резким ростом знаниеинтенсивности производства.

Это означает, что в процессе производства технологическое применение знаний приобретает существенно больший удельный вес по сравнению с затратами материалов, энергии и живого труда. Более того, этот процесс все более и более ускоряется; данное явление мы в Институте нового индустриального развития имени С.Ю. Витте назвали «ускорением ускорения» технологического прогресса. При этом важнейшим фактором, определяющим лицо индустриального

производства и индустриального продукта, становится то, что впервые в истории доля знаний в них становится преобладающей над материальной составляющей.

Поэтому на стадии НИО.2 резко возрастает скорость технологических инноваций, что непосредственно влияет также на структуру занятости – должна значительно возрасти занятость в сфере НИОКР и образования. Это становится возможным с развитием ощущаемой уже сейчас тенденции к вытеснению человека из процесса непосредственного материального производства.

Таким образом, экономика НИО.2 будет основана на знаниеинтенсивном материальном производстве. Но чтобы оно носило именно такой характер, приоритетное развитие должна получить также сфера *науки*, создающая предпосылки для технологического применения знания. И, кроме того, НИО.2 не может обойтись без хорошо развитых и интегрированных с наукой сфер *образования* и *культуры*, которые обеспечивают передачу знаний, подготовку кадров, обладающих необходимыми знаниями, и имеющих такой культурный багаж, который задает необходимые для развития НИО.2 социальные нормы и ценности, а также истинно рациональное (в критериальной базе ноопотребностей, о чем скажем ниже) применение знаний и достижений НТП.

Для ускорения трансфера новых технологий из науки в производство оказывается необходимой теснейшая интеграция производства, науки и образования, обеспечивающего кадрами как применение новейших технологий, так и их разработку.

Однако и само новое индустриальное общество второго поколения, как это можно прогнозировать уже сейчас, станет лишь переходным мостиком к новой стадии развития цивилизации – нообществу. Безальтернативность этого перехода диктуется цивилизационной развилкой, которая явственно приближается с переходом к НИО.2.

Цивилизационный кризис образуется из-за разрыва, *во-первых*, между генерируемой современным экономическим обществом погоней за удовлетворением искусственно раздуваемых (симулятивных) потребностей и ресурсными возможностями природной оболочки Земли; *во-вторых*, между

значительно расширяемыми новейшими технологиями возможностями удовлетворения потребностей и отстающим от них формированием социально-культурных норм, выступающих ограничителями этих потребностей с разумной точки зрения; *в-третьих*, между технологической возможностью вмешательства человека в собственную природу в погоне за удовлетворением потребностей и отстающим формированием норм и ценностей, способных обеспечить направление этого вмешательства в разумное русло.

Переход к ноообществу основывается на выборе в пользу поворота человечества на путь разумного самоопределения (что означает и определенное самоограничение), опирающегося на достижения человеческой культуры. Развитие производства будет регулироваться не критериями экономической рациональности, ведущими к неограниченному раздуванию потребления в погоне за объемными показателями (лишь бы при этом обеспечивалась рентабельность), а критериями уровня удовлетворения разумно формируемых конкретных потребностей человека, с учетом ноокритериев – требований экологических, этических и т.п.

Ценность материальной компоненты продуктов экономики, получаемых для удовлетворения потребностей, с развитием индустрии нового поколения и упрощением доступа к продукту будет постоянно снижаться, вместе с их финансовым отражением. Труд, понимаемый как компонента производства (я специально, для более "выпуклого" изложения мысли, не прибегаю к известной марксовой трактовке труда как имеющей двойственный характер деятельности человека, и т.п.), с ростом ноопотребностей, креатосферы и культуры человека и с постепенным разделением общества на собственно социум и обеспечивающую его деятельность производственную систему, работающую без непосредственного участия человека, "трудящегося", приобретает все более творческий характер и трансформируется в творческое занятие (не путать с нынешним экономико-статистическим понятием "занятости"!); не связанное непосредственно с производством.

На первый план выйдут другие потребности – в творчестве, саморазвитии человека. Превалирование в

общественной жизни экономических отношений постепенно сменится приоритетом неэкономических. Тем самым экономика сменится ноономикой – *неэкономическим* способом хозяйственной деятельности, нацеленным на удовлетворение разумных потребностей (ноопотребностей) человека [Бодрунов, 2018].

Однако впереди, до перехода к НИО.2 и ноономике, – немалый путь. Каковы условия перехода к новому обществу?

Сегодняшний тип удовлетворения потребностей человека, порождающий экономические (социально-экономические!) отношения основан на приоритете интересов капитала, что чревато, с дальнейшим технологическим прогрессом, не только не позитивными изменениями в развитии цивилизации, но и усугублением ее проблем – неравенства, истощением натуральных ресурсов, гибели природы и др. Сохранение этого пути ведет к цивилизационному кризису, выход из которого может быть сопряжен с глубочайшими проблемами драматического и глобального характера.

Чтобы обеспечить правильный выбор на грядущей цивилизационной развилке, необходимо в полной мере учесть те факторы, которые определяют технологический (а вместе с ним и общественный) прогресс в обозримой перспективе. Рост знаниеинтенсивности производства делает самоочевидной необходимость интенсификации деятельности в сфере получения новых знаний. Нужны не просто новые знания, но и обеспечение их технологического применения. И не просто – технологического, а выстраиваемого на рациональной – не с точки зрения капитала – основе. А для этого нужно выстраивание цепочки – от образования и воспитания человека знающего и культурного, способного к исследованию и использованию новых знаний, через постоянно укрепляемую сферу науки, к непосредственному рациональному применению новых технологических разработок в предпринимательской деятельности.

Именно новые технологии образуют теперь главный ресурс развития общества. Новейшие, наиболее знаниеемкие технологии и имплементируемые в них знания способны обеспечить и более эффективное решение социальных задач – сокращение потребления ресурсов и снижение ресурсной

нагрузки на биосферу, расширение возможностей удовлетворения потребностей людей и решение проблемы неравенства, высвобождение человека из непосредственного материального производства, развитие «технологий доверия», и т.д. Стоит заметить, что эта тенденция приведет и к сокращению потребности в традиционных сырьевых ресурсах (в пользу ресурсов интеллектуальных), угрожая тупиком экономикам, ориентированным на производство и продажу природных ресурсов.

Подчеркнем – те, кто захватит лидерство в научно-технологическом развитии, станут и лидерами в экономике периода НИО.2, и смогут направить свои преимущества лидера на движение в позитивном направлении – хотя бы путем строительства подлинного все более социального государства. Поэтому надо стремиться овладеть технологиями 6-го уклада и резко расширить их применение в знаниеемком производстве. Поскольку особенностью 6-го технологического уклада является конвергенция технологий, приводящая к созданию гибридных технологий, а технологическим интегратором в этой конвергенции выступают информационные и когнитивные технологии, то именно их развитие становится ключевым фактором технологического успеха. «Цифровизация», включающая в себя развитие искусственного интеллекта, методов обработки больших массивов информации (big data), «промышленного Интернета вещей», технологий дополненной реальности и т.д., выступает поэтому *насущной необходимостью*.

Для российской экономики обеспечение указанных направлений развития приобретает особую остроту, поскольку в 1990-е годы мы пережили глубокую деиндустриализацию, от последствий которой не оправились до сих пор. Произошло не только снижение объемов выпуска продукции и доходов населения, но возникли и глубокие структурные перекосы в экономике, т.н. нами «эффект 4-х де-»: дезорганизация процесса производства, деградация применяемых технологий, деквалификация рабочей силы, декомплицирование (упрощение) продукта производства. В результате существенно упал удельный вес обрабатывающей промышленности, в особенности его высокотехнологичных отраслей.

Этот глубокий упадок оправдывался идеологий постиндустриализма и рыночного фундаментализма – спад производства и упадок целых отраслей промышленности объявлялись переходом к постиндустриальному обществу, а вымывание высокотехнологичного производства – его несоответствием условиям рыночной конкуренции.

Сейчас, наконец, осознана необходимость в реиндустриализации экономики на новой технологической базе, достижения технологического прорыва. Необходимо выстраивать знаниеинтенсивное производство на основе знаниеемких технологий. Основные направления разработки и применения этих технологий достаточно хорошо очерчены в Национальной технологической инициативе.

Для эффективной реализации политики реиндустриализации на основе технологического обновления нужна существенная коррекция сложившейся в России экономической модели. Необходим переход к программно-целевому управлению развитием, предполагающий выработку стратегических программ. Не следует отказываться от хорошо зарекомендовавших себя инструментов среднесрочного управления структурными сдвигами в экономике на основе активной промышленной политики, такими, как селективное индикативное планирование.

Активная промышленная политика предполагает патерналистское отношение государства к осуществлению бизнесом долгосрочных инвестиций в технологическое перевооружение и НИОКР, развитие на этой основе государственно-частного партнерства. Надо сделать широкодоступными кредитные ресурсы для высокотехнологичных секторов обрабатывающей промышленности. Не последнюю роль играет также стимулирование подготовки квалифицированных кадров и повышение уровня оплаты квалифицированного труда, смягчение на этой основе дифференциации доходов, что повысит и емкость внутреннего рынка.

Имеющийся сейчас важнейший инструмент решения задач развития государства – Национальные проекты. Их необходимо выстроить через все экономическое пространство

России (по горизонтали) с учетом региональной специфики и возможного вклада каждого региона в решение поставленных задач. Чтобы национальные проекты послужили действенным инструментом решения задачи технологического прорыва, по вертикали они должны иметь обязательные пересечения с целями, определенными в Национальной технологической инициативе.

Речь идет не только о том, чтобы общие формулировки целей в Национальных проектах и в Национальной технологической инициативе соответствовали друг другу. Нет, необходимо сделать Национальные проекты инструментом решения тех конкретных задач, которые поставлены в Национальной технологической инициативе. Именно тогда мы сможем получить возможность практического осуществления реиндустриализации на новой технологической основе.

При этом важно, чтобы не только в Национальных проектах, но и в самой Национальной технологической инициативе нашли отражение и были эффективно использованы как пространственные параметры России, так и особенности ее регионального развития. Имеется в виду, что необходимо выделить в промышленно-индустриальном пространстве России те локусы, где имеются промышленные площадки, кадры, инфраструктура исследований и разработок, создающие благоприятные условия для освоения новых технологий и развертывания производства на их базе. Одним из таких локусов является Уральский регион, где сохранился ряд высокотехнологичных производств.

В завершение доклада, отмечу, что в подготовленном коллективом уральских авторов монографии «Уральский макрорегион: большие циклы индустриализации» этому приводятся убедительные доказательства, и поэтому я не буду детально аргументировать эту свою позицию. Уверен, однако, что уральский регион станет одним из драйверов развития промышленности и всей экономики России.

Библиография

Бодрунов С.Д. (2018). Ноономика. М.: Культурная революция.

Гэлбрейт, Дж. К. (2008). Новое индустриальное общество. Серия «Антология экономической мысли». М.: Эксмо.

Львов Д. С., Глазьев С.Ю. (1986). Теоретические и прикладные аспекты управления НТП // Экономика и математические методы. № 5.

Bell, D. (1974). The Coming of Post-Industrial Society. New York, Harper Colophon Books.

Fukuyama, F. (1992). The End of History and the Last Man. New York: The Free Press.

Schwab, K. (2016). The Fourth Industrial Revolution. New York, Crown Publishing Group.

С.Д. Бодрунов

**Доклад (Вступительное слово)
на Всероссийском экономическом собрании¹
(Москва, Дом Союзов, 11 ноября 2019 г.)**

Тема Собрания: «Россия: новые идеи – новые решения»

Уважаемые коллеги!

Для меня большая честь и удовольствие от имени ВЭО России, Международного союза экономистов, экономической общественности приветствовать столь широкую аудиторию российских экономистов и зарубежных гостей, представляющих, что важно, различные научные школы и воззрения, но объединяемых общей профессиональной принадлежностью, и поздравить всех нас с нашим праздником – Днём экономиста России.

В этот раз мы решили несколько изменить формат посвященного этому дню нашего традиционного торжественного собрания.

Обычно, как вы помните, у нас было вначале серьезное научное пленарное заседание. В этот раз мы решили его существенно сократить, так как теперь у всех нас есть своё отдельное главное научное событие года – Московский академический экономический форум, МАЭФ, проводимый, начиная с года нынешнего, ежегодно в мае, и организатором которого выступили ВЭО России, Международный Союз экономистов и Российская академия наук. Уверен, многим из вас удалось в этом году там серьезно поработать. Мы выпустили книгу, где доклады МАЭФа переработаны в научные статьи; я надеюсь, все участники собрания её сегодня получили.

¹ Опубликовано в Научных трудах Вольного экономического общества России. Том двести двадцать первый. – №1. – 2020. – С. 7-10

Хотелось бы остановиться на некоторых моментах Заявления, которое было составлено участниками Форума и адресовано всем лицам, ответственным за принятие экономических решений.

В первую очередь обращу Ваше внимание на то, что МАЭФ констатировал возникшие на фоне достижения определенной макроэкономической стабильности, повышения устойчивости отечественной экономики, принятия ряда важных экономических решений по определению целей развития через, в том числе, формулирование и выполнения новых национальных проектов, и сложившиеся в стране возможности для обеспечения решительного перелома негативных тенденций последних лет.

Отмечено в резолюции Форума «Российская экономика располагает для этого достаточным ресурсным потенциалом (научно-технологическим, квалификационным, природным и финансовым), а российская наука способна дать адекватные ответы на вызовы технологической революции».

И это – действительно так. Я не буду детально аргументировать эту позицию – полагаю, мы все прекрасно осведомлены и о рекордных накопленных резервах, и о профиците бюджета, и о снижении инфляции и ключевой ставки ЦБ, и о некоторых позитивных внешних оценках трендов движения в нашей экономике. То есть, экономика как бы сама сигнализирует и показывает направление: давайте действовать, у нас возникло немалое пространство для маневра, для реализации задач, поставленных в майском указе Президента России!

Безусловно, отмечу, реализация этих задач происходит не в безвоздушном пространстве. На наши решения и результаты накладывают серьезное влияние тенденции и проблемы мировой экономической и политической конъюнктуры. Есть вполне объективные факторы, общие для глобальной экономики, их нельзя не учитывать. Многие экономисты считают, что мир живет в преддверии глобальной рецессии. Всемирный банк назвал свой доклад по 2019 году «Темнеющие небеса», а в последнем докладе ЮНКТАД – Конференции ООН по торговле и развитию – используется не менее поэтическая цитата: «на мировую экономику надвигается шторм». Глобальный экономический спад может столкнуть многие государства в

долговой кризис. По прогнозам ЮНКТАД, рост мировой экономики снизится до 2,3% уже в этом, 2019, году по сравнению с 3% в 2018 году.

Но и в таком контексте ухудшающегося экономического роста многие эксперты подчёркивают, что у нашей страны есть все шансы продвижения к решению задач роста своей экономики. По мнению того же руководителя ЮНКТАД Мукисы Китуи, которого никак нельзя заподозрить в нелиберальной линии, «причина низкого темпа роста в России, в том числе – монетарная политика, которая представляется нам чрезмерно жёсткой, особенно в свете того, что показатели по инфляции благоприятные. Мы видим, что сейчас есть возможность и, может быть, она будет использована, более активной налоговой политики в России, такой, которая станет содействовать стимулированию роста».

Итак, возможности есть. Как они сейчас используются? Все ли из них и как реализуются? Как задействованы наши резервы и потенциал экономики? Приведу некоторые цифры. К сожалению, несмотря на многие достижения, они пока не свидетельствуют о широком, успешном, эффективном использовании всех наших возможностей и резервов.

По мнению многих экспертов, в частности, академика РАН А. Аганбегяна, для успешного решения задачи вхождения нашего в т.н. пятерку крупнейших экономик мира, предписанной Президентом (а она плотно завязана на решение социальных вопросов!), темпы экономического роста должны быть около 5%, тогда как в нынешнем году мы надеемся (и то – что называется, не факт), что они составят только от 0,8% до 1,3%. Пока, за второй квартал, они составили 0,9%, что является худшим показателем за последние 3 года. В третьем квартале показатели, с учетом сезонности, несколько получше, но вряд ли это позволит существенно изменить картину по году.

Наметилось падение экспорта. Во втором квартале в структуре ВВП он сократился на 4,9% в годовом выражении. Вместо запланированного роста несырьевого неэнергетического экспорта на 16 млрд долларов, до цифры 230 млрд долларов, мы видим снижение на 10 млрд. При этом не слишком легки дела и в традиционном сырьевом экспорте. И даже порадовавший нас в

прошлые 2 года рост экспорта продовольствия в этом году прекратился – в целом по итогам 7 месяцев он снизился на 5%, в том числе зерновых – сразу на 41%.

В последние полгода падает деловая активность российских производителей – она снизилась, по известному индексу деловой активности PMI, до худшего показателя за последние 10 лет. Это является, как признает и сам наш Министр экономики, «очень плохим сигналом» – это его слова. Он видит причину этого в слабеющем конечном спросе.

А откуда ему взяться, росту спроса? Реальные располагаемые доходы населения падают более 5 лет, и даже намечаемый рост заработной платы примерно на 1,5% к концу года не перекрывает этот провал. При этом стоимость продуктов первой необходимости – питания, медикаментов, коммуналки и т.п. – даже при низкой в целом инфляции растет быстрее, чем доходы граждан, для большинства – символические. Растет закредитованность населения. На этом фоне не снижаются, а растут неравенство и бедность.

За последние послекризисных 5 лет количество бедных, по данным Росстата, увеличилось почти на 5 млн человек, причем за прошлый год – на почти полмиллиона, с 20,5 до 21 млн. Не стоит чрезмерно радоваться и нынешнему показателю уровня безработицы в 4,3% – как отмечает Центробанк, нынешний уровень безработицы обусловлен не ростом деловой активности, а, цитирую, «одновременным сокращением численности занятых и трудоспособного населения»; и действительно, сейчас опять вернулась тенденция естественной убыли населения – в нынешнем году она составит дополнительно 27% к прошлому году.

Важны для анализа реальной ситуации и некоторые косвенные интегральные показатели, которыми оперируют специалисты-макроэкономисты. О замедлении темпов реальной деловой активности говорят, к примеру, такие данные: за первые 3 квартала рост потребления электроэнергии и газа в реальном секторе экономики оказался в 2 раза ниже, чем в 2018 году, а рост грузооборота снизился с 5,6% в 2017 году до 1,3% в годовом выражении во втором квартале этого года. Розничная торговля по

данным за второй квартал показала втрое худший результат, чем в прошлом году.

Отметим, что эти данные коррелируются и с оценками зарубежных специалистов. В октябре Всемирный банк в очередной раз ухудшил прогноз по экономическому росту нашей страны.

Становится все более очевидным, что мы используем наши возможности далеко не в полной мере. Экономическая стабильность – это возможность, а вовсе не гарантия перехода к экономическому росту. Результаты последних месяцев прямо предупреждают о прогнозе перехода экономики России к рецессии.

Что же сдерживает наше развитие? Эксперты разных направлений, при, безусловно, широкой палитре мнений, в целом во многом сходятся в оценке причин недостаточной эффективности предпринимаемых шагов и усилий.

В первую очередь отмечается недоинвестированность нашей экономики. Это, в частности, признает и вице-премьер А. Силуанов. «Чтобы обеспечить темпы роста не ниже 3%, объем инвестиций должен быть увеличен до 25% ВВП, – заявил он на своей публичной лекции на днях в Финуниверситете. – Сейчас это показатель – 20,6%».

Но что делается реально для этого на практике? Правительство, в соответствии с указом Президента, сформировало Национальные проекты. Однако освоение средств на эти проекты, как всем известно, и это отмечал и Д. А. Медведев на заседании президиума Совета при Президенте по стратегическому развитию и национальным проектам, оставляет желать лучшего.

Экономические власти продолжают, по сути, политику дальнейшей экономии, наращивания запасов и резервов, при том, что мы имеем приличный профицит бюджета и вполне могли бы себе позволить более агрессивное инвестирование и в национальные проекты, и в целом – в реальный сектор экономики, и в социальные программы, обеспечивающие реальный подъем доходов людей и платежеспособного спроса.

Вследствие стагнации конечного спроса сокращается портфель заказов у производителей, ухудшается ситуация на рынке труда, снижается активность бизнеса, что еще более

провоцирует снижение спроса, отказ от долгосрочных и объемных частных инвестиций.

Не способствует и росту инвестиций, и повышению уровня жизни населения также продолжающаяся, несмотря на прямое указание Президента, всё более ужесточающаяся налоговая политика, носящая откровенно фискальный характер. В частности, не способствовало экономическому росту проведенное повышение НДС, единственным оправданием которого, вероятно, стало желание провести финансирование нацпроектов практически исключительно за счет субъектов экономической деятельности и, в конечном итоге, за счет потребителя, который вынужден будет оплачивать эти затраты – через тарифы, кредиты, возросшие цены. В целом можно уверенно говорить о тотальном росте фискальной нагрузки в целях сохранения финансовой стабильности даже в ущерб экономическому росту.

Растет давление и на малый бизнес. За неполный этот год прекратило работу более 160 тысяч малых предприятий. Со следующего года налоги в этом секторе в среднем подрастут еще примерно на 5% за счет индексации ЕНВД, патентной системы налогообложения, торгового сбора.

Немалую негативную роль в этих условиях играет и проблема взаимного доверия бизнеса и власти. На эту проблему указывают и А.Л. Кудрин, и Э.С. Набиуллина, и другие руководители наших важных экономических ведомств. Очевидно, проблема видна.

И дело здесь не только в невыполнении властью своих обещаний не повышать налоговое бремя. Очень негативно на инвест-климат в стране влияет нерациональное, а порой и запретительное регулирование бизнеса. Вместо регуляторной гильотины, о которой говорит наш премьер-министр, бизнес все чаще видит настоящую гильотину для себя. Приведу простые цифры. За последние 6 кварталов Госдума приняла 166 законопроектов, касающихся регулированию экономической деятельности. При этом только 18% из них направлены на смягчение условий бизнеса, тогда как более 40% – на их ужесточение и ограничение. Я уже не говорю об инициативах по конкретным сферам деятельности типа предлагавшегося

ограничения иностранными инвесторами владения акциями российских интернет-компаний – при такой новости акции нашего интернет-гиганта «Яндекс» в один день упали в цене на 20%, и акционеры-инвесторы понесли суммарно убытки на многие миллиарды рублей.

Далее. Видим ли мы наметки по решению задач, поставленных в майском указе, в бюджете, главном финансово-экономическом документе страны? Способны ли бюджетные ориентировки решить эти задачи, задачу прорыва, поставленную Президентом?

При всем различии оценок, мнение многих экспертов – отрицательное. Такое заключение на проект бюджета дали специалисты Счетной палаты, эксперты Высшей школы экономики, многие ученые-экономисты и в рамках сессий ВЭО России.

Я не буду более говорить на эти темы. Очевидно, что необходим поворот в приоритетах экономической политики. В первую очередь – в сторону реальной поддержки реального сектора экономики, особенно сферы высокотехнологичной индустрии. И, вероятно, правы эксперты МАЭФ, отметившие в своей резолюции: «Реализация имеющегося потенциала социально-экономического развития, ... , возможна при условии существенной корректировки сложившихся приоритетов экономической политики. Осуществление прорывного технологического развития требует постановки этой цели в качестве приоритетной, подчинив ей все меры бюджетной, налоговой и денежно-кредитной политики. Необходимо всемерно использовать накопленный опыт достижения успеха в отдельных отраслях, распространяя его на приоритетные отрасли, обеспечивающие необходимые структурные сдвиги и рост производительности труда».

Вернемся к нацпроектам, остановимся на еще одной, я бы сказал, важнейшей их цели. Как отметил Президент, «национальные проекты построены вокруг человека ради достижения нового качества жизни для всех поколений, которое может быть обеспечено только при динамичном развитии России». То есть, нам нужны не только темпы экономического

роста, не только количественный рост показателей, а повышение качества этого роста, достижение нового качества жизни.

Это новое качество достижимо только на новой технологической платформе – лишь новые технологические решения позволят в современных условиях исполнить большинство, если не все, нацпроекты.

Сегодня мы понимаем, что многократно нами декларируемые требования реиндустриализации на новой технологической основе, на тех технологиях, которые сегодня рождаются, которые мы обозначали в Экономическом обществе еще 10 и 15 даже лет назад – эти идеи постепенно завоевывают, так или иначе, умы тех лиц, людей, которые принимают решения в государстве. Мы видим многие подвижки, в том числе в национальных проектах, в сторону того или иного технологического совершенствования и улучшения. Я думаю, это очень важно, но в тоже время – и многие коллеги это подтверждают – этого мало. Этого очень пока мало.

Владимир Путин подчеркивает, говоря о нацпроектах: «Главное – нам надо изменить структуру нашей экономики, нам нужно сделать ее высокотехнологичной, цифровой, чтобы она включала элементы искусственного интеллекта, беспилотники развивать, инфраструктуру. Все только для чего? Чтобы толкнуть производительность труда и на этой базе обеспечить рост благосостояния граждан». Конец цитаты.

Несмотря на призывы верхнего эшелона власти, важнейший цивилизационный переход, который в наши дни осуществляет (хотя – и с большим трудом, и часто без должного понимания) весь мир, у нас это отражается все еще пока больше бумажными (в виде государственных документов) и разговорными (в прессе) жанрами, разными «эссе» о техническом прогрессе да разрозненными упоминаниями в документах о тех или иных аспектах этих изменений, зачастую взятых под кальку из западных отчетов.

В то же время надо четко осознать, что все эти вещи, наводнившие СМИ (роботы, компьютеры, интернет, новые источники энергии, цифровые и нанотехнологии, криптовалюты, блокчейн, даже растущее неравенство), есть следствия, блоки,

элементы происходящего на наших глазах, но не до конца осмысленного (и обществом, да и научным сообществом) сдвига.

Необходимы и глубокое теоретическое осмысление существующих трендов, и практические идеи, из них вытекающие. Осмысленные, положенные на строго научную основу.

Мир сейчас находится в кризисной точке развития, связанной с началом перехода к знаниеемкой индустрии, ведущей к рождению нового качества экономики и общества – нового индустриального общества следующего поколения. Отсюда вытекает и все остальное и для нас: генерируемые знанием новые *НБИКС-технологии*, необходимая для знаниеинтенсивного прогресса *интеграция* производства, науки и образования, неизбежность курса на основанную на высоких технологиях *реиндустриализацию*, возможность *опережающей* (в случае получения и освоения надлежащих знаний), а не догоняющей траектории развития российской экономики – перечень легко продолжить.

И если попытаться на основе серьезных теоретических построений и анализа лучших практик в наших экономических решениях, в нашей, я бы сказал шире, экономической стратегии следовать требованиям этого качественного перелома, есть немалый шанс, что с нашим развитием все будет лучше. Главное – его не упустить.

И наша задача, экономического общества, видеть проблемы и всемерно содействовать их решению.

С.Д. Бодрунов

**РАЗВИТИЕ ТЕХНОЛОГИЙ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ КАЧЕСТВ
ПРЕДПОЛАГАЕТ НОВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ, СОЦИАЛЬНОЙ И
ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ¹**
(Выдержки из доклада)

Доклад на Пленарном заседании VI международного Конгресса
«Интеграция производства, науки и образования»
(Москва, 4 декабря 2019 г.)

Уважаемые коллеги!

Наш конгресс, посвященный проблемам развития производства, науки и образования, сегодня собрался вот уже в шестой раз. Сделано многое. И это – не только книги с докладами его участников и сотни наших статей. Создана трибуна для квалифицированного обмена мнениями весьма компетентных в этой сфере специалистов. Это, что важно, – еще и изменяющееся общественное мнение: если пять лет назад тезис о необходимости приоритетного развития знаниеемкого производства, интегрированного с наукой и образованием, воспринимался как теоретическая гипотеза, даже – в некотором роде как мечта, то сегодня он звучит как вполне очевидный императив времени.

Наконец, что еще важнее, формируемое с нашим, коллеги, участием это самое общественное мнение базируется не на произвольных умопостроениях, а на выверенной, в том числе нашим конгрессом, глубоко проработанной научной базе, и в этом – и сила, и неопровержимость наших идей и предложений. Безусловно, не все наши предложения (используем корректные, академические формулировки) транслированы в практические действия – путь от теории к практике всегда был тернист, не прост он и в данном случае. Но – позитивные сдвиги просматриваются.

¹ Опубликовано в журнале «Экономическое возрождение России». – 2020. – № 1(63). С.

Я неспроста начал свой сегодняшний доклад именно с этого. Я не стал бы преуменьшать значение общественного мнения. Идея становится реальной силой, когда она овладевает, что называется, массами. В том числе – критической массой тех, кто принимает решения и воплощает их в практику. Это – во-первых. Во-вторых, я бы не стал преуменьшать и влияние общественного мнения на политический класс: необходимость приоритетной ориентации на технологический прорыв, не реализуемый в условиях новой индустриально-технологической революции без принципиальной интеграции знаниеемкого производства, передовой науки и современного образования, сегодня осознана руководителями страны. Неслучайно в числе приоритетных – национальных! – проектов возник такой, как «Наука».

В качестве важного шага, определяющего приоритеты инновационно-технологического и, скажу больше, экономического развития, можно считать формирование и начало реализации имеющей высокий интеграционный потенциал Национальной технологической инициативы. Отмечу, что сопряжение национальных проектов, определяющих конкретные шаги и этапы решения экономических проблем, и Национальной технологической инициативы, определяющей, если можно так выразиться, направления этих шагов, позволит перевести реализацию задачи реиндустриализации российской экономики в реальную практическую плоскость. И мы на этом продолжаем наставлять.

И все же основные из тех задач, которые мы обсуждаем, еще предстоит сначала осознать как приоритетные, не говоря уже об их практической реализации.

О чем идет речь?

Выделю в этом докладе только три аспекта.

...

Первый – определение целей развития.

К сожалению, не только в России, но и в мире в целом – от США до Китая – едва ли не главным задачей, которую обсуждают и политики, и эксперты, и СМИ, являются темпы роста. Но давайте задумаемся, о чем идет речь?

Речь идет о количественном наращивании объема выпуска всего, что потребляется. Укоренившийся со второй половины прошлого века подход мерить удовлетворение потребностей людей количественными показателями даже на заре своего широкого вхождения в экономический инструментарий и обиход далеко не идеально отражал те измеряемые феномены, для измерения которых он был введен.

В нынешнем же мире (мире всё более возрастающих, а всё чаще – искусственно возгоняемых! – симулятивных потребностей!) такой инструмент вообще мало пригоден, ведь потребляются далеко не только те блага, которые обеспечивают позитивное технологическое развитие, содействуют прогрессу человека, решению социальных и экологических проблем. Рост валового внутреннего продукта зачастую скрывает все возрастающее продуцирование и удовлетворение потребностей в том, что в лучшем случае – бесполезно, а в худшем – разрушает экономику и общество.

Кроме того, не забудем и о том, что этот рост может быть экстенсивным, достигаться за счет увеличения нагрузки на человека (который зачастую сегодня вынужден работать – особенно в сфере образования и науки – на двух-трех должностях), а также – нагрузки на природу; рост может осуществляться в ряде случаев и без модернизации технологической основы экономики, на том же технологическом базисе. И даже – это парадокс, но не выдуманный, реальный – при его деградации.

Нужен ли нам такой рост? Вопрос, в контексте вышеизложенного, фактически – риторический. Вот почему научное и экспертное сообщество должно вновь и вновь настойчиво продвигать вывод о том, что **главная проблема (и, следовательно, задача) экономики XXI века – не просто рост как таковой, важна его структура, или, шире говоря, качество.**

Эта, очевидная для нас, постановка вопроса, тем не менее, все еще не находит должного отклика при выработке приоритетов стратегического развития общества ни со стороны экономистов-теоретиков, ни со стороны государственных лидеров. Первые в основном спорят о том, какие проценты роста

ВВП можно получить на основе той или иной модели экономической политики; вторые акцентируют в качестве главных результатов, которые должны быть достигнуты, опять же темпы роста ВВП, и лишь как некое производное – повышение качества жизни людей, образование, медицина, жилище, природная среда, социалка. Однако ясно, что вот это главное и это производное далеки от корреляции, и нельзя мерить простой алгеброй цифр гармонию реальных общественных потребностей и интересов!..

Нужна другая постановка стратегических задач. Ориентация на качество роста или, точнее, на **развитие**, предполагает решение в первую очередь задач обеспечения экономического, социального и гуманитарного прогресса с учетом решения глобальных (и, в частности, – сегодня это уже императив! – экологических) проблем. А для этого необходимо выделение соответствующих приоритетов в долгосрочной экономической политике, я бы даже сказал – в нашей экономической доктрине.

Таковыми приоритетами могут и должны стать два – развитие технологий и прогресс человеческих качеств. Почему?

Ответ на этот вопрос мы уже давали в наших предыдущих докладах и серии публикаций последних лет (многие участники наших конгрессов уже могли с ними ознакомиться, желающие смогут сделать это после окончания пленарного заседания). Мы утверждали и утверждаем: с наступлением нынешней новой технологической революции (а ее справедливо всё чаще называют революцией индустриальной, предполагающей качественное изменение индустрии на основе шестого технологического уклада) экономика, общество, человек обретают новое качество – не будет преувеличением сказать, что мир вступает в новое качество бытия. Мы его назвали Новым индустриальным обществом второго поколения, НИО.2.

Это – общественно-экономическая система, в которой (напомню коротко ключевые выводы, которые мы уже обсуждали):

- во-первых, преодолевается пагубный тренд деиндустриализации, и главной сферой развития вновь становится индустриальное материальное производство; для нашей аудитории данное положение стало очевидным уже несколько лет назад, но важно то, что сегодня оно становится очевидным для большинства экспертов;
- во-вторых, это – индустриальное производство нового типа, второго поколения, где – отметим его важнейшую особенность – главным фактором становится знание, а не материальные ресурсы; т.е. это – знаниеемкое производство; отсюда вытекает, что
- в-третьих, это производство, в которое знание имплементируется, должно быть интегрировано с наукой и образованием – сферами, где знание генерируется и персонифицируется.

Что касается прогресса человеческих качеств как одного из двух важнейших приоритетов **развития**, а не просто роста, то эти качества опять же формируются и реализуются (давайте вспомним азы социальной философии) в том числе и прежде всего – в процессе труда. Но – не всякого. Труда – содержательного, развивающего человека, а не превращающего его в придаток к станку, конвейеру, кассовому аппарату. В индустриальном обществе второго поколения труд постепенно становится преимущественно творческим актом, основанным притом на серьезном владении знаниеемкими технологиями и их эффектами, включая как позитивные, так и негативные для общества.

А содержательный, знаниеинтенсивный творческий труд и образование подпитываются наукой. И, конечно же, развитие творческих способностей человека осуществляется в сфере образования и культуры.

В этой связи не могу не заострить проблему возрождения образования не просто как утилитарной коммерциализованной системы усвоения знаний, но и как пространства формирования личности, креативного работника, человека, способного генерировать инновации и обеспечивать их разумное применение, а не просто специалиста, обладающего неким набором профессиональных компетенций. Но для этого необходимо глубокое реформирование существующей системы образования,

решающее проблемы образования для всех и через всю жизнь, преодоления бюрократизации и финансиализации образования и науки, обеспечения реальной интеграции образования и науки с современным производством и многие другие.

Так мы опять выходим на приоритет той триады, которая поставлена в центр наших конгрессов: знаниеемкое производство, наука, образование. Намеренно повторю: то, что я только что сказал, **сейчас**, в этой аудитории выглядит достаточно очевидным. И еще больше нам всем вместе предстоит поработать для того, чтобы это стало очевидным большинству граждан России, лидерам научного, образовательного, экспертного сообщества, политическому классу.

Для продвижения в этом направлении уже сделано немало. Укажу только на опыт мероприятий, проводимых под эгидой Вольного экономического общества России и Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте. Это – наш с вами ежегодный конгресс по интеграции производства, науки и образования; это – ежегодный Санкт-Петербургский экономический конгресс (СПЭК). Вместе с Российской академией наук мы в прошлом году организовали крупнейшую научную площадку в стране – Московский академический экономический форум (МАЭФ), и уже подписаны документы с РАН о продолжении этой работы также ежегодно. С момента учреждения правительством по нашей инициативе профессионального праздника – Дня экономиста, мы ежегодно, в этот день, 11 ноября, проводим Всероссийское экономическое собрание.

Вот – те представительнейшие площадки, с трибуны которых академики, руководители крупнейших научных и образовательных центров страны, депутаты Государственной Думы, капитаны бизнеса говорили именно о технологическом прогрессе и развитии человека как о важнейших задачах стоящих перед Россией. Не о количественном росте. Не о финансовой сбалансированности (важность которой на всяком оперативном пространстве текущих экономических задач никто не отрицает) – нет, мы говорили и продолжаем говорить о вещах стратегических – о прогрессе технологий и человека.

Да, это пока – по преимуществу идеи. Но когда идеи, еще раз повторю, овладевают массами, они становятся материальной силой. Это было сказано задолго до меня, и это так и есть.

...

Второй аспект, который я хочу подчеркнуть, – **средства** достижения поставленных целей. Названные выше два приоритета могут быть реализованы только при условии решения сложного связного комплекса задач в трех рассматриваемых нами пространствах. *Первое* из них – реальный сектор, и прежде всего – индустрия и ее становление именно как знаниеемкого производства, внедрение технологий новых укладов и перевод на этой базе всей экономики на новое мирохозяйственное устройство. *Второе* – это наука (в единстве фундаментальной и прикладной) как сопряженная с производством сфера генерации новых знаний. *Третье* – образование как (сделаю новый акцент!) система отношений, формирующих «знаниеемкого» работника, способного повышать знаниеемкость производства и обеспечивать прогресс науки.

Существенно, что между названными выше целями и средствами их достижения существует как прямая, так и обратная связи, основа которых – дуалистичность, двоякое бытие человека творческого. Этот человек – и высшая ценность, цель развития, и, в то же время – главное средство общественного прогресса. Поэтому, с одной стороны, приоритетное развитие технологий и человеческих качеств предполагает акцентированное внимание к новому качеству производства, прогрессу науки и образования.

С другой стороны, прогресс нового по своему качеству производства, науки и образования приводит к формированию необходимых предпосылок для технологического прогресса и прогресса человеческих качеств. Что из этого вытекает?

Названная двоякая связь обуславливает необходимость как «локальной», так и «большой» интеграции ПНО. Первая – на уровне производственного звена (корпорации, сети корпораций); она предполагает включение интеграционных механизмов производственных структур и субъектов сфер науки и образования. Мы об этом не раз говорили, не буду детализировать. Вторая интеграция – названная мною «большой» – шире. Речь идет об интеграции собственно самих этих трех пространств, но – не сводится к макроэкономической (на национальном уровне) интеграции лишь секторов производства, науки и образования. Она предполагает экстенсивное и интенсивное скоординированное развитие всех

элементов производственного, научного и образовательного процессов в рамках *единой социально-экономической, технологической, научной и образовательной политики*.

Такой постановки вопроса на уровне правительства пока, к сожалению, нет. Нет широкой дискуссии по этой проблеме и в обществе. Но в рамках наших конгрессов проблема поставлена именно так: нужна единая социально-экономическая и технологическая, равно как и научно-образовательная политика. Более того, нужна единая программа – стратегическая, долгосрочная, – в которой бы были соединены воедино цель, задачи, ресурсы развития и институты, обеспечивающие решение этих задач. И соединены так, чтобы и производство, и наука, и образование, и обслуживающая эти сферы кредитно-денежная система согласованно и целенаправленно обеспечивали реализацию тех приоритетов, о которых мы говорили: технологии и человек – как две стороны одной медали, имя которой – развитие, а не простой рост.

Скажу больше: мне представляется, что для формирования и реализации этой комплексной и приоритетной задачи нужен, если хотите, штаб предельно высокого уровня, государственный орган, наследующий лучшие достижения ГКНТ и Госплана, но работающий в условиях рынка и поощрения частной инициативы. Такой полномочный орган, координируя деятельность ведомств, мог бы помочь и сократить объем чиновничьего аппарата, оккупировавшего ныне многие десятки министерств, и дать весомую экономию средств, растрачиваемых на проекты зачастую низкоэффективные, дублирующие, а порой – и противодействующие решению указанной двуединой задачи. И еще: он должен быть демократически работающим институтом, опирающимся на экспертное и научно-образовательное сообщество, которое сможет решать многие задачи лучше, профессиональнее чиновников, и работать на общенациональные интересы, а не на интересы тех или иных лоббистских группировок. И орган этот сможет стать таковым, если будет действовать прозрачно и под активным общественным контролем, научные основы которого мы с вами, коллеги, призваны заложить.

...

Третий аспект – **ресурсы**. Перестройка управления – задача необходимая, но не достаточная. Ключевой механизм практической реализации названных приоритетов развития – инвестиции. И если мы говорим не о росте, а о развитии, то отсюда прямо следует вывод: **качество и структура инвестиций**, а не просто их объем, являются решающим фактором реализации задачи развития.

Эта постановка проблемы опять же выглядит приоритетной, но, к сожалению, у нас на практике не является таковой. В России сегодня объем инвестиционной активности не только неприлично мал (доля накопления в РФ почти в два раза меньше, чем в Китае), но и структурно – используем опять же корректный термин – неакцентирован. А первые примеры больших инвестиционных проектов и их относительно успешной реализации есть. Это – и олимпийские объекты в Сочи, и Керченский мост, и возрождение ряда отраслей оборонного комплекса. Но это – не более чем отдельные и далеко не в полной мере удачные примеры реализации программного подхода к инвестиционной активности.

Возражений против резкого повышения инвестактивности государства, особенно в публичном пространстве, много. Это – и инфляционные риски, и коррупционные, и т.п. Не вдаваясь в такого рода пафос и дискуссии, рассмотрим проблему в академической плоскости. Прогресс инвестиционной активности требует решения проблемы так называемых *«провалов» государства* в современной экономике и экономике будущего. Эти провалы хорошо известны. Главные из них – бюрократизм и коррупция. Преодоление их – задача опять же необходимая, но не достаточная.

Не менее важно правильно определить функции государства в знаниеемкой рыночной экономике XXI века. И если первая проблема – борьба с бюрократизмом и коррупцией – по преимуществу политическая, то вторая – **перезагрузка экономической деятельности государства в соответствии с требованиями знаниеемкого производства**, прежде всего – экономическая. И в немалой степени – теоретико-экономическая. Даже – политико-экономическая. И потому именно на ней мы сосредоточим свое внимание.

Я неслучайно сделал акцент на том, что современная экономика не просто рыночная, но еще и знаниеемкая. Это – эпохи

генезиса нового индустриального общества второго поколения. А это, в свою очередь, равно как и акцент на развитии, а не просто росте, обуславливает то, что и к вопросу о функциях государства требуется не количественный, но качественный подход.

Для экономики XXI века требуется одновременное решение двух диалектически единых задач.

С одной стороны, задачи **либерализации** в определенных сферах экономики при сокращении ряда функций государства. Речь идет прежде всего о тех его функциях, которые нацелены на реализацию бюрократических амбиций чиновничества, а не интересов общества; нам не нужно государство, главная задача которого – порождать бюрократический восторг чиновников. Кроме того, либерализация необходима там, где рыночные механизмы саморегулирования обеспечивают оптимальные результаты, где достаточно личной инициативы, предприимчивости, чтобы получить прорывной результат.

С другой стороны, есть сферы, где прорыв в будущее невозможен без мобилизации усилий на масштабных, долгосрочных проектах. Здесь стоит задача развития таких функций государства, как **активная промышленная и социальная политика, стратегическое планирование и прогрессирование государственно-частного партнерства**. Об этом мы говорили уже не раз, поэтому позволю себе пойти дальше.

...

Я начал свой доклад с определения целей, средств и ресурсов развития. И действительно, названные выше приоритеты и нацеленная на их реализацию целостная социально-экономическая, технологическая, научная и образовательная политика, системные инвестиции могут создать предпосылки для выхода нашей страны на траекторию **опережающего**, а не догоняющего развития.

Но вот какой поворот мне кажется особенно важным при такой постановке вопроса: а какое будущее для своей страны мы видим? Чего мы в итоге хотим достичь? Просто «войти в пятерку»? А дальше?

В СССР в 1930-е годы был такой станок – ДИП. Расшифровывался он просто: «Догнать и Перегнать». Но тогда была

сформулирована, пусть и умозрительная, далекая, но все же – была сформулирована некая стратегическая, пусть умозрительная (да простит меня Александр Владимирович!) цель – коммунизм. В той достаточно упрощенной постановке, в какой эта цель подавалась массам, мы сейчас эту цель не ставим. В Китае одна из целей – достижение «пинь инь», общества средней зажиточности. Президент США провозглашает: «Сделаем снова Америку великой!». А каковы наши сформулированные долгосрочные цели? Очевидно, мы сегодня остро нуждаемся в ответе на этот вопрос.

Почему? И какие подходы могли бы быть взяты за приоритет в поиске обществом такого ответа? Мы видим, что мир претерпевает качественные трансформации. Какие?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, надо принять во внимание, что интеграция производства, науки и образования есть проявление в частном случае глобального интеграционного тренда в развитии, вызванного расширением пространства **знания**. А это – пространство не только науки. Это – еще и пространство технологий и образования.

Далее. Интеграция наук есть одно из слагаемых того же тренда, проявляющегося, в частности, в актуализации междисциплинарности, приоритизации решений на стыках наук. Последнее есть так же проявление особенности **знания** как особого феномена, ибо его специфика состоит в том, что расширение знания происходит со всё большим пересечением локусов знания, «отдельных» наук и теорий. В технологическом аспекте говорят об интеграции базовых технологий, т.н. НБИКС-интеграции. Эта интеграция, слияния наук в одну метанауку есть важнейшая *особенность* нового технологического уклада, который является материальной базой нового индустриального общества второго поколения.

Здесь опять-таки уместно вспомнить об интеграции производства, науки и образования как интеграции общесистемной, осуществляемой в пространстве общества-системы. Но и этого мало. Далее встает перспектива симбиоза человека и производственной системы на основе подчинения последней задачам развития человека, а не наоборот, чем всячески нас пугают футурологи. Все это – проявление гигантского опосредованного влияния развития знаниемости технологий на

общественное устройство, которое подводит нас к рождению нового феномена – **ноономики и, соответственно, ноообщества.**

Черты этого нового общественного состояния видный уже сегодня. «Умное» производство, в котором человек берет на себя преимущественно творческие функции. Прогрессирующий на основе «ускорения ускорения» технологический прогресс. Ненасильственное вытеснение симулятивных потребностей и формирование в качестве приоритетных новых ценностей, среди которых первое место займет знание. Новый тип неравенства – не в собственности и доходах, а в креативном потенциале. Диалог с природой, а не хищническое разграбление ее ресурсов. Переход на этой основе «по ту сторону» собственно экономического бытия, переход в сферу ноо-жизни.

Все это – уже заметные тренды сегодняшнего дня, указывающие на возможный облик будущего. Ноономика – это будущее, которое рождается сегодня. И наша задача состоит в том, чтобы сделать это рождение максимально безболезненным, эффективным, гуманным. Возможно, такого рода идеи могли бы в какой-то мере помочь в поиске ответа на смыслы нашего общественного развития.

И – еще об одном, в завершение.

Было в XIX веке, у К. Маркса, такое образное выражение: «Насилие есть повивальная бабка истории». Однако практика человеческой цивилизации вполне твердо подтвердила русскую народную мудрость: «Насильно мил не будешь». Никогда насилем не удавалось достичь ни долгосрочных целей развития, ни консенсуса, ни справедливости. Наша задача – задача XXI века, на новом уровне познания исторических закономерностей – быть не «повивальной бабкой», а ученым-врачом-учителем, прокладывая дорогу в будущее не насильственными методами, а путем интенсификации развития технологий и человека.

Собственно, именно для этого мы с вами, уважаемые коллеги, и проводим наши конгрессы, пишем статьи и книги. Говорим. И это – не только и не просто разговоры. Это, уверен – первый шаг в будущее, ибо, как сказано в известной всем и самой популярной в мире книге, **вначале было Слово.**

Спасибо!

С.Д. Бодрунов

**Выступление на совместном заседании Отделения
общественных наук РАН и Вольного экономического
общества России, посвященное теме
«Драйверы роста экономики: человеческий капитал, наука,
технологии»
(Москва, 29 января 2020 г.)**

Уважаемые коллеги!

Наше сегодняшнее мероприятие – необычное, ни у ВЭО России, ни у ООН РАН не было до настоящего момента опыта проведения подобных совместных мероприятий.

Позвольте от имени экономической общественности, ВЭО, МСЭ приветствовать в нашем доме, Доме экономиста, академика-секретаря Отделения общественных наук академии Андрея Вадимовича Смирнова, и наших уважаемых коллег, представляющих различные секции Отделения, различные области общественных наук.

Почему мы решили провести сегодняшнюю встречу в таком широком составе?

Причина весьма весомая.

В прошлом году, в мае, как вам, уважаемые коллеги, известно, прошел впервые в стране Московский академический экономический Форум (МАЭФ). Он стал в России крупнейшей площадкой академического анализа проблем экономического развития страны и поиска решений, обеспечивающих ускорение экономического роста и повышение качества жизни населения, а также роли науки в разработке таких решений. В ходе его подготовки огромную работу проделали руководители Программного комитета академики А.Г.Аганбегян и В.В.Ивантер (к великому сожалению, недавно покинувший этот мир). Отмечу, пользуясь случаем, и большой вклад руководителей комитетов Форума академика А.А.Дынкина, членов-корреспондентов РАН Р.С.Гринберга, Д.Е.Сорокина, В.В.Иванова, профессора МГУ А.В.Бузгалина. Но, несмотря на это, мы с Президентом Академии наук академиком А.М.Сергеевым (надо отдать ему должное, он

находил для этого время и силы) как Сопредседатели МАЭФ потратили немало часов совместной работы по определению целей, тематической окраски, контента, структуры Форума. В ходе этой работы у нас возникла мысль расширить вот эту предельно важную, определяющую смысл Форума, предварительную работу, вовлечь в обсуждение проблематики, идейного, если хотите, наполнения будущего мероприятия не только экономистов, но и представителей других социальных наук, полагая, что такой подход позволит обеспечить более системный, комплексный анализ проблем развития нашего общества – именно, я бы сказал, общецивилизационного, а не только экономического, развития. Надеюсь, сегодня мы сделаем добротный шаг в этом направлении, тем более, что дата второго МАЭФа уже определена, 20-21 мая, есть решения ВЭО, МСЭ и Академии.

Итак, почему это важно – развития общецивилизационного, интегрального?

Мы живем сейчас в совершенно необычном мире. Наступила очередная, совершенно особенная по своему смыслу, содержанию и последствиям технологическая революция. Ее особенностью является не просто базирование на совершенно новых технологиях 6-го технологического уклада, но – на глубокой пенетрационной интеграции обеспечивающих их научных областей. К т.н. НБИК-технологиям справедливо сейчас добавляют символ С – социальные науки. Но еще важнее то, что впервые в истории человеческой цивилизации осуществляется принципиальное изменение экономических основ жизни общества – в частности (подчеркну – очень важной частности!), происходит постепенная замена основного ресурса экономической деятельности – на первый план, в отличие от предыдущих этапов развития экономики, в качестве основного ресурса выходит знание, вытесняя на вторые роли материальную компоненту в решении задачи удовлетворения человеческих потребностей. На наших глазах возникает новое, знаниеемкое производство, создающее знаниеемкий продукт. Происходит глобальный переход к эпохе нового индустриального общества второго поколения, основу которого составит знаниеемкая экономика преимущественно совместного пользования.

Эти изменения в материальной основе жизни общества не могут не отразиться на развитии его институтов. Меняется характер труда и отношений собственности, роль государства и общественных институций. Растет роль науки и образования. Возрастает конкуренция и борьба за экономическое лидерство в геоэкономическом пространстве, растет геополитическая конфликтность, идет слом сложившийся в предыдущий период системы международных сдержек и противовесов.

Все эти процессы требуют глубокого осмысления – и уже не только экономистами, но и социологами, философами, представителями других общественных наук.

От нас, коллеги, время сегодня требует погружения в суть этих процессов, их научного анализа, идей, позволяющих рационально определить роль и место нашей страны в нарождающемся новоиндустриальном мире, пути ее эффективного развития.

Именно поэтому мы предложили сегодня на нашем совместном заседании уделить особое внимание драйверам экономического роста России.

И здесь важен анализ и различных аспектов развития, и горизонтов нашего движения. Отставание в этом движении в наше время, когда научно-технологический прогресс, имплементирующий знание в реальный продукт, а вслед за ним – и прогресс экономический, устремились вперед с т.н. «ускорением ускорения», чревато не просто отставанием в экономике, но – ее деградацией, с утратой правосубъектности страны.

Следование в течение длительного времени постиндустриалистским представлениям о цивилизационном развитии, породившим неолиберальные экономические модели, у нас в стране в 90-е годы привело к деиндустриализации экономики, формированию критической зависимости от зарубежных технологий и институтов, утрате множества сегментов на мировых и на внутреннем рынке, породило неустойчивость экономики и снижение уровня жизни населения. Эти проблемы – и, особенно, в частности, вопросы необходимости смены модели экономического курса страны – мы не раз поднимали в наших дискуссиях, в том числе – с

правительственными структурами, в Совете Федерации, Государственной Думе.

Многие из поставленных вопросов нашли отражение в большом пакете государственных решений, которые начали постепенно приниматься в последние годы. Особенно – в последнее время. Я бы даже рискнул обозначить это явление так: происходит неартикулируемая постепенная смена курса нашего развития.

В майском указе Президентом поставлена задача возобновления экономического роста России. До 2024 года нам необходимо в два раза снизить бедность, существенно увеличить продолжительность жизни россиян, обеспечить естественный рост численности населения, войти в пятерку крупнейших экономик мира по паритету покупательной способности. Всё это – всеобъемлющая комплексная проблема. И – достойный вызов для нашего общества и государства. И главная задача – не только преодолеть кризис в экономике и выйти на добротные темпы экономического роста, но и – подчеркну, весьма важно, – устранить технологическое отставание России от тех стран, которые находятся на переднем крае продвижения к новой генерации индустриального общества.

Чтобы догнать нынешних экономических лидеров по показателям роста, мы должны, согласно исследованиям академика А.Г.Аганбегяна, ежегодно увеличивать свой ВВП на 4-5% и более, если вести речь о догоняющем или, в потенциале, опережающем развитии.

В то же время наши государственные институты (Минфин, Банк России) определяют темпы роста ВВП в пределах 1,5-2,5%.

Таким образом, необходимо искать резервы роста, на что нацеливает нас и президентский указ, да и сама жизнь.

Исходя из теоретических посылок, на какие решения можно было бы выйти? На каких направлениях надо сосредоточиться, чтобы обеспечить экономический рост? И не просто – рост, но рост качественный, повышающий уровень жизни наших людей, обеспечивающий формирование здоровой нации и массового креативного класса, без чего немислимо наше эффективное и позитивное участие в наступающем переустройстве миропорядка и в индустриальном обществе грядущего?

Выступая на прошлогоднем Санкт-Петербургском экономическом форуме, Президент главными главными факторами такого роста назвал новые компетенции людей, знания, передовые технологии и коммуникации. Собственно, в условиях экономического общества это – то, что является нашим капиталом – человеческим и технологическим. При этом рывок в экономике он обозначил в качестве главного национального приоритета. Цитирую, с вашего позволения: «В своем развитии мы намерены опираться на наш человеческий, творческий, кадровый потенциал, готовы учиться и адаптировать лучшие мировые практики и, конечно, использовать собственный успешный опыт решения сложнейших структурных задач». Конец цитаты. При этом Президент говорит о мегасайенс, технологическом рывке, призывая в своих недавних выступлениях «нащупать параметры будущего».

Правительству страны в рамках сформулированных национальных проектов, направленных на достижение конкретных целей развития по конкретным направлениям, поручено разработать и реализовать национальные программы в сфере здравоохранения, демографии, экологии, образования, науки, культуры, цифровизации экономики, жилищного строительства, безопасности, качественных автомобильных дорог и инфраструктуры, улучшения городской среды, поддержки занятости и повышения производительности труда, развития малого и среднего бизнеса и поддержки предпринимательской инициативы. И т.д. Это – важнейшее, главное дело нового правительства.

Прорыв необходим по всем этим направлениям. Причем – в самые короткие сроки. Фактически – в формате «экономического чуда».

Возможно ли это?

Моё мнение – да, это возможно. Однако – при выполнении ряда условий.

Одним из таковых является безотлагательная технологическая модернизация экономики (об этом, кстати, четко заявил, что радуется, новый глава правительства при его утверждении на должность в Госдуме).

Но при этом особенно важен переход к широкому и повсеместному использованию преимуществ нового технологического уклада.

Что я имею в виду?

Первое. Я уже частично упоминал выше, что нынешний переход к новоукладным технологиям, резко и принципиально отличающимся от предыдущих, сопровождается превалированием в новых технологиях знания над материальной основой. А это влечет за собой драматический переход к использованию их в качестве базового ресурса в экономике – причем не только в продукте или услуге, но – во всех компонентах их производства! В первую очередь – в технологиях, которые приобретают новое качество, становятся знаниеемкими.

Мир идет к такому укладу, который составит экономику будущего. Не зря у мировых экономических лидеров – и крупные результаты в научном применении знания: сейчас в США регистрируется до миллиона новых патентов в год, в Китае – более 600 тысяч. В России, для сравнения – 36 тысяч за 2018 год. Нам надо видеть эту вполне осязаемую в современных условиях корреляцию. И история также дает нам примеры эффективного экономического развития при быстром внедрении новых для своего времени технологий. Возьмите хотя бы Британию в эпоху первой индустриальной революции. Или – более близкие примеры – развитие стран Юго-Восточной Азии второй половины века XX-го. Но у нас, в отличие от «азиатских тигров», создававших свое экономическое чудо в условиях не только предыдущего технологического уклада, но и в условиях интеллектуальной нищеты, есть, подчеркну это особо, огромные заделы и в продвинутости новоукладных технологий, и в наличии знаний плюс соответствующей интеллектуальной подготовки достаточно приличных страт специалистов – причем в отношении не только пятого, но и шестого уклада.

Мне представляется, что это – важный аргумент в пользу усиления нашего движения по этому пути.

Второе.

Ещё раз обратимся к той важной особенности, которая отличает технологии нового уклада. Они – они, в основной своей

массе, существенно, на порядки менее капиталоемки и фондоемки в затратах на единицу продукта, чем технологии предыдущих укладов, где в производственных издержках в конечном счете доминируют материалы. При этом основу технологических решений будущего периода составят нематериалоемкие технологии, интегрированные на единой цифровой платформе, формирующей ядро – информационно-технологическое ядро! – нового уклада. Поэтому надо учитывать и то важнейшее свойство ИКТ, которое вам хорошо известно – выделяя в новом информационно-когнитивно-коммуникативном продукте его информационно-цифровую составляющую (как сублимированное знание), мы понимаем, что эта – основная сегодня уже, базовая! – компонента производства обладает свойством распределения издержек и не имеет такой затратности на условную единицу применения, как материальный продукт эпохи любого из предыдущих технологических укладов.

Это обстоятельство очень важно для нашей аргументации.

Это позволяет получать результат от перехода к таким технологиям практически сразу при их внедрении, что резко сокращает и глобальные издержки, и период и размер первоначальных инвестиций, связанные с переводом экономики на новую технологическую базу.

Третье.

То, что жить нам придется в новом технологическом укладе и в новом социальном пространстве – хотим мы этого или не хотим – объективная реальность. И надо искать и те силы, которые поддержат этот процесс, сделают его эффективным и позитивным. Поэтому не менее важный фактор и драйвер перехода к новому технологическому укладу – модернизация социальной сферы, включая развитие ее инфраструктуры на новом технологическом уровне, повышение производительности труда, включение человека в новый производственный мир, мир новой экономики, и роста на этой основе благосостояния людей, уровня удовлетворения их потребностей.

Приведу еще одно высказывание нашего лидера: «Мы намерены строить нашу политику вокруг человека, его благополучия, интересов и запросов. Убежден, что только та

страна может быть сильной и успешной, где люди смогут в полной мере реализовать свои способности. Для этого нам предстоит продолжить модернизацию экономики и создание современных рабочих мест, обеспечить рост доходов граждан, сделать отечественные здравоохранение и образование одними из лучших в мире».

Коллеги, уже сегодня мы видим, как изменяется характер труда как компоненты производственного процесса, в нем растет интегрально-творческая компонента, на смену традиционным профессиям приходят компетенции широкого диапазона, более продвинутое интеллектуально. Проще говоря – в новом, знаниеемком производстве завтрашнего дня главная роль будет принадлежать человеку-творцу.

Что это значит?

В грядущем мире технологическое развитие ведет к тому, что человек должен будет постоянно совершенствоваться в творческом процессе, постигать новое, переучиваться, переосмысливая и создавая мир вокруг себя и, я бы сказал, созидая самого себя – уже не столько как человека экономического, но более – как творческую личность. И на каждом этапе технологического развития понадобятся всё более и более творчески мыслящие люди.

Отсюда – наше обязательство перед будущими поколениями совершенствовать образование, развивать интеллектуальную сферу приложения сил общества. В это надо вкладываться, не откладывая, учитывая, что риски потерь в этой сфере весьма и весьма трудновосполнимы. И могут стать критичными для нашей экономики – ведь в прорыв надо идти с подготовленными кадрами.

Четвертое.

Убедившись в том, что будущее экономическое развитие и решение принципиальных социальных вопросов тесно сопряжено с интенсивным вхождением нашего общества в новый технологический уклад, зададимся вопросом – а какими конкретными вехами этот путь обозначен? Какие технологии, как, в каком порядке и т.д. поднимать?

Несмотря на сложность этого вопроса, ответ, безусловно, есть. Его дает наша наука. По инициативе РАН большими

группами весьма компетентных специалистов разработан и осуществляется уникальный документ – Национальная технологическая инициатива – выверенный и научно обоснованный магистральный проспект нашего технологического развития. Она включает в себя и направления развития, и базовые идеи, и конкретные шаги. Инициатива развивается, учитывая и все более-менее значимые тренды технологического развития в мире, и нашу российскую специфику и возможности. Так что каркас технологического плана перестройки экономики, если можно так выразиться, у нас имеется. Важно и то, что он непрерывно корректируется с учетом требований рынка, его спросом на конкретные вещи, который и «тащит», собственно говоря, вперед «одеяло» экономики, обозначая и обеспечивая потребности общества – и нынешние, и перспективные. Непрерывно формируется запрос на новые технологии, и формирует его та часть общества, которая уже в них заинтересована: это либо реципиенты этих технологий, выступающие в качестве конечных потребителей, либо бизнес, использующий эти технологии, либо люди, которые разрабатывают конкретные технологии, управляют их созданием, применением и т.п. – инженеры, конструкторы, технологи. И этот интегральный запрос также показывает нам, что называется, направление главного удара.

Этот общественный запрос, реализуемый через спрос, покажет на практическом уровне, куда люди понесут свои деньги, где и в какой мере они будут пользоваться этими технологиями и создаваемыми на их основе продуктами и услугами. Фактически, на предпринимательском языке – во что они будут инвестировать. И здесь, при внимательном подходе, может быть достигнута мощная синергия государственных и частных инвестиций.

И, наконец, инвестиции. Конечно, это – принципиальный вопрос. Это – пятое.

Очень важно, что новый премьер обещает довести инвестиции до 5% ВВП. Но не менее важно, чтобы наши национальные проекты в значительной части были сопряжены с задачами технологического развития. Выполнение проектов будет, следовательно, означать и продвижение в

технологическом развитии. Понятно, что на все, что связано с такого рода немалым поворотом, нужны и немалые средства. Есть ли они у нас?

Правительственные экономисты в свое время озвучили, что на выполнение майского указа Президента необходимо в ближайшие годы изыскать 8 триллионов рублей.

Я вижу здесь немало аспектов, которые можно обсуждать. К примеру, 8 триллионов рублей – это не более четверти ЗВР, накопленных сегодня Россией. Огромные средства, существенно превышающие наши ЗВР, находятся на руках у населения, еще больше – размещенные в финансовом секторе, на спекулятивных рынках капитала. Если мы потратим хотя бы часть этих резервов, вовлечем их в инвестиционный процесс в реальный сектор экономики, мы добьемся не просто выполнения нацпроектов, но подготовим почву для ускоренного технологического развития и перехода в новоиндустриальную экономику.

Но, кроме средств и иных наших возможностей, нужна – воля. Это – мой тезис номер шесть.

Мы часто слышим – время сложное, мы противостоям практически основной экономической элите мира, необходимо иметь страховку. И наши резервы решают эту задачу.

Это – верно. Резервы иметь жизненно необходимо.

Однако по этому поводу у меня такой взгляд: а) от всего застраховаться невозможно, б) излишние резервы – это груз в пути, балласт, и, наконец, в) лучшая страховка от экономических неприятностей – не подушка безопасности, которая рискует превратиться в перину, на которой удобно спать (да вот не проспять бы время рывка!), а продвинутая современная экономика.

Говорят и другое.

Вроде того – в атаку надо идти, хорошо подготовившись, добиться сначала высокой устойчивости экономики.

Тоже – верно. Но мы с вами, коллеги, вместе с нашим лидером уже в прошлом году констатировали, что, несмотря на сложности, наша экономика приобрела новое качество, стала более устойчивой к внешним шокам и внутренним проблемам. Более того, в этом году мы перешли, пусть хотя и к не слишком активному, но к наращиванию ВВП, росту промпроизводства и

сельского хозяйства, инфляция – ниже таргета в 4%, начали подрастать, впервые за последние 5-6 лет, реальные доходы населения.

И я сегодня не столь сильно убежден в том, что для того, чтобы существенно увеличить внутренние инвестиции, широко развернуть реиндустриализацию нашей экономики на новой высокотехнологичной основе, нам надо сейчас продолжать осторожничать, добиваться еще более «твердой» устойчивости экономики.

Скорее, по моему мнению, надо двигаться параллельно, по возможности – даже больше акцентируя внимание на научно-индустриально-технологическом развитии, подтягивая под него государственную, финансовую и технологическую инфраструктуру. Это стоило бы приоритетно поддержать институтами частного-государственного партнерства, соответствующей модернизацией финансовой и банковской системы, мерами налогового стимулирования и другими форматами новой промышленной политики.

Но это – только мое мнение, и уверен, есть и другие, возможно, отличные от высказанного. Это – и есть предмет сегодняшнего, нынешнего диспута.

Однако нас объединяет, коллеги, уверен, одно – понимание, что дорогу, как известно, может осилить только идущий.

Какие вехи на этом пути нам надо преодолеть, какими видятся перспективы нашего развития, сегодня я просил бы высказаться присутствующих в этом зале участников дискуссии – с тем, чтобы по ее итогам сформулировать интегральные тезисы для вынесения на трибуну будущего Московского академического экономического Форума.

Часть 4.

**Новое индустриальное общество
второго поколения и ноономика**

С.Д. Бодрунов,

НИО.2 и ноономика как ключевые ориентиры социально-экономической трансформации: предпосылки формирования и инструментарий развития¹

Открытая лекция

Уважаемые коллеги!

Мы видим с вами процесс непрерывной трансформации нашей цивилизации, ее развитие, изменение социально-экономического строя и условий жизни людей.

Почему это происходит? В чем причина таких трансформаций? И куда ведет нас исторический процесс?

Многие мыслители веками задавались и ныне продолжают задаваться этим спектром вопросов.

Не будем анализировать взгляды представителей далеких эпох и прошлых веков. Проанализируем идеи недавней предыстории и попробуем посмотреть в будущее, на какое у вашего лектора есть свой особый взгляд.

Вы, наверное, слышали такие термины, как «индустриальное общество», «постиндустриальное общество», «информационное общество» и тому подобные – порой принципиально различающиеся – попытки обозначить ту эпоху цивилизационного развития, в которой мы сейчас живем. Откуда это возникло, кто прав?

Попробуем в этом разобраться.

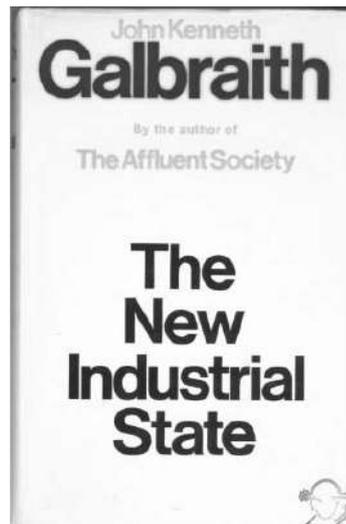
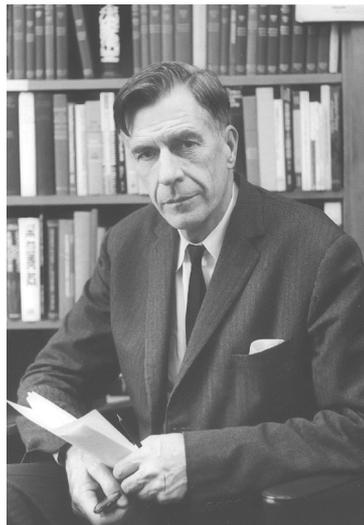
Выход полвека назад книги (СЛАЙД 2) Дж.К. Гэлбрейта «Новое индустриальное общество» стал большим событием в интеллектуальной жизни не только мирового экономического сообщества, но и значительной части господствовавшего тогда экономико-политического класса. Она стала символом

¹ Полная версия лекции опубликована: *Бодрунов, С.Д.* «НИО.2 и ноономика как ключевые ориентиры социально-экономической трансформации: предпосылки формирования и инструментарий развития» / Открытая лекция / С.Д. Бодрунов. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2019. – 76 с.

переосмысления современной Гэлбрейту производственно-экономической системы, прежде всего – системы, сложившейся в США – на тот момент одной из двух господствовавших в мире держав. Гэлбрейт обозначил предшествующий период производственно-экономического устройства «индустриальным обществом», а рассматриваемый им этап развития – «новым индустриальным обществом». Ведущая роль в развитии, согласно этим взглядам, принадлежала материальному производству и проявлялась через индустриально-технологический прогресс в различных чертах той современности. В чем их суть – я остановлюсь чуть позже, т.к. это важно будет для пояснения моих собственных идей, рассмотрению которых и посвящена нынешняя лекция.

Институт нового
индустриального развития
ИНИР им. С.Ю. Витте

Слайд 2

Последующие десятилетия, казалось бы, отодвинули на второй план выводы Дж.Гэлбрейта, этого выдающегося ученого XX в. Мир оказался «в плену» идей *постиндустриализма*. Начавшись с работ Д.Белла о постиндустриальном обществе и Э.Тоффлера о «третьей волне», парадигма отрицания ведущей

роли материального производства стала завоевывать все новых и новых сторонников и обретать все новые и новые обличья. В дополнение к тезису об «обществе услуг» пришли теории «информационного общества» и информационной экономики, их продолжили концепции «общества (экономики) знаний», потом цифровой и т.п. экономики... Огромную популярность вслед за Беллом приобрели Сакайя, Кастельс и мн. др. В России одно время стали весьма популярны книги Владислава Иноземцева – своего рода энциклопедии западного постиндустриализма.

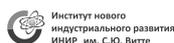
Однако мировой экономический и финансовый кризис 2007-2009 гг. охладил казавшийся непреодолимым энтузиазм авторов и поклонников этих теорий (СЛАЙД 3). Отказ от приоритета материального производства обернулся на практике не столько ростом эффективности, производительности и благосостояния, как пророчили постиндустриалисты, сколько экспансией посредничества и, прежде всего, финансового, ставшего немаловажным фактором упомянутого мирового кризиса.

Да и материальное производство, как быстро выяснилось, никуда не исчезло. Более того, за десятилетия кажущегося нарастания процесса «постиндустриализации», разворачивавшейся на Севере, на другом полюсе, на Юге [Прошу обратить внимание, что я пользуюсь не принятой в отечественном политико-экономической дискуссии дихотомией Запад-Восток, а

терминологией, более широко используемой в мире, при изучении его с системных позиций: Север-Юг] развернулась мощная волна индустриализации. Эта волна привела к существенному увеличению доли промышленного производства в этом регионе и, как следствие, возрастанию роли и доли в мировом совокупном работнике рабочих и инженеров, занятых в сугубо индустриальной сфере (СЛАЙД 4). Посмотрим на слайд.

И вот к моменту выхода из недавнего мирового кризиса перед экономикой Севера открылась картина не просто догоняющего развития промышленного Юга, но и по ряду параметров догнавшего их мира бывших колониально-периферийных стран. Пример – тот же Китай. Так перед мировой экономической практикой и призванной ее адекватно отражать теорией встал во весь рост вызов новой индустриализации.

Распределение занятых по секторам экономики, весь мир и регионы, %

Регионы	1998							2003							2004							2005							2006							2007							2008						
	Промышленный сектор							Сектор услуг							Аграрный сектор																																		
Весь мир	21,1	20,7	21,1	21,5	22,1	22,7	23,2	38,1	40,7	41,5	41,9	42,4	42,9	43,3	40,8	38,7	37,5	36,5	35,5	34,4	33,5																												
Развитые страны и государства ЕС	27,9	25,6	25,3	25,0	25,0	25,0	25,1	66,3	69,8	70,4	70,8	70,9	71,1	71,2	5,8	4,6	4,3	4,2	4,0	3,9	3,7																												
Центральная и Юго-Восточная Европа (не члены ЕС) и СНГ	27,7	25,6	25,3	25,5	25,5	25,4	25,3	45,5	51,7	52,6	53,2	54,2	55,1	56,0	26,8	22,7	22,1	21,2	20,4	19,5	18,7																												
Южная Азия	15,4	18,7	19,4	20,1	21,0	21,8	22,6	25,1	27,9	28,5	29,0	29,5	30,0	30,4	59,5	53,4	52,1	50,8	49,5	48,2	46,9																												
Латинская Америка и Карибский бассейн	21,8	21,6	21,8	22,2	22,4	22,6	22,9	56,8	59,0	58,9	58,9	59,6	60,3	60,9	21,4	19,4	19,3	18,9	18,0	17,1	16,2																												
Северная Африка	20,0	19,2	19,7	20,8	21,7	22,7	23,6	44,1	46,1	45,1	44,8	44,5	44,2	43,9	35,9	34,7	35,3	34,5	33,8	33,1	32,4																												
Африка южнее Сахары	9,5	9,5	9,7	9,7	9,9	10,1	10,3	22,9	25,1	25,9	26,3	26,7	27,4	28,0	67,6	65,4	64,4	64,0	63,4	62,5	61,7																												

Слайд 4

Источники: Глобальные тенденции занятости: 2009; Вклады Международной организации труда, Женева: ILO, 2009, с. 36
Source: Global employment trends: 2009, January/International Labour Office, Geneva: ILO, 2009, P. 36.

Причем эти изменения во многом вытекают из взглядов Гэлбрейта, его оценок того, что происходит в материально-технической базе экономики. Остановлюсь здесь кратко на теории Гэлбрейта. Он начинает с фиксации того (СЛАЙД 5), что в материальном производстве происходит применение все более сложной и совершенной техники. Результат (напомним, речь идет об экономике середины XX в.) 1) развитие крупных корпораций как основного типа хозяйственных организаций, господствующих в экономике;

Индустриальные изменения (по Джону К. Гэлбрейту)
(середина XX века):

- Развитие техники и технологии;
- Замена ручного труда;
- Рост концентрации, укрупнение производства;
- Ускорение инвестиционного процесса;
- Рост квалификации специалистов;
- Ускорение научно-технического прогресса.

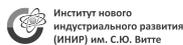
- Упадок профсоюзов;
- Структурные изменения в профессиональном составе рабочей силы;
- Изменения общественной структуры.

Слайд 5

2) рост корпоративного капитала неизбежно привел и к изменению экономической роли государства (замечу, кстати, что английское оригинальное название книги Гэлбрэйта – New Industrial State, что можно было бы в переводе трактовать и как «новое индустриальное государство»!). Вследствие этих изменений произошел отход от парадигмы свободного рынка а) самостоятельность и хаотичность (свобода) рыночных решений субъектов б) самостоятельность и хаотичность (свобода) решений потребителей. Т.е., *во-первых, существенно возросла роль планирования. Во-вторых, потребительский спрос стал объектом управления.*

В итоге Гэлбрейт делает вывод: имеется глубокое концептуальное изменение формы существования общественно-экономического устройства на основе широкого разделения экономики (по Гэлбрейту) на «рыночную систему» и «планирующую систему». Гэлбрейт при этом подразумевает приоритет материального индустриального производства, его развитие как базовый фактор осуществления такой трансформации.

Как раз альтернативой теории Гелбрейта несколько позже и стала приведенная выше мифология постиндустриализма. Но принципиальная ошибка постиндустриалистских представлений о современном обществе (СЛАЙД 6) состоит в том, что теория постиндустриализма фактически *отвергает* *индустриальную основу развития* современного социума, утверждая, что современное общество «переросло» (!) индустриальную эпоху, *свернуло* с основного (*технологического*) тренда своего развития. На основе чего – такие выводы? Авторы теорий постиндустриализма рассматривают, как правило, структуру экономики, ВВП, экспорт, количество занятых в тех или иных секторах общественного производства и тому подобные количественные показатели, характеризующие (подчеркну – в некоей только мере) состояние экономики, и, видя количественные изменения в сторону снижения показателей индустриальных эффектов, делают ошибочный вывод об уходе индустриального пути развития в историю. [Пример ВВП].

Ошибки апологетов постиндустриальной модели:

Отвержение индустриальной основы развития современного социума;

Недооценка основного технологического тренда развития;

Упор на анализ количественных показателей в ущерб качественным.

Слайд 6

Собственно, вся парадигма постиндустриализма выстроена на такого рода зыбком песке подобного анализа. Но это – не все!

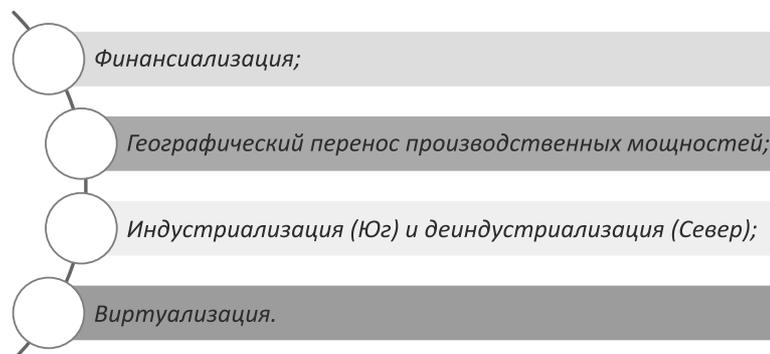
Отсюда – созданная на базе постиндустриализма *неолиберальная модель рыночной экономики*, ставшая господствующей в конце XX – начале XXI вв. (В том числе «под знаменем» этой концепции осуществлялись реформы в России после

распада СССР). С такой точки зрения для такой – постиндустриальной, информационно-сетевой – модели единственно адекватным является строй, в котором основной сферой бизнеса должна и может быть сфера услуг, главным пространством накопления капитала – финансовые транзакции, господствующим механизмом обеспечения сбалансированности и роста – «свободный» рынок, распространяющийся на все сферы жизни общества. Так родился миф о «новой экономике», якобы открывающей развитым странам дорогу к бескризисному росту и развитию. К какому «благополучию», в части, пришла этим путем Россия – всем ясно.

Этот миф разбился о волны кризиса 2008 – 2009 годов. Однако идеи, лежащие в его основе, по-прежнему имеют широкое хождение и реализуются на практике. Доминирование этой позиции, не случайно называемой многими учеными «рыночным фундаментализмом», оказалось прямо сопряжено с развертыванием ряда весьма специфических процессов (СЛАЙД 7), ведущих к снижению устойчивости современной экономики.

Качественные изменения современной экономики:

Слайд 7

Во-первых, получил развитие процесс *финансиализации*, который стал не просто ростом сферы жизнедеятельности различного рода финансовых институтов, но и существенным новым фактором формирования специфической модели

регулируемая экономика, отношений собственности, типом роста и т.п. Инвестиции стали все более направляться из производственной сферы в сферу финансовых транзакций (спекуляций, нынче биржевые спекулянты стыдливо называют себя «инвесторами!»). А сами производственные инвестиции оказались в зависимости от странных миражей финансового рынка. В конечном итоге все это привело к раздуванию т.н. «финансовых пузырей» и – через ряд опосредований – к мировому не только финансовому, но и экономическому кризису. [Здесь пояснить двойственность природы финансового капитала... неолиберализм, постиндустриализм «холят» его негативную сторону].

Во-вторых, следствием постиндустриальной волны стали массовый дрейф производственных мощностей индустриального сектора в страны Юга.

В-третьих, в экономиках многих стран Севера, прежде всего США, развернулся процесс *деиндустриализации*, который привел к формированию совершенно нового фактора мирового гео-политико-экономического развития – возникающей производственной зависимости стран Центра от стран периферии. [Пример: Обама и Трамп].

Четвертое. Постиндустриальная «виртуализация» производства и человеческих потребностей вела, помимо всего прочего, не только к перекосам в структуре общественного производства, но и к искусственному *торможению темпов научно-технического прогресса* – на фоне кажущегося взрывного роста инноваций. Широкое распространение, вместо создания реально новых продуктов и стимулирования тем самым спроса на научные исследования, имплементацию их в технологии и т.п., приобрела симуляция инноваций, направленных лишь на то, чтобы выделить свой продукт или услугу на рынке, придать ему видимость новизны, в лучшем случае – незначительно улучшить потребительские характеристики (без особых затрат), а то и служить культивированию ложных потребностей.

Эти проблемы крайне актуальны. И, конечно же, не только для США и ЕС. Для многих стран постсоветского пространства и, в частности, Российской Федерации, где процессы деиндустриализации зашли чрезвычайно далеко, задачи

воссоздания современного материального производства также становятся краеугольными. И мы еще остановимся на этих вопросах сегодня в нашем дальнейшем анализе. Понятно, что это долго продолжаться не может. Необходим возврат к приоритету материального производства, составляющего основу экономики и обеспечивающего ее истинную устойчивость.

Но – какого производства? Какой экономики? И, соответственно, какого общественного устройства? Ведь прогресс технологий, индустриального развития продолжается, причем с т.н. «ускорением ускорения». Что несет он нам?

Итак, тогда перед нами в полный рост встает вопрос о грядущем (или уже возникающем?) новом облике нового индустриального общества (НИО), т.е. о новом индустриальном обществе второго поколения (НИО.2).

Индустриальное общество и экономика XXI в. могут и должны стать, говоря философским языком, «отрицанием отрицания», диалектическим снятием и новоиндустриальной системы, описанной Дж. Гэлбрейтом, и информационно-постиндустриальных трендов, описанных Д. Беллом и его последователями.

Почему это можно утверждать?

Обратимся, прежде всего, к изменениям в *технологиях*. В отличие от футурологов постиндустриальной волны мы обратим наше внимание на те изменения, которые, во-первых, уже стали (или становятся) *реальностью* и, во-вторых, происходят в сфере *материального производства*. Эти изменения хорошо известны, и нам остается их лишь зафиксировать и осмыслить их экономические последствия.

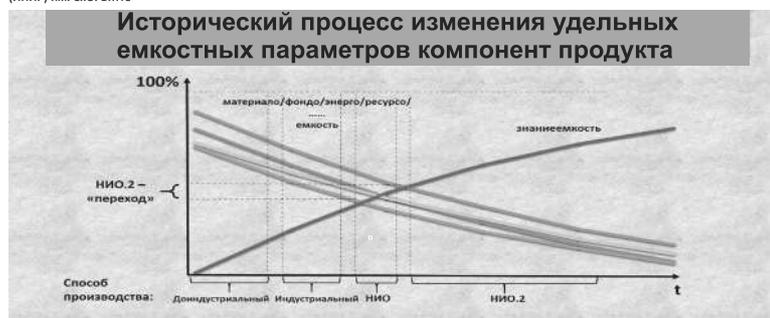
На первое место в этих изменениях мы можем и должны поставить справедливо увиденное теоретиками-«постиндустриалистами» возрастающее значение в современном мире *информационно-коммуникационных технологий*. Однако, в отличие от этих ученых, мы считаем неправомерным делать отсюда вывод об отмирании определяющей роли собственно материального производства. Мы из названного выше факта делаем иной вывод – о непрерывном росте *знаниеемкости материального производства*. Почему? Если коротко – мы утверждаем, что удовлетворение потребностей людей

происходит через осознание ими этих потребностей, получение решения (знания!), имплементации его (знания!) в инструментарий (технологии, материалы, организацию процесса производства, трудовые навыки), что и составляет суть производства. И всегда важной частью этого процесса были производственные ресурсы – как материальные, так и нематериальные. Именно соотношение материального и нематериального в ресурсной базе производства всегда определяло его тип. И сегодня мы говорим не об «ухудшении» материального производства с исторической сцены, а об ином – о качественном изменении самого индустриального производства вследствие смены его главного ресурса – приоритетным ресурсом становятся в наше время не материалы, а знания.

Это – принципиальная черта. И отличие производства нового этапа, НИО.2, от прежнего индустриального производства можно хорошо проиллюстрировать на графике («крест Бодрунова») (СЛАЙД 8), где видно снижение удельного веса в продукте производства его материалоемкости, и в то же время – возрастание знаниеемкости.

Институт нового
индустриального развития
(ИНИР) им. С.Ю. Витте

= качественное изменение:
- продукта,
- характеристик производственного процесса;

= отмирание
определяющей роли
материального
производства

← VS →

= непрерывный рост
знаниеемкости продукта;
= переход к качественно иному
типу материального производства

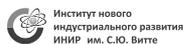
Слайд 8

В отличие, кстати, от многих теоретиков информационного общества мы не просто фиксируем возросшее значение информации и говорим не столько о *производстве информации*, сколько – о новом типе материального производства.

Различия существенны.

Знаниеинтенсивность технологий материального производства есть процесс, критически синтезирующий достижения индустриальной и информационной экономик. Этот синтез выражается, в частности, в том, что в таком производстве определяющую роль начинают играть операции и процессы, в которых человек выступает не как «придаток» машины (станка, конвейера), по К.Марксу, а как носитель знания, трансформируемого в процессе такого производства в технологию, что позволяет в этом случае говорить о «знаниеемкости» материального производства и его продукта.

На этой основе и формируется принципиально новый тип материального производства, а именно – *знаниеинтенсивное производство, создающее знаниеемкий продукт*. Его основными чертами постепенно становятся (СЛАЙД 9) (см. слайд).

Основные черты знаниеинтенсивного производства:

- непрерывное повышение информационной и снижение материальной составляющей; миниатюризация, тенденция к снижению энергоемкости, материалоемкости, фондоемкости продукции;
- особенности производственного процесса и тенденции развития технологий – гибкость, модульность, унификация и т.д.;
- сетевая модель структуризации, идущая на смену вертикально-интегрированным структурам;
- использование современных методов организации производства и управления – «just-in-time», «lean-production» и др.;
- экологическая чистота и ориентация на новые источники энергии;
- развитие качественно новых технологий в самом материальном производстве, транспорте, и логистике (нанотехнологии, 3D принтеры и т.п.);
- сокращение роли традиционной обрабатывающей промышленности в силу распространения аддитивных технологий (процесс объединения материала с целью создания объекта из 3D-модели в отличие от «вычитающих» производственных технологий);
- упор на качество и эффективность;

Слайд 9

К тому, что на слайде, отдельно добавлю: применение новых знаний в производстве приобретает характер *непрерывно*

ускоряющегося процесса вследствие всё возрастающей синергии полезного эффекта (присущей знанию как феномену -// ПОЯСНИТЬ: черты феномена знания и – отсюда – «ускорение ускорения»//). В результате знаниеинтенсивное производство позволяет быстрее перекрывать количественный рост потребностей.

Биотехнологии, геновая инженерия, альтернативная энергетика, нанотехнологии, аддитивные технологии, когнитивные и социальные технологии – все они в настоящее время активно развиваются, «надстраиваясь» над миром традиционной машинной техники. Возможный (на основе их развития) перспективный переход от машинно-механических технологий к «гибридным», где машинная техника вкупе с информационными технологиями используется как инструмент регулирования и направления естественных, природных процессов для достижения желаемых человеком целей, открывает дверь для *новой технологической революции*.

Чтобы оценить параметры этого технологического рывка, можно использовать подход, основанный на теории технологических укладов, разработанных академиком С.Ю.Глазьевым (СЛАЙД 10) совместно с академиком Д.С.Львовым.

Институт нового
индустриального развития
(ИНИР) им. С.Ю. Витте

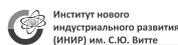
Слайд 10

Появление и становление нового целостного уклада в качестве доминирующего выступает как качественный ответ экономической системы на появление и широкое распространение очередного блока технологий. И это вызывает не только *экономические*, но и *социальные* трансформации.

Мы пока не можем предсказать, к каким конкретным социальным сдвигам приведет эта технологическая революция, поскольку даже структура ее базовых технологий еще не прорисовалась достаточно отчетливо. Но что можно смело сказать уже сейчас – шестой технологический уклад в еще большей мере, чем пятый, будет основан на генерировании научных знаний и их применении в производстве для выпуска продуктов, обладающих, таким образом, высокой знаниеемкостью.

Знаниеемкий материальный продукт – вот новое качество главного ресурса и результата новой индустриальной экономики XXI века. Его свойства содержат в себе многие отличительные черты как информационного, так и «обычного» материального продукта.

Изменения в материальном производстве будут носить *системный и целостный взаимосвязанный* характер. (СЛАЙД 11).

Создание новой индустриальной системы XXI века: тренды

- обновление содержания технологических процессов;
- изменение структуры промышленных предприятий (микроуровень);
- изменение отраслевой структуры промышленности (макроуровень);
- изменение подходов к организации / локализации производств;
- формирование новых типов индустриальной кооперации;
- усиление интеграции производства с наукой и образованием;
- переход к идеологии «непрерывности» инновационного процесса в производстве;
- формирование экономических отношений и институтов, направленных на индустриальный/научно-технический прогресс;

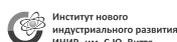
...

Слайд 11

Новыми должны стать, во-первых, *содержание технологических процессов*; во-вторых, *структура* отраслей и *размещение производств*; в-третьих, *внутренняя структура и типы кооперации производств* (в т.ч. путем все более широкого развития

т.н. «экономики совместного пользования») и их интеграции с наукой и образованием; наконец, в-четвертых, экономические отношения и институты, обеспечивающие прогресс такого, принципиально нового, материального производства.

Изменения должны коснуться всех элементов производственного процесса – и его организации, и его технологической базы, и его продукта, ну и, конечно, характера и качества индустриального труда (СЛАЙД 12, СЛАЙД 12.1).

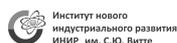
Институт нового
индустриального развития
ИНИР им. С.Ю. Витте

Создание новой индустриальной системы XXI века: технологические вызовы

- возрастающие темпы создания новых технологий, повышающих производительность труда и удешевляющих производство;
- усиление «индивидуализации» производства, применяемых технологий и выпускаемых изделий;
- внедрение принципа модульности производства продукции;
- ускоряющаяся интеллектуализация, компьютеризация и роботизация производства;
- развитие сетевых технологий и внедрение сетевого принципа организации производства;
- миниатюризация/компактизация производства;
- усиление тенденции создания малозатратных и безотходных производств;

...

Слайд 12

Институт нового
индустриального развития
ИНИР им. С.Ю. Витте

Создание новой индустриальной системы XXI века: технологические вызовы (продолжение)

- перманентное повышение темпов трансфера технологий;
- усиление тенденций «физического» сближения разработчика и производителя, сокращения времени на внедрение новых изделий;
- разрастание «зон интеллектуализации» труда;
- «кластеризация» производственных отношений;
- возрастание роли индивидуальных, мотивационных, психолого-социальных и других характеристик участников производственной деятельности;
- снижение в промышленности доли затрат труда на производство новых изделий при возрастании доли затрат на их разработку;
- изменение структуры доходности производства в пользу наукоемкой и высокопередельной продукции;

...

Слайд 12.1

Особенно интересным и значимым представляется взаимовлияние информационных технологий, биотехнологий, нанотехнологий и когнитивной науки. Данное явление, получило название *NBIC-конвергенции* (по первым буквам областей: *N* – нано; *B* – био; *I* – инфо; *C* – когно). Сегодня можно говорить об ожидаемом в перспективе слиянии NBIC областей в единую научно-технологическую область знания.

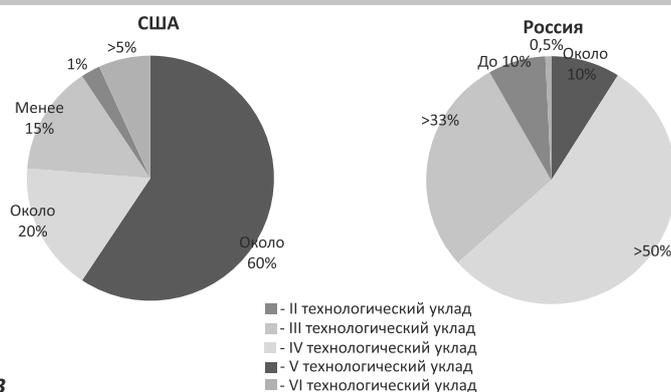
Отмечу, однако, что уклады не резко сменяют друг друга, а постепенно, как бы прорастая новый из почвы предыдущего.

Что касается экономики России, то она в технологическом отношении весьма многоукладна. При этом более 50% технологий относится к четвёртому укладу, а почти треть – и вовсе к третьему. Доля технологий даже пятого уклада составляет лишь около 10% (СЛАЙД 13). Технологии шестого уклада находятся пока практически в зачаточном состоянии.

Институт нового
индустриального развития
(ИНИИР) им. С.Ю. Витте

Оценка структуры производительных сил (по технологическим укладам)

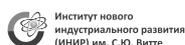

Слайд 13

Отсюда понятно, какова сложность стоящей перед страной задачи, поставленной Президентом РФ – войти в течение ближайших 10 лет в число государств – *технологических лидеров*. Это значит – создать развитые производства шестого технологического уклада, занимающие значимый удельный вес в выпуске продукции. То есть, России необходимо сделать не только весьма серьезный «технологический скачок», но и обеспечить его со стороны совершенствования всех компонентов

современного материального производства: материалов, труда, технологий производства и применения знаний, организации производства. Только тогда можно будет говорить о выходе в экономику НИО-2.

А оно отличается рядом *существенных признаков* (СЛАЙД 14).

<i>Различия между новым индустриальным обществом различных поколений</i>		
<i>Основные черты</i>	<i>Новое индустриальное общество</i>	<i>НИО-2.</i>
<i>Главные характеристики производимого продукта</i>	<i>Массовый индустриальный продукт</i>	<i>Знаниеемкий индустриальный продукт</i>
<i>Главные компоненты издержек производства</i>	<i>Затраты капитала и затраты на оплату труда превосходят затраты на использование природных ресурсов</i>	<i>Затраты на исследования, разработки, образование и поддержание здорового образа жизни преобладают над материальными издержками</i>
<i>Основные сферы экономики</i>	<i>Массовое промышленное производство, финансовые, торговые и иные услуги для бизнеса, прочие сервисные отрасли, здравоохранение, образование, НИОКР</i>	<i>Высокотехнологичная промышленность, опирающаяся на непрерывный инновационный процесс, НИОКР, образование, здравоохранение</i>
<i>Господствующий тип производственной организации</i>	<i>Крупная корпорация</i>	<i>Корпорация, интегрирующая производство, науку и образование</i>
<i>Способ удовлетворения потребностей ...</i>	<i>Путем количественного наращивания массового производства и навязывания массового сбыта ...</i>	<i>Ресурсоэкономный путь создания изделий, способных удовлетворять многообразные рациональные потребности ...</i>

Слайд 14

В эпоху НИО-2 доминирующее положение постепенно займут сегменты, в которых создается знаниеемкий продукт, а именно, – а) те, в которых, во-первых, производится данный продукт как таковой, а также б) те, где, во-вторых, создается самое знание, а также, в) в-третьих, формируется человек, способный этим знанием овладеть и применить его в материальном производстве.

При этом главный качественный скачок заключается не в тонкостях самих индустриальных технологий, а в том, что же сделало принципиально возможным вовлечь в индустриальное производство широчайшую гамму контролируемых и направляемых человеком природных процессов различной природы. Это стало возможным благодаря тому, что современное индустриальное производство базируется на масштабном и, еще раз подчеркну, *все ускоряющемся* технологическом применении *новых знаний*.

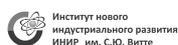
Все это, в свою очередь, влечет массу изменений в общественных отношениях и институтах, и, в конечном счете, в тех общественных условиях, которые, в свою очередь, задают вектор технологического развития.

Остановлюсь на вот этом «векторе».

А этот вектор может иметь разные направления! Человечество стоит на пороге одной из самых важных развилок в своей истории:

- либо поворот к «человеку разумному»,
- либо путь в тупик, в некое «технотронное» (технократическое) общество, где элита удовлетворяет безмерно растущие и преимущественно симулятивные потребности, а большинство занято в сфере обслуживания, которая все более превращается в сферу прислуживания – с возможной утратой контроля над развитием техносферы.

С учетом рассмотренного, необходимо предупредить возможность ошибочного выбора на развилке развития современной цивилизации при переходе к НИО.2. Итак, наиболее вероятны два базовых сценария (СЛАЙД 15).

Слайд 15

Один из них условно может быть назван «технократическим». Пока мы идем именно этим путем. Он базируется на современной, принятой в мире парадигме т.н. «экономического роста», под которым понимается не столько *качественный* прогресс, сколько *количественный*.

Но что же важно в удовлетворении потребностей в принципиальном плане? Количество или качество? Если иметь в виду потребности несимулятивные – то исключительно качество. И если не отречься от этого пути, по которому твердо сейчас шествует весь мир, мы скатимся в технократический вариант развития. Чем он плох? А он угрожает битвой на истощение ресурсов – во всеоружии новейших технологий.

Дело в том, что технологии, их развитие и применение, как и все в мире, дуалистично. Любую технологию можно применить как во благо, так и во вред. К примеру, изобретенный человеком нож можно использовать для приготовления пищи, а можно – для нападения на соседа. И здесь важный момент – что есть правильное, хорошее применение, а что – неверное? Это зависит от того, в какой критериальной базе оценивается данное применение технологического устройства.

Сегодняшняя критериальная база – смешанная, в ней есть и то, что я называю «зоо»-критерии, и те, которые я именую «ноо»-критериями. При этом весь мировой социально-экономический строй реализует в основном «зоо»-подход. Нам надо всё больше и больше. Несмотря ни на что. По большому счету – ни на текущее всё более ужасающее состояние природы, истощение и нерациональность использования ресурсов, растущее запустение неурбанизированных пространств. Нам нужен бесконечный рост ВВП, потребления, в том числе – вбиваемого нам маркетингом симулятивного.

Мы говорили выше о результатах применения такого подхода в практике – неудержимая финансиализация, коммерциализация всего и вся, растущее катастрофически неравенство социальных страт и мировых анклавов, резкий рост конфликтности и т.п.

А ведь технологии становятся всё более мощными! И всё более мощным может стать негативный эффект от их нерационального применения. Речь может идти даже о

существовании цивилизации – вспомните проблемы применения ядерной энергии, создания новых биоструктур, геномного вмешательства в природу человека...

Но есть и второй путь – суть его в том, что мы технологически должны стать частью природы, жить, решая социальные задачи, за счет принципиально новых, неистощимых ресурсов и технологий, созданных по образцу живой природы, но с использованием самых совершенных технологических достижений. И сегодня человечество подошло к возможности воплощения и этого сценария вплотную. // Базовый доход..., общественные блага..., бесплатность услуг..., благотворительность... //

Решение этой сценарной развязки – в вариантах развития НИО.2.

Нынешняя экономическая система постепенно волей-неволей «прорастает» в НИО.2. Но эта ступень развития экономического общества носит переходный характер. Прогресс технологий шестого поколения неизбежно ставит перед нами этот самый выбор: либо человек остается, меняя технологическую и социально-экономическую (!) систему, либо система меняет, «подминает» человека.

И здесь – философские корни проблемы цивилизационного развития. Человек – биосоциальное существо. И зоо. И ноо.

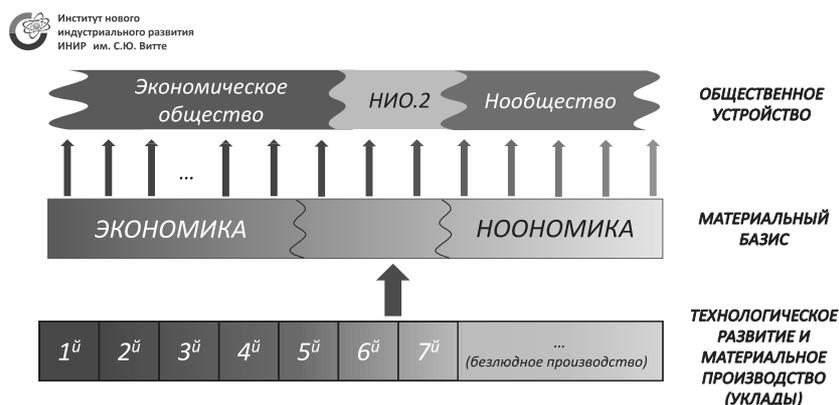
Вероятно, в реальности будут действовать обе тенденции. Но вот что станет преобладающим? Если все-таки – человек как Зоо, с зоо-принципами общения, саморазвития? Тогда производство материальных условий существования останется – при содействии человека фактически на откуп технетических существ (вырастающих из грядущей «индустрии 4.0», систем искусственного интеллекта и т.д.).

Есть ли альтернатива негативному сценарию? Человек – биосущество, он вышел из **природы**, неся шлейф био, зоокритериальной базы. Но – он из нее все-таки вышел! И ответ – да, и альтернативный путь связан с «ноо», т.е. со знаниями, с разумом.

Как решать эту проблему?

И вот тут встает проблема принципиально, критически важной роли **культуры** (в предельно широком смысле слова) – в чем? В осознании человеком своих истинных, несимулятивных, не фальшивых, не «наведенных» потребностей. И формулировании соответствующей критериальной базы своего существования. В том числе – осознанных ограничений, не позволяющих выходить за пределы этой критериальной базы.

Разумное, ноопроизводство, соответственно, выступает как следующий этап развития знаниеемкого производства. Но – подчеркну – знаниеинтенсивное производство может развиваться в нооинтенсивное производство, только интегрируясь с культурой, даже – не «интегрируясь», а возрастая в едином. С культурой в широком смысле слова, с воспитанием личности, воспитанием человека (СЛАЙД 16).

Слайд 16

При этом, как бы это сегодня ни казалось неправдоподобным, альтернативы ноопути нет – если верить в то, человек сумеет осознать единственность нооварианта.

Поэтому мы прогнозируем эволюцию человечества по траектории:

современное общество, базирующееся на традиционной экономике, базой которой является институт собственности как основной ценности, с соответствующей критериальной базой социального и индивидуального поведения,

новое индустриальное общество второго поколения (НИО.2), базирующееся на знаниеёмком и знаниеинтенсивном производстве, с преимущественной экономикой совместного пользования постепенной социализацией и существенным размытием ценности собственности,

ноообщество, базирующееся на ноономике, с ноопроизводством и с отсутствием института собственности и непосредственных экономических отношений, и которое, с позиций гуманитарного прогресса, не может иметь разумных альтернатив.

Итак, перейдем к ноономике, материальной базе ноообщества.

Нынешняя экономика – это один, понятный нам способ распределения благ и удовлетворения человеческих потребностей. О его несправедливости (даже в нынешней критериальной базе) можно говорить бесконечно.

Ноономика – это иной, неэкономический, способ удовлетворения человеческих потребностей, ноо-потребностей в иной, ноо-критериальной базе.

При этом оба способа произрастают из одного корня – прогресса технологий, роста их знаниеёмкости. На нынешнем этапе цивилизационного развития технологии позволили сформировать современные социально-экономические отношения, современное устройство общества, с нынешней экономикой. Но уже сейчас технологии, как мы видим, позволяют большее удовлетворение реальных потребностей людей, чем допускает нынешнее общественное устройство.

Почему же это так происходит? Или – происходит все-таки, но медленнее, чем могло бы?

Скорее – второе. Но!

Тормозом перехода к более полному удовлетворению потребностей является как раз само это сформировавшееся устройство, бенефициары которого в таком переходе не заинтересованы.

Однако – техпрогресс идет, и он подтачивает, всё более активно влияет на происходящую на наших глазах трансформацию общества в НИО.2. Происходит весьма примечательный процесс – социализация собственности. В

бизнесе всё большую долю занимает т.н. «экономика совместного пользования» (т.е. совместная, коллективная и т.п. форма эксплуатации базового параметра понятия собственности – права использования того, чем владеешь!), растёт совместное использование капитала (тут можно привести десятки продвинутых вариантов, начиная с резкого роста количества акционеров крупнейших капитальных конгломератов), растёт распределение ответственности и прав реального использования собственности (по линиям: собственник – менеджер – специалист-работник, собственник – общество – государство и др.).

Т.о., экономика НИО.2 будет преимущественно и всё более и более экономикой социализированной, со снижением ценности собственности и продукта производства в связи с развитием всё более свободных от непосредственного человеческого труда технологий. Непосредственный человеческий труд постепенно исключается из производственного процесса.

НИО.2 готовит почву для перехода к ноопроизводству.

Ноопроизводство – это производство, основанное, во-первых, на вытеснении человека из непосредственного процесса производства через предельное увеличение его знаниеинтенсивности, и, во-вторых, на постановке этого производства под контроль человеческого разума, опирающегося на адекватный уровень культуры человека.

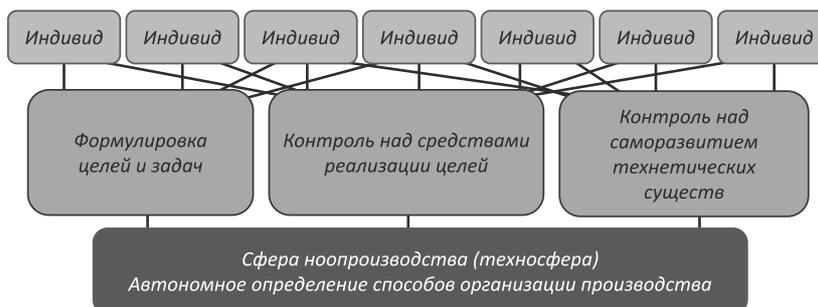
Человек в ноообществе в большей степени становится творцом, изобретателем, обретает самоуважение. Личность появляется с возникновением личных потребностей, не связанных с физической сущностью. Именно так определяется, является ли человек личностью. Поэтому развитие личности должно стать во главу угла, если мы хотим пойти по ноопути.

При этом технологии грядущего нового технологического уклада впервые в истории цивилизации могут реально вывести человека за пределы непосредственного материального производства. И то производство, которое будет выстроено на этой основе, уже можно назвать ноопроизводством – в том смысле, что человеческий разум, человеческое знание будет и определяющим его ресурсом, и главным регулятором.

Именно в этих условиях (в частности, расширения доступа к продукту) традиционные категории и законы экономики (стоимость, собственность, деньги) постепенно потеряют свой привычный смысл, если не исчезнут вовсе. Таким образом и произойдет закономерная эволюция всех экономических форм в неэкономические. Произойдет формирование такой сферы производства, которая станет опираться непосредственно не на человеческий труд, а на функционирование «технетических» существ, что и определит «снятие» экономических отношений между людьми в технологических настройках самодействующего производства (СЛАЙД 17) под контролем социума в рамках ноокритериальной базы ценностей.

ОТНОШЕНИЯ ЛЮДЕЙ В ПРОЦЕССЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ НООПРОИЗВОДСТВА

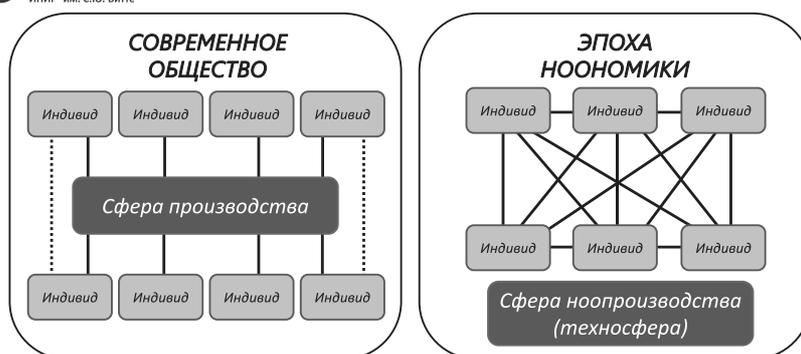
Слайд 17

Ясно, что такой фундаментальный сдвиг в технологическом базисе общества влечет за собой и не менее фундаментальный сдвиг в общественных отношениях. Если человек выходит из непосредственного процесса производства, то исчезают и отношения по поводу производственной деятельности человека. Производственные отношения – как основа экономических! – постепенно исчезают, и производство теряет форму экономической деятельности. Экономика уходит в прошлое.

Это будет уже не экономика, а, я предложил такой термин, **нономика** – отношения не в рамках производства, осуществляемого человеком непосредственно, а отношения по поводу ноопроизводства, развивающегося без прямого участия человека, но регулируемого и направляемого человеческим разумом.

Т.о., под **ноономикой** (уточняя приведенное выше определение) мы понимаем неэкономический способ организации хозяйства для удовлетворения потребностей, который осуществляется человеком, вышедшим за пределы материального производства. Иными словами, нономика – хозяйственная система, отличающаяся от экономики отсутствием отношений людей в процессе материального производства.

Важно и принципиально в данном случае отметить следующее: в отличие от всех предыдущих этапов, суть нооэстапа цивилизационного развития – в том, что в нем не индивиды вступают в отношения друг с другом в процессе материального производства, а в отношения между собой вступают две разные сферы цивилизационной конструкции – производство, или – производственная система (ноопроизводство, сводящееся к техносфере) и человеческое общество (социум) (СЛАЙД 18).

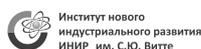

Слайд 18

Таким образом, структура человеческой цивилизации изменится принципиально – именно цивилизации в целом, а не только общества.

Но означает ли это исчезновение производственных отношений между людьми? Отношения в рамках непосредственного производства – да, исчезают, вместе с уходом людей из этого непосредственного производства. А те отношения между людьми, которые определяются их воздействием на сферу «безлюдного производства» и определяют пути развития этого безлюдного производства? Такие ведь, наверное, будут? Да, но это уже будут не специфически экономические, известные нам, отношения. Их роль будет ровно такая же, как при осуществлении человеком любых иных, никак не связанных с производством видов деятельности. А специфически экономические формы общественной жизни постепенно отомрут.

Но, как известно, «природа не терпит пустоты». Если сегодня в центре внимания общества находится его экономическая деятельность, то в будущем ситуация поменяется. Основой этих изменений явится изменение отношения к рациональности, представления о рациональности (СЛАЙД 19), другой рациональности – в ноокритериальной базе.

Институт нового
индустриального развития
ИНИР им. С.Ю. Витте

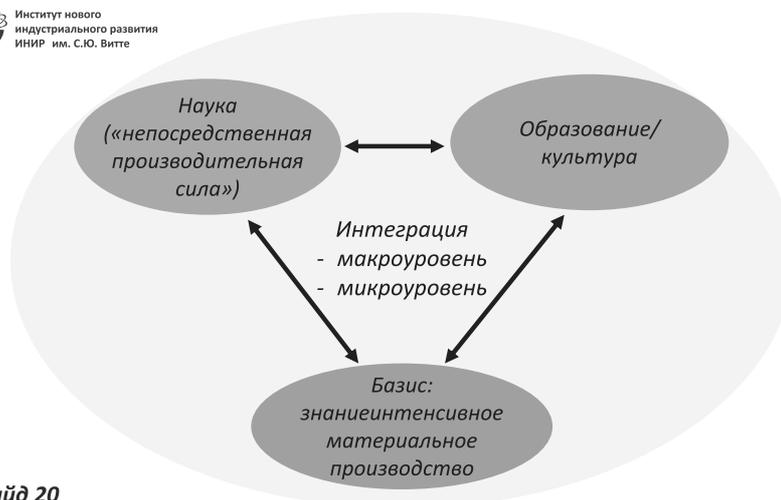
Слайд 19

Поменяются и приоритеты общественного развития.

В частности, еще более резко возрастет роль **науки**.

Внешние черты начала такой трансформации уже сейчас очевидны. Только за XX-й век количество людей, занятых в непосредственно научной сфере, выросло, по некоторым оценкам, в 60-70 раз. За те же сто лет расходы на научную деятельность выросли, по паритету покупательной способности, более чем в тысячу раз. И, более того, сегодня уже мало кто оспаривает необходимость и неизбежность их дальнейшего увеличения (СЛАЙД 20).

 Институт нового
индустриального развития
ИНИР им. С.Ю. Витте

Слайд 20

Все более возрастает роль научного знания как индустриального ресурса, постепенно становящегося базовым ресурсом индустрии нового поколения. Именно этим обусловлены указанные выше наблюдаемые «внешние» трансформационные эффекты в развитии научной сферы. Особенно важно это осознать с точки зрения исследования важнейшего вопроса дальнейшего развития НИО.2 – трансформации интеграционного «треугольника» «производство-

наука-образование», являющегося одним из краеугольных камней концептуальной платформы НИО.2.

С развитием НИО.2, с повышением доступности знаниеемкого продукта (становящегося при этом все более «индивидуализированным»), изменится и роль знания, и способы его использования и «добычи», с возвратом к их изначальной, преимущественно творческой сути. Продвижение, социализация, развитие в сторону все более общественного характера присвоения знаний будет продолжаться. Кстати, именно поэтому мы наблюдаем нынешнюю тенденцию к повышению значимости знания в трудовой функции, что позволит обладателю такого «сакрального» элемента стать хозяином положения, служит его «освобождению» (вспомним «Коммунистический манифест», провозглашавший это, но не объяснявший – как это произойдет!) в принципиальном плане из-под «власти капитала» – и этими знаниями, все более и более, каждый в своей сфере и мере, обладает и менеджер, и конкретный специалист.

На нооэтапе ноопроизводство, будучи отделено от человека, от общества, по своим целям и задачам останется, однако, подчиненным обществу. Именно сфера целеполагания, формулировка целей и задач, контроль над допустимыми средствами их реализации в техносфере – все это останется в сфере отношений человеческого общества. Автономные техносущности, функционирующие в сфере ноопроизводства и способные к саморазвитию, тем не менее, будут зависимы от человеческого общества, которое, отталкиваясь от ноокритериальной базы, будет определять ограничения их саморазвития, блокируя те направления, которые не несут ноо-пользу обществу, и ориентируя функционирование и развитие ноопроизводства в направлениях, необходимых человеку для его собственного развития.

Несколько фантастично? Пожалуй, да. Утопично? Нет!

Речь идет не об утопиях. Взгляните внимательно на мир. Этот процесс, эта трансформация уже происходят, человек уже удаляется от непосредственного производства. Например, стоящая уже у порога «индустрия 4.0.», основанная на «интернете вещей», становится полной материальной подготовкой к переменам такого рода.

Мы сегодня не можем сказать, как скоро и в каком конкретном виде эта трансформация цивилизации будет происходить. Более того, подчеркнем: это превращение не может произойти спонтанно, самопроизвольно. Разрабатываемый и продвигаемый нами подход в том и состоит, что открытые при помощи научного анализа новые знания требуются не просто изучать в университетах и обсуждать в теоретических дискуссиях. Нет! Их надо использовать в практической деятельности, в том числе – в *государственной экономической политике*.

Но это уже – тема другой лекции.

Часть 5.

Ноономика

С.Д. Бодрунов

К ВОПРОСУ О НООНОМИКЕ¹

Современное общество и его хозяйственная система непрерывно меняются; эти изменения столь существенны, что их можно наблюдать на протяжении жизни одного поколения. Среди наиболее заметных и обсуждаемых изменений отметим новую индустриальную революцию, трансформацию традиционного института занятости, бурную информатизацию (и в дальнейшем – цифровизацию) и т. д. Мы видим свою миссию в творческом осмыслении процессов, происходящих в современном обществе, процессов, связанных с изменениями – социальными, культурными, экономическими, технологическими, образовательными и т. д.

Ушедший 2018 г. прошел для Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте и журнала «Экономическое возрождение России» под знаком ноономики. Понятие *ноономика*, введенное нами в научный оборот более 10 лет назад, получило широкую известность после нашего доклада на IV Санкт-Петербургском экономическом конгрессе (СПЭК-2018). Серия презентаций (в Санкт-Петербурге, Пекине, Берлине, Пуле (Хорватия), Кембридже, Москве) книги «Ноономика», вышедшей в 2018 г., вызвала интерес у научного и экспертного сообщества. В июле 2018 г. в Берлине книга получила премию Всемирной политэкономической ассоциации «За выдающийся вклад в развитие политэкономии в XXI веке». Нами прочитаны открытые лекции по теме книги в ряде российских и зарубежных университетов и научных центров, ведутся семинары по ноономике, подготовлен к печати учебник для студентов и аспирантов.

В ходе презентаций неоднократно возникал вопрос о термине «ноономика», который часто понимается весьма поверхностно – как сочетание слов «ноосфера» и «экономика».

¹ Опубликовано в журнале «Экономическое возрождение России». – 2019. – № 1(59). – С. 4-8.

Это находит отражение и в научном дискурсе: такое соединение понятий используют авторы многих публикаций при упоминании термина «ноономика». В их понимании ноономика – это, в общем и целом, «ноосферная экономика», «разумная экономика», даже – «гуманная экономика».

Такая трактовка, безусловно, имеет право на существование, как любая точка зрения в науке, но мы вкладываем в понятие «ноономика» абсолютно другой смысл. Наше понимание ноономики значительно шире и глубже. Мы отталкиваемся не от механического соединения терминов «ноосфера» и «экономика», мы исходим из понимания греческого термина «ноос» как разума, опирающегося на критериальную базу истины как осознанной непреходящей ценности. Уже в XI в. митрополит Илларион в «Слове о законе и благодати» писал: «въ разумъ истинныи приведе»². В этом смысле сводить греческое слово «ноос» к его латинскому аналогу «рацио» глубоко ошибочно. Рациональное – это соответствующее определенным критериям (но – разумны ли сами критерии?). Экономика всегда рациональна, но всегда ли разумно поступают рационально действующие экономические субъекты? И способны ли они выйти за пределы критериев, навязанных им данной экономической системой?

Ноономика предполагает иной способ оценки хозяйственных действий, иной способ оценки потребностей – основанный не на рациональности, а на разуме, на «ноо», исходящем из понимания истинных последствий хозяйственных решений и истинной ценности удовлетворяемых потребностей.

Таким образом, речь идет не об экономике, не о рационально максимизирующем удовольствия индивиде, а об ином способе формирования и удовлетворения потребностей, которые можно назвать *ноопотребностями*. Когда-то, например в эпоху собирательства, человек удовлетворял свои потребности вовсе без экономического расчета. Ноономика тоже представляет

² Слово о Законе и Благодати / предисл. Митрополита Иоанна (Снычева); сост., вступ. ст., пер. В. Я. Дерягина; реконстр. древнерус. текста Л. П. Жуковской; коммент. В. Я. Дерягина, А. К. Светозарского; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2011. С. 70.

собой такой способ неэкономического удовлетворения потребностей, которому предстоит сформироваться на новом витке развития человеческих знаний и технологий.

С другой стороны, вторая «половина» термина нономика – «номос» (от греч. *nomos* – закон) – древнее понятие, которое в философии первой трети XX в. применялось для обозначения базового принципа организации любого пространства³, абсолютного закона существования всего сущего. Таким образом, это – закон, порядок, принцип организации хозяйствования, хозяйство. Вспомним «Слово о законе (*номос!*) и благодати (*ноос!*)»: «...Закон предтечей был и служителем благодати и истины, истина же и благодать – служитель будущего века, жизни нетленной»⁴. То есть, нономика – это упорядоченный уклад, способ удовлетворения потребностей в таком обществе, где есть «свет разума» и нет отношения к производству и производственным отношениям; нет отношения к собственности и отношений собственности; нет экономики и невозможна экономика. *Это – неэкономический способ удовлетворения ноопотребностей*. Поэтому неправильно говорить о «ноосферной экономике» – это все равно, что говорить о неэкономической экономике, нехищном хищнике и т. п.

При этом возникает вопрос – кто будет определять критерии истинности, разумности потребностей? Что такое удовлетворение симулятивных потребностей, где границы разумных, несимулятивных потребностей? И как границы этого пространства несимулятивных потребностей будут перемещаться?

Критериальная база – это и есть «разумная» база, сформированная и развиваемая человеком, у которого сформирована ноокультура удовлетворения потребностей и выстраивания соответствующих отношений на базе технологического прогресса, развивающегося под контролем разума. Технологический прогресс остановить невозможно, дело разума – направлять его, определять, как ему «правильно»

³ См.: Шмит, К. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб.: «Владимир Даль», 2008.

⁴ Слово о Законе и Благодати... (с. 41).

действовать. А как сформировать критериальную базу для решения вопроса о том, что такое «разумно»? И тут можно опереться только на разум, условно говоря – разум в квадрате. Я это имел в виду, когда писал статью «От «зоо» к «ноо»...»⁵, т. е. от удовлетворения зоологических потребностей к удовлетворению потребностей ноологических – от способа зоологического потребления к ноологическому. Таким образом формируется ноообщество с ноотношениями. А такой способ удовлетворения потребностей я назвал ноономикой.

Вот здесь-то и вступает в силу другая часть общества и человеческих потребностей (духовных, интеллектуальных, культуры и пр.) – тоже как сторона «ноо». Они выступают как ограничители симулятивных потребностей и как критериальная база для формирования того типа отношений, которые позволят удовлетворять потребности в полной мере в рамках этой критериальной базы.

При «правильном» направлении технологического прогресса удовлетворение потребностей обеспечивается в максимальной степени и с минимальными затратами материальных и прочих ресурсов. То есть – рациональнее. «Рацио» при этом меньше, чем «ноо» – разум. Именно разум призван формировать и совершенствовать критериальную базу, в рамках которой должны приниматься рациональные решения. Однако, чтобы технологический прогресс не просто «рационализировался», но, если так можно выразиться, «ноолизировался», человеку необходима другая, специфическая часть знания, осознания, которая называется *культурой*.

Культура, этика по своей глубинной сущности – антагонист экономики. Экономика, в принципе, построена на достижении выгоды, а где есть выгода одного – там всегда проигрыш другого. И не надо плести небылицы о «взаимовыгодных экономических отношениях»; это – всегда неравенство, неравный доступ к благам, несправедливость. И данное противоречие можно снять с помощью технологического

⁵ Бодрунов, С. Д. От ЗОО к НОО: человек, общество и производство в условиях новой технологической революции // Вопросы философии. 2018. №7. С. 109–118.

прогресса, путем формирования ноопотребностей и через ноономику как неэкономический способ их удовлетворения.

Ноопотребности – это не эквивалент тех потребностей, которые упоминаются в известной конструкции Маслоу, «базовых ценностей» и т. п. С одной стороны, это потребности, которые формируются у человека в процессе его развития. Но, с другой стороны, развиваясь, расширяясь, возрастая, они всякий раз должны быть ограничены теми «ноо»-принципами формирования потребностей, которые диктует человеку культура как внутреннее самоощущение. Такие потребности выступают как самоограничение симулятивных потребностей.

Технологии, воплощенные в материальном производстве, это материальная часть нашего мира и нашего жизнеобеспечения. Но при этом она причудливым образом, «двойственно» (как все сущее в природе) объединяет в себе знания – нематериальную часть. И чем больше знаний в этом элементе производства – технологии и во всех других элементах производственного процесса, тем быстрее, сильнее, полнее и сложнее удовлетворяются человеческие потребности. И при определенном «ноо»-принципе формирования производственной системы, которая обеспечивает человеческие ноопотребности, ее развитие находится под контролем человека. Человека – как творца, как создателя.

Он будет создавать эту систему. Производственную. Производящую. Но он уже не будет «внутри» нее находиться. Потому что у нее «внутри» – это отношения собственности, а их в ноообществе нет. С другой стороны, «внутри» нее – это трудовое участие в производственном процессе (когда труд – элемент производственного процесса!). А такого участия там тоже не будет! Человек будет находиться вне этой системы. Социум будет контролировать эту систему, но не находиться внутри нее. Безусловно, социум и производство не станут некими изолированными сущностями, но общество уже не будет вырастать из экономических отношений, потому самих этих отношений между людьми не будет. Ноообщество будет определять функционирование хозяйственной системы, исходя из неэкономических отношений.

Цивилизация вступила в эпоху технологической революции, а это значит, что впереди – социальная революция. Мы наблюдаем ужесточающуюся борьбу уходящей мирохозяйственной экономической системы с новым трендом цивилизационного развития, повышение градуса противостояния и сопротивления существующей системы, усиление конфликтности по всем значимым направлениям... При этом мощность современных технологий такова, что при использовании их как средств борьбы мы рискуем потерять себя как человека. Это не обязательно – гибель Земли в ядерном пожаре или глобальная экологическая катастрофа. Это может быть неосмотрительное вмешательство в природу и климат, в разум, в когнитивные функции человека – что угодно, к примеру, связанное с преобразованием человеческой сущности, созданием человеко-машинных гибридов, и т. п. И чем дальше мы будем двигаться по этому пути, тем острее будет этот кризис.

Поэтому надо думать об альтернативах. Нужно осознать, в чем сущность новых технологий; к чему они могут привести с точки зрения удовлетворения потребностей? К снижению роли экономических отношений и возвышению отношений неэкономических? Анализируя новые тенденции, мы увидим многие тому подтверждения: увеличение объемов бесплатных услуг, введение в ряде стран «базового дохода» и т. д. Обеспеченных чем? – Развитием технологического прогресса, который уже сейчас позволяет решать проблемы неравенства, разумного образования, повышения качества и продолжительности жизни, проблемы культуры, и т. д., т. е. создать основу духовного и правильного нооразвития человека.

Сегодня, по некоторым оценкам, мировые технологические возможности превышают разумные потребности всего мира во всех благах, включая образование и пр. Однако, нарастает основное противоречие сегодняшнего мира: между технологическими возможностями удовлетворения разумных потребностей и неспособностью экономического общества (без отказа от присущего ему способа оценки рациональности, т. е. без отказа от самого себя) обеспечить реализацию этих возможностей. В результате все возрастающее количество благ направляется на удовлетворение потребностей

(во многом симулятивных) «золотого миллиарда». И в то же время миллиарды людей обречены, если не на нищету, то, по крайней мере, на серьезные проблемы. Повторим: технологический прогресс позволяет решать эти проблемы, если критерии разума, укорененные в человеческой культуре, станут преобладающими в формировании человеческих потребностей.

Что значит повышение уровня удовлетворения несимулятивных потребностей при одновременном выстраивании человеком ноокритериальной базы потребностей? Это значит – постепенный отход от собственности, уменьшение ее значимости как института, снижение значимости и роли капитала как ее концентрированного эквивалента. И далее – формирование индустриального общества второго поколения, где многие вещи станут обобществленными, появится множество бесплатных продуктов/услуг. Изменится отношение к собственности, а также отношения между собственниками, менеджерами, сторонами экономической деятельности; в управлении усилятся элементы и тенденции меритократизма, изменятся государственное управление и роль государства, усилятся роль общественных инструментов управления и т. д. Сформируется новое индустриальное общество второго поколения (НИО.2).

НИО.2 заложит материальные и институциональные основы перехода к ноообществу. Появится новый способ удовлетворения потребностей, который выйдет из системы производственных отношений между людьми и будет существовать отдельно от человека. Исчезнет труд, точнее, появится занятие, а не труд. «Труд» и «трудно» – слова однокоренные и односмысловые. Труд – элемент производственного процесса, его «человеческий» элемент. Именно он исчезнет.

Другие элементы (материалы, технологии, организация производственного процесса) останутся. И появится принципиально новый способ управления общественными отношениями (управление здесь – нечто консенсусное, иное по смыслу, чем нынешнее). Можно называть это государством, но это будет качественно иное государство, его качественно изменит научно-техническая революция. Нынешнее государство

регулирует, в первую очередь, экономические отношения. Все остальные – тоже, но как бы «прицепом», вторым планом, приспособлявая неэкономические отношения под задачи экономики, угнетая их естественное развитие. А когда экономические отношения исчезнут вместе с экономикой, останутся другие, все более возвышающиеся. И вот там без некоего «регулятора» не обойтись.

Мы живем в экономическом и технологическом обществе. Мы должны так поставить дело, чтобы экономические условия работали на развитие технологий, а не наоборот; чтобы технологическое развитие, ускоряющийся прогресс работали на развитие человека, а не против него. И реиндустриализацию надо вести высокотехнологичную, на передовой, знаниеемкой технологической основе. Недопустимо развитие финансовой сферы ради финансиализации как таковой, очень важно вернуть финансовому капиталу (или капиталу в целом в нашем обществе) на наступающем переходном этапе функции производящего капитала.

При этом производящий капитал – это не только капитал, который производит продукты питания, блага и пр., – он должен «производить человека» как творца. И если последняя задача будет решена, если будет формироваться человек-творец, человек культурный, осознающий свои истинные интересы в сопряжении с реальными интересами других индивидов и общества в целом, человек, действующий в рамках осознанных им возможностей прогресса и необходимых ограничений, – дорога к ноообществу и активному формированию ноономики как его материальной основы будет открыта.

С. Д. Бодрунов

НООНОМИКА: ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕЗИСЫ¹

Концепция ноономики стала логичным продолжением длительного цикла авторских исследований по проблемам современной высокотехнологичной реиндустриализации и тенденций развития индустриального производства [1]. После выхода в свет базовых монографий [2, 3] появились авторские публикации, в которых приводятся и интерпретируются результаты проведенной работы [4, 5]. Эти результаты изложены также в многотомном издании материалов Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте [6, с. 561–663].

Задача данного текста – тезисно изложить определяющие онтологические позиции концепции ноономики, опираясь на проверенные временем методологические подходы и на определенные представления о роли материального производства, его продукта, об индустриальном типе производства, об их месте в социально-экономическом устройстве общества.

1. Понимание того, что именно материальное производство лежит в основе удовлетворения человеческих потребностей и жизни человеческого общества и, следовательно, *изменения в материальном производстве определяют развитие общества*, является исходным пунктом для понимания перспектив эволюции общественного устройства. Поэтому важнейшая позиция, которая автором однозначно проводится в теории ноономики – это признание того факта, что индустрия прочно занимает место производственно-технологического ядра в современной экономике, несмотря на преобладающий удельный вес традиционно понимаемой сферы услуг. Именно индустриальное производство обеспечивает материальные условия для развития всех остальных секторов экономики (аграрного сектора и совокупности отраслей сферы услуг),

¹ Опубликовано в журнале «Экономическое возрождение России». – 2019. – № 4(62). – С. 4-10.

поставляя для них машины и оборудование, разрабатывая технологические процессы. Именно эволюция индустрии во многом определяет сдвиги в социально-экономическом строе общества на протяжении последних 250 лет. Это развитие совершается, согласно Д. С. Львову и С. Ю. Глазьеву, *путем перехода от одного технологического уклада к другому* [7].

Отечественная концепция технологических укладов сформировалась как закономерное продолжение исследовательских тенденций в мировой науке. Йозеф Шумпетер рассматривал инновационную деятельность предпринимателей, ведущую к технологическому обновлению производства, как фактор приобретения конкурентных преимуществ и главный двигатель экономического развития [8]. Он пришел к выводу, что инновационная активность распределяется неравномерно по времени. Формирующиеся в периоды всплеска инноваций новые комплексы технологий Шумпетер назвал кластерами (пучками) [9, с. 192], однако закрепился термин *волны инноваций* (от англ. – *waves of innovation*) [10, с. 133].

В 1975 г. западногерманский ученый Герхард Менш исследовал закономерности смены технологического застоя, характеризующегося преобладанием улучшающих или даже мнимых инноваций, периодами внедрения принципиально новых (базисных) технологических решений [11]. Он, как и Шумпетер, писал о кластерах базисных инноваций, ведущих к индустриальным метаморфозам. В 1970–1980 гг. английский экономист Кристофер Фримэн сформулировал понятия *технологической системы* и *техничко-экономической парадигмы*, развитые его ученицей Карлотой Перес². Используемый в отечественной экономической науке термин *технологический уклад* (ТУ), предложенный в 1986 г. Д. С. Львовым и С. Ю. Глазьевым³, является симбиотическим аналогом понятий

² См.: Перес, К. Технологические революции и финансовый капитал: Динамика пузырей и периодов процветания = *Technological Revolutions and Financial Capital: The Dynamics of Bubbles and Golden Ages*. М.: Дело, 2011.

³ См.: Львов, Д. С., Глазьев, С. Ю. Теоретические и прикладные аспекты управления НТП // *Экономика и математические методы*. 1986. № 5.

волны инноваций, технико-экономическая парадигма и технологическая система.

В мире начинается переход от пятого технологического уклада, формировавшегося в 1950–1980-е гг. (являющегося ведущим в наиболее технологически продвинутых странах), к шестому.

2. Представляется верным следующий тезис: движение современной экономики к шестому ТУ подводит нас не просто к смене укладов, а к порогу *новой технологической революции*.

Что такое шестой технологический уклад? Это – индустрия 4.0⁴, основанная на создании так называемых умных фабрик (smart factory). Неотъемлемой составной частью индустрии 4.0 выступает интернет вещей, точнее – промышленный интернет вещей (industrial internet of things)⁵, обеспечивающий взаимодействие автономных технических устройств и контроль за ними со стороны человека. Для осуществления контроля широко используются встроенные датчики и системы обработки получаемых от них больших массивов информации (big data).

Непосредственно в сфере производственных технологий начинается переход от дистрактивных (вычитающих) технологий, основанных на спиливании, срезании, стачивании материала с исходной заготовки, к аддитивным технологиям⁶, базирующимся

⁴ Germany Trade&Invest. Industrie 4.0 – Germany Market Report and Outlook. URL: https://www.gtai.de/GTAI/Content/EN/Invest/_SharedDocs/Downloads/GTAI/Industry-overviews/industrie4.0-germany-market-outlook-progress-report-en.pdf

⁵ Boyes, Hugh; Hallaq, Bil; Cunningham, Joe; Watson, Tim (October 2018). The industrial internet of things (IIoT): An analysis framework // Computers in Industry. Vol. 101, p. 1–12. doi:10.1016/j.compind.2018.04.015

⁶ Обзор возможностей аддитивных технологий см.: *Просвиринов, А.* Новая технологическая революция пронесется мимо нас // Агентство ПроАтом. 11.12.2012. URL: <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=4189>; The Construction Of Europe's First 3d Printed Building Has Begun. URL: <https://3dprinthuset.dk/europes-first-3d-printed-building/> дата доступа 12.11.2017; Биопечать органов на 3D-принтере, как это работает? URL: <https://make-3d.ru/articles/biopечат-organov-na-3d-printere/> дата доступа 12.11.2017.

на добавлении (или соединении) исходных материалов. Среди последних растет удельный вес 3D-принтирования – системы послойного наращивания исходных материалов, опирающейся на использование трехмерных компьютерных моделей готового изделия. В 2017 г. продажа 3D-принтеров в мире превысила 400 тысяч экземпляров⁷. В 2018 г. количество проданных 3D-принтеров снизилось на несколько процентов, но объем продаж по стоимости вырос на 27 %, а прибыль поставщиков – на 44 %. Сокращение произошло в сегменте домашних настольных 3D-принтеров, тогда как продажи промышленных и дизайнерских устройств, занимающих около 70 % рынка, демонстрируют уверенный рост⁸.

Широкие перспективы открывает синтез нано-, био-, информационных и когнитивных технологий – NBIC-конвергенция⁹. Вообще, *широкая интеграция различных по «родовому» происхождению технологий – это принципиальное отличие нового уклада*. В последнее время к NBIC справедливо

⁷ Samuel Adams. Half million 3d printers sold in 2017 – on track for 100m sold in 2030 // 3D Printing Industry, April 06th, 2018. URL: <https://3dprintingindustry.com/news/half-million-3d-printers-sold-2017-track-100m-sold-2030-131642/>

⁸ Matthew Greenwood. 2018 Was a Strong Year for the Global 3D Printer Market // engineering.com, January 21, 2019. URL: <https://www.engineering.com/AdvancedManufacturing/ArticleID/18279/2018-Was-a-Strong-Year-for-the-Global-3D-Printer-Market.aspx>

⁹ *Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science* / Edited by Mihail C. Roco and William Sims Bainbridge, National Science Foundation. June 2002. Arlington, Virginia; *Managing Nano-Bio-Infocogno Innovations: Converging Technologies in Society* / edited by William Sims Bainbridge and Mihail C. Roco. National Science Foundation, National Science and Technology Council's Subcommittee on Nanoscale Science, Engineering, and Technology. Dordrecht, The Netherlands: Springer, 2005.

добавлено S – социальные науки. NBICS¹⁰ – это абсолютно точно фиксируемый тренд данного процесса и движения нашего развития.

3. Анализ тенденций развития новейших технологий приводит к следующему выводу: отличительной чертой новой технологической революции становится *резкий скачок в применении новых знаний*. Доля знаниеемких затрат возрастает, а доля затрат материальных ресурсов относительно сокращается. Следуя этой тенденции, мы перейдем к уровню производства, когда знания в составе издержек производства будут *преобладать* в любом варианте – как бы их ни считать, в каких единицах ни исследовать. *Знание становится основным производственным ресурсом*. И во многих отраслях это существует уже сегодня. Возьмем тот же iPhone: в нем, по оценке самой компании-производителя, до 94 % стоимости (в сегодняшних ценах) приходится на знания, а остальное – материальные ресурсы. Это один из примеров знаниеемкого продукта на современном этапе.

4. Обозначим еще одну позицию: для выхода к новому качеству производства нужен не только технологический скачок, но и *совершенствование всех компонентов современного материального производства*. Помимо технологии, производство включает в себя труд и средства производства (все материальные ресурсы – от сырья до оборудования) и формы организации производства.

Обычно, говоря о технологическом скачке, подразумевают в первую очередь технологии. На самом деле меняется все материальное производство, а при широкой трактовке понятия *технологии* меняются, скажем, технологии труда, технологии организации производства и т. д. С этой точки зрения также можно говорить о *технологической революции*. Но,

¹⁰ Spohrer, J. NBICS (Na;no-Bio-Info-Cogno-Socio) Convergence to Improve Human Performance: Opportunities and Challenges // M. Roco, W. Bainbridge (eds). *Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science*. Arlington, 2004. P. 102. URL: http://www.wtec.org/ConvergingTechnologies/Report/NBIC_report.pdf

если исходить из нашего понимания содержания производства, то речь должна идти о большой, комплексной индустриальной революции.

5. Что же будет результатом грядущей индустриальной революции? Если речь идет о качественных изменениях всех сторон индустриального производства, то это должно означать *переход индустриального общества на новую ступень развития*. Таким образом, итогом этой революции будет *новое индустриальное общество второго поколения (НИО.2)*. Если предыдущую индустриальную эпоху считать новым индустриальным обществом первого поколения (в терминах Дж. К. Гэлбрейта) [12], то впереди нас ждет переход к второму поколению. И это будет новое поколение именно индустриального общества: оно останется индустриальным по сути, поскольку в его основе будет лежать индустриальная деятельность.

6. *Основным отличием нового поколения индустриального производства выступает изменение главного экономического ресурса*. Роль главного ресурса и главного источника развития переходит к *знаниям*, к научному познанию человеком окружающего мира. Характер материального производства во многом определяется тем, откуда мы берем ресурсы. Когда-то мы брали их непосредственно из природы: «добывая» животных и растения, полезные ископаемые. А сейчас мы будем «добывать» знание, потому что это – основной ресурс, определяющий рост наших возможностей удовлетворять свои потребности в значительной базовой части.

7. Новый индустриальный способ производства характеризуется *высокой знаниеинтенсивностью*, которая отодвинет на задний план материальные затраты и затраты человеческого труда, создавая *знаниеемкий продукт*. Однако производство вовсе не перестает быть материальным – оно лишь превращается в *знаниеинтенсивное материальное производство*. Ведь знания не заменяют процесс материального производства, хотя и превращаются в его ведущий ресурс, и имеют хозяйственное значение лишь при технологическом применении в производстве, а не сами по себе.

Мы видим, что шестой ТУ ведет к резкому *сокращению непосредственного участия человека в процессе материального преобразования исходных ресурсов*. Целеполагание и контроль становятся *основными функциями* человека, а непосредственные манипуляции с веществом природы выполняют автономные «технетические существа». Широкое распространение промышленных роботов – первый шаг на этом пути. Сегодня уже не редкость «хирургические» роботы; на дороги выходят роботы-водители; искусственный интеллект все чаще заменяет человека во взаимодействии с клиентами торговых и банковских фирм...

В рамках шестого ТУ когнитивные технологии через использование самообучающихся систем искусственного интеллекта (ИИ) вторгаются в те области, где не было альтернативы применению человеческого труда. Так, системы ИИ могут осуществлять поиск, накопление, сортировку и сопоставление информации, необходимой для принятия решения. Именно когнитивные технологии через использование достижений био- и информационно-коммуникационных технологий создают возможность непосредственного взаимодействия человека с безлюдными технологическими процессами (человеко-машинные интерфейсы, человеко-машинные системы, человеко-машинные сети¹¹). На этой основе получает новый толчок производство робототехники, которая становится более гибкой, приспособляемой, производительной.

8. С изменением технологической основы производства меняются и все его компоненты: характер труда, продукта, организации производства. И главное – *все эти изменения влекут за собой перемены в экономических отношениях*, в характере *отношений собственности*, присущих новому поколению индустриального общества.

Даже на современном этапе развития общества, еще до перехода к НИО.2, можно заметить тенденции в *эволюции*

¹¹ Обзор на эту тему см.: Milena Tsvetkova, Taha Yasseri, Eric T. Meyer, J. Brian Pickering, Vegard Engen, Paul Walland, Marika Luders, Asbjorn Folstad, George Bravos. Understanding Human-Machine Networks: A Cross-Disciplinary Survey. // E-Print. Cornell University Library. URL: <https://arxiv.org/pdf/1511.05324v1.pdf>

отношений собственности, ведущие к их социализации и размыванию. Отношения собственности (в особенности частной) должны были закреплять за собственником бесспорное право владения, пользования и распоряжения экономическими ресурсами. Однако эволюция экономических отношений привела к обростанию института собственности различными обременениями, призванными обеспечить социальную и иную ответственность собственника.

В этом ряду можно указать на многочисленные сервитуты земельной собственности, дающие возможность третьим лицам осуществлять в определенных пределах права пользования земельным участком (права прохода и проезда, доступа к источникам воды, прогона скота, доступа к участкам побережья, прокладки коммуникаций и т. д.). Существуют многочисленные ограничения и обременения права собственности, касающиеся строительной, транспортной и промышленной деятельности; связанные с обязанностями обеспечения требований безопасности, соблюдением определенных стандартов качества, экологическими требованиями и т. п.

Особое внимание обратим на эволюцию отношений интеллектуальной собственности, регулирующих экономический оборот главнейшего ресурса современного производства – знаний. Наличие таких явлений, как краудсорсинг, викиномика, free software, open source, copyleft и т. д., способствует развитию режимов свободного доступа к интеллектуальным ресурсам. С другой стороны, идет жесткая борьба за «огораживание» интеллектуальной собственности.

9. Это соответствует *двум тенденциям в развитии отношений собственности, которые можно проследить в современной экономической системе: 1) консервация сложившихся отношений и 2) размывание права собственности вплоть до т.н. «отказа от собственности».*

Размывание права собственности проявляется в развитии форм совместного владения и использования собственности, а также в разделении функций владения и пользования. Владелец может на время отказаться от использования собственности и передать право пользования иному лицу: аренда, лизинг, различные виды долевого пользования (коворкинг, каршеринг,

кикшеринг, таймшеринг и т. д.).оборот шеринговой экономики (экономики совместного пользования) уже составляет сотни миллиардов долларов в год, и ее доля непрерывно и стремительно растет. Прогнозируется, к примеру, что в 2020 г. в КНР она уже будет занимать 10 % ВВП¹². И фактически, что важнее, обеспечит основной прирост ВВП.

Переход к временному использованию собственности (без приобретения права распоряжения, а часто – и владения) в значительной мере определяется *возросшей скоростью технологических изменений*. Нет экономического смысла приобретать в полную собственность агрегаты, которые через несколько лет устареют. При этом собственник таких агрегатов может брать на себя дополнительные обязательства перед пользователем по их ремонту и модернизации.

Другая тенденция, также ведущая к размыванию собственности, – *дробление капитала*. Не зря современная «экономическая теория прав собственности» так много внимания уделяет проблеме «расщепления» правомочий и размывания прав собственности. Уже возникновение акционерной собственности ведет к еще более сложному расщеплению прав собственности. Акционеры уже не обладают правом собственности на капитал в полном объеме. Более того, совокупность их правомочий зависит от типа акций и объема их пакета.

Функции присвоения в рамках отношений собственности также претерпели эволюцию: уже в первой половине XX в. произошло расщепление этих функций между владельцами капитала и управляющими. Эти проблемы рассматривали Торстейн Веблен¹³, Адольф Берли и Гардинер Минз¹⁴, Стюарт

¹² Адактилос А. Д., Чаус М. С., Молдован А. А. Шеринговая экономика // Economics. 2018. №4 (36). С. 99.

¹³ Veblen, T. The Engineers and the Price System, 1921. Kitchener: Batoche Books, 2001. URL: <http://socserv2.mcmaster.ca/~econ/ugcm/3ll3/veblen/Engineers.pdf>

¹⁴ Berle, A., Means, G. The Modern Corporation and Private Property. New York: The Macmillan Company, 1932. URL: <http://www.unz.org/Pub/BerleAdolf-1932>

Чейз¹⁵ и другие исследователи еще до того, как Джеймс Бернхем получил незаслуженную известность первооткрывателя, «блеснув» ярким термином *революция управляющих* и утверждением, что капиталистическое общество сменяется менеджеральным¹⁶.

На самом деле расщепление функций собственности является еще более глубоким, чем их деление между акционером и управляющим. Дж. К. Гелбрэйт показал, что реальное использование капитала переходит в руки целой армии специалистов, образующих «техноструктуру» корпорации. Но и это не все. Ведь конечным пользователем элементов капитала выступают все наемные работники, хотя каждый из них выполняет лишь мелкую функцию.

Сейчас благодаря технологическому прогрессу на место «синих» и «белых» воротничков приходят роботы и искусственный интеллект. Что же происходит с отношениями собственности, когда ряд функций переходит от людей к технетическим существам? Как, например, быть с ответственностью пользователя, если аварию совершил робот-водитель? Ответственность за ущерб можно возложить на владельца, а ответственность за нарушение правил дорожного движения?

Функции пользования и даже распоряжения понемногу «уплывают» от человека. И эволюция в этом направлении лишь ускорится.

10. Перечисленные процессы, вместе с тенденцией к снижению ценности обладания собственностью, ведут к *изменениям в системе собственности и во всем общественном устройстве*. Можно с большой долей уверенности прогнозировать, что на стадии НИО.2 будет господствовать *экономика совместного пользования*, экономика расщепленных и размытых прав собственности.

¹⁵ Chase, S. A New Deal. New York: The Macmillan company, 1932. (Название этой книги – «Новый курс» – было использовано Ф. Рузвельтом для своей предвыборной программы).

¹⁶ Burnham, J. The Managerial Revolution. What is happening in the world. N.Y.: A John Day Book, 1941. P. 71.

11. Изменение системы отношений собственности при переходе к НИО.2 влечет за собой *изменение всей системы экономических отношений*. Меняется характер *рынка* – на нем все большее место начинают занимать не спонтанные колебания рыночной конъюнктуры, а результаты сложных согласованных действий лиц, обладающих различными и переплетающимися элементами прав собственности. Изменяется характер *государственного регулирования* – оно начинает ориентироваться на достижение консенсуса в сложном балансе экономических интересов, вытекающем из новой природы отношений собственности и новой модификации рыночных отношений.

12. Однако такого развития общественных отношений в экономике недостаточно для решения всех проблем, возникающих с развитием современных технологий. Прогресс технологий несет не только новые возможности, но и очень серьезные риски, которые ставят человечество перед дилеммой в цивилизационном развитии. Мы часто говорим, что впереди – экологический кризис: мы засорили пластмассой весь мир, в зоомире появляются мутанты, ежедневно исчезают десятки и сотни видов живых существ, возникают технетические существа, которые плодятся гораздо быстрее, чем природа создавала этот мир, и темпы их роста ускоряются, грозя заменить природные феномены технотронными, биогеоценозы – техноценозами, а биоту – техновеществом. Элементы техноценоза, которые мы называем «технетическими существами», реально и достаточно агрессивно вытесняют естественные сущности природы. Сегодня человек, их создатель стал (если следовать Вернадскому) значимой геологической силой, не говоря уж о «биологической» силе. По данным геологов, общий объем всего, что «сотворил» человек за пять тысяч лет своего существования, вес техносферы – того, что создал человек за свою историю с помощью технологий, достигает 30 трлн тонн¹⁷, в то время как,

¹⁷ Jan Zalasiewicz, Mark Williams, Colin N. Waters etc. Scale and diversity of the physical technosphere: A geological perspective // The Anthropocene Review 2017, Vol. 4(1). P. 12.

по данным биологов, за 4,5 млрд лет существования Земли вес биоты составляет примерно 2,5 трлн тонн¹⁸.

При этом нам грозит утрата биоразнообразия. Каждый час на Земле исчезает примерно 3 вида живых существ, 72 вида умирает ежедневно. Конечно, и естественным путем, без участия человека, всегда происходили процессы вымирания одних и возникновения других видов. Этот естественный процесс оценивается уровнем утраты примерно одного вида в год из миллиона. А сколько на планете видов живых существ? «Оценки существующего в настоящий момент биоразнообразия колеблются от, скажем, 2 миллионов видов до 30 или даже 100 миллионов» – отмечает Браулио Диас, исполнительный секретарь Конвенции о биоразнообразии¹⁹. Несложно заметить, что даже при самой верхней оценке (100 млн) скорость вымирания составит 262 вида в год из одного миллиона, что явно превосходит естественную норму.

И в то же время человек создал гораздо больше технетических видов, чем природа видов живых существ – около одного миллиарда²⁰. Как видим, техноразнообразие не только превзошло биоразнообразие, но и подавляет его.

Так что, если говорить о биологическом аспекте, то природа пока не создала существ, которые нанесли бы большой

¹⁸ Корогодина, В. И., Корогодина, В. Л. Информация как основа жизни. Дубна: Издательский центр «Феникс», 2000. С. 106.

¹⁹ Скобеева, В. Шестое великое вымирание // Вокруг света. 2016 г. 29 окт. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/article/233607/>. Существуют исследования, основанные на секвенировании и сравнении ДНК микроорганизмов, из которых следует, что число видов на нашей планете составляет около 1 триллиона. Но это увеличение оценки числа видов произошло только за счет микроорганизмов (Kenneth J. Locey and Jay T. Lennon. Scaling laws predict global microbial diversity // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America (PNAS). May 24, 2016, vol. 113, issue 21, p. 5970-5975. URL: <https://www.pnas.org/content/113/21/5970>)

²⁰ Jan Zalasiewicz, Mark Williams, Colin N Waters and others. Scale and diversity of the physical technosphere: A geological perspective // Antropocene Review Volume: 4 issue: 1, p. 9-22. November 28, 2016. <https://doi.org/10.1177/2053019616677743>

вред живой природе, чем человек. Это ведет к серьезным *кризисам* во многих направлениях, например, к биологическому, или к геномному кризису, когда люди могут вмешаться в человека, в самих себя и создать существа, нам неподконтрольные, и многое другое.

Но если человек захочет изменить свою природу, тогда о чем мы говорим: о человеке как о биосоциальном существе или о другом существе? Если мы говорим о человеке, то предполагаем *наличие разумных ограничений*, не допускающих подобного развития событий.

Понятно, что учеными, раздвигающими горизонты научного знания, движут благие намерения: создание новых лекарственных форм, исправление генетических отклонений и т. д. Но они не отрицают, что эти научные достижения могут быть использованы «не по назначению», вплоть до создания новых форм жизни или «редактирования» биосущности самого человека.

13. Что толкает людей на этот губительный путь? – *Экономическая система*, в которой главное – *получение прибыли любой ценой*. Сегодня это – продвижение во имя прибыли симулятивных, ненужных товаров, рост производства которых приводит к чудовищному разграблению природы, при этом реальные потребности людей часто не удовлетворяются и т. д.

14. Насколько *разумен* практикуемый ныне способ удовлетворения потребностей? О разуме здесь говорить сложно, хотя такой принцип ведения хозяйства считается разумным (возьмите любой учебник экономикс или другие учебники, где очень много рассуждают о том, насколько «рационально» или «нерационально» то или иное поведение). Однако рацию и разум – разные вещи, потому что разум и знания соотносятся весьма сложным образом. Наш разум в той критериальной базе, которая формируется на базе познания, тоже формируется на базе познания. То есть разум – это и часть знания, которая позволяет оценить некое соответствие этой части знания некоторой критериальной базе, и часть знания, составляющая саму критериальную базу. Разумно или неразумно нечто в определенной критериальной базе. «Ноос» тоже имеет свою критериальную базу. Но эта «ноо»-база гораздо шире и не

утилитарна. Более того, она *изменяема с обретением нового знания*.

15. Обратим внимание, что *рацио – не абсолютно*. Эта система координат, или система критериев – динамичная. Расширяем знание – расширяется это пространство, тем самым расширяется наше знание о критериальной базе. Соответственно расширяются ее границы, критерии. На каждом этапе, в каждой системе – свое «рацио», т. е. то, что «рацио» было вчера, сегодня может оказаться «не рацио».

16. В основе всего этого лежит способность человека получать все больше знаний. В рамках чего? В рамках *удовлетворения своих потребностей*, в том числе потребностей в новых знаниях, в том, что такое «хорошо» и что его границы можно «сдвинуть». Таким образом, знание лежит в основе и этого явления. Это – важнейшая вещь, которая позволяет понять, как устроен мир и почему он «сходит с ума»: потому что сдвиги этих границ – это и есть «схождение с ума», выход за границы предыдущего «рацио». И именно потому зачастую (ныне – особенно) те вещи, которые мы изучали многие годы, совершенно непригодны для анализа будущего, для понимания будущего, осознания нами самих себя.

Экономика, положим, рациональна (или стремится к рациональности), но – разумна ли она? Безусловно разумны ли поступающие, безусловно, рационально (с точки зрения критериальной базы существующей экономики) субъекты нынешней экономической деятельности? Кроме того, рацио не занимается осознанием нового знания, в отличие от разума. В чем состоит *истинная рациональность* принимаемого нынешним обществом варианта развития?

17. *Дилемма* выглядит так: либо общество не сумеет направить возможности технической революции на свое совершенствование, увлечется ложными целями и ценностями, усугубит *негативные тенденции* современной цивилизации вплоть до утраты человеком своей собственной сущности, либо человечество сумеет *переформатировать* *нынешние цивилизационные установки*.

18. О каком переформатировании можно говорить? Речь идет о *переходе на этап разумного ведения хозяйства*, на

нооэтан. На этом этапе ноопроизводство, отделенное от человека, от общества, по своим целям и задачам остается подчиненным обществу. С развитием ноообщества, с переходом к ноопроизводству и ноопотребностям происходит *переход от экономической рациональности к нооиррациональности*, и этот новый характер рациональности и, соответственно, новая определенность целевых установок развития приобретают первостепенное значение и служат основой изменения характера общественных отношений, которые становятся все более *неэкономическими*.

19. Место экономики займет *ноономика*.

20. Принципиально – еще раз подчеркнем: *ноономика* – это не «*ноосферная экономика*».

«Ноо» в слове «ноономика» носит корневой, «древнегреческий» смысл, подразумевая «ноос». Греческое слово «ноос» – это разум, но не просто разум сам по себе как абстрактное понятие. Разумно или неразумно нечто всегда в определенной критериальной базе. О критериальной базе разума иносказательно говорится с древнейших времен. К примеру, уже в XI в. митрополит Илларион в «Слове о Законе и Благодати» писал: «въ разумъ истинный приведе»²¹, т. е. критериальная база разума – это истина, некая непреходящая осознанная ценность.

Говоря о ноономике, мы подразумеваем некие особые, основанные на «ноо» принципы формирования способа удовлетворения потребностей людей. Так же, как экономика – способ хозяйствования в экономическом обществе, *ноономика* – способ хозяйствования в ноообществе. При этом ноообщество – это не ноосфера, не абстрактное «ноосферное общество», это – общество, *материальной базой существования которого и удовлетворения потребностей людей является ноономика*.

Вторая часть термина *ноономика* – «номос». Номос – это древнее понятие (имеет греческие корни); в философии первой трети XX в. применялось для обозначения базового принципа

²¹ Слово о Законе и Благодати / предисл. митрополита Иоанна (Снычева); сост., вступ. ст., пер. В. Я. Дерягина; реконстр. древнерус. текста Л. П. Жуковской; коммент. В. Я. Дерягина, А. К. Светозарского; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2011. С. 70.

организации любого пространства, всеобщего закона, абсолютного закона существования всего сущего. Таким образом, это – закон, порядок, уклад, принцип организации хозяйствования, хозяйствование, хозяйство. Отсюда, ноономика – это способ удовлетворения потребностей в таком обществе, где есть «свет разума»; где нет отношения к производству и производственным отношениям; где нет отношения к собственности и отношений собственности; где нет экономики и невозможна экономика. Поэтому не имеет смысла встречающаяся в публикациях трактовка ноономики как «ноосферной экономики».

В основе ноономики лежит неэкономический тип удовлетворения человеческих потребностей, которые сформируются через новое качество производства, где человек станет, в соответствии с предвидением Маркса, «по ту сторону собственно материального производства».

21. Какова же будет на этом, ноообщественном этапе развития, *связь человека со сферой производства* (ноопроизводства)?

На нооэтапе именно сфера целеполагания, формулировка целей и задач, контроль над допустимыми средствами их реализации в техносфере – все это останется в сфере отношений человеческого общества. Автономные техносущности, функционирующие в сфере ноопроизводства и способные к саморазвитию, будут зависимы от человеческого общества, определяющего ограничения их саморазвития, блокируя направления, не несущие пользу обществу, и ориентируя функционирование и развитие ноопроизводства в направлениях, необходимых человеку для его собственного развития.

22. Отношения людей по поводу регулирования функционирования техносферы *перестанут быть производственными отношениями* в той мере, в какой человек выходит из процесса непосредственного производства. Резко сократится время труда как деятельности, определяемой нуждой и внешней целесообразностью (труд как способ «добывания собственности», при постепенной утрате значимости собственности для удовлетворения потребностей, теряет также рациональный с экономической точки зрения смысл); его место займет *свободная творческая деятельность*, в значительной своей части направленная на *процесс познания*.

23. Но на каких *критериях* будут основываться решения, принимаемые людьми по поводу развития относительно автономной техносферы? На какие потребности они будут ориентироваться, какие цели преследовать, какие средства сочтут допустимым использовать?

И здесь следует выдвинуть следующую позицию: вся эта конструкция, предусмотренная в теории нономики, может развиваться, только когда человек *параллельно с одними знаниями (в частности, технологическими и прочими научно-естественными) будет усваивать и осваивать другие знания.* Что именно? Именно – знание и познание мира как мира *культуры* (в предельно широком смысле) и *самоограничения нерациональных* (в развивающейся в направлении «ноо» критериальной базе) потребностей.

24. Человек – *биосоциальное* существо. Он, безусловно, «зоо», но, кроме «зоо», существует наш разум – «ноо». Человек может и в состоянии научить себя не требовать того, что наносит ему вред. Миллионы людей ежедневно демонстрируют такой подход на микроуровне. Человеку приходится осознавать вред, задумываться, что плохо, а что хорошо и для него, и для общества; каковы интересы других людей, что плохо и что хорошо для них, и что для этого (чтобы было хорошо, а не плохо) надо делать. В мировой истории множество примеров, когда люди ради высоких «незоо»-целей идут на сознательные ограничения, самопожертвование, отказываются от многих вещей, вплоть до отказа от собственной жизни. И чем дальше человек развивается, тем больше он – *ноочеловек*, а не зоочеловек, не биочеловек. В рамках такой рациональности мы не можем продолжать идти преимущественно зоопутем. Это – важно, и человек это осознает – рано или поздно.

25. Почему же человек начнет *не только осознавать*, но и *действовать* в соответствии с этим сознанием?

Уже новое индустриальное общество второго поколения (НИО.2) способно в значительной мере *освободить человека от труда* в сегодняшнем понимании и обеспечить существенное приращение свободного времени, но аналогичного «приращения счастья» это немедленно не даст – надо научиться направлять свободное время на *саморазвитие* (возвышение духовных потребностей, культуру и т. п.).

Решить эту проблему за счет идеологии аскетизма, принудительного рационарования или сокращения потребления либо за счет пропаганды более высоких идеалов нельзя. Воспитание и понимание необходимости самоограничения могут сыграть свою роль только при развитии необходимых объективных предпосылок.

Это, во-первых, изменение характера человеческой деятельности: переход к преимущественно творческой деятельности меняет структуру потребностей, смещая приоритеты с поглощения все большего объема материальных благ на средства развития человеческой личности, ее творческого потенциала. Во-вторых, с расширением участия людей в творческой деятельности расширяется их вовлечение в процесс познания мира, углубляется их знание о том, где лежат границы разумного в производственной деятельности и в потреблении. В-третьих, это рост возможностей удовлетворения жизненных потребностей человека, насыщение этих потребностей до такого уровня, когда борьба за их удовлетворение, страх перед угрозой недопотребления перестают быть первостепенной проблемой. Все эти три фактора вместе и делают самоограничение не только желаемым, но и возможным.

Самоограничение здесь не самое точное слово. Речь идет об определении себя как «человека разумного». Таким образом человек сам для себя проводит границу – что разумно, а что лежит уже за гранью разумного. При этом речь идет не о навязывании людям каких-то стереотипов поведения, а о создании условий, при которых человек сам смещает критерии рациональности в сторону более разумного отношения к потреблению, окружающей природной среде и к самому себе.

26. К сожалению, сейчас наблюдается *разрыв*: технологии развиваются гораздо быстрее, чем то, что называется повышением уровня культуры и пониманием, что можно, а чего нельзя. Люди, создавшие атомную бомбу, осознав последствия ее применения, предприняли некоторые шаги, чтобы этого не допустить. Бомбу изобрели и у нас, и неизвестно, насколько помогли нам в этом ее изобретатели. Тем не менее, применения бомбы после варварских актов Соединенных Штатов в Японии не было? Показательный пример – Карибский кризис, когда люди смогли договориться и устранить угрозы, связанные с технологическими возможностями, которые дает сегодняшний мир.

27. И в завершение: мы – Россия, россияне. У нас собственная страна, собственная на данный момент экономика, у которой есть свои *особенности*.

Мы все понимаем, что проблем сегодня много, что это – следствие проводимой экономической политики, что принимаемые меры по развитию российской экономики далеко не во всем и не всегда (в нашем понимании) верны. Но до этапа НИО.2, тем более ноономики, до этапа решающих преобразований, до того, как наступит новый уклад нашей жизни, пройдет определенное время, которое трудно оценить в километрах или годах. И это – *время существования нынешнего экономического общества*. Но экономическое общество – это и конкурентное общество, где есть лидеры, а есть отстающие.

И если мы, Россия, чувствуем нашу (и это – не пафос) историческую *миссию* (а мы всегда ее чувствовали: быть *лидерами* в таком развитии, нооразвитии, отсюда – многие наши беды, многие желания, многие трансформации и т. д.), то мы *не должны отставать в экономическом развитии*. Потому что сегодня тот силен, у кого есть мощная экономика, в которой знание становится все более значимым фактором. Поэтому *крайне важно развивать отечественное индустриальное производство, современные высокотехнологические исследования, фундаментальную науку и общекультурное пространство, одновременно развивая человека с новыми ценностными установками*; осуществлять формирование людей, объясняя, что можно и нужно делать будущему инженеру, менеджеру, специалисту, а чего делать нельзя, чтобы наша страна развивалась достойно.

Ноономика подсказывает нам и *целевой вектор*, и тот *путь*, который предстоит пройти.

Список литературы

1. *Бодрунов, С. Д.* Концепция нового индустриального развития России / С. Д. Бодрунов. – М.; СПб.: Институт нового индустриального развития (ИНИР), 2013.

2. *Бодрунов, С. Д.* Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / С. Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2016.

3. *Бодрунов, С. Д.* Ноономика / С. Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2018.

4. *Бодрунов, С. Д.* Возвращение индустриализации – возвращение Гэлбрейта: от НИО.2 к ноосферной цивилизации / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2017. – №2(52).

5. *Бодрунов, С. Д.* От 300 к НОО: человек, общество и производство в условиях новой технологической революции / С. Д. Бодрунов // Вопросы философии. – 2018. – № 7.

6. Новое индустриальное общество: истоки, реальность, грядущее. Ноономика. – Т. 3 (Избранные материалы семинаров, публикаций и мероприятий Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте по тематике концепции нового индустриального общества второго поколения и нооиндустриального развития общества) / под общ. ред. С. Д. Бодрунова: сб. науч. тр. – СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2019.

7. *Львов, Д. С., Глазьев, С. Ю.* Теоретические и прикладные аспекты управления НТП // Экономика и математические методы. 1986. № 5.

8. *Шумпетер, И. А.* Теория экономического развития / И. А. Шумпетер. – М., 1983.

9. *Меньшиков, С. М.* Длинные волны в экономике: Когда общество меняет кожу / С. М. Меньшиков, Л. А. Клименко. – 2-е изд. – М.: ЛЕНАНД, 2014.

10. *Блауг, М. Й. А.* Шумпетер // 100 великих экономистов до Кейнса = Great Economists before Keynes: An introduction to the lives & works of one hundred great economists of the past. – СПб.: Экономикс, 2008.

11. *Mensch, G.* Das technologische Patt: Innovationen uberwinden die Depression / G. Mensch. – Frankfurt a.M.: Umschau Verlag Breidenstein, 1975.

12. *Гэлбрейт, Дж. К.* Новое индустриальное общество / Дж. К. Гэлбрейт. – М.: Эксмо, 2008.

С.Д. Бодрунов

Тезисы презентации учебника С.Д. Бодрунова
«Общая теория ноономики»¹

1. Учебник содержит обобщения и популярное изложение базовых идей, которые прорабатывались автором на протяжении двух последних десятилетий, а также активно и плодотворно обсуждались в российском и международном научном, экспертном и деловом сообществе. На состоявшихся открытых международных лекциях в Кембридже, Санкт-Петербурге, Нью-Йорке, Пекине, Москве автору предложено было написать книгу. Старт учебной программы о ноономике начался в октябре 2019 г. с Уральского государственного экономического университета, где я являюсь почетным профессором. Большой интерес от университетов Москвы и Санкт-Петербурга с заявками на включение учебного курса в образовательную программу университетов.

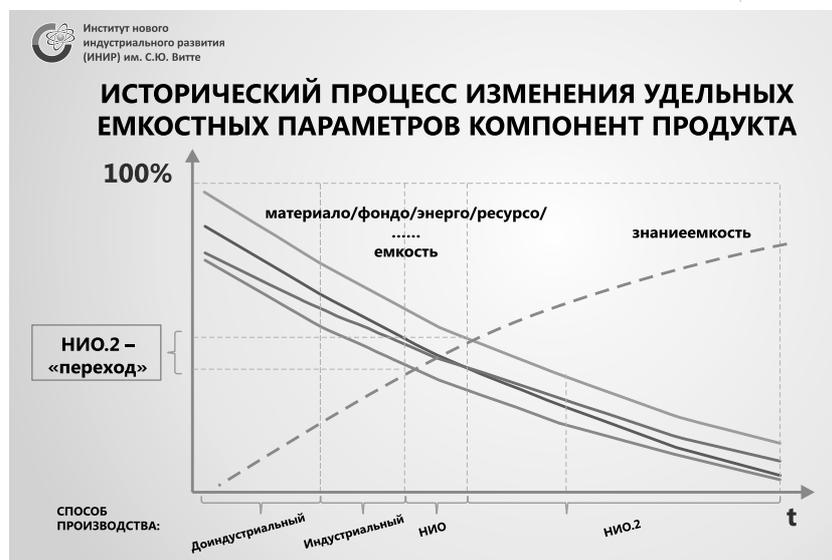

¹ Презентация учебника С.Д. Бодрунова «Общая теория ноономики» в Московской школе экономики МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, 18 сентября 2019 г.) и на 21-й международной ярмарке интеллектуальной литературы Non/fiction (Москва, Гостинный двор, 06 декабря 2019 г.)

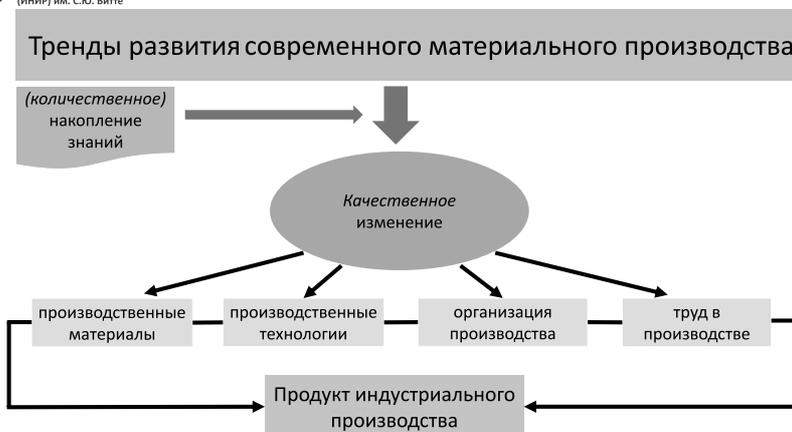
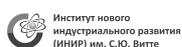
2. Учебник начинается с методологической части, в которой раскрываются авторские представления о материальном производстве, его продукте, об индустриальном типе производства. Индустрия прочно занимает место технологического ядра современной экономики. Именно ее эволюция во многом определяет сдвиги в социально-экономическом строе общества на протяжении последних 250 лет.

3. Развитие современной экономики подводит нас к порогу новой технологической революции («индустрия 4.0», «Интернет вещей», аддитивные технологии, синтез нано-, био-, информационных и когнитивных технологий – NBIC-конвергенция).

Это – не просто переход на следующую ступеньку технологического развития. Отличительной чертой новой технологической революции становится резкий скачок в применении новых знаний: доля затрат интеллектуальных ресурсов возрастает, а доля материальных ресурсов относительно сокращается.

4. Для выхода к этому новому качеству нужен не только «технологический скачок», но и совершенствование *всех компонентов* современного материального производства (материалов, труда, производства и применения знаний, организации производства). Только тогда можно будет говорить о выходе в новое индустриальное общество второго поколения – НИО.2.

Главным источником развития этого производства выступает познание человеком окружающего мира. Новоиндустриальный способ производства имеет такую знаниеинтенсивность, которая оттесняет на задний план материальные затраты и затраты человеческого труда, создавая знаниеемкий продукт.

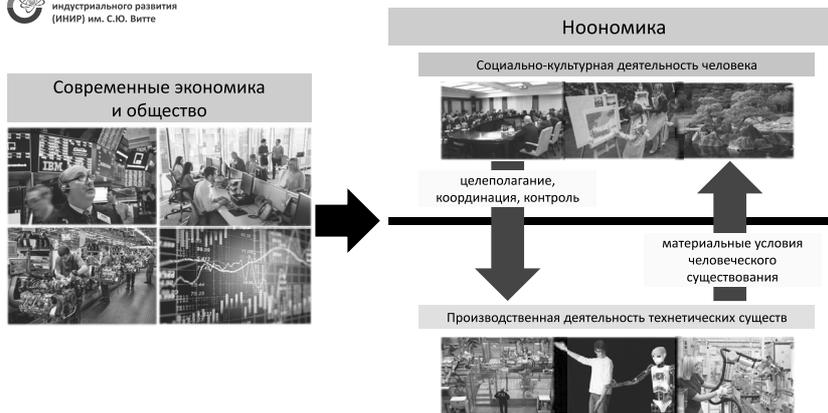
5. Рост технологических возможностей удовлетворения потребностей ставит человечество перед дилеммой. Либо общество не сумеет направить возможности, предоставляемые технологической революцией, на свое совершенствование, увлечется ложными целями и ценностями, усугубив негативные тенденции современной цивилизации, вплоть до утраты человеком своей собственной сущности. Либо человечество сумеет реализовать переформатирование нынешних цивилизационных установок.

6. Речь идет о переходе на этап разумного ведения хозяйства, на ноэтап. На этом этапе ноопроизводство, будучи отделено от человека, от общества, по своим целям и задачам останется подчиненным обществу.

С развитием нообщества, с переходом к ноопроизводству и ноопотребностям происходит и переход от экономической рациональности к новой, и этот новый характер рациональности и, соответственно, новая определенность целевых установок развития приобретает первостепенное значение.

Место экономики тем самым занимает **ноономика**. В ее основе лежит неэкономический тип удовлетворения человеческих потребностей, который сформируется через новое качество производства, в котором человек станет, в соответствии с провидением К.Маркса, «по ту сторону собственно материального производства».

7. Чтобы российское общество смогло выйти на дорогу, ведущую нас к будущему обществу, к ноономике, в современной *российской экономике необходимы изменения системного свойства*, и весьма существенные. Важен переход к управлению экономикой на основе долгосрочной стратегии, среднесрочных индикативных планов и программ на базе научного прогнозирования, активная промышленная политика.

Институт нового
индустриального развития
(ИНИИР) им. С.Ю. Витте

Экономика России (НИО.2): изменения системного свойства

- переход к управлению экономическим развитием на основе:
 - а) *долгосрочных программ*
 - б) *среднесрочных индикативных планов*
 - в) ...
- осуществление *активной промышленной политики*, реализующей:
 - а) *патернализм государства* в отношении *долгосрочных инвестиций* в НИОКР, технологий, техперевооружение производства;
 - б) *поддерживающие налогообложение и кредитование* реального сектора экономики;
 - в) ...
- обеспечение *умеренного уровня социальной дифференциации*.

на базе научного
прогнозирования;

S.D. Bodrunov

PROSPECTS OF TRANSITIONING TO A NEW MODEL FOR SOCIOECONOMIC SYSTEM ORGANIZATION (NOONOMY)¹

I. Introduction

The modern economy is very uneven in its development both in the spatial aspect and by sector and is characterized by instable dynamics with growth rates exhibiting certain fluctuations at medium-term intervals (Table 1).

	2015	2016	2017	2018e	2019f	2020f	2021f
Worldwide, incl.	2.9	2.6	3.1	3.0	2.6	2.7	2.8
developed countries	2.3	1.7	2.3	2.1	1.7	1.5	1.5
emerging markets and developing countries	3.8	4.1	4.5	4.3	4.0	4.6	4.6
incl. BRICS	4.0	4.6	5.3	5.4	5.1	5.3	5.3
China	6.9	6.7	6.8	6.6	6.2	6.1	6.0
Russian Federation	-2.5	0.3	1.6	2.3	1.2	1.8	1.8
India	8.0	8.2	7.2	7.2	7.5	7.5	7.5

Source: World Bank.

Notes: e = estimate; f = forecast

Table 1. Actual and Forecast Dynamics of Real GDP, %

On the one hand, uneven development is typical of any large system. But, on the other hand, the current stage of economic development is characterized by dramatic irregularities, which allows for the conclusion that the evolution of the economy is nearing its bifurcation point. In this context, from the perspective of scientific analysis, it is important to forecast the development dynamics of the

¹ Published in *Global Journal of Human-Social Sciences: A, Arts & Humanities*, 19/11 (2019), 1–8.

socioeconomic system in order to have the possibility to choose the path for further development rationally (which is often impossible in sizable systems comprising a large number of subjects with conflicting interests) or at least influence its trajectory.

Moreover, it is necessary to account for uncertainty embedded in the market economy and also the cyclicity of economic growth rates which, if the aforementioned bifurcation point in its systemic dynamics coincides with a recession, may result in long-term stagnation and actuate the negative scenario. An important aspect, which constitutes a fundamental characteristic of the current state of affairs, is the revolutionary change in the dominant technological mode, i.e. the change related to the dynamics of another Kondratieff wave and generally referred to as the Fourth Industrial Revolution [1].

Summing up the aforementioned ideas, we can draw the conclusion about the relevance of the search for new models of socioeconomic system development and organization. Moreover, instead of accounting for minute circumstances, prospective models should rely on long-term fundamental system dynamics. This study seeks to find such a model and provide the theoretical substantiation of its core characteristics.

II. Sources and Methods

The study relies on quantitative and qualitative data that reflect the situation in and dynamics of economic development (worldwide and for certain countries and regions). The data are drawn from official reports compiled by statistical services, analytical materials of international organizations (World Bank, World Economic Forum, International Monetary Fund, etc.) and scholarly publications, including the ones reflected in prior original research.

The author's methodology incorporates the Marxist and institutionalist approaches to economic analysis, as well as conventional universal methods (historical, retrospective, comparative, statistical, structural, etc. analysis), systems theory, scenario analysis, forecasting and modeling methods, expert approach, etc.

III. Results and Discussion

Accelerated development of science and technologies, which has currently taken the shape of the Fourth Industrial Revolution, is a core premise underpinning the future transformation of the socioeconomic system. By changing the content of core technologies and dramatically increasing operational efficiency, new technologies are ultimately altering not only the structure of the economy, but also public relations. These changes can be seen, for example, in the popular idea that robots will soon replace humans in the economy [2] causing mass unemployment and resulting in other negative social consequences.

Let us point out that in spite of its relevance (particularly for the technologically advanced countries), the issue is hardly new. For example, back in the nineteenth century Karl Marx, who in his economic and social analysis famously prioritized material production, predicted that in the future people would be supplanted from production processes, cease to be their participants and assume the role of “watchmen and regulators.” Modern robotics, the Internet of Things and other technological achievements make the future that Marx portended come true.

Under modern conditions, technological changes have become a key factor in socioeconomic transformations, and these changes themselves rely on an increase in the knowledge intensity of material production, whereas an increase in knowledge intensity leads to snowballing changes in the very system of both knowledge and technologies. Acquisition and transformation of new knowledge generates new technologies, and these technologies further serve as the source of new knowledge.

Characteristics of this process that exude a positive reverse effect include higher integration of production, science and education; focus on reindustrialization based on high technologies; reduction in the duration of an innovative cycle; and accelerated diffusion of innovations and penetration of technologies that recently seemed novel (robots, computers, the Internet, new energy sources, nanotechnologies, etc.) not only into production, but also into social processes and people’s daily routine. We are observing a shift in the structure of production factors and their significance. The essence of this shift is that knowledge, as opposed to things (physical capital), has become a critical factor in our progress.

This qualitative change in material production engenders a new quality of the economy and society and the formation of the new

industrial society of the second generation (NIS.2) [3] based on high-tech knowledge intensive production, which, in turn, harbingers further genesis of a qualitatively new model of economic activity – the noonomy – and the corresponding new social order – the noo-society (Fig. 1).

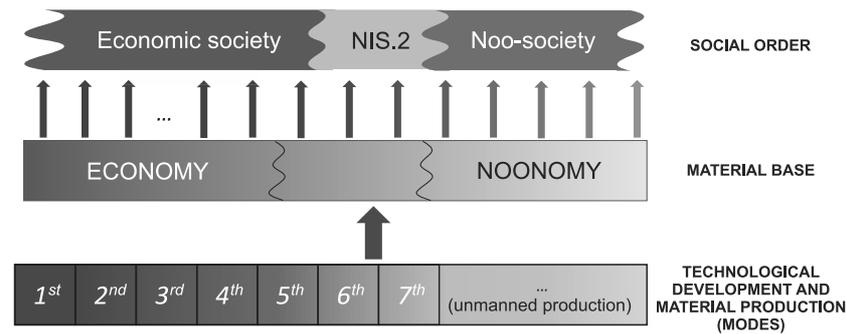

Fig. 1. Stages in the Evolution of Economic Activity Models

For a long time, theoretical perceptions of the current stage in the evolution of the socioeconomic system have been operating within the concepts of industrialism and postindustrialism [4], and only a representative of institutional economics J.K. Galbraith [5] tried to disprove this logic in his work. Galbraith introduced the concept of the New Industrial State. He believed that industrial development served as the foundation of not only economic, but also public progress. For a while, his ideas were regrettably overlooked by both theoreticians and practitioners.

Nevertheless, many countries are currently exhibiting a renewed interest in industry. Not just developing, but also developed countries are adopting national strategies and programs targeting reindustrialization (new industrialization) [6]. Naturally, that warrants a reconsideration of theoretical approaches to the socioeconomic development. In this respect, we would like to emphasize a number of key points.

First. Production that can be termed ‘industrial’ based on its core characteristics is not a thing of the past. It is the present and the future. Modern industry, however, is not the same as it used to be not only in the nineteenth, but also the twentieth centuries. The twenty first century engendered and witnessed quick progress of a new type of industry – knowledge intensive industry.

Second. Industrial production that is actively developing today is de facto material production, for knowledge facilitates progress in the

society's material life and human qualities. In their development, culture, education and science, which (through reverse influence) are becoming the critical factors in the progress of material production, should all rest on material foundation. In this instance, we observe a close correlation with Marx's views as they pertain to his perception of the social structure as an aggregate of the Base and the Superstructure [7].

Third. It is important to emphasize technological upgrades which account for a qualitatively new format of industrial material production. Production, primarily, comprises labor and the man of labor. These categories bring together economic and social studies, and in real life shape the synergy of the socioeconomic system.

The emphasis on production is important for reforming the management of the economy (applied aspect); moreover, the primacy of production should also be taken into account by economic theory, which requires the integration of new ideas developed by representatives of the neoclassical political economy, institutionalism, Neo-Marxism, world-systems theory, and some other schools of thought into the mainstream.

Figure 2 shows the main points of knowledge intensive economy and corresponding models of industrial production. Knowledge intensity allows for the transformation of the development driver, i.e. innovations (Joseph Schumpeter). The process of technological innovation is undergoing changes towards acquiring the following characteristics: (1) 'acceleration of acceleration', the second derivative of technological upgrades of sorts; and (2) continuity of the innovation process.

Essential characteristics of knowledge intensive economy:

- reversed dynamics of the role of *materials* and *knowledge* components in knowledge intensive product;
- change in the place and role of humans (human labor) in *public production*;
- change in the nature of *innovative technological activity* ('acceleration of acceleration', continuity of the innovation process, etc.)
- sharp increase in the significance, urgency and opportunity for the *integration of production, science and education*;
- emergence of premises for the formation of the *knowing man* (homo noosus);
-

Fig. 2. Essential Characteristics of Knowledge Intensive Economy

A new model of the socioeconomic system has a number of specific characteristics.

First, we assert that the postindustrial society described by Daniel Bell and his followers is merely an illusion which both conceals and reveals real issues, for qualitative changes in the economy are indeed imminent, and they are actually related to the development of new technologies. The catch, however, is that these changes should not be seen as signs of the transition to the service society; instead, they manifest qualitative shifts in the technologies of material production and industry per se. Active adoption of these technologies cannot be promoted under the postindustrialist rejection of industrial production; it should be facilitated by pursuing reindustrialization on a qualitatively new technological foundation.

Top global powers have already sprung into action, for they have perceived the need to reverse feckless deindustrialization and the relocation of production facilities to countries which are less technologically advanced. That is why the U.S. and other developed countries are promoting reshoring by reintroducing domestic manufacturing or creating local production facilities. Let us point out that one of the goals pursued by US President Donald Trump in initiating the trade war with China is to ensure the 'return' of production facilities that were moved there by American transnational corporations.

Second, we are witnessing the emergence of the new industrial society of the second generation (NIS.2), which observes the dialectical 'negation of the negation' principle (J.K. Galbraith's the new industrial state – 'postindustrialist chimeras' – NIS.2) and restores the industry's dominant position in the economy in a new capacity. In this case, the core change lies in the transition towards knowledge intensive material production, which creates a domino effect and causes changes in all areas of production and the economy, such as a sharp decline in the role of material factors in production and an increase in the role of knowledge, 'acceleration of acceleration' of innovative processes, etc.

As a result of progressing down the knowledge intensive path of development (Fig. 3), there comes a point when the knowledge component becomes much larger than the material part in the majority of goods. Our graph illustrates this point really well by showing the intersection of curves which reflect the share of material and intellectual costs in total production spending.

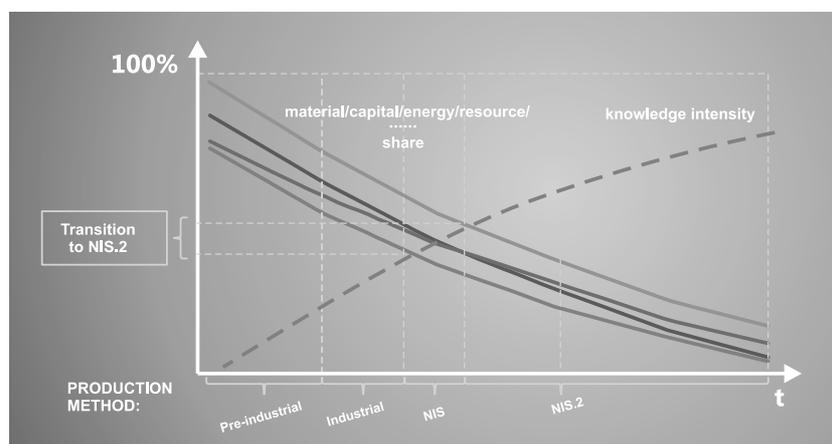

Fig. 3. Historical Change in Unit Utilization Parameters of Product Components

Third, the transition to the NIS.2 necessitates a certain reform in the system of economic relations, which, in turn, stipulates the development and implementation of an active industrial policy, strategic planning, public-private partnership, integration of production, science and education at micro- and macrolevel, etc.

The shift towards the prospective economic model which we refer to as the NIS.2 is not an abstract concept, but an actual process that is vigorously, albeit unevenly, unfolding in various locales of the global economic space. Germany, Japan, the U.S. and China are creating qualitatively different subspaces of new industrial technologies. Therefore, state economic policy should prioritize technological upgrading, acceleration of innovative development and reindustrialization reliant on modern science and cutting-edge technologies.

Not material resources, but knowledge will become the main source and pivotal factor of production development; simulative wants which are dominating the modern society will gradually lose their significance and get replaced with the desire to acquire knowledge; the system of income inequality will be superseded by the system based on unequal talents and aptitudes; and the humanity, which is becoming a powerful geobiological force (according to Vladimir Vernadsky's concept of the noosphere [8]), will have to shift away

from the consumption of natural resources to the reproduction of geobiocoenoses. And this list of upcoming changes is far from being exhaustive.

Under this future model of the socioeconomic formation, traditional economic categories and laws (value, property and money) will gradually lose their conventional meaning and might disappear entirely. Thus, all economic forms will naturally evolve into non-economic ones. The formation of production which does not involve immediate human labor and instead relies on operations performed by technetic beings will lead to the removal of interpersonal economic relations in the technological settings of automated production (Fig. 4).

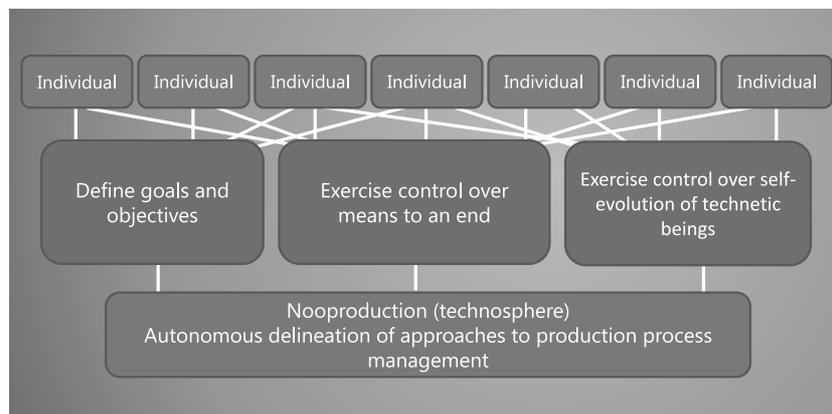

Fig. 4. Human Relations Pertaining to Noo-production Control

The aforementioned transformations will result in the emergence of a qualitatively new phenomenon – the noo-society – as a historically new model for public organization, with the noonomy serving as the material foundation of such society. *Noonomy* refers to a non-economic way of organizing production relations that ensures the satisfaction of wants and is implemented by humans removed from material production. In other words, the noonomy is a system which is evolving from the economy into a system where people are engaged in relations that shift beyond material production per se into the realm of noo-production [9] (Fig. 5). That is a key distinction between the future system of relations and the conventional economy.

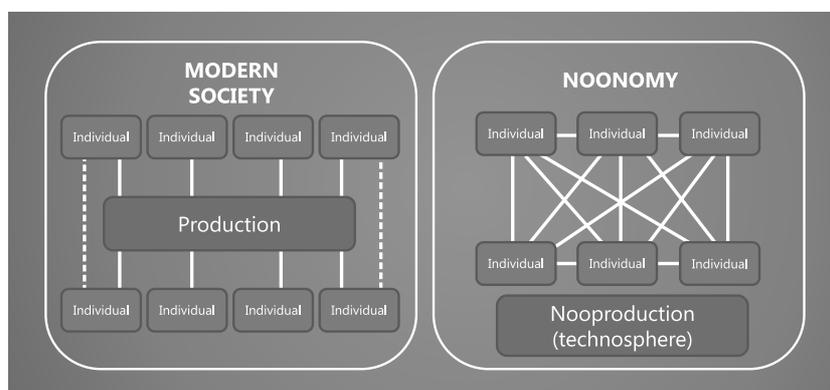

Fig. 5. Historical Change in Public Organization Models

Humans used to create their public institutions and make economic decisions based predominantly on relations associated with the production process, but this is about to change. As we gradually withdraw from immediate production, our activities will be regulated not by interpersonal liaisons between members of the workforce engaged in production, but by the relation between the society as whole and production in general, with production becoming increasingly unmanned.

At the same time, the transition of the human civilization to the noo-society through the NIS.2 is hardly automatic. Such transition does comply with the logic of progressive development, but, historically, objective premises do not necessarily have an immediate effect on the course of events. In real life, the socioeconomic development is greatly affected by momentary factors and various incidents, so the bifurcation point on the path towards the noo-society and noonomy is still ahead of us.

Human civilization is now in jeopardy because, in our pursuit of technology-driven leadership positions under the current expansionist economic development paradigm, we risk wasting the opportunity to establish a rational socioeconomic system reliant on the technological progress and may even lose our human identity. We are facing a choice: (a) move towards the rationalization of development processes, towards the noo-society and noonomy, or (b) follow an invariant of the negative scenario based on idolizing the 'pure market'

with all its inherent issues which, as our technological capabilities increase, may have fatal consequences and even lead to a global catastrophe.

We have garnered multiple negative trends in the development of the technosphere. Human habitat and the biological system have been seriously compromised, as we observe the accumulation of issues pertaining to human interaction with the technosphere and an increase in our dependency on the technical and information environment, which results in human cyborgization of sorts.

The history of civilizational development exhibits an accelerated growth of man-made technetic species (strictly in accordance with the ‘acceleration of acceleration’ of innovations principle) at the expense of quickly declining biodiversity [10]. This trend is particularly pronounced due to the pursuit of profit and fixation on bulk economic indicators which increasingly fail to reflect actual human wants. Resulting higher stress on the environment caused by an increase in simulative wants, ever-growing inefficient use of natural resources and the expansion of mining and processing areas creates a tangible opportunity for the onset of negative consequences.

The world currently finds itself on the verge of a major change in long-term development trends. The situation in the beginning of the twenty first century resembles the early eighteenth century, when world leaders distinguished themselves by daring to abandon the traditional ways (executing a qualitative breakthrough by adopting steam, a novel technology at the time, and prioritizing capital and personal freedom); the leaders of our time will be made of those who move beyond the achievement of fetishized economic growth and perform the leap towards knowledge-based production, development of human capital and the pursuit of noo-development.

Instead of focusing on GDP growth, which merely reflects an increase in the amount of manufactured products and services, including simulative goods [11], a new model of socioeconomic development should adopt a set of criteria that will adequately evaluate the satisfaction of specific, rational and reasonable human wants that are critical for further human development.

In order to ensure our progress along the trajectory comprising (a) modern society based on the traditional economy, (b) new

industrial society of the second generation (NIS.2) based on knowledge capacity and knowledge intensity of production, and (c) noo-society based on the noonomy (which from the perspective of the socioeconomic and humanitarian progress has no viable alternative), it is necessary to not only engage in active development of technologies and their implementation in industrial (material) production, but also achieve general consensus on the explored agenda through ensuring its exposure and engaging in a wide scholarly and public (civil) discussion.

IV. Conclusion

The modern world is at a civilizational crossroads. Issues accumulated in the process of socioeconomic development cannot find a satisfactory resolution under the current economic and social theoretical concepts. The study models the main characteristics of the promising trajectory for further historical evolution which comprises the modern society based on the traditional economy, the new industrial society of the second generation (NIS.2) based on knowledge capacity and knowledge intensity of production, and the noo-society based on the noonomy. The author explores the main features of promising models for socioeconomic system organization, conditions required for transitioning to such models and issues which need to be resolved to ensure a successful transition. The relevance of the agenda raised in the paper warrants further research of proposed theoretical constructs, including their closer correlation and integration with existing economic, social and humanitarian theories.

References

- [1] Schwab, K. (2016). *The Fourth Industrial Revolution*. New York: Crown Publishing Group.
- [2] Carson, E. (2019). Robots could replace humans in a quarter of US jobs by 2030. URL: <https://www.cnet.com/news/robots-could-replace-humans-in-a-quarter-of-us-jobs-by-2030>.
- [3] Bodrunov, S.D. (2018). From ZOO to NOO: Man, society and production in the conditions of a new technological revolution. *Voprosy filosofii*, 7, 109-118.

- [4] Bell, D. (1974). *The Coming of Post-Industrial Society*. New York: Harper Colophon Books.
- [5] Galbraith, J.K. (2010). *The Affluent Society & Other Writings, 1952–1967*. New York: Library of America.
- [6] Bodrunov, S. and V. Plotnikov. (2017). Institutional structures' influence on the technological development of the economic system. *Proceedings of the 30th International Business Information Management Association Conference, IBIMA 2017 – Vision 2020: Sustainable Economic Development, Innovation Management, and Global Growth*, 2658-2665.
- [7] Marx, K. (1859). *A Contribution to the Critique of Political Economy*. URL: <https://www.marxists.org/archive/marx/works/1859/critique-pol-economy/index.htm>.
- [8] Vernadsky, V.I. (1988). *Filosofskie mysli naturalista*. Moscow: Nauka.
- [9] Bodrunov, S. (2018). *Noonomy*. Translation of the Russian text prepared for the research seminar “Marx in a high technology era: globalisation, capital and class” (October 26–27, 2018, Cambridge). Moscow–St. Petersburg–London.
- [10] FAO. (2019). *The State of the World's Biodiversity for Food and Agriculture*. Ed. by J. Bélanger and D. Pilling. Rome: FAO Commission on Genetic Resources for Food and Agriculture Assessments.
- [11] OECD. (2005). Is GDP a satisfactory measure of growth? *OECD Observer*. 246/247, December 2004 – January 2005. URL: http://oecdobserver.org/news/archivestory.php/aid/1518/Is_GDP_a_satisfactory_measure_of_growth_.html#targetText=If%20ever%20there%20was%20a,most%20people%20swear%20by%20it.

С.Д. Бодрунов

**Перспективы перехода к новой модели организации
социально-экономической системы (ноономика)**

Аннотация. Современная модель социально-экономической системы обладает рядом несовершенств, которые с течением времени лишь обостряются. Попытки разрешить присущие ей проблемы и противоречия в рамках существующих научных парадигм оказываются нерезультативными. Не будет преувеличением сказать, что современная научная мысль зашла в своеобразный «тупик», пытаясь объяснить некоторые нарождающиеся трансформации с позиций господствующих теоретических взглядов. В этой ситуации объективно возникает необходимость разработки новой, перспективной модели организации социально-экономической системы. Эта модель должна не столько учитывать текущие конъюнктурные обстоятельства, сколько базироваться на учете факторов долгосрочной, фундаментальной системной динамики. Целью исследования является поиск такого рода модели и теоретическое обоснование ее основных свойств. В качестве основы методологии исследования использованы методы экономического анализа, присущие теоретическим школам марксизма и институционализма, также использовались традиционные универсальные исследовательские методы социальных, экономических и гуманитарных наук. В результате исследования смоделированы основные черты перспективной траектории дальнейшей исторической эволюции социально-экономической системы по направлению: современное общество, базирующееся на традиционной экономике – новое индустриальное общество второго поколения (НИО.2), базирующееся на знаниеёмком и знаниеинтенсивном производстве – ноообщество, базирующееся на ноономике. Также раскрыты основные признаки перспективных моделей организации социально-экономической системы, условия перехода к ним, проблемы, которые требуют решения для того, чтобы этот переход был успешным. Показано, что ключевым

фактором трансформации является ускорение инновационного и технологического развития, что требует усиления внимания к индустриальному (материальному) производству. На основе эмпирических данных и теоретического анализа доказана несостоятельность концепции постиндустриального общества и обоснован вывод о приоритетном характере реиндустриализации на новой качественной основе, базирующейся на использовании знаниеемких технологий. Результаты исследования могут быть использованы при обосновании мер долгосрочной государственной социально-экономической политики.

Часть 6.

**Альманах рецензий
на издания ИНИР им. С.Ю. Витте
по концепции ноономики**

С. Ю. Глазьев¹

**Отзыв
на рукопись Бодрунова С.Д.
«Общая теория ноономики. Учебник»**

Прежде всего хотелось бы отметить несомненную актуальность появления такого рода учебника. Стратегия социально-экономического развития нашей страны не может быть успешной без ясного, научно обоснованного понимания долгосрочных тенденций эволюции материальных основ жизни общества. Между тем «мейнстрим» экономической мысли и популярные учебные курсы в области экономической теории и других общественных дисциплин крайне мало внимания уделяют изучению закономерностей развития производительных сил общества. Этот пробел во многом восполняет учебник С.Д. Бодрунова.

Особенно ценным для учащихся свойством этого учебника является сочетание изложения теории развития хозяйственного строя общества с ее фактографическим обоснованием. С.Д. Бодрунов хорошо известен в научном сообществе своими исследованиями проблематики реиндустриализации России. Выдвинутая им гипотеза о предстоящем переходе к индустриальному обществу нового поколения получила заслуженное признание среди специалистов в области научно-технического прогресса и долгосрочного развития экономики. Эти исследования автор строит на основе изучения закономерностей развития и смены технологических укладов, детальным образом изучая факты, характеризующие современные тенденции в развитии технологий. На этой основе им прогнозируются предстоящие изменения в технологической структуре и социально-экономическом устройстве общества.

¹ *Глазьев Сергей Юрьевич*, заведующий кафедрой теории и методологии государственного и муниципального управления Факультета государственного управления МГУ им. Ломоносова, д.э.н., профессор, академик РАН

Обобщая значительный массив эмпирических и статистических данных, С.Д. Бодрунов рисует впечатляющую картину как возможностей, открываемых новыми технологиями, так и рисков, связанных с их безответственным и бесконтрольным использованием. Зачастую эти новые возможности используются не для улучшения жизни общества, а для обогащения незначительного меньшинства, не останавливающегося ни перед угрозами нарушения глобального экологического равновесия, ни перед навязыванием населению избыточных потребностей, ни перед необратимыми социальными последствиями. Выход из нарастающих противоречий социально-экономического развития автор учебника видит в переходе к новой стадии общественного устройства, отвергающей подчинение управления хозяйственной деятельностью исключительно критериям прибыли или узко понимаемой экономической рациональности, и обеспечивающей ее разумное регулирование с учетом социокультурных критериев, определяемых нравственным развитием человека. Эту новую стадию общественного устройства С.Д. Бодрунов обозначил термином «ноономика».

Полагаю, что изложенный в данной рукописи учебный курс «Общая теория ноономики» будет весьма полезным для преподавания студентам, изучающим дисциплины социально-экономической направленности. Рукопись вполне заслуживает публикации в качестве учебника для системы высшего образования.

А.А. Пороховский¹

**Отзыв
на рукопись Бодрунова С.Д.
«Общая теория ноономики. Учебник»**

Подготовленная профессором С.Д. Бодруновым рукопись учебника выделяется среди стандартных учебных курсов своим инновационным характером. Обычно учебники фиксируют и транслируют обучающимся устоявшиеся и общепринятые в науке положения и выводы. При этом в таких учебниках отражается определенное отставание от новых направлений научных исследований самых современных явлений. «Общая теория ноономики» в этом отношении ориентирована как раз на самый передний край общественной науки. Данный учебник нацелен именно на то, чтобы ознакомить студентов и всех интересующихся проблемами и перспективами общественного развития с наиболее современными, порой дискуссионными представлениями и их аргументацией.

Еще важной особенностью учебника, отличающей его от большинства учебных материалов в области гуманитарных и общественных наук, является его нацеленность не на современное состояние и не на прошедшие стадии развития общественных отношений – весь материал этого учебника устремлен в будущее. Но это не футурология – учебник в своей основе опирается на классическую политико-экономическую методологию (наряду с другими подходами) и именно на ее базе научно выявляет и строит конструкцию объективных тенденций социально-экономического развития.

Такой подход сегодня является остро необходимым и востребованным. Без обоснованной научной опоры, позволяющей определять перспективы развития общественного устройства, невозможно надежно строить стратегию социального

¹ *Пороховский Анатолий Александрович*, заведующий кафедрой политической экономики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, д.э.н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ

и экономического развития. Даже если мы понимаем, как устроена и функционирует экономика сегодня, это не гарантирует нас от любых неожиданностей, в том числе и в самое ближайшее время, если мы не попытаемся заглянуть в будущее. Предмет учебника «Общая теория экономики» predetermined также междисциплинарный подход к исследованию и изучению предложенных вопросов. С.Д. Бодрунов сумел творчески опираться не только на политическую экономию, но и на философско-методологические аспекты проблемы, на анализ социальных и социально-политических процессов, на изучение встающих в обществе управленческих задач.

Учебник особенно полезен для интересующихся политической экономией тем, что в нем существенное внимание уделяется исследованию объективной основы изменения социально-экономических отношений – развитию производительных сил. Хотя поднятая в учебнике проблематика находится за пределами предмета политической экономии, однако без исследования связи социально-экономического устройства общества с изменениями в производительных силах невозможно раскрыть и собственно экономические процессы. В учебнике «Общая теория экономики» немало внимания уделено современным тенденциям развития научного знания, эволюции его места в производственных процессах, закономерностям перехода от одного технологического уклада к другому, изменениям в содержании труда и формах организации производства.

Такой детальный анализ делает выводы, содержащиеся в книге, не просто гаданием о будущем, отталкивающимся от того или иного набора случайных фактов, как это нередко бывает. Здесь же мы имеем комплекс взаимосвязанных полноценных научных гипотез, предлагающих и обосновывающих переход общества на новую ступень развития. Эти выводы имеют ряд практических следствий. И здесь автор берет на себя ответственность и смелость предложить конкретные рекомендации, обращенные в том числе и к современному состоянию экономики и общества. Как известно, у автора солидный собственный практический опыт в качестве управленца и предпринимателя, а также длительная вовлеченность в разработку проблем реиндустриализации России, которая

проводится в возглавляемом им Институте нового индустриального развития имени С.Ю. Витте.

Учебник хорошо проработан методически, имеет понятную логику изложения, снабжен необходимым научно-справочным аппаратом (описаны основные компетенции, которыми должны овладеть обучающиеся, выделены определения основных понятий, даны контрольные вопросы, к каждой главе имеется обязательная и дополнительная литература).

Сам характер материала учебника, содержащего проблемные и дискуссионные вопросы и научные гипотезы, вовлекает всех изучающих и интересующихся в обсуждение предложенных выводов и положений на учебных занятиях и научных семинарах. Это вполне можно отнести как раз к достоинствам учебника, зовущего каждого к поиску собственных аргументов в оценке современности и прогнозировании будущего. Хотелось бы порекомендовать автору методически приблизить стиль изложения к учебной литературе, сделать более дробной разбивку на параграфы внутри глав, исключить повторы в названиях частей и глав, обстоятельнее раскрывать вводимые новые термины, чтобы облегчить восприятие материала.

С учетом всего изложенного, полагаю, что изучение представленного в рукописи «Общая теория ноономики» учебного курса будет весьма полезно для студентов, изучающих экономические науки и другие общественные дисциплины. Рукопись «Общая теория ноономики» вполне может быть рекомендована к публикации в качестве учебника.

А.В. Бузгалин¹

**Технологическая революция: необходимость и возможность
качественных изменений в социально-экономическом развитии
(дискуссии по книге С.Д. Бодрунова «Ноономика»)²**

Работы ученых России редко вызывают широкий резонанс в международной среде. Тем более это касается книг, опубликованных на русском языке и представленных англоязычному читателю пока только в виде переведенный на английский язык рукописи. Тем значимее такое исключение как книга Сергея Бодрунова «Ноономика». Эта книга и подготовленная на ее базе серия статей в ведущих академических журналах не только получила широкое признание в России, но и стала предметом обсуждения на международных семинарах в Кембридже, Санкт-Петербурге, Нью-Йорке, Пекине, Москве. В 2018 году в Берлине книга получила награду «За выдающийся вклад в политэкономия XXI века» Всемирной политэкономической ассоциации.

В чем причина? Да, ее автор – известный ученый и общественный деятель, президент Вольного экономического общества России – крупнейшей (более 300 тысяч членов) и старейшей (основана в 18 веке!) общественной организации страны, профессор. Но дело не только и не столько в известности автора, сколько в содержании концепции, предлагаемой этим ученым – концепции масштабной, пионерной, устремленной в будущее и одновременно основанной на обобщении широкого объема эмпирического материала, хорошо известного автору, являющемуся не только академическим ученым, но и руководителем одного из немногих крупных высокотехнологических комплексов в России.

¹ *Бузгалин Александр Владимирович*, профессор кафедры политической экономики, руководитель Центра современных марксистских исследований МГУ им. М.В. Ломоносова, д.э.н.

² Англоязычный вариант данной статьи принят к публикации в журнале *Science & Society* (США) и планируется к выходу в 2020 г.

Как таковая книга не могла не вызвать не только заинтересованности, но и активной полемики.

Главная мысль работы – формирование на базе 4-й технологической революции и все более активного роста знаниеемкого производства качественно новой общественной системы, базирующейся на неэкономическом способе удовлетворения разумных потребностей людей – ноономике. Существенным отличием книги Бодрунова от работ теоретиков постиндустриального общества является то, что автор «Ноономики» видит основание будущего не в отрицании ведущей роли материального производства, а в формировании его нового качества – индустриального производства, в котором главным источником развития становится знание, наука превращается в непосредственную производительную силу, а культура, формирующая человека, и образование «через всю жизнь» становятся неперенными условиями эффективной производственной деятельности.

Наша цивилизация стоит на пороге качественного скачка: человек постепенно выйдет «за пределы материального производства», станет его «контроллером и регулировщиком», как предрекал Карл Маркс. Главным источником развития производства будет знание, а не материальные ресурсы. Симулятивные потребности постепенно отойдут на второй план, вытесняемые потребностью в знании; система имущественного неравенства снимется системой неравенства способностей и талантов; человечество. А традиционные категории и законы экономики (стоимость, собственность, деньги и т.д.) в надвигающемся будущем постепенно потеряют свой привычный смысл, если не исчезнут вообще. Проблемы экономии времени, эффективности применения ресурсов станут техническими, а не социальными. Они будут решаться во все возрастающей степени не людьми непосредственно, а внешней (по отношению к человеческому обществу) конструкцией – «безлюдной», автономной, саморегулируемой техносферой.

И это – не прогноз весьма отдаленного будущего. Это – констатация пока еще малозаметных, но уже начавшихся изменений: рождения не просто экономики, а качественно иного, нового феномена – *ноономики*.

Как же отреагировало научное сообщество на данную концепцию?

Ниже нам хотелось бы обобщить высказывания ряда ведущих ученых разных стран мира, прозвучавшие во время обсуждений книги на международных форумах, конференциях и семинарах в Москве, Санкт-Петербурге, Пекине, Кембридже, Нью-Йорке, Берлине.

В России тезисы автора, многократно выступавшего с критикой «рыночного фундаментализма», вызвала, естественно неоднозначную реакцию. Сторонники монетаристской линии не поддержали идей автора. Но их оппоненты, в частности, академик РАН советник Президента РФ **Сергей Глазьев** публично выступил с позитивной оценкой разработок Бодрунова: «Теория Ноономики излагает наш путь в будущее, лишенный принудительного труда, нищеты и вражды за ограниченные ресурсы. Многие мыслители мечтали о таком обществе, но попытки построить его не могли увенчаться успехом без создания соответствующего технологического базиса. Сергей Бодрунов показывает, как сочетание быстро увеличивающихся технологических возможностей со зрелой духовной культурой может вывести человечество из царства необходимости в царство свободы при условии, что человек станет действительно разумным».

Стала работа и предметом полемики с учеными, занимающими однозначно марксистские позиции и считающими, в отличие от Сергея Бодрунова, что путь в будущее – это не эволюционный процесс, обусловленный технологическим прогрессом, а пространство не только социально-экономической, но и политической борьбы, которая ведет к социальной революции и формированию качественно новой – коммунистической – общественной системы. Poleмика по этому вопросу между автором «Ноономики» и профессором МГУ **Александром Бузгалиным** и его сторонниками не раз проходила на форумах в Москве и Санкт-Петербурге.

Совсем иначе оценил работу другой участник дискуссий в Москве и Санкт-Петербурге, профессор Техасского университета в Остине и сын знаменитого автора «Нового индустриального

общества» **Джеймс Кеннет Гэлбрейт**. По его мнению, «монография Сергея Бодрунова представляет собой фундаментальное исследование источников благосостояния и необходимости интеграции технологии и культуры при создании экономики знаний в условиях экологических вызовов и ограниченных ресурсов. Западнему читателю будет особенно интересно то, как Сергей Бодрунов в рамках развития своей теории синтезирует российские и западные экономические концепции, в том числе идеи, представленные в работах моего отца Джона К. Гэлбрейта. «Ноономика» является эталоном транснационального и межкультурного научного анализа».

В Китае работа также получила высокую позитивную оценку. Так, академик Академии общественных наук КНР, президент Всемирной политэкономической ассоциации **Чэн Энфу** подчеркнул, что профессор Бодрунов – ведущий в России и в мире представитель идей продвижения от новой индустриальной экономики к новому качеству общественной жизни, называемому им – «ноономика». Академик особо акцентировал практический вывод профессора Бодрунова: России нужен социально-экономический курс на опережение, критически использующий опыт Китая и стран Северной Европы – внедрение эффективной системы планирования в сочетании с рынком. Китай и Россия должны устранить влияние неолиберальной экономики, укрепить всестороннее стратегическое сотрудничество в ходе развития индустриализации нового поколения и ноономики, совместно противостоять экономическому гегемонизму и принести пользу народам своих стран и всего мира.

Может показаться парадоксом, но участвовавший в обсуждении работ Бодрунова один из наиболее известных в мире теоретиков левого спектра, директор Форума Третьего мира **Самир Амин** поддержал скорее вывод китайских коллег, нежели радикальный взгляд Бузгалина и высказался по поводу книги Бодрунова в весьма позитивном ключе: «эта книга весьма информативна. Автора отличает тонкое и крайне полезное ощущение исторических изменений и трендов, которые обуславливают эволюцию общества. Предлагаемая концепция наглядно иллюстрирует идею Маркса о грядущем переходе к коммунизму как более высокой степени развития социума».

При всей полемичности книги ряд ее положений мало у кого вызвал сомнения. К числу таких пунктов относится и критика постиндустриальных концепций. Этот момент подчеркнула в своем выступлении на семинаре в Кембридже профессор **Радика Дессаи** (Канада). Она выразила согласие с профессором Бодруновым в том, что нужно отвергнуть некоторые принятые оценки постиндустриальной экономики. Поддержала профессор Дессаи и тезис Бодрунова о центральной роли производства.

«Подход, представленный в «Ноономике», – продолжила она, – отражает более глубокое понимание вопроса, чем переход от одной формы капитализма к другой форме капитализма. По мнению Бодрунова, то, что происходит сейчас, требует перехода к совершенно другой форме общества. Другими словами, технологические изменения на данный момент находятся в критическом состоянии. Старая парадигма отмирает, и новые пока что не рождаются. И причина, по которой новые парадигмы не рождаются, заключается в том, что в нашем обществе все еще доминируют структуры капиталистического производства, которое я предлагаю понимать не просто как производство с целью извлечения прибыли, каковым оно является, но также в более расширенном понимании, как производство стоимости. Более того, относительно конкретного содержания этого перехода необходимо подчеркнуть, что увеличивается производство креативных услуг, то есть наблюдается прогресс творческого контента производства.

Что же касается производства знаний, то, по-моему, не существует «экономики незнания», мы всегда существовали в экономике знания. С того самого момента, когда первый человек бросил первый камень в первое животное, он уже использовал знание или какую-то технологию и знания. Вопрос не в том, что знания есть. Нам надо двинуться дальше, и необходимый переход, о котором говорит профессор Бодрунов, требует серьезного отношения к производству большего знания, большего творческого подхода. Этот переход заблокирован капитализмом».

Заключая, Радика Дессаи подчеркнула, что профессор Бодрунов обоснованно указал на трудности в использовании ВВП

для оценки состояния мировой экономики. «Оценивая нономику как современную форму марксистской экономики, мы должны оценивать экономический рост на основании показателей качества жизни индивидуумов: их уровня образования, продолжительности обучения, состояния здоровья, доступа к культурным ценностям, вот что должно быть мерилom экономического роста».

Участовавший в этой же дискуссии почетный профессор факультета экономики Массачусетского университета в Амхерсте (США) **Дэвид Котц**, анализируя «Нономику» Сергея Бодрuнова, отметил, что «в данной интересной книге рассматриваются последствия текущих тенденций технологического развития экономики и общества. Автор отвергает расхожее мнение о том, что повышение роли информационной компоненты привело к вытеснению материального производства; он считает, что прогресс в обработке информации привел к трансформации материального производства. В этой дающей богатую пищу для размышлений и дискуссий работе автор отдает должное идеям Джона Кеннета Гэлбрейта о приоритетности технологий и специальных знаний в современной экономике. Критика Бодрuнова в адрес современного глобального капитализма абсолютно обоснована, а его предложения по развитию России актуальны как никогда», – делает итоговый вывод профессор Котц.

Почетный профессор социологии Эммануэль-колледжа университета Кембриджа **Дэвид Лейн** (Великобритания) подошел к анализу книги Бодрuнова с точки зрения социальных проблем развития. Он подчеркнул, что «в «Нономике» критически развиваются теории Дж. К. Гэлбрейта и М. Кастельса о переходе капиталистического общества к новому социальному устройству. Но новаторство подхода С.Д. Бодрuнова заключается в рассмотрении данного перехода с позиций ноопроизводства и нономики. В результате привлечения большого количества справочных материалов книга содержит массу полезной и интересной информации. На основании анализа многочисленных источников автором дается критическая оценка неолиберального экономического фундаментализма. По мнению С.Д. Бодрuнова, развитие экономики знаний, цифровых и когнитивных технологий, тесно связано с возникновением нового типа цивилизации. Книга

подчеркивает важность понимания роли технологий будущего и открываемых ими возможностей для дальнейшего развития общества. Автор затрагивает фундаментальные проблемы не только в области экономики, но и в сфере государственной политики, особенно в отношении охраны окружающей среды. Особо важно подчеркнуть, что Сергей Бодрунов обосновывает необходимость реиндустриализации России и подчеркивает, что движение в этом направлении должно осуществляться с учетом современных тенденций и основываться на развитии новых технологий».

На семинаре, посвященном презентации книги и организованном журналом «Наука и общество» в Нью-Йорке, были затронуты иные аспекты книги С.Д. Бодрунова. Главным стал вопрос о технологическом детерминизме. Подчеркнем, что эта же тема была одной из ключевых и во время дискуссии на семинаре в Кембридже, ряд выступлений на котором мы отразили выше.

Этот вопрос был поднят, в частности, главным редактором журнала «Наука и общество» профессором **Дэвидом Лайбманом**. В своем выступлении он подчеркнул, что «отличительное качество профессора Бодрунова заключается в том, что он всегда мыслит глобально. Но при этом из работ профессора Бодрунова у меня создалось впечатление, что переход, о котором он говорит, основан на технологиях, и нам необходимо идти в ногу со всеми технологическими изменениями, и т. д. Технологический прогресс принимает большое количество форм и форматов, но в «Ноономике» речь идет об опережающем развитии, о том, что наблюдается ускорение. Как мне кажется, такой подход до некоторой степени вырван из контекста, потому что нужно обязательно рассматривать социальную систему в целом. Нужно ли нам ускорять изменения? Что из себя представляет адекватная скорость внедрения инноваций, изменений? Ускорение можно рассматривать как синоним пролетаризации, потому что сегодня рабочий класс работает в сфере информационных технологий. Но достаточно ли технологических изменений, чтобы изменились и социальные отношения?

Второе, что я хотел отметить по поводу книги, – продолжил профессор Лайбман, – это ее акцент на усиление роли знаний и уменьшение роли материалов в процессе производства.

В этой связи у меня возникает вопрос: как измеряется удельный вес знаний? Являются ли знания непосредственной частью материального производства? В чем можно измерить их долю? Можно, например, сравнивать нынешнюю ситуацию, сопряженную с развитием современных информационных технологий, с индустриальным производством прошлого века. Можно попробовать поставить вопрос о том, в чем заключается баланс между знанием и материалами. Современное материальное производство стало менее материальным? Оно меньше зависит от материалов? Или мы уже перешли в некую нематериальную сферу?»

Поставил Дэвид Лайбман и вопрос, касающийся России: «почему эта страна не может реализовать свой потенциал? Почему экономика продолжает использовать сырьевую модель? У профессора Бодрунова есть ответ на эти вопросы. В России сложилась следующая ситуация: олигархическая элита боится неоиндустриализации, о которой говорит профессор Бодрунов. Они ее боятся, и боятся по причине того, что новая технология обязательно потребует пересмотра навыков, умений, системы образования и т.д. Необходимо будет стимулировать развитие гражданского общества.

Еще один вопрос: представляет ли ноономика собой некое скрытое, неявное проявление того, что Маркс назвал бы более высокой ступенью – коммунизмом?»

Эти критические вопросы американского коллеги вызвали немалую полемику, и автор пообещал в последующих публикациях дать развернутый ответ на них.

Этот ответ, мы надеемся, будет представлен в подготавливаемой в настоящее время для одного из центральных англоязычных издательств новой книге профессора Бодрунова, которая интегрирует ряд положений рассмотренной в настоящем обзоре книги «Ноономика», книг, ставших основанием для этой работы, а также новых текстов автора, в которых он, в частности, отвечает своим оппонентам на наиболее острые из поставленных ими вопросов.

А.И. Колганов¹

ЖДЕТ ЛИ НАС НЕЭКОНОМИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ?²

Обзор отзывов на монографию С.Д. Бодрунова «Ноономика»

Сергей Дмитриевич Бодрунов³ хорошо известен как автор множества публикаций по проблемам экономического развития. В своих статьях и книгах он неизменно обращался к самым актуальным проблемам отечественной и мировой экономики.

Внимательный читатель может проследить эволюцию этих публикаций от разработок, привязанных к сфере управленческой деятельности автора, математического моделирования экономических и информационных процессов, исследования роли знаний в экономическом развитии, к более общим проблемам, затрагивающим как российскую экономику – к узловым вопросам ее модернизации, реиндустриализации и т.д., так и мировую, в особенности в сфере исследования тенденций развития мировой индустрии. Следующий шаг в его работах был связан с активизацией исследования проблем социально-экономической эволюции общества, определяемой переходом к новой ступени технологического развития. Эти исследования получили в 2016 году отражение в книге «Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка»⁴, вышедшей уже двумя

¹ Колганов Андрей Иванович, заведующий лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, д-р экон. наук, профессор.

² Опубликовано в журнале «Мир перемен». – 2019. – № 1. – С. 174-183.

³ Сергей Дмитриевич Бодрунов, президент Вольного экономического общества России, президент Международного Союза экономистов, директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, д-р экон. наук, профессор.

⁴ Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / С.Д. Бодрунов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2016. – 328 с.

изданиями, где автором был описан и детально исследован грядущий этап цивилизационного развития – новое индустриальное общество второго поколения (авторское название), а также в написанной им совместно с Джеймсом К.Гэлбрейтом книге «New Industrial Revolution and Inequality Issues»⁵, изданной в 2017 году).

В прошлом году увидела свет еще одна монография Сергея Дмитриевича под названием «Ноономика». В ней ученый поднимается на новую ступень в стремлении проникнуть в будущее, разглядев в настоящем те тенденции, которые ведут к глубоким переменам не только экономического, но и всего общественного устройства. Речь идет – ни много ни мало – об освобождении человека от гнета экономической необходимости, и о тех глубоких противоречиях, с которыми связано это освобождение.

Разумеется, столь смелая заявка на масштабный и глубокий социально-экономический прогноз не могла пройти мимо внимания научной общественности. В марте 2018 года книга была впервые представлена на Санкт-Петербургском экономическом Конгрессе, в мае 2018-го – на Международном политэкономическом форуме в Пекине, а затем – в виде авторских докладов на ряде международных конференций. Осенью, после выхода англоязычной расширенной версии, состоялось два больших обсуждения книги «Ноономика» – 27 октября это обсуждение прошло в Кембриджском университете, а 30 ноября – в Москве, на книжной ярмарке Non Fiction⁶. Но и за рамками этих обсуждений ряд авторитетных ученых счел

⁵ Bodrunov S, Galbraith J. New Industrial Revolution and Inequality Issues: Study guide. Ed. by S.D. Bodrunov. Moscow: Plekhanov Russian University of Economics, 2017. – 122 p.

⁶ Новое индустриальное общество: истоки, реальность, грядущее. Ноономика. III том. (Избранные материалы семинаров, публикаций и мероприятий Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю.Витте по тематике концепции нового индустриального общества второго поколения и нооиндустриального развития общества) / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. Сб. науч. трудов. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2019.

необходимым поделиться своими впечатлениями от этой книги. Со всеми этими суждениями я и хочу познакомить наших читателей.

Прежде всего, было отмечено, что книга вызывает неподдельный интерес. Так, член-корр. РАН Р.С.Гринберг⁷ заметил: «Сергей Бодрунов написал книгу очень любопытную. Она исключительно противоречива, на мой взгляд. И тем самым очень интересна. Я далеко не во всём согласен с тезисами автора, но она написана настолько интересно, настолько страстно! Причём в ней, в этой книге, вы в каждой строчке заметите черты писателя. Писателя, индустриального менеджера, в последнее время – теоретика...».

Этот интерес, как можно судить, по многим высказываниям, подогревается в первую очередь тем, что в книге «Ноономика» присутствует весьма точное чутье назревающих перемен. Известный в мире экономист и политолог, профессор Самир Амин⁸ отметил следующее: «Профессора С.Бодрунова отличает тонкое и крайне полезное ощущение исторических изменений и трендов, которые обуславливают эволюцию общества».

Других привлекает в книге масштабность задач, которые стремится решить С.Д.Бодрунов. Так, д.э.н. Ю. В. Якутин⁹ пишет в своей статье: «Автор поставил задачу дать научное осмысление новых проблем XXI века, требующих кардинальных перемен в обществе, производстве, жизни и делах человека»¹⁰. Подобным же образом оценивает книгу «Ноономика» и профессор

⁷ Руслан Семенович Гринберг, член-корр. РАН, научный руководитель Института экономики РАН.

⁸ Профессор Самир Амин (Samir Amin, 3.09.1931 – 12.08.2018), один из основоположников концепции мир-системного анализа, директор Форума Третьего мира.

⁹ Юрий Васильевич Якутин, научный руководитель Издательского дома «Экономическая газета», доктор экономических наук, заслуженный деятель науки РФ.

¹⁰ Экономика и жизнь, 24.08.2018.

С.Н.Бобылев¹¹, упирая на глобальный характер поднимаемых в книге проблем: «...в ней содержится ряд принципиальных вещей, которые тоже находятся в центре внимания не только нашего российского сообщества, но и мирового сообщества, и на которые нет ответа.».

Однако в вопросе о том, к чему приведут перемены в нашем будущем, ученые не вполне сходятся. Многие из них вспоминают об идеях Карла Маркса, сравнивая его прогноз с прогнозом С.Д.Бодрунова, но итог этих сравнений разноречив. Если Самир Амин полагает, что «предлагаемая им концепция наглядно иллюстрирует идею Маркса о грядущем переходе к коммунизму как более высокой ступени развития социума», то академик С.Ю.Глазьев¹², напротив, утверждает: «В отличие от «Коммунистического манифеста» или заявлений МВФ, С.Бодрунов не витает в заоблачном мире утопий и не блуждает среди абстрактных догм, а, как инженер и управленец, проектирует будущее, в котором каждому разумному человеку захочет жить. А значит, и приложить усилия к строительству этого будущего по проекту Бодрунова». Но, думается, в этой разноречивости сказываются скорее идеологические пристрастия, нежели содержательные разногласия. Полагаю, Самир Амин вполне мог бы подписаться под тезисом академика С.Ю.Глазьева: «Эта книга осветила нам дорогу в будущее человечества, освобожденного от принудительного труда, нищеты и вражды за ограниченные ресурсы. О таком обществе мечтали многие мыслители, но попытки построить его не могли увенчаться успехом без создания соответствующего технологического базиса».

Разумеется, для специалистов важен был тот факт, что прогноз С.Д.Бодрунова – это не некая догадка, а результат

¹¹ Сергей Николаевич Бобылев, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономики природопользования, заслуженный деятель науки РФ, руководитель Центра биоэкономики и эко-инноваций экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

¹² Сергей Юрьевич Глазьев, академик РАН, советник Президента Российской Федерации,

исследования реальных тенденций технологического прогресса человечества. «По мнению С.Д.Бодрунова, развитие экономики знаний, то есть систем экономического управления, цифровых и когнитивных технологий, тесно связано с возникновением нового типа постиндустриальной цивилизации. Книга подчеркивает важность понимания роли технологий будущего и открываемых ими возможностей для дальнейшего развития общества», – отмечает профессор Дэвид Лейн¹³. Ему вторит профессор Дэвид Котц¹⁴, делая упор на том факте, что прогресс знаний и технологий не обесценивает сферу материального производства, а дает ей новый импульс развития: «“Ноономика” – очень интересная книга, которая рассматривает существующие тренды в технологической эволюции, в экономике и обществе. Бодрунов отрекается от расхожего представления о том, что технология закончилась, завершилась и подведена черта под сферой материального производства. Напротив, по мнению Бодрунова, информационные процессы преобразовали сферу материального производства и стали его основным элементом».

В чем еще дружно сходятся подавляющее большинство исследователей, ознакомившихся с книгой «Ноономика», так это в том, что С.Д.Бодрунову удалось доказательно определить те пределы, на которые неизбежно натывается в будущем неолиберальная экономическая модель, и показать возможность выхода за эти пределы. «На основании анализа многочисленных источников автором дается критическая оценка неолиберального экономического фундаментализма», – отмечает профессор Дэвид Лейн. С ним вполне согласен академик С.Ю.Глазьев: «В книге

¹³ Дэвид Лейн, почетный профессор социологии Эммануэль-колледжа Кембриджского университета (Великобритания) (David S. Lane, Emeritus Reader in sociology, Emeritus Fellow of Emmanuel college, Cambridge University, UK).

¹⁴ Дэвид Котц, почетный профессор факультета экономики Массачусетского университета в Амхерсте (США) (David Kotz, Professor Emeritus, Department of Economics, University of Massachusetts, Amherst, USA).

обозначен предел самореализации «человека экономического», который остается главным героем мейнстрима экономической науки. Чтобы выйти за этот предел, не допустив самоуничтожения человечества, С.Бодрунов обосновывает новую методологию организации социально-экономических знаний – ноономику». Об этом же пишет и профессор Дэвид Котц: «С моей точки зрения, представленная Бодруновым критика современного капитализма очень хорошо обоснована. Кроме того, в «Ноономике» предлагаются пути дальнейшего развития России, а это сейчас – крайне необходимо».

Профессор Радика Десай¹⁵ обращает внимание на такой аспект критического восприятия в «Ноономике» системы современного капитализма, как проблема измерения результатов производства через показатели ВВП. «Профессор Бодрунов указал на трудности в использовании ВВП для оценки состояния мировой экономики. Я согласна с ним. Оценивая ноономику как современную форму марксистской экономики, мы должны оценивать экономический рост на основании показателей качества жизни индивидуумов: их уровня образования, продолжительности обучения, состояния здоровья, доступа к культурным ценностям, вот что должно быть мерилom экономического роста», – заявляет она.

Аналогичную поддержку критике С.Д.Бодруновым показателя ВВП, как негодного мерила целей и результатов развития, оказал профессор С.Н.Бобылев: «...Чем дальше, тем я больше убеждаюсь, что если мы не можем менять развитие, менять приоритеты развития, то это ни к чему хорошему не приведет. Ни цивилизацию, ни Россию. Мне кажется, вообще замечательное название книги лауреата нобелевской премии Стиглица – «Неверно оценивая нашу жизнь». На мой взгляд, к этой книге Сергея Дмитриевича тоже можно было бы сделать

¹⁵ Радика Десай, профессор университета Манитоба (Канада) (Radhika Desai, Professor at the Department of Political Studies, and Director, Geopolitical Economy Research Group, University of Manitoba, Winnipeg, Canada).

такой эпиграф – что мы как-то все и мерим неправильно, и двигаемся куда-то не туда.».

Профессор С.А.Толкачев¹⁶ также солидарен с этой позицией. Он утверждает, что «...мир поворачивается от устаревающей экономической парадигмы, связанной с примитивной рыночной экономикой», и критикует возврат к оголтелому рынку, представлению «о том, что свободная рыночная экономика может всё решить лучше, чем разумный человек, чем ноономика»..».

Видит в книге С.Д.Бодрунова понимание необходимости коренной смены модели развития и профессор М.И.Воейков¹⁷. «Главная мысль, которая пронизывает всю книгу, – говорит М.И.Воейков, – очень хорошо и четко сформулирована. Сергей Дмитриевич пишет о том, что в воздухе летает предчувствие глубоких перемен, что мы наконец-то подошли к пределу эффективности существующей модели развития.».

Особенно большое внимание ученых привлекли идеи С.Д.Бодрунова, касающиеся взаимодействия экономики и культуры. С.Д.Бодрунов считает, что без сплава появляющихся принципиально новых технологий с подлинными культурными ценностями как критериальной базой, естественными ограничителями симулятивного потребления мы рискуем завести прогресс общества в тупик. На эту позицию обращает внимание академик С.Ю.Глазьев, видя заслугу автора «Ноономики» в том, что он показывает, «как сочетание быстро увеличивающихся технологических возможностей со зрелой духовной культурой может вывести человечество из царства необходимости в царство свободы при условии, что человек станет действительно разумным.».

¹⁶ Сергей Александрович Толкачев, д.э.н., профессор, первый заместитель руководителя Департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве РФ.

¹⁷ Михаил Илларионович Воейков, д.э.н., профессор, заведующий сектором политической экономии Института экономики РАН.

Этот аспект отмечает и профессор Дэвид Котц, резюмируя позицию С.Д.Бодрунова следующим образом: «Для достижения следующего уровня развития необходимо усилить роль культуры и значение творческой деятельности как аспекта человеческой деятельности».

Отметил важнейшее значение культурного аспекта развития в концепции «Ноономики» и Ю.В.Якутин: «Главное, – утверждает книга, – меняются потребности, ценности, мотивы деятельности человека, которые будут определяться прогрессом культуры»¹⁸.

На тесную связь технологического развития, совершенствования человеческих качеств и культурных императивов, подчеркнутую в книге, обратил внимание профессор С.Н.Бобылев: «...Мне кажется, что мои коллеги недостаточно говорили о том, что в книге есть сильная часть, которая касается человеческого потенциала, и мне этот термин больше нравится, чем творческий капитал. На самом деле – это знания и культура. Вот в этой книге есть очень интересный термин, который, честно говоря, встречаю впервые, может, я просто не так много читал в области политэкономии: «знаниеемкость». И, на мой взгляд, кстати, и Сергей Дмитриевич, скромно говорит, что кто-то на каком-то форуме сказал про «крест Бодрунова»... Вот этот крест, эта кривая знаниеемкости – это, на мой взгляд, очень сильный сюжет в книге, связанный с человеком: культура и знания». Подытоживая свое мнение о книге, С.Н.Бобылев говорит: «...Я, так сказать – человек, очень любивший термин «ноономика», и в этом плане я целиком поддерживаю этот термин и те концептуальные основы, которые заложены Сергеем Дмитриевичем в этой книге».

Целый ряд исследователей заметил определенную преемственность разработок «Ноономики» с идеями Джона Кеннета Гэлбрейта, изложенными в книге «Новое индустриальное общество»¹⁹. Эти мотивы преемственности

¹⁸ Экономика и жизнь, 24.08.2018.

¹⁹ Гэлбрейт, Дж.К. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969.

отмечались еще в связи с книгой С.Д.Бодрунова «Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка». В новой же монографии эти мотивы получили дальнейшее развитие. Сын Джона Кеннета Гелбрейта, профессор Джеймс К.Гелбрейт²⁰, прямо заявил: «Данная монография представляет собой фундаментальное исследование источников благосостояния и необходимости интеграции технологии и культуры при создании экономики знаний в условиях экологических вызовов и ограниченных ресурсов. Западному читателю будет особенно интересно то, как Сергей Бодрунов в рамках развития своей теории синтезирует российские и западные экономические концепции, в том числе – идеи, представленные в работах моего отца Джона К.Гэлбрейта. «Ноономика» является эталоном транснационального и межкультурного научного анализа».

Подобную же преемственность видит и профессор Дэвид Лейн: «В «Ноономике» получают свое дальнейшее развитие теории Д.Белла, Дж.К.Гэлбрейта и М.Кастельса о переходе капиталистического общества к индустриальному и постиндустриальному социальному устройству».

Развитие С.Д.Бодруновым идей Джона К.Гэлбрейта в части ключевой роли знаний отмечает и профессор Дэвид Котц: «В этой дающей богатую пищу для размышлений и дискуссий работе автор отдает должное идеям Джона Кеннета Гэлбрейта о приоритетности технологий и специальных знаний...».

Не осталась незамеченной и связь разработок С.Д.Бодрунова с наследием великого русского мыслителя Владимира Ивановича Вернадского (очевидная для русского читателя): «В своей монографии С.Д.Бодрунов знакомит англоязычных читателей с концепцией ноосферы, разработанной

²⁰ Джеймс К. Гелбрейт, профессор Школы общественных дел Линдона Б. Джонсона и Департамента государственного управления Университета Техаса в Остине (США) (James Kenneth Galbraith, professor at the Lyndon B. Johnson School of Public Affairs and at the Department of Government, University of Texas, Austin, USA).

и обсуждаемой такими российскими мыслителями, как Владимир Вернадский», – не преминул отметить профессор Дэвид Лейн.

Для российского читателя особенно важно, что для всех работ С.Д.Бодрунова, вне зависимости от того, на какие высокие ступени научной абстракции он восходит, характерно неизменное внимание к проблемам России. Его книги пронизаны патриотизмом, при четком осознании единства мирового цивилизационного развития и необходимости определения достойного места России в этом процессе. И в книге «Ноономика» такое внимание также нашло себе место.. «Почему Россия не может идти по тому пути развития, о котором много говорят? Почему российская экономика продолжает использовать сырьевую модель? Почему не может осуществить переход к неоиндустриальному укладу? – так передает вопросы, которые поставлены в книге «Ноономика», профессор Дэвид Лайбман²¹. –И у меня ... сложилась следующая ситуация: олигархическая элита боится неоиндустриализации, о которой говорит профессор Бодрунов. Они ее боятся, и боятся по причине того, что новая технология обязательно потребует пересмотра навыков, умений, системы образования и т.д.».

Тревогу С.Д.Бодрунова за будущее России разделяет и член-корр. РАН Р.С.Гринберг: «Понимаете, мы живем в мире глубокого пессимизма не только в России. В России, наверное – особенно, потому что мы не знаем, что будет здесь».

Представитель китайской экономической школы, профессор Чен Энфу²², смотрит на российские проблемы, поднимаемые в книге «Ноономика», с точки зрения предлагаемых автором конструктивных решений: «Важен практический вывод профессора Бодрунова: России нужен социально-экономический курс на опережение, критически

²¹ Дэвид Лайбман, почетный профессор Бруклин Колледжа в Городском университете Нью-Йорка (США) (David Laibman, Professor Emeritus of Economics at Brooklyn College, City University of New York, USA).

²² Чен Энфу, академик Академии общественных наук КНР, президент Всемирной политэкономической ассоциации.

использующий опыт Китая и стран Северной Европы – внедрение эффективной системы планирования в сочетании с рынком. Китай и Россия должны устранить влияние неолиберальной экономики, укрепить всестороннее стратегическое сотрудничество в ходе развития индустриализации нового поколения и ноономики, совместно противостоять экономическому гегемонизму и принести пользу народам своих стран и всего мира!»

Еще один вопрос, вокруг которого концентрируется внимание ученых, обсуждающих книгу «Ноономика» – это роль знаний в будущей экономике. Значение овладения новыми знаниями и их технологического применения постоянно подчеркивалось в предыдущих работах С.Д.Бодрунова. И в новой книге он со всей определенностью проводит тезис о том, что развитие знания не приводит к упадку материального производства, а закладывает тот его новый облик, который начинает формироваться уже сейчас. Этот момент не ускользнул от внимания участников обсуждения. Профессор С.А.Толкачев отмечает следующее: «...Фундаментальное значение, на мой взгляд, имеют идеи возврата к индустриальному мышлению, к тому, что новая индустрия, которая постепенно приходит на смену старой индустрии – она не только является как бы средой сосредоточения новых инноваций, новых подходов. Она и дает возможность человеку проявить себя как человека разумного.»

Обращаясь к этой же теме, поднятой в книге «Ноономика», профессор Радика Десай подчеркивает роль человека как носителя знаний: «По-моему, не существует «экономики незнания», мы всегда существовали в экономике знания», – довольно метко замечает она. – С того самого момента, когда первый человек бросил первый камень в первое животное, он уже использовал знание, или какую-то технологию и знания. Вопрос не в том, что знания есть. Нам надо двинуться дальше, оттолкнуться от мысли, что знание является частью производства. Мы должны пойти дальше. Знание всегда было частью работника. Если мы говорим об экономике знаний, мы должны «производить» высокообразованных, квалифицированных работников. И необходимый переход, о котором говорит профессор Бодрунов,

требует серьезного отношения к производству большего знания, большего творческого подхода».

Наконец, наибольшее внимание ученых привлекли, несомненно, те вопросы, которые являются ключевыми для книги «Ноономика». Какова будет природа будущего общества, чем оно будет отличаться от предшествующих ступеней развития? Каждый, пожалуй, увидел в идеях С.Д. Бодрунова прежде всего то, что созвучно ему самому. Некоторые не могли не вспомнить вновь о Карле Марксе, который тоже пытался заглянуть далеко в будущее, увидеть некое новое общество, принципиально отличное от существующего. Профессор Дэвид Лайбман смотрит на это таким образом: «...Представляет ли ноономика собой некое скрытое, неявное проявление того, что Маркс назвал бы более высокой ступенью коммунизма? Я говорю о ситуации, в которой люди контролировали бы то, что происходит в государстве. В таком государстве не существовало бы разделения между элитами и всеми остальными. ».

Соотнести идеи, развиваемые в «Ноономике», с идеями Карла Маркса, стремится и профессор Радика Десай: «Подход, представленный в «Ноономике», отражает более глубокое понимание вопроса, чем переход от одной формы капитализма к другой форме капитализма. По мнению Бодрунова, то, что происходит сейчас, требует перехода к совершенно другой форме общества. ...Старая парадигма отмирает, и новые пока что не рождаются. И причина, по которой новые парадигмы не рождаются, заключается в том, что в нашем обществе все еще доминируют структуры капиталистического производства...».

Масштабность перехода к той новой ступени развития общества, которая предвидится в книге «Ноономика», отмечают и другие участники обсуждения. Член-корр. РАН Р.С.Гринберг видит заслугу автора в том, что «он предлагает величественную альтернативу. Альтернативу такую: что все люди на земле достойны жизни, права на жизнь, на свободу и материальное благополучие. И он указывает пути к этому. И здесь как бы смещается немножко угол зрения. Он показывает, что это – новая индустриализация, о которой он говорит, или новая экономика, ноономика...».

Здесь следует, вероятно, подчеркнуть, что предложенный автором термин «ноономика» не является «механическим объединением» известных терминов «ноосфера» и «экономика». Он восходит к греческим корням «ноос» – разум и «номос» – закон, устройство, уклад, и по своему смыслу не описывает ноосферу (по В.Вернадскому) и противоположен «экономике» как существующему способу удовлетворения потребностей. Образно говоря, ноономика отрицает экономику. Автор прямо указывает, что ноономика – это неэкономический способ удовлетворения потребностей, составляющий материальную основу формирования базовых общественных отношений, неэкономических по своей сути, и нового типа общества – ноообщества.

Целый комплекс новых представлений «Ноономики» о будущем обществе видит в книге профессор А.В.Бузгалин²³. Он подчеркивает как раз качественный характер того перехода, который видит в перспективе С.Д. Бодрунов: «Термин новый. Книга интегрирует большой пласт научных исследований. И имя, название в данном случае – не случайное. Имя говорит о том, что экономика будущего – это не только экономика и, скорее, не экономика, это – нечто большее, отрицающее традиционное представление сегодняшних параметров, когда ничего, кроме рынка, частной собственности и симулятивных потребностей у человека не было, нет и быть не может. Взгляд в будущее – это взгляд в систему, где есть знаниеемкое производство, где есть современные технологии, предоставляющие человеку возможность быть организатором производства, где новый тип отношений с природой, и где ценности человека как творца приобретают доминирующее значение по отношению ко всему остальному. Изюминка книги состоит в том, что путь к такому

²³ Александр Владимирович Бузгалин, д.э.н., профессор экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Директор Научно-образовательного центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный редактор журналов «Вопросы политической экономии» и «Альтернативы».

положению лежит через развитие высокотехнологичного материального производства, а не через его отрицание».

Эту же глубину перехода от экономики к ноономике, на которой настаивает С.Д.Бодрунов, увидел в его книге и д.э.н. Ю.В.Якутин: «Ноономика – новая хозяйственная система, отличающаяся от экономики отсутствием отношений людей между собой в процессе материального производства. Ноопроизводство преимущественно будет выступать и как производство самого человека, а не только как производство условий для его существования...»²⁴

Профессор М.И.Воейков, говоря о видении будущего общества в книге С.Д.Бодрунова, тоже не мог не вспомнить о Марксе. И не только... М.И.Воейков особо заостряет внимание о том, что в «Ноономике» есть не только картина будущего, достойная пера лучших фантастов, но и понимание того пути, который ведет в это будущее, того, на что мы должны опереться, чтобы избежать грозящих тупиков. «Сергей Дмитриевич пытается ответить на вызовы времени – и очень интересно отвечает. Он пишет о том, что человечество стоит на пороге одной из самых важных развилочек своей истории, – подчеркивает М.И.Воейков. – Либо поворот к человеку разумному, либо путь в тупик, в технотронное общество, где элита удовлетворяет безмерно растущие, преимущественно симулятивные, потребности... Так что потом, читая всю книгу, меня бросало от Жюль Верна к Марксу и «Манифесту коммунистической партии»...».

Все понимают, что путь в лучшее будущее не будет устлан одними розами, и что на этом пути предстоит решить целый ряд серьезнейших проблем – технологических, экономических, культурных, экологических, морально-этических. Не обходит эти проблемы и автор «Ноономики». Поскольку тот социально-экономический прогноз, который содержится в его книге, имеет весьма далекий горизонт, то и глубина перечисленных проблем также представляется весьма и

²⁴ Экономика и жизнь, 24.08.2018

весьма серьезной. Одна из этих проблем – проблема социального неравенства. Особое внимание при анализе книги ей уделил член-корр. РАН Р.С.Гринберг: Сейчас в мире семь с половиной миллиардов человек, и в общем – все достойны жизни нормальной, и экономика даёт возможности для этого. Но неравенство зашкаливает. Бодрунов об этом говорит. Но я твердо знаю, что здоровое общество всегда, здоровое общество – это социальное выравнивание. Если ты такой успешный, удачливый, ты должен делиться. И здесь нет никакой альтернативы. И все должны иметь право на образование, культуру, здравоохранение. И он как раз об этом пишет сам, что, в конце концов, действительно экономика должна быть не только социальной, но и умной, и гуманной. И я думаю, что вы получите удовольствие от чтения этой книги», – заключает Р.С. Гринберг.

Концепция книги «Ноономика», включающая в себя целый ряд новаторских идей, встречала, разумеется, не только поддержку, но и определенные сомнения, и возражения. Своими сомнениями относительно вытеснения человека из процесса материального производства поделился профессор Дэвид Котц. «...Предсказание трендов технологического развития – это очень опасное и сложное дело, – заметил он. – Самое смелое предсказание Бодрунова в отношении того, что люди будут вытеснены из процесса производства, периодически предлагалось в прошлом. Но до сих пор это предсказание не сбылось. Доля занятых в производстве сократилась, но не приближается к нулю. В то же время растет число людей, занятых в сфере обслуживания, которая тоже является частью производства в рамках современной экономики.». Еще один момент, на котором настаивает профессор Дэвид Котц, заключается в том, что невозможно говорить о переходе к новому типу общества без решения проблемы власти. «Ключевой момент, который я хотел бы отметить, исходя из работ Маркса, – это концепция перехода от одной социо-экономической системы к другой, и то, что отмечает Бодрунов: переход общества на более высокий уровень, в котором экономическая деятельность направлена на удовлетворение человеческих потребностей. Маркс говорил, что каждый крупный переход в прошлом был подготовлен технологическими достижениями. Но переход

никогда не совершался без изменений структуры власти, в распределении власти между слоями общества и экономики. ».

Отметим, что ответ на это сомнение дан С.Д.Бодруновым уже в ряде его новых работ 2018 года²⁵. Развивая положения «Ноономики», он, в частности, соглашаясь с тем, что переход к новому этапу цивилизационного развития не будет бесконфликтным, акцентирует внимание на том, что материальную основу разрешения такого конфликта создает всё ускоряющийся технологический прогресс, постепенно снижающий значение института собственности и, соответственно, роль капитала.

Другое сомнение выразил профессор Дэвид Лайбман. Его беспокоит вопрос об определении меры соотношения материального и нематериального в экономике. Он задает целую серию вопросов, видимо, не найдя для себя окончательного ответа на них: «Являются ли знания непосредственной частью материального производства? В чем можно измерить их долю? ...Или мы уже перешли в некую нематериальную сферу? Обращаю ваше внимание на то, что существует огромное

²⁵ Бодрунов С.Д. От ЗОО к НОО: человек, общество и производство в условиях новой технологической революции / С.Д. Бодрунов // Вопросы философии. – 2018. – №7. – С. 109-118; Бодрунов С.Д. Переход к перспективному технологическому укладу: анализ с позиции концепций НИО.2 и ноономики / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2018. – № 3 (57). – С. 5-12; Бодрунов С.Д. Ноономика как новая парадигма сбалансированного эколого-экономико-социо-технологического развития / С.Д.Бодрунов // Энергия: экономика, техника, экология. – 2018. – № 9. – С. 32-36; Бодрунов С.Д. Нооиндустриальный переход: экономика креатива и креатив экономики / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2018. – № 4(58). – С. 5-7; Новое индустриальное общество: истоки, реальность, грядущее. Ноономика. III том. (Избранные материалы семинаров, публикаций и мероприятий Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю.Витте по тематике концепции нового индустриального общества второго поколения и нооиндустриального развития общества) / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. Сб. науч. трудов. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2019

количество предприятий, которые потребляют огромное количество электроэнергии. Эти предприятия поддерживают мобильную связь, интернет, и т.д. Так до какой степени это нематериально?». Ответ автора «Ноономики»²⁶ разъясняет его позицию – любые материальные затраты и, в числе прочих – энергетические, растут всегда только до открытия новых, менее затратных источников, с внедрением же новых технологий объем материальных ресурсов на единицу удовлетворяемой потребности всегда падает. За счет чего? За счет добавленного знания, утверждает автор.

Профессор М.И.Воейков не согласился с тезисом автора «Ноономики», что современные тенденции технологического развития создают предпосылки для сокращения роли государства в экономике. «...Где Сергей Дмитриевич, Вы увидели сокращение роли государства? – вопрошает он. – Сейчас возьмите книги лауреатов Нобелевской премии по экономике, американцев. Они все в один голос пишут, что – где мы живем, что мы едим, где мы отдыхаем – все определяет государство. Государство уже так влезло в экономику, что от рынка там мало что остается», – делает он свой вывод. Впрочем, М.И.Воейков, тем не менее, солидарен с автором книги в том, что современные технологии вообще-то действительно ведут к сужению действия рыночных механизмов: «...У Вас сужение рыночного механизма есть в книге, там тоже прописано, не очень, может быть, четко, но эти новые технологии, мне кажется – они ведут к тому, что рынок угасает». Но все эти тенденции, в том числе и цифровизация экономики, по мнению М.И.Воейкова, неизбежно означают усиление государственного планирования: «Вот сейчас говорят – цифровая экономика. Многие говорят, даже не понимают, что такое цифровая экономика. А это – народно-хозяйственное планирование. Те экономисты, которые в 20-х годах составляли у нас баланс народного хозяйства, они прямо так и писали: надо оцифровать соотношение на спрос, наши

²⁶ Бодрунов, С.Д. Ноономика / С. Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.

потребности и ресурсы. Перевести все в цифры. Вот что значит цифровая экономика, это – народно-хозяйственная. Вот надо, говорят – цифровую экономику, умный город, умный дом. Давайте сделаем умную экономику. То есть – рыночную экономику оцифруем, и уже будет народно-хозяйственный план».

Для полноты анализа представляется вновь рекомендовать читателю обратить внимание на детальные рассуждения автора «Нономики», в том числе – об изменении роли государства в процессе перехода к нооиндустриальному обществу, изложенные в его работах 2018 года, не вошедшие в книгу, но являющиеся, по нашему мнению, прямым ее дополнением²⁷.

Стоит при этом, безусловно, заметить, что если бы научное исследование прорывного характера удовлетворяло всех и во всем, то такую книгу не стоило бы и писать; ценность новаторских идей заключается в том, что они вступают в конфликт с устоявшимися представлениями, будоражат умы, заставляют задуматься над кажущейся незыблемостью некоторых истин. В ходе обсуждения книги «Нономика» ее сравнивали или сопоставляли с трудами К.Маркса, Дж.М.Кейнса, Джона К.Гэлбрейта, М. Кастельса, Д. Белла, и даже с романами Жюль Верна. Речь, разумеется, шла не о том, кто тут самый талантливый или гениальный, а о том масштабе видения мира, который присущ всем этим выдающимся умам. Именно под углом зрения масштаба поднимаемых проблем

²⁷ Бодрунов С.Д. Нооиндустриальный переход: экономика креатива и креатив экономики / С.Д.Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2018. – № 4(58). – С. 5-7; Новое индустриальное общество: истоки, реальность, грядущее. Нономика. III том. (Избранные материалы семинаров, публикаций и мероприятий Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю.Витте по тематике концепции нового индустриального общества второго поколения и нооиндустриального развития общества) / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. Сб. науч. трудов. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2019; Бодрунов С.Д. Государство и революция / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2019. – № 1(59)

и глубины проникновения в будущее и оценивалась работа С.Д. Бодрунова. И, видимо, есть в этой неординарной работе тот взгляд на мир и его развитие, которое позволило всем специалистам (а это – специалисты весьма высокого уровня), высказавшим свое мнение, полностью солидаризироваться и с самой постановкой проблемы такого масштаба, и выразить свою поддержку если и не всем выводам «Ноономики», то, во всяком случае, – ключевым из них.

В целом книга С.Д.Бодрунова «Ноономика» высоко оценена международной научной общественностью. Автор книги в июле 2018 года в Берлине удостоен премии Всемирной политэкономической ассоциации «За выдающийся вклад в развитие политэкономии в XXI веке».

Обычно принято ставить эпиграфы к текстам в самом их начале. Я счел возможным в данном случае нарушить эту традицию и разместить эпиграфы в конце данного обзора. Это будет своего рода резюме обсуждения книги «Ноономика».

«...Это – путь человечества в будущее. Причем – в хорошее будущее».

М.И.Войков

«В общем, мы должны быть благодарны автору, что она есть. А я вам очень советую её почитать».

Р.С.Гринберг

М.И. Воейков¹

**Государство, материальное производство и экономика
будущего (размышления над книгой С.Д. Бодрунова
«Ноономика»)²**

Известно, что почти каждая книга содержит кое-какие знания. Хорошие книги, конечно, содержат много хороших знаний, но книга С.Д. Бодрунова «Ноономика» – особая книга [Бодрунов, 2018а]. Она не просто содержит новые знания, но ставит научное знание превыше всего и вся, возводит в культ. И правильно делает. Книга доказывает и убеждает читателя, что не только высокие технологии и новая индустриализация на их основе (неоиндустриализация) составляют основу современной экономики, но и будущее человечества зависит от научного знания. Конечно, речь идет именно о научном знании, т.е. о знании, полученном не от бабушек с дедушками, а в результате теоретической и экспериментальной работы ученых. Хотя в книге это не всегда артикулируется, но явно подразумевается. Вот, я уже начал критический разбор книги. Но что делать! Ведь книга интересная и будит мысль, заставляет думать и думать критически. А, как известно, наука это, собственно, и есть критика. Критика устоявшихся представлений, устаревших взглядов и мнений. Если все и везде правильно и все всем ясно, то и критика не нужна, не нужна тогда и наука. И если книга С.Д. Бодрунова защищает научное знание и науку в целом, то, стало быть, приглашает читателя к критическому рассмотрению многих проблем современности, в том числе и многих новых постановок, содержащихся в книге. Вообще книга С.Д. Бодрунова содержит обильный материал, который обогащает наше понимание мира и современной экономики и ставит много вопросов, которые требуют дальнейших размышлений.

¹ *Воейков Михаил Илларионович*, доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором политической экономики Института экономики РАН.

² Опубликовано в журнале Вопросы политической экономики, № 3, 2019 г., С. 157-166.

Само название книги «ноономика» непривычно и довольно странно. Но пока я ее читал и думал над проблемами, поднимаемыми С.Д. Бодруновым, то к названию привык и даже нахожу его интересным и плодотворным. Это название родилось не на пустом месте. Как пишет сам автор, оно навеяно теорией ноосферы В.И. Вернадского, когда разумная человеческая деятельность становится определяющим фактором развития, в т.ч. и природного мира. Так же и экономика будущего должна быть устроена сознательно, с помощью человеческого разума. Иными словами, экономика должна развиваться не как придется, куда вывезет кривая рынка, а целенаправленно, в интересах большинства людей. Для этого и надо насытить экономику новыми технологиями, новыми знаниями, новым пониманием законов общественного, в том числе экономического развития. Эти идеи С.Д. Бодрунов разрабатывает уже сравнительно давно, что отражено в его прежних работах: [см. Бодрунов, 2013; Бодрунов, 2016 и др.]. Но новая книга являет собой существенно новый этап, который обобщает прежние работы автора и требует всестороннего и глубокого осмысливания [Бодрунов, 2018a]. Чем мы сейчас и займемся.

Для начала все же вернемся к сюжету теории научного знания и его роли в развитии общества и экономики. Как уже говорилось, основная линия или идея книги С.Д. Бодрунова состоит в придании научному знанию решающей роли в экономике, в замене стихийного экономического развития сознательной целеполагающей деятельностью людей. Это вызвано тем, что сегодня мировое общественное развитие наткнулось на череду серьезных кризисов, из которых на основе либеральной экономической модели, которая все пускает на самотек, или как изящно пытаются изъясняться либералы австрийской школы, необходимо «спонтанное экономическое развитие» – просто нет выхода. Хотя модные заокеанские экономисты продолжают упорно твердить, что спонтанному, т.е. хаотическому экономическому развитию нет альтернативы. Вот что, например, пишет лауреат Нобелевской премии по экономике Ф.Хайек: «Спонтанное сотрудничество свободных людей часто создает вещи более великие, чем их

индивидуальные умы смогут когда-либо постичь в полной мере» [Хайек, 2011, 10]. Правда, Хайек не объясняет: как это спонтанным сотрудничеством можно создать электрическую лампочку, автомобиль или самолет? И уже не будем говорить о более сложных вещах, как например, об атомной бомбе, которую спонтанным методом на основе конкуренции свободных людей и рыночного обмена создать вообще невозможно. Для всего этого нужны индивидуальные умы, обогащенные знанием, которые и создали современную техническую цивилизацию. Для всего этого нужна наука, научное знание.

И общество, и экономика не могут быть исключением. Человечество давно живет в придуманном, искусственном техническом мире. Без него люди до сих пор бы мерзли в земляных норах, питались сырым мясом или корнями, мокли под дождем и мерли тысячами. Современная человеческая цивилизация – это онаученное общество, общество знаний. Поэтому и социальное развитие общества, и экономику надо оплодотворять научными знаниями. Пока еще экономическая наука мало что смогла сделать для нормализации экономического развития. Пока еще мировую экономику сотрясают периодические кризисы, существует в мире голод, экономическое неравенство, безработица и множество недовольных людей своим положением даже в благополучных европейских странах. Но какие-то достижения у экономической науки все же есть. Есть кейнсианское направление, обосновывающее эффективный спрос, некоторые эконометрические модели, позволяющие глубже понять экономическое развитие и хоть как-то его регулировать, наконец, разработана теория и практика народнохозяйственного планирования, которое позволило Советскому Союзу стать второй сверхдержавой в мире, и т.д. Научное знание проникает и в экономику, а с пришествием нового технологического уклада, новых технологий, в том числе цифровых, спонтанное экономическое развитие будет заменяться научно обоснованным, т.е. знаниеемким. Этому посвящена книга С.Д. Бодрунова. «На первый план выходят – пишет автор, – и отныне навсегда там останутся! – знания в явном, «чистом» виде как основной ресурс индустриально-технологического и общественного развития» (с. 74).

Книга начинается с общефилософского вывода о тупиковости современной модели экономического развития. С.Д. Бодрунов пишет: «В воздухе витает предчувствие глубоких перемен. Человечество сталкивается с угрозами, исходящими и от неконтролируемого развития техносферы, и от деградации природной среды, и от посягательств на природу самого человека, и от неравномерности развития стран и народов, и от вызванных всем этим общественных конфликтов» (с. 13) и дальше: «Мы, наконец, подошли к пределу эффективности существующей модели развития» (с. 56). И это совершенно верно. Об этом уже пишут многие умные люди. Недавно я наткнулся на любопытную книгу с характерным названием: «Кризис без конца? Крах западного процветания», где автор, профессор Кембриджского университета Э. Гэмбл пишет: «До сих пор не видно конца более глубокому кризису неolibерального порядка, ярким знаменем которого стал крах 2008 г. Мы являемся свидетелями лишь ранней стадии этого кризиса» [Гэмбл, 2018, 15]. Так что С.Д. Бодрунов не одинок и делает такой совершенно справедливый вывод: «Человечество стоит на пороге одной из самых важных развилки в своей истории: либо поворот к человеку разумному, либо путь в тупик, в технотронное общество, где элита удовлетворяет безмерно растущие и преимущественно симулятивные потребности ...с возможной утратой контроля над развитием техносферы» (с. 118). И не могу удержаться, чтобы не привести замечательную по образности итоговую фразу С.Д. Бодрунова: «Образно говоря, сегодня общественное сознание находится на уровне обезьяны, играющей с гранатой, со схожими рисками» (там же). Но вот тут возникает вопрос: развилка ли это истории? Что у человечества впереди: путь в тупик или человек разумный? На мой взгляд, это не развилка, а прямое указание двигаться только в одном направлении – к разумному человеку и обществу, которое будет устроено не спонтанным образом, т.е. как придется, а на основе научного знания. Да и сам С.Д. Бодрунов в другой своей публикации прямо пишет, что «второй путь автору видится не только предпочтительным, но и безальтернативным» [Бодрунов, 2018б, 181]. И это действительно так.

Несомненной заслугой С.Д. Бодрунова является его активная и очень убедительная позиция в защиту материального производства, которое до сих пор и, видимо, до конца будет основой человеческой жизни. В этой связи С.Д. Бодрунов подвергает широкой критике некогда модную теорию постиндустриального общества, говоря о «миражах постиндустриализма». Да, в современном мире сфера услуг занимает все большее место и по числу занятых в ней людей, и по доле в ВВП. Как указывает автор, в этой сфере занято более 75 % работников и создается более 70 % ВВП (с. 45). И вполне можно поддержать скепсис автора, когда он считает весьма «сомнительной постиндустриальность роста занятости в таких секторах, как торговля, погрузочно-разгрузочные работы, ресторанно-гостиничный бизнес, клининг и т.п.» (с. 46). Действительно, эти сектора вообще никакого отношения к постиндустриализму не имеют, они существовали всегда, и даже в доиндустриальную эпоху. Сейчас там занято больше людей, но это говорит лишь о том, что в самом индустриальном секторе существенно выросла производительность труда, он стал высокотехнологичным. Поэтому вполне можно поддержать общий вывод автора, что «теория постиндустриализма фактически отвергает индустриальную основу развития социума и в этом ее принципиальная ошибка» (с. 51). И такой вывод: «Знаниеемкий материальный продукт – вот новое качество главного ресурса и результата новой индустриальной экономики XXI века» (с. 78). Эти положения очень важны, ибо сегодня можно слышать со всех сторон, что материальное производство как бы уходит на задний план, а главенствует теперь, мол, сфера услуг. Даже народное образование лихие либералы иной раз называют «рынком образовательных услуг» наподобие прачечной или парикмахерской.

Следует выделить и подчеркнуть еще очень важную мысль С.Д. Бодрунова, касающуюся природы знаний: «Особенность оборота знаний как производственного ресурса заключается в его неуничтожимости в процессе потребления, а нередко даже в его «приращении» в процессе его использования» (с. 112). Из этого можно сделать тот вывод,

что знания не есть товар в обычном понимании, который в процессе потребления утрачивается, что знаниеемкое производство не есть уже рыночная экономика XVIII или XIX века. В другом месте С.Д. Бодрунов пишет, что «экономические регуляторы уходят в прошлое» (с. 166), имея в виду, конечно, рынок. Так, С.Д. Бодрунов вполне справедливо и обоснованно считает: «Рыночная экономика – чем дальше, тем больше – становится пространством производства уже не столько реальных потребительских стоимостей, удовлетворяющих реальные потребности, сколько миром создания товаров-симулякров, удовлетворяющих симулятивные потребности, искусственно создаваемые при помощи маркетинга, пиара и различных способов манипуляции сознанием потребителя» (с. 198). И это правда, которую мы наблюдаем каждый день. Рыночная экономика, которая 100 или 200 лет назад была двигателем общественного прогресса, сегодня превращается в его тормоз. Действительно, человеческая цивилизация подошла к какому-то новому рубежу.

Интересно или показательно и то, что когда рыночная экономика теряет свою позитивную функцию, плодятся фантомы экономической теории. Это касается разговоров о социальном капитале, интеллектуальном капитале фирмы, интеллектуальной собственности, экономики счастья и т.д. и т.п. То же самое можно отнести и к разговорам (а скорее, к болтовне) об информационном обществе, когда по мысли говорящих, информация превращается в особый ресурс (фактор производства) и чуть ли не заменяет материальное производство. Но ведь и при Иване Грозном нужна была информация, чтобы произвести (как это сделать) булку хлеба или сапоги. На это нам говорят, что в современных информационных отраслях занято больше людей, чем в материальном производстве. Возможно это так, если оставить за скобками очень смутные критерии отнесения той или другой отрасли к информационному производству. Например, когда С.Д. Бодрунов пишет содержательную книгу и делится своими знаниями (т.е. создает и передает информацию) со мной как читателем, то мы оба работники информационной

отрасли? Или только один С.Д. Бодрунов, как создатель новой информации? А если я после изучения книги С.Д. Бодрунова не лег спать «на сытый желудок» интеллектуального наслаждения, а стал передавать полученную информацию студентам или читателям научного журнала, я работник информационного производства или нет? В общем, к статистическим критериям отделения информационного производства от материального очень много вопросов. Поэтому трижды прав С.Д. Бодрунов, когда пишет: «Мы не просто фиксируем возросшую роль информации, как это делают многие теоретики информационного общества, и говорим не столько о производстве информации, сколько о новом типе материального производства» (с. 69). Ведь, в конце концов, информация как таковая (т.е. болтовня) никому не нужна. Информация нужна для развития и совершенствования того же материального производства и поиска благополучной жизни. Новый тип материального производства, по мысли автора книги, требует новых форм хозяйствования и управления и, видимо, нового понимания экономики вообще.

В этой связи представляет большой интерес смелая и очень плодотворная постановка С.Д. Бодрунова о качестве экономических измерений и, в частности, ВВП. Сегодня на ВВП все молятся и ждут чудес от его роста. Но что показывает ВВП, если он считается на основе суммирования всех доходов в стране? С.Д. Бодрунов приводит такой пример. Допустим, мы съели много некачественной еды, уже есть рост ВВП. «А потом, – пишет С.Д. Бодрунов, – потратимся на лечение от такой еды и еще больше увеличим ВВП» (с. 138). Вполне можно поддержать мысль С.Д. Бодрунова, что ВВП «абсолютно устарел». В другой публикации С.Д. Бодрунов приводит потрясающий по ясности пример. Допустим, мы с вами пьем чай и наливаем его друг другу из чашки в чашку, но за плату. «Я беру, – пишет С.Д. Бодрунов, – и переливаю чай из своей чашки в вашу, а вы мне обратно». Но за деньги. «Переливаем из пустого в порожнее, а у нас рост ВВП... Нам нужен не только и даже не столько рост ВВП, сколько развитие» [Бодрунов, 2018в, А1].

Как считать ВВП – это действительно большая проблема. Ныне он считается на основе системы национальных счетов, которая вызывает не меньше недоуменных вопросов, чем старый советский метод баланса народного хозяйства. Посмотрим на последние данные подсчета ВВП нашей страны. Росстат нам сообщает, что в 1-м полугодии 2017 г. валовая добавленная стоимость по графе «добыча полезных ископаемых» составила примерно 11 % ВВП страны. За этот же период валовая добавленная стоимость по графе «деятельность по операциям с недвижимым имуществом» составила 10,6 % ВВП страны. За первое полугодие 2018 г. удельный вес «добычи полезных ископаемых» составил 12,7 % от ВВП, а «деятельность по операциям с недвижимым имуществом» – 9,9 % от ВВП страны. Иными словами, «операции» с недвижимым имуществом дают примерно такое же или чуть меньшее приращение ВВП как и добыча полезных ископаемых. Как такое можно понять и признать? Ведь полезные ископаемые (руды, нефть, газ и т.д.) составляют богатство страны, за счет чего страна и выживает все эти годы. А «операции» с недвижимостью есть просто спекуляции, никакого реального приращения богатства в стране не приносящие. И естественно возникает вопрос: за счет чего исчислять экономический рост в стране? За счет роста реального продукта или за счет роста финансовых спекуляций? Таким образом, С.Д. Бодрунов трижды прав – современный метод исчисления ВВП вызывает много вопросов. Этот вопрос уже поднимается в научной литературе. Так, лауреаты Нобелевской премии Дж. Стиглиц и А. Сен, а также французский ученый Ж-П. Фитусси считают: «ВВП измеряет главным образом рыночное производство, хотя часто рассматривается и в качестве меры экономического благосостояния. Смешение двух этих понятий может привести к появлению неверных данных о том, хорошо ли живут люди, и повлечь за собой принятие неправильных политических решений» [Стиглиц и др, 2016, 71]. В книге С.Д. Бодрунова все это описано самым обстоятельным образом.

Теперь мы перейдем к центральному пункту рассуждений С.Д. Бодрунова и наших размышлений по этому поводу. Автор вводит читателя в совершенно новую область понимания общественных процессов, где традиционной экономике в общепринятом понимании уже нет места. Вот тут то и раскрывается содержание и смысл нового понятия «ноономика». Автор пишет: «Дело в том, что сама экономика как спонтанный хаос разнонаправленных действий уходит с исторической арены» (с. 249). И еще: «Экономика как сфера экономических отношений между людьми по поводу производства и обмена продуктов вообще будет сжиматься вплоть до полного исчезновения» (с. 168). Ну и приведем еще одну превосходную фразу по своей выразительности и даже язвительности: «Этот мир в будущем «снимет», т.е. постепенно трансформирует... понятия собственности (в т.ч. частной), и денег, и тому подобные (основой чего станет снятие собственно экономических форм общественных отношений, а вместе с тем – привет, экономисты! – и экономической науки) (с. 236). Вот так вот: в будущем обществе не будет не только экономики, но и экономической науки и, стало быть, экономистов. Как прикажете понимать и принимать это профессиональному экономисту?

А ведь надо признать, что логика С.Д. Бодрунова правильная, и с ней нужно соглашаться. Экономика как спонтанный хаос непреднамеренных действий уходит в прошлое. И это уже видно на примере наиболее развитых западных государств, когда не рынок, а государство регулирует процент мяса в замороженной мясной пицце, поголовье кур в домашнем хозяйстве и прочее. Это объективный и неизбежный процесс. И вот тут, пожалуй, появляется единственное место в книге, с которым поначалу мне трудно было согласиться. Автор пишет: «Новая структура экономики, новые компьютерные и интернет-технологии, индивидуализация производства и возрастание роли отдельного работника – все это должно было стать (и отчасти стало) основой сокращения роли государства (как регулятора экономики и социального протектора) и своеобразного ренессанса рыночных отношений и частной собственности»

(с. 47). Верно, конечно, что новые технологии меняют роль государства, либеральное государство XIX века уходит в прошлое. Но ренессанса рыночных отношений нет, как и нет ренессанса частной собственности, о чем сам же С.Д. Бодрунов убедительно пишет в других местах. Например, мы читаем у автора: «Рыночная (денежная) форма постепенно выхолащивается и отмирает» (с. 197). И это совершенно верно. Но при этом регулирующая роль государства не сокращается, а как раз наоборот. Так, один американский автор с сожалением признает: «Конец XIX и весь XX век были периодом беспрецедентного роста полномочий государства, находящихся в его распоряжении ресурсов и масштабов его вмешательства в экономическую и частную жизнь граждан» [Хиггс, 2016, 9]. Хотя есть экономисты, которые пишут об упадке государства. Так, М. Кревельд прямо указывает: «Государство, бывшее с середины XVII в. самым значимым и характерным институтом в современном мире, переживает упадок» [Кревельд, 2016, 9]. Но С.Д. Бодрунов занимает более диалектическую позицию. В его самой последней публикации я прочитал: «Государство как институт не исчезнет в ноообществе, но претерпит принципиальные качественные изменения. Представляется, что со снижением значимости экономических отношений регулятивная функция государства в экономике будет снижаться, в то время как его роль в качестве «согласователя» интересов членов общества, общественных и частных интересов, касающихся развития личности, будет становиться все более значимой» [Бодрунов, 2019, 14]. Думается, что это весьма продуктивная позиция. В любом случае какая-то форма самоорганизации общества, под которой я и понимаю государство, видимо, должна сохраниться. Подробнее эти вопросы освещены в докладе трех авторов Института экономики РАН «Экономическая природа государства: новый ракурс» [Воейков и др. 2018].

Другой вопрос: непомерный рост государства – хорошо или это плохо? Если рост государства сопровождается рациональными установками (например, обязательные для всех правила орфографии или правила уличного движения), то это, видимо, хорошо. Если же государственные установки переходят

рациональные границы (скажем, центральное правительство начинает регулировать куриное поголовье в домашнем хозяйстве или размер цветочных горшков, как это делается в США), то это, безусловно, плохо. Это понятно, но интересен другой вопрос: какая наука должна изучать государство как главного устроителя общества?

Если основная экономическая наука, которая изучает и объясняет экономику, это политическая экономия, то, стало быть, государство становится предметом ее изучения. Классическая политическая экономия изучала и объясняла рыночную экономику, отношения между людьми, прикрытые вещами. Конечно, эти отношения сохраняются и в современной экономике. Более того, в искривленной современной экономике не вещи уже служат людям, а люди угождают вещам. Когда модные бренды заставляют с виду вполне нормальных людей гоняться (да и платить большие деньги) за новыми калошами или штанами. И об этом много и хорошо пишет С.Д. Бодрунов в своей книге, называя все это «миром создания товаров-симулякров, удовлетворяющих симулятивные потребности». Но основные отношения между людьми, которые производят и потребляют вещи (и услуги), регулируются уже не «вещами» (рыночным обменом), а государством. Государство же в процессе своего регулирования руководствуется не столько максимизацией прибыли, сколько максимизацией общественной полезности, т.е. «потребностями благоустроенного общежития». Хотя рыночный обмен остается, но цель государственного регулирования иная. Сама экономика из процесса максимизации прибыли превращается в процесс максимизации общественной полезности. Вот, на мой взгляд, истинное содержание термина «ноономика». И это становится предметом изучения экономической теории и прежде всего политической экономии. Так что не «привет экономисты», т.е. до свидания, а здравствуйте новые экономисты, вооруженные новым знанием!

Итак, сегодня, когда развитые западные страны переходят к «обществу знаний», большие сферы человеческой деятельности выводятся из-под рыночного регулирования (например, образование). Положение, согласно которому в сферах человеческой деятельности с преобладанием творческого труда (наука, образование, культура) рыночные механизмы перестают работать, уже давно и успешно разрабатывается в новой социально-экономической науке. Здесь экономика не сводится только к рынку, а охватывает широкое поле человеческой деятельности, где экономический принцип соизмерения затрат и результатов продолжает иметь значение. Затраты и результаты деятельности могут выражаться не только в деньгах, но в экономии времени, усилий, получения большего удовольствия и благополучия, т.е. в приращении общественной полезности. Здесь можно вспомнить известное высказывание К. Маркса, что «всякая экономия в конечном счете сводится к экономии времени» [Маркс, 1968, 117]. Надо сказать, что и сам С.Д. Бодрунов так же думает. Он пишет: «Я всегда считал, что главная ценность для человека – это время» (с. 424). Не прибыль, а время – вот новый смысл новой экономики, которую вслед за С.Д. Бодруновым будем называть «ноономика».

Ну и наконец, рассмотрим итоговый вывод книги. Если рыночная экономика, прибыль, деньги и прочие атрибуты экономического порабощения человека уходят в прошлое, то что приходит на смену? С.Д. Бодрунов говорит – культура: «Именно культура (мораль, т.н. базовые ценности и т.п.) выступает средством формирования важнейшего элемента цивилизационного кода такого общества – того внутреннего самоограничения человека, которое переориентирует его с безудержного количественного наращивания потребления, отягощенного погоней за разного рода миражами-симулякрами, к формированию потребностей человека разумного (ноо-потребностей), где первостепенное значение имеет качество потребностей и потребляемых благ» (с. 296). Это правильно, верно и было бы очень хорошо. Будет ли так? Вопрос сложный. Автор убеждает читателя, что так именно и будет, ибо другой альтернативы для выживания человечества нет. Прочитав книгу

С.Д. Бодрунова и мы не только будем верить в это, но и знать, что для этого надлежит делать. Тем более, что сам автор пишет заветные слова: «Нам надо верить в человека, быть оптимистом... Почему? Потому что в нем есть... качество осознавать себя, постепенно, все больше и больше, как личность, как нечто такое, что не базируется только на материальных вещах» (с. 109). Это очень хороший, оптимистический вывод книги. Будем оптимистами!

Я, конечно, не смог исчерпать всего материала книги С.Д. Бодрунова. Эта книга богата верными наблюдениями, глубокими мыслями, многими новыми знаниями, провокационными постановками новых вопросов, интересными рассуждениями и многим другим. Да и написана она таким простым и доступным языком, что при чтении ее создается впечатление дружеской беседы с очень знающим, умным и мудрым человеком. Так что, надо читать книгу С.Д. Бодрунова самостоятельно, без меня.

Литература

1. Бодрунов С.Д. Концепция нового индустриального развития России. М., СПб. 2013.
2. Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. М. 2016.
3. Бодрунов С.Д. Ноономика. – М.: Культурная революция. 2018а.
4. Бодрунов С.Д. Гиперразвитие финансового капитала как глобальная цивилизационная угроза // Мир перемен, 2018б, № 4.
5. Бодрунов С.Д. Плата ни за что// Экономика. Приложение к «Российской газете», 2018в, 12 ноября.
6. Бодрунов С.Д. Государство и революция. // Экономическое возрождение России, 2019, № 1(59).
7. Воейков М.И. Городецкий А.Е. Гринберг Р.С. Экономическая природа государства: новый ракурс. – М.: ИЭ РАН, 2018.
8. Гэмбл Э. Кризис без конца? Крах западного процветания. – М.: Изд. дом ВШЭ. 2018.

9. Кревельд М. Расцвет и упадок государства. – М., Челябинск: ИРИСЭН, Социум. 2016.

10. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов // Маркс К. и Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. – М.: Госполитиздат. 1968.

11. Стиглиц Дж., Сен А., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь. Почему ВВП не имеет смысла? Доклад комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса. – М.: Изд-во Института Гайдара. 2016.

12. Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок. – Челябинск: Социум. 2011.

13. Хиггс Р. Кризис и Левиафан: поворотные моменты роста американского правительства. – М; Челябинск: ИРИСЭН, Социум. 2016.

John Komlos¹

It is difficult to make predictions, especially about the future

In spite of the truth of the ancient Danish proverb cited in the title of this essay, there were handful of visionaries in the early decades of the 20th century whose sensibility sufficed to make cogent predictions about the likely course of human development in the near future. This included Yevgeny Zamyatin, dystopian novel *We* (1921), the Czech Karel Čapek's *R.U.R.* (1921), and Aldous Huxley's visionary *Brave New World* (1931). By the time George Orwell came along with *1984* in 1948, the broad outlines of the future were clearer to see even if only people with exceptional intelligence could discern the challenges of the dehumanizing forces of totalitarianism, consumerism, and of technological fetishism.

Now comes Sergey Bodrunov similarly thinking "outside of the box" but with a more hopeful vision about the future of Mankind. Perhaps more appropriately, he is assessing the present in order to have a safer path to the future by putting technology to appropriate use for a "different system" as opposed to the "current global capitalist system" that is on a precarious path. He is right to think that we should come to our senses and develop a more mature psychology and culture that enables and promotes new ways of thinking about economics in a way that is really beneficial to Mankind and, as he argues, that is not going to be measured by GDP. Bodrunov would like "to reach that future, having made it smarter, kinder, freer and, in every aspect, more deserving to be called civilized."²

That sounds promising. This vision places him firmly in the tradition of Herman Daly³ and Ernst F. Schumacher who also argued that maximizing material output is wasteful: "The most striking thing about modern industry is that it requires so much and accomplishes so little. Modern industry seems to be inefficient to a degree that surpasses one's ordinary powers of imagination." By "accomplishing so little," he

¹ Komlos John, Professor Emeritus, University of Munich

² Sergey Bodrunov, *Noonomy* (Moscow, St. Petersburg, London), p. 13.

³ Herman Daly, *Steady-State Economics: The Economics of Biophysical Equilibrium and Moral Growth* (New York: W.H. Freeman, 1978).

meant that the economy provides so little life satisfaction despite high average incomes. In other words, we should not set ourselves the goal of producing as much as possible but to improve our sensibilities so that we can obtain more gratification with less: “the aim should be to obtain the maximum of well-being with the minimum of consumption” and the “essence of civilisation [is] not in a multiplication of wants but in the purification of human character.”⁴ Others in this strand of thought include John K. Galbraith, as well as the eminent humanistic psychologist, Erich Fromm and the whole Frankfurt school of critical sociologists who realized that our goal should not be production for its own sake but raising people’s consciousness so that they will abandon consumption fetishism as a religion.⁵

Fromm put it this way: “We consume everything with voracity. Behind this consumptive frenzy, lies an inner vacuity, an incapacity of people to be autonomous, to be truly productive citizens and unique selves. The perennial challenge is to imagine an alternative existence for ourselves—one that is ever more intelligent, humane and compassionate. There is, in fact, a sense of depression, a sense of loneliness. We find the clinical evidence for this connection in the fact that, very often, overeating and overbuying are the results of states of depression or intense anxiety.”⁶ Unfortunately, Fromm’s was right. Consumerism has led to an anxious life as mirrored in the obesity epidemic in the USA, in mass shootings, as well as in the epidemic of suicides and opioid epidemic deaths called deaths of despair.⁷

Is the human species ready for noonomy? Let us not forget that the human species is a product of evolution. We need to consider that seriously because evolution has really not prepared us for our current

⁴ Ernst F. Schumacher, *Small Is Beautiful: Economics as if People Mattered* (New York: Harper Torchbook, 1973).

⁵ Those were also my motivation for writing my textbook. John Komlos, *Что должен знать каждый, кто изучает экономику, и о чём не написано в обычных учебниках* (Moscow, 2018).

⁶ “Homo Consumens,” YouTube video, posted by “Q&A projects,” www.youtube.com/watch?v=VeaWHrFrXF0. Mike Wallace interview: Erich Fromm, May 25, 1958. Erich Fromm, *The Sane Society* (London: Routledge & Kegan Paul, 1956).

⁷ Case, Anne and Angus Deaton, 2017. “Mortality and morbidity in the 21st century,” *Brookings Papers on Economic Activity*, Spring, 397-476.

civilizational challenges. “Human beings grew up under frugal circumstances. They don’t know how to manage affluence,” argues Peter Whybrow.⁸ He continues: “our ancestral biology [leads to] the dangerous misfit emerging between our consumer-driven culture and the brain systems that evolved to deal with privation 200,000 years ago. In the absence of any controls – any cultural or economic constraints—we are easily hooked on our acquisitive pleasure seeking behaviors. [H]uman biology is ill equipped to cope with the demands of the 24/7, global, information-saturated, rapid-fire culture that we have come to crave.”

In other words, our brain and nervous system went through a process of natural selection such that they evolved appropriately for a very different environment than exists today even if we do possess an innate sense of empathy toward our fellow human beings as Adam Smith described in his *Theory of Moral Sentiments* (1759). Nonetheless, we do have an aggressive streak in us as our endless conflicts clearly demonstrate. No wonder, in evolutionary time being aggressive and being acquisitive were traits that enhanced chances of survival in an environment of extreme danger and scarcity. So, it should not surprise us that these characteristics (Bodrunov calls them “zoo” characteristics) were passed from generation to generation through the mechanism of natural selection. The nonviolent genes were less likely to survive and be able to reproduce. That is why the human race has produced so few people like Mahatma Gandhi or Martin Luther King who preach nonviolence. To bring this fierce streak in humanity under control will need a new age of enlightenment. Instead of technological progress we need to concentrate our attention on psychological progress and to overcome mainstream economists’ dominance of academia. If in the future behavioral economists will gain the upper hand, the chances of formulating a new economics might well improve, and we can make some progress in human sensibility. People of good will and common sense will need to recognize with Bodrunov that “Man is no longer guaranteed future survival as a biological and social species”⁹ and consequently, leave the current model of development behind.

⁸ Peter Whybrow, *American Mania: When More Is Not Enough* (New York: W.W. Norton, 2005).

⁹ Sergey Bodrunov, “Noonomy and Marx,” *The Free Economy Journal*, June 6, 2018.

There are definitely signs that support Bodrunov's thesis, insofar as there are many intellectual currents that actually do recognize already that mainstream economists' free market fetishism is leading us into a dead end. This group includes heterodox economists, behavioral economist, the Institute of New Economic Thinking, ecological economists, the degrowth movement, as well as the green new deal.¹⁰ All these stress the importance of increasing the quality of life to achieve sustainable development by means other than conspicuous hyperconsumption and its concomitant emphasis on production. They point to the problems of pollution, global warming, resource depletion, wasteful lifestyles, and the ecological footprint of our civilization. The right to a basic income or a guaranteed decent job might be a good way to begin preparing for the future.¹¹

In addition to the threats mentioned above, technological unemployment also looms on the horizon.¹² While artificial intelligence (AI) will put a quarter of U.S. jobs at "high exposure to automation over the next several decades," and an additional third will "experience medium exposure", most likely AI will "bring neither apocalypse nor utopia".¹³

¹⁰ Herman E. Daly and Joshua Farley, *Ecological Economics: Principles and Applications* (2nd edition, Washington DC: Island Press, 2010); Naomi Klein, *On Fire: The (Burning) Case for a Green New Deal* (Simon & Schuster, 2019); Jeremy Rifkin, *The Green New Deal: Why the Fossil Fuel Civilization Will Collapse by 2028, and the Bold Economic Plan to Save Life on Earth* (St. Martin's Press, 2019); Kate Raworth, *Doughnut Economics, Seven Ways to Think Like a 21st-Century Economist*, (Chelsea Green Publishing, 2017); see also the websites <https://www.ineteconomics.org/>; <http://www.rethinkeconomics.org/>; <https://icafe.org/>; <https://economicpluralism.org/>.

¹¹ Standing, Guy. *Promoting income security as a right Europe and North America* (London: Anthem Press, 2005); John Komlos, "Employment in a Just Economy," *Real-World Economics Review* 83 (March 2018): 87-98.

¹² John Komlos, "Has Creative Destruction Become More Destructive?" *B.E. Journal of Economic Analysis and Policy* 16 (2016), no. 4. DOI: 10.1515/bejeap-2016-0179.

¹³ Mark Muro, Robert Maxim, Jacob Whiton, with contributions from Ian Hathaway, "Automation and artificial Intelligence: How machines are affecting people and places," *Metropolitan Policy Program at Brookings*, January 2019; https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2019/01/2019_01_BrookingsMetro_Automation-AI_Report_Muro-Maxim-Whiton-FINAL-version.pdf

Most vulnerable will be the less educated and with regionally concentrated impact. And there are likely to be surprises along the way. Joel Mokyr, the distinguished historian of technology, who is generally optimistic about future developments,¹⁴ nonetheless acknowledges that technological change has its challenges; one needs to consider the “bite-backs” as well: “most technologies developed in the twentieth century had unanticipated side effects, most of them negative”.¹⁵ Innovations such as DDT, chlorofluorocarbons, carbon fuels, leaded gasoline, fast food, asbestos, and lead-based paint all generated major negative externalities whose true costs were discovered long after they were implemented and therefore created an illusion of productivity increases. This implies that the social costs of future developments might well be substantial.

In today’s world Gandhi’s teaching rings truer than ever before: “Earth provides enough to satisfy every man’s need, but not every man’s greed.” However, this is obviously a threat to the giant multinationals who do their best and can be expected to continue to do their best to counteract such a philosophy for the simple reason that they would then lose money if any of these movements gain in popularity. Who is going to tame the quartet of powerful forces in the USA, namely Madison Avenue, Hollywood, K-Street, and Silicon Valley? How can we achieve the “civilizational development” that Bodrunov envisions as long as the quartet has such power over us? How can we hope for “a new human being” so long as we feel a psychological dependence on hyperconsumption to satisfy the frivolous needs that Madison Avenue implants in us so effectively? Until we do so, however, it will be difficult to break away from the current cycle of endemic crisis – the doom loop of financial crisis and military conflicts and their concomitant suffering of multitudes. As long as Madison Avenue inundates us with symbols of sex, power, and cultural icons (illustration 1) in order to sell its clients’ products we will not be able to free ourselves to become Bodrunov’s new human being, because through this socialization we assimilate the

¹⁴ Mokyr, J, C Vickers, and N. L Ziebarth. 2015. “The History of Technological Anxiety and the Future of Economic Growth: Is This Time Different.” *Journal of Economic Perspectives* 29 (3): 31–50.

¹⁵ Mokyr, J 2014. “Riding the Technology Dragon.” *Milken Institute Review* 2 : 87–94.

dominant culture in which we learn to mimic the tastes, values, and consumption habits of superstars and assorted other idolized celebrities projected across the media. Under such intense pressure, children are groomed to grow up to become reliable consumers and choice becomes a charade, a “pretence of individualism.”¹⁶ In other words, we grow up on Madison Avenue’s terms. As a consequence, it we lose control of our tastes, values, and choices. This is not possible as long as TV advertisements that hyped the wonders of consumption. Post-industrial institutions support the post-modern ethic of instant gratification. This is what Bodrunov stresses when he says that “The system will not survive if it is occupied by the “old” human being who is suited to the “old” system.”¹⁷

Illustration 1. Madison Avenue knows that sex sells. Scantly clad young presumably beautiful girls are depicted in a compromising position on top of the American flag in order to sell a sugary drink that contributed to the obesity epidemic. Consumption is not only pleasurable, inviting, and sexy, but patriotic as well.

¹⁶ Wikipedia contributors, “Theodore W. Adorno,” *Wikipedia: The Free Encyclopedia*.

¹⁷ Sergej Bodrunov, *Noonomy* (Moscow, St. Petersburg, London), p. 209.

Bodrunov warns of the dangers to the future of Mankind posed by mainstream economists' fantasy species, homo economicus. Bodrunov sees astutely that what is needed is a "new human being... one that allows... civilization as a whole to be preserved."¹⁸ Common sense dictates that we seek creative ways of thinking about ourselves in the universe. Bodrunov is right insofar as such a social evolution is possible only if we find the kind of leaders Plato envisioned in his Republic some 2400 years ago: "when kings will be philosophers and philosophers will be kings". In order for Noonomy to become a reality, we would need such progressive economists to become influential in the public sphere as George Akerlof, Daniel Kahneman, Robert Reich, Amartya Sen, Joseph Stiglitz, or Robert Shiller. Bodrunov helps us to appreciate the importance of cutting the Gordian Knot with the support of progressive economists to pave the way for a future Noonomy.

¹⁸ Sergey Bodrunov, *Noonomy* (Moscow, St. Petersburg, London), p. 209.

Дж. Комлос

**Прогнозы – дело сложное, особенно если они касаются
будущего¹⁹**

В начале двадцатого века ряд прогрессивных мыслителей, таких как Евгений Замятин в своей антиутопии «Мы» (1921), чешский писатель Карел Чапек в пьесе «R.U.R.» (1921) и Олдос Хаксли в провидческом романе «О дивный новый мир» (1931), смогли дать убедительные прогнозы касательно вероятных векторов развития нашей цивилизации в ближайшем будущем. Этот ряд нестандартно мыслящих людей в наше время продолжает Сергей Бодрунов, который, однако, придерживается более оптимистичного взгляда на будущее человечества. Возможно его подход более уместен, так как он отталкивается от анализа текущей ситуации как залога более безопасного будущего и говорит о корректном применении технологий для создания «другой системы» как альтернативы «современной глобальной капиталистической системе» с ее весьма туманными перспективами.

Позиция Бодрунова делает его продолжателем традиции Германа Дейли и Эрнста Фридриха Шумахера, который также полагал, что максимизация материального производства экономически нерациональна. Другие представители этого направления включают в себя Джона Кеннета Гэлбрейта, выдающегося гуманистического психолога Эриха Фромма и всех представителей франкфуртской школы, которые осознали, что нашей целью должно быть не производство ради производства, а воспитание сознания, направленное на отказ от фетишизации потребления.

Готово ли человечество к ноономике? Давайте не будем забывать о том, что человечество как вид – это продукт эволюции. Нам необходимо остановиться на этом моменте, потому что эволюция не подготовила нас к вызовам, которые в данный момент стоят перед нашей цивилизацией. Наш мозг и

¹⁹ *Комлос Джон*, Почетный профессор Мюнхенского университета

нервная система прошли естественный отбор, обеспечивший выживание в условиях, разительно отличающихся от современных, несмотря на наличие в нас врожденного чувства сострадания к ближнему, описанного Адамом Смитом в «Теории нравственных чувств» (1759). Тем не менее, бесконечные конфликты наглядно показывают, что в нас есть агрессивное начало. Следовательно, не стоит удивляться, что эти качества (Бодрунов называет их «зоо»-качествами) передавались из поколения в поколение в рамках механизма естественного отбора.

Определенно наблюдаются признаки того, что Бодрунов не одинок в своих суждениях, так как уже сейчас существует большое количество интеллектуальных течений – таких как гетероксальная экономика, поведенческая экономика, Институт нового экономического мышления, экологическая экономика, движение, выступающее в поддержку отрицательного экономического роста, и Новый Зеленый Курс – которые признают, что идеализация свободного рынка, характерная для экономики мейнстрима, представляет собой тупиковый путь развития. Противники мейнстрима подчеркивают важность повышения качества жизни для обеспечения устойчивого развития, однако пропагандируют отказ от избыточного гиперпотребления и сопутствующего ему акцента на производство как средствах достижения поставленной цели. Они акцентируют внимание на таких проблемах как загрязнение окружающей среды, глобальное потепление, истощение ресурсов, расточительный образ жизни и экологический след нашей цивилизации. Неплохим шагом на пути подготовки к достойному будущему могло бы стать обеспечение права на получение базового дохода или достойной работы.

Бодрунов предупреждает о том, что сконструированный экономистами мейнстрима умозрительный тип человека, который они называют «homo economicus», таит в себе опасность для будущего человечества. Бодрунов проницательно отмечает, что нам нужен «новый человек – элемент общества как системы, который позволяет эту систему, эту цивилизацию сохранить». Здравый смысл заставляет нас искать креативные пути осмысления себя в контексте вселенной. Бодрунов прав в том

смысле, что социальная эволюция возможна, только если мы найдем лидеров, которых Платон описал примерно 2400 лет назад в своем диалоге «Государство» как философствующих королей, или философов, ставших королями. Для того чтобы «Ноономика» стала реальностью, необходимо, чтобы на первый план в общественных дискуссиях вышли такие прогрессивные экономисты как Джордж Акерлоф, Даниел Канеман, Роберт Райх, Амартия Сен, Джозеф Стиглиц и Роберт Шиллер. Бодрунов помогает нам понять, насколько важно с помощью прогрессивных экономистов разрубить гордиев узел и подготовить почву для грядущей Ноономики.

Е.С. Силова¹

**ВОЗМОЖНА ЛИ НООНОМИКА В РОССИИ?
(РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ С.Д. БОДРУНОВА
«НООНОМИКА»)²**

В 1950-60-х гг. возникает новая экономическая концепция – экономика знаний, важность этих исследований подчеркивал нобелевский лауреат Ф. Хайек [8]. Сам термин «экономика знаний» был введен в научный оборот Ф. Махлупом в 1960-х гг., в то время экономика знаний рассматривалась как отдельный сектор экономики [3]. Чуть позже появилось направление, исследующее роль информации и положившее начало развитию парадигмы информационного общества. В российской экономической литературе решением проблем производства новых знаний занимаются В.Л. Макаров, Д.С. Львов, Г.Б. Клейнер. Большое внимание проблематике генерации знаний и институционального регулирования этих процессов уделяет Е.В. Попов с коллегами [6]. В работах Е.В. Попова, М.В. Власова и других рассматриваются ключевые институты, способствующие формированию новых знаний, на уровне региона и корпорации, авторы предлагают собственную модель управления знаниями [7]. Авторы подчеркивают, что эффективность управления знаниями напрямую влияет на эффективность и финансовые результаты предприятий.

Большое внимание данной проблематике, а также вопросам модернизации экономики России и новой индустриализации уделяется в работах представителей Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте. С.Д. Бодрунов на протяжении многих лет исследует вопрос о

¹ *Силова Елена Сергеевна*, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия.

² Опубликовано в журнале «Вестник Челябинского государственного университета». – 2019. – № 3 (425). Экономические науки. Вып. 64. – С. 212-215.

возможностях глубокой трансформации сферы материального производства и переходе к более высоким технологическим укладам [1].

Новая книга С.Д. Бодрунова, вышедшая в 2018 г., называется «Ноономика», что подчеркивает связь идей автора с концепцией ноосферы. По заявлению самого автора, это не научная монография и не футурологическое исследование, а попытка спрогнозировать будущее. Автор известен как директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте, занимающегося проблемами индустриального развития России, реиндустриализации, промышленной политики, новыми технологиями и т. д. В книге «Ноономика» С.Д. Бодрунов анализирует, каково же будущее нашей экономической системы, какова в нем роль технологий, какие перспективы есть у нашей страны [2]. В первой части книги «Ноопроизводство: преддверие» автор анализирует современное состояние экономики. Он обращает внимание на то, что под влиянием прогресса технологий возник разрыв между организацией экономики, уже ставшей архаичной, и новыми технологическими возможностями, что в результате приводит к растущему напряжению и колебаниям на рынках, нестабильности и напряженности. В течение ближайших десяти лет мир перейдет к новому технологическому укладу, в котором технология станет неотъемлемой частью производственного процесса, поэтому нашей стране необходимо принять такую модель роста, в основе которой лежит развитие «знаниедобывающих» и «знаниевнедряющих» секторов экономики (то есть науки и образования). С.Д. Бодрунов отмечает рост значения информационных технологий и рост значимости материального производства. На данном этапе экономика России в технологическом отношении многоукладна: около 50 % технологий относятся к четвертому технологическому укладу, 33 % – к третьему, доля технологий пятого – около 10 %. Для перехода к новому индустриальному обществу второго поколения (НИО.2) необходима реиндустриализация экономики на высокотехнологичной основе. Главным источником развития нового индустриального производства выступает познание человеком окружающего мира. По мнению экспертов, в 2020–2025 гг. произойдет новая научно-техническая и технологическая

революция. Общей тенденцией развития индустриального производства является существенное снижение использования «натуральной» энергии и природных сил для производства.

Во второй части книги «Ноосфера и ноопроизводство: новые технологии – вызов человеку и обществу» автор рассматривает особенности новых технологий и их перспективы, проблемы неравенства, новые потребности человека и новые способы их удовлетворения, проблемы перехода к нооэкономике и перспективы России.

Автор подчеркивает, что человечество стоит на пороге важнейшей развилки в истории: либо поворот к человеку разумному, либо путь в тупиковое технотронное общество, к «киборгизации» человека. Ученый подчеркивает, что развитие технологий несет в себе существенные угрозы, и это очевидно даже сейчас, когда достигнутый уровень технологий позволяет нанести непоправимый ущерб планете. Современное развитие общества С.Д. Бодрунов характеризует как кризисное, и с этим трудно не согласиться, об этом свидетельствует нарастание экологических, духовных, социальных проблем. К факторам кризисного сценария развития цивилизации можно отнести нарастающую зависимость человека от технической и информационной среды; безмерно растущие и преимущественно симулятивные потребности; рост техногенной нагрузки на среду обитания; слабость внутренних регуляторов разумного поведения. Решением проблемы автор видит развитие человека, знания, рост роли культуры, усиленное развитие личности. Здесь хотелось бы также подчеркнуть роль экологического воспитания и просвещения, осознание тех рисков, которые несут наши все растущие потребности той среде, в которой мы живем, воспитание бережного отношения к природе, переход к рациональному, ресурсосберегающему хозяйствованию. Что же автор понимает под ноопроизводством? Это производство, основанное, во-первых, на вытеснении человека из непосредственного процесса производства через предельное увеличение его знаниеинтенсивности и, во-вторых, на постановке этого производства под контроль человеческого разума, опирающегося на адекватный уровень культуры человека. Сегодня масса «техносферы» по сравнению с доиндустриальной

эпохой возросла до 50 кг/м² суши, что в сто тысяч раз больше количества биомассы всего человечества. Число техногенных катастроф нарастает, площадь «мусорных континентов» уже превышает 11 млн км².

В развитии современных технологий существуют различные механизмы достижения синергии: горизонтальная и вертикальная интеграция технологий, «взаимопрорастание технологий», «межотраслевой перенос технологий». К парадигмальным технологиям относят цифровизацию, аддитивное прототипирование, роботизацию. Важным вопросом является готовность общества к технологиям, его восприимчивость, или редиесс. Наши институты сегодня, по мнению автора, скорее, оказывают сопротивление, проводимость среды для инноваций низка. Технологические изменения, безусловно, влекут за собой и общественные. Как будут выстраиваться производственные отношения, когда человек уйдет из производства? На смену экономике приходит ноономика – отношения не в рамках производства, осуществляемого человеком непосредственно, а отношения по поводу ноопроизводства, развивающегося без прямого участия человека, но регулируемого и направляемого человеческим разумом. Это хозяйственная система, отличающаяся отсутствием людей в процессе материального производства. С.Д. Бодрунов подчеркивает, что К. Маркс предвидел вытеснение человека из процесса производства и делал вывод о «конце экономической общественной формации». Автор критикует работы постиндустриалистов за то, что они не видят роли производства и материальной составляющей в будущей экономике, а описывают в большей степени цифровизацию и виртуализацию всех общественных процессов. В нооэкономике постепенно будут терять свою значимость отношения собственности, все рациональные потребности станут удовлетворять все дешевле и дешевле. Говоря о развитии человеческой цивилизации в будущем, автор уделяет внимание проблеме симулятивных потребностей (фальшивых, навязанных, неразумных потребностей) и порожденных ими рынков товаров-симулякров и необходимости управления потребностями. В новом обществе

появится новая иерархия потребностей и ценностей, главной из которых станет свобода и саморазвитие человека.

В третьей части книги «На пути к нооэкономике» автор рассматривает такие вопросы, как влияние роста знаний на общественные отношения, риски экономической рациональности, переходные формы и преодоление конфликтности и стратегию России в рамках перехода к нооэкономике.

Общественное производство в ноосферном обществе включает следующие предпосылки:

- приоритетное развитие знаниеемкого производства – ноопроизводства;
- интеграция производства, науки и образования;
- постепенное снижение роли утилитарных и симулятивных потребностей и возвышение ноопотребностей – потребностей человека разумного;
- развитие новых ценностей и мотивов деятельности;
- возвышение культуры. Именно культура выступает средством формирования внутреннего самоограничения человека.

В нооэкономике новый характер приобретает и рациональность, которая выражается в удовлетворении разумных потребностей и основывается на самоограничении потребления. Целью становится не экономический рост, но экономическое развитие. Для нооэкономики будет характерно развитие «технологий доверия», дающих возможность сотрудничества без посредников.

Оценивая перспективы России в области перехода к нооэкономике, автор подчеркивает, что нам удалось создать ряд продвинутых и достигающих мирового уровня технологий, однако четкого поворота к реиндустриализации и модернизации экономики до сих пор нет. Многие западные страны сейчас осуществляют активную реиндустриализацию, идет ресорсинг промышленности в Германии, США, Европе. Для преодоления технологического отставания необходимо преодоление затяжной стагнации. Важным элементом экономической политики должно стать планирование, институт планирования является одним из основных в ноообществе.

Представленная книга, безусловно, поднимает ряд очень важных вопросов, основным из которых является вопрос готовности российской экономики к использованию новейших технологий. Сможет ли наше общество не остаться на обочине прогресса и совершить те технологические прорывы, о необходимости которых периодически напоминает наш президент. Но помимо вопросов, связанных с необходимостью реиндустриализации, активной промышленной политики и модернизации, активизации инвестиций, в книге есть ряд других моментов, о которых нам необходимо задуматься. Проблема симулятивных потребностей возникает в книге много раз; действительно, современное общество потребления показывает, к чему приводит стратегия создания излишних потребностей с целью максимизации доходов корпоративного сектора. Идея ноосферы базируется прежде всего на разумности человека, его рациональности. Насколько же разумен современный человек и общество в целом? Очень многие проблемы, одолевающие современное общество, наталкивают на мысль, что, к сожалению, большинство людей ведет достаточно сомнительный с точки зрения разумности и рациональности образ жизни. И главным вопросом, на мой взгляд, связанным с проблемой формирования нооэкономики, является вопрос превращения человека в человека разумного, человека творца и создателя знаний. Примыкающей темой является вопрос о доверии, которое должно стать базой в ноообществе, но, как мы видим сегодня, доверие достаточно нестабильно и слабо развито, особенно в некоторых экономиках, в том числе в нашей, и требуется много времени, чтобы изменить это.

Книга очень интересна и, конечно, расширяет наши представления о современных технологиях и их влиянии на общественные отношения, написана очень живо, эмоционально и доступно, может быть рекомендована для широкого круга читателей.

Список литературы

1. Бодрунов, С.Д. Конвергенция технологий – новая основа для интеграции производства, науки и образования / С.Д. Бодрунов // Экон. наука соврем. России. – 2018. – № 1 (80). – С. 8-19.
2. Бодрунов, С.Д. Ноономика: монография. – М.: Культур. революция, 2018. – 432 с.
3. Вернадский, В.И. Биосфера: избр. тр. по биогеохимии / В.И. Вернадский; ред., вступ. ст. А. И. Перельмана. – М.: Мысль, 1967. – 376 с.
4. Махлуп, Ф. Производство и распространение знаний в США: пер. с англ. / Ф. Махлуп. – М.: Прогресс, 1966. – 426 с.
5. Медведев, П.С. Предпосылки формирования ноосферной экологической культуры / П.С. Медведев, Т.В. Майорова // Человек и природа: грани гармонии и углы соприкосновения. – 2012. – № 1. – С. 179-183.
6. Попов, Е.В. Моделирование генерации новых технологических знаний / Е.В. Попов, М.В. Власов // Экон. анализ: теория и практика. – 2009. – № 4 (133). – С. 15-19.
7. Попов, Е.В. Формирование институтов управления знаниями как инновационный процесс / Е.В. Попов, М.В. Власов, К.О. Гурина // Инновации. – 2008. – № 5. – С. 96-99.
8. Хайек, Ф. Индивидуализм и экономический порядок / Ф. Хайек. – М., 2004.

Е.С. Зотова¹

**«ОБЩАЯ ТЕОРИЯ НООНОМИКИ» –
УЧЕБНИК ДЛЯ ИЗУЧАЮЩИХ
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕХНО-СОЦИО-
ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ**

**(РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНИК С.Д. БОДРУНОВА «ОБЩАЯ
ТЕОРИЯ НООНОМИКИ»)²**

Начало XXI в. ознаменовалось активизацией дискуссий сразу по нескольким направлениям экономической теории, причем каждое из них очень жестко связано с проблемами практики. Эти проблемы можно охарактеризовать как вызовы не только для мировой экономической мысли, но и для мировой политики и мировой общественности.

Речь идет о качественных изменениях в технологиях, с одной стороны, и стагнации в социально-экономическом развитии – с другой. Эти противоречия вызвали самые разнообразные отклики, в том числе и целую серию публикаций в центральных международных изданиях, посвященных вопросам обострения неравенства, социальных конфликтов и глобальных угроз.

Кроме хорошо известных книг Т. Пиккети, о которых уже не раз говорилось в научной литературе, и работ Дж. Стиглица на эти темы, появились публикации в таких журналах, как «The Economist». В этом журнале, в частности отмечалось, что поколение молодых граждан Великобритании и США предпочитают голосовать за представителей социал-демократического направления, (например, за Б. Корбина и Дж. Сандерса), выступавших за снижение социального

¹Зотова Елена Серафимовна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

² Опубликовано в журнале «Вестник Института экономики Российской академии наук». – 2020. – № 1. – С. 183-188.

неравенства и за социальный вектор решения фундаментальных проблем развития современного общества.

Складывающаяся на всем геополитическом пространстве ситуация отражает накопившиеся глубокие противоречия современных технико-экономической и социально-культурной систем. В этих условиях объективно необходимым становится теоретический поиск возможных направлений и путей решения этих проблем, учет как уже существующих тенденций, так и научное предвидение, основанное на реальных фактах.

В этом контексте особенно знаменательным становится серия работ президента Вольного экономического общества России, директора Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, профессора С. Д. Бодрунова, о которых уже немало писалось в научной литературе. В данной статье хотелось бы сосредоточить внимание на новом учебнике, который вышел в свет совсем недавно. Речь идет о книге «Общая теория ноономики», получившей положительные рецензии таких известных ученых, как академик С.Ю. Глазьев и профессор А.А. Пороховский.

Книга вышла под грифом Финансового университета при Правительстве Российской Федерации и рекомендована для преподавания экономической теории для бакалавров, магистрантов и аспирантов этого известного российского вуза.

Сразу хотим оговориться, что работа стала предметом широких дискуссий среди международной общественности. Обсуждения работ С. Д. Бодрунова, в том числе и этого учебника, прошли в Кембридже, Берлине, Нью-Йорке, в Санкт-Петербурге. В октябре 2019 г. в Доме ученых состоялся семинар по проблемам, поднятым в учебнике. В его работе приняли участие такие известные ученые, как профессор В.Т. Рязанов (СПбГУ), профессор С.А. Толкачев (Финансовый университет при Правительстве РФ), профессор Л.А. Булавка-Бузгалина (МГУ им. М.В. Ломоносова) и ряд других известных ученых.

О чем же эта книга и какие ключевые проблемы в ней поднимаются?

Автор жестко позиционирует свою работу не как футурологическое произведение, ориентированное на размышления вслух о тех мечтах о прекрасном или ужасном

будущем, которые мучают человечество, а как работу, в основу которой положено изучение объективных процессов, происходящих, прежде всего, в материальном производстве (и не только в нем), глубокий анализ изменений в технологиях, а также в самом процессе индустриализации.

В первой части этой книги С. Д. Бодрунов предлагает студентам адаптированное для учебного материала изложение своих ключевых идей, часть которых ранее уже публиковалась им, в том числе: анализ противоречий исторического развития индустриального производства, которое прошло через этапы активного прогресса, эпоху нового индустриального общества (адекватно отраженные в книгах Д. К. Гэлбрейта), период постиндустриальной мифологии, где наиболее известными стали работы Э. Тоффлера и ряда других авторов. Но в дальнейшем, как показано в учебнике С. Д. Бодрунова (с ссылками на целую серию зарубежных и российских публикаций), эта постиндустриальная волна не продемонстрировала своего позитивного потенциала. Более того, она фактически оказалась теоретическим оправданием процессов финансиализации и деиндустриализации, прокатившихся по всему миру, включая Российскую Федерацию.

На специфических проблемах деиндустриализации в России мы в данном случае останавливаться не будем, а вот мировые процессы деиндустриализации, связанные с приоритетным развитием финансового капитала, хотелось бы выделить, поскольку им уделяется специальное внимание в этом учебнике, в частности, в весьма интересных приложениях, включающих материалы коллоквиумов, бесед, состоявшихся в Институте нового индустриального развития им. С. Ю. Витте.

Дальнейшая логика учебника построена в соответствии с логикой развертывания самого материального производства, его противоречий и объективных проблем, стоящих перед экономикой, технологическим базисом экономики и социально-политическими формами экономических процессов. К этим проблемам относятся не только вызовы деиндустриализации, но и изменения в социально-экономической системе. Что касается первой части вызовов деиндустриализации, то здесь учебник раскрывает альтернативу этому негативному процессу, и этой альтернативой является не отказ от индустриального

производства как основы экономики, а переход к новому качеству индустриального развития, где главным фактором прогресса материального производства, технологий и экономики становится знание.

Профессор С. Д. Бодрунов целую серию своих текстов посвятил обоснованию тезиса, в соответствии с которым знание интенсивного материального производства есть базис новой экономики, позволяющей выйти из тупиков так называемой «новой нормальности», из тупиков стагнации, которая характерна не только для российской, но и для мировой экономики. Знаниеемкое производство и лежащие в его основе новые технологии раскрываются в учебнике в доступной, но от этого не менее содержательной манере. Здесь автор специально останавливается на особенностях новых технологий и, в частности, шестого технологического уклада, излагает теорию NBIC-конвергенции и особую роль в этой конвергенции информационных технологий. При этом следует подчеркнуть, что С.Д. Бодрунов вопросы цифровизации рассматривает без апологии – с конструктивно-критической точки зрения, не превращающей цифровизацию в абсолютный фетиш или панацею от всех бед, позволяющую решить проблемы современной экономики. Изменения в структуре и содержании материального производства приводят к тому, что соответствующие изменения происходят и в структуре продукта, и в структуре занятости. На место материальных ресурсов как главной составляющей издержек производства приходят знания, и главными затратами в современных высокотехнологичных производствах становятся затраты на создание, обработку и переформатирование знаний, а отнюдь не затраты на оборудование или сырье.

Отсюда возникла необходимость перехода к новому типу экономических отношений, ключом к чему является, как показывает автор учебника, формирование новой системы общественных потребностей. Это формирование может происходить при сознательном воздействии со стороны общества, государства, бизнеса, гражданского общества, но объективной основой для переформатирования потребностей выступает материальный процесс. Сами новые технологии,

новый тип занятости, новое содержание труда, развитие знаниеемких профессий приводят к тому, что, по мнению автора учебника, потребностями человека все более становятся потребности в получении, освоении и воплощении в материальных результатах знаний, а не потребностей в тех симулятивных благах, которые навязывает сегодня экономика, подчиненная стандартам рыночного фундаментализма. (Заметим попутно, что критике последнего тренда – тренда рыночного фундаментализма – была посвящена целая серия работ профессора С.Д. Бодрунова). Чрезмерному увлечению свободным рынком, который превращается сегодня далеко не в свободный, а в контролируемый крупными корпорациями, посвящено немало конструктивных и важных тезисов.

Вторая часть учебника раскрывает те качественные изменения, которые сейчас только начинаются, но уже обретают силу устойчивых трендов в меняющейся системе общественного устройства, которая уходит от собственно экономической системы как доминирующей.

Последнее вызывает немалые дискуссии. В этой рецензии хотелось бы специально подчеркнуть, что в выступлениях участников упомянутых выше обсуждений не раз акцентировалось внимание на необходимости дальнейшей аргументации и развитии тезиса о том, что будущее принадлежит постэкономическому обществу – обществу, которое не является экономическим, в строгом смысле этого слова. С конструктивными замечаниями по этому тезису автора выступали профессор Университета Массачусетса в Амхерсте Д. Котц, профессор Кембриджского университета Д. Лейн, ряд других известных ученых. Профессор С.Д. Бодрунов, отвечая на эту критику, предложил ряд серьезных аргументов в защиту данного тезиса, в том числе и изложенных в этом учебнике

Прежде всего, речь идет о том, что формирование новых способов удовлетворения потребностей как раз и определяется развитием современных технологий, и сегодня это – объективный мировой процесс. Расширение возможностей удовлетворения потребностей за счет технологического развития создает, с одной стороны, угрозу безграничного роста потребления, но, с другой стороны, формирует возможности для

удовлетворения базовых потребностей человека без социально-экономических ограничений.

До сих пор популярен тезис о том, что ключевые ресурсы человеческого развития, начиная от потребительских благ – еды, одежды, жилья, транспорта – и заканчивая техническими возможностями организации современного бытия человека в высокотехнологичном обществе, в условиях знаниеемкого производства, основанного на шестом технологическом укладе, будут удовлетворяться практически без ограничений. Рост производительности труда в ближайшие десятилетия может обеспечить создание достаточных материальных предпосылок для решения этой проблемы. Несмотря на кажущуюся фантастичность этого тезиса, он имеет серьезные основания. Приведем только один пример. Хорошо известно, что количества еще вполне доброкачественных продуктов питания, выбрасываемых на свалки в современном мире, достаточно, чтобы решить проблемы голода для всего человечества без дополнительных материальных затрат. Этот маленький пример показывает, что отказ от фиктивных потребностей и уход от безграничного, с точки зрения экономических лимитов, потребления, ограничиваемого самим человеком как мыслящим существом, вполне возможны.

Это общество, где разум, новое содержание деятельности и знания становятся доминантой, С.Д. Бодрунов назвал «нообществом», а систему общественного производства, которая складывается в этом обществе, – «ноономикой». При этом он подчеркивает и в основном тексте учебника, и в дополнительных приложениях к нему, что ноономика не является формальным синтезом и, тем более, формальным соединением идей ноосферы известного российского ученого, академика В.И. Вернадского, с одной стороны, и стандартной, существующей сейчас модели рыночной экономики – с другой.

Это – совершенно новое качественное состояние общества, в котором, как уже было сказано, собственно материальное производство превращается в автоматизированную, самовоспроизводящуюся технологическую систему, по отношению к которой человек выступает как «контролер и регулировщик».

Последний тезис профессор С. Д. Бодрунов справедливо связывает с теоретической гипотезой, прозвучавшей еще в работах К. Маркса более ста пятидесяти лет назад. Этот тезис Бодрунов развивает теоретически, предполагая основополагающие характеристики нового общества и ноономики.

На базе прогресса технологий, основанных в свою очередь на развитии познания, происходит формирование приоритета культуры и культурных ценностей как главного вектора человеческого развития. Прогресс в сфере культуры и знаний приведет к росту доверия в общественных отношениях и на этой основе – к формированию новых потребностей.

Эта диалектика, эта связка – прогресс технологий, новые культурные ценности, познание, рост доверия и новые «ноопотребности», по мнению профессора С.Д. Бодрунова, аргументированно раскрываемому в учебнике, приведут к формированию нового общества, где социальные и экономические препятствия к овладению знаниями и культурой будут сниматься. Эта система становится не обществом абсолютного равенства, а системой, в которой формируются глубокие внутренние противоречия и различия, но они будут основаны на более высоком уровне знаний и на способности к их использованию, на овладении принципиально новым культурным уровнем.

Базами для развития такого общества становятся безлюдное производство и превращение техносферы в относительно автономную сферу. Такой процесс создает возможность нового типа общественного развития, которое называется в книге ноономикой.

Замечание, что сейчас такие тезисы представляют собой скорее прогноз будущего, чем анализ настоящего, высказывалось не раз. Следует заметить, что мы также неоднократно задавались вопросом о том, насколько возможным является этот тренд общественного развития.

И действительно, современная общественная и экономическая жизнь не внушает особого оптимизма: замедляющиеся темпы роста при обострении глобальных противоречий, робототизация, которая является для большинства стран мира скорее мифом, чем реальностью, – факт не только для

стран периферии, но и для такой страны с богатым научно-технологическим багажом прошлого, как Россия. Все это вызывает немалые сомнения в правомерности оптимистического предвидения, предложенного в работах профессора С.Д. Бодрунова, в частности, в учебнике «Общая теория ноономики», о котором мы сейчас говорим. Однако следует подчеркнуть, что автор видит существующие препятствия и подчеркивает, что человечество стоит на перекрестке, где одна из дорог ведет в тупик и глубокий кризис, который может в конечном итоге оказаться кризисом не только экономическим, но и общественно-политическим и даже военным. Вот этот негативный сценарий упоминается в работах С.Д. Бодрунова, хотя в учебнике он прописан очень кратко – возможно для того, чтобы не внушать излишнего пессимизма молодому поколению, хотя, по нашему мнению, именно этот негативный сценарий является весьма вероятным для сегодняшнего мира.

Еще важно отметить, что в заключении книги коротко написано о возможных шагах к ноономике в России. Именно этот раздел хотелось бы посоветовать автору развить как можно полнее, потому что большая часть читателей книги будет все-таки ориентирована на поиск ответа на вопрос о том, насколько приложимы эти положения к реалиям сегодняшней экономики нашей страны. И здесь, по нашему мнению, принципиально важным было бы рассмотреть специфику социокультурной исторической эволюции России и выделить ключевые моменты, характеризующие позитивный потенциал этого социокультурного развития, в частности, традиционно активную ориентацию российской интеллигенции на духовные ценности, которые сохраняются на протяжении столетий. Этот потенциал, на наш взгляд, может сыграть большую роль в поддержке в общественном мнении, в гражданском сообществе, возможно, и в политэкономических исследованиях элитарного тренда, который профессор С.Д. Бодрунов определяет как первостепенное развитие науки, образования, высоких технологий в их единстве, как главный приоритет социокультурного развития.

Однако последние полтора столетия эволюции российского общества наполнены глубокими противоречиями. С одной стороны, это попытки активного экономического

прогресса на базе эффективного использования рынка в сочетании с традициями России как в эпоху С.Ю. Витте, именем которого не случайно назван институт, которым руководит С.Д. Бодрунов, а, с другой – глубокие противоречия феодально-бюрократической экономической системы и политического абсолютизма. Точно так же и советский период характеризовался мощными противоречиями между приоритетным развитием образования, науки и высоких технологий в одних сферах и неудовлетворенными нуждами граждан, которые пытались достичь стандартов общества потребления в условиях экономики дефицита. Учет этих противоречий, этих негативных и позитивных традиций нашей отечественной экономики и общества, как нам представляется, был бы очень важным дополнением к работе, которая, несомненно, в скором времени обретет свое новое издание.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что учебник уже востребован. На его базе подготовлены, читаются и будут читаться курсы в ряде университетов России, включая вузы Москвы, Санкт-Петербурга, Урала и др. городов.

V. Plotnikov¹

Review of the book “Noonomy” by Sergey Bodrunov²

Mini Review

“Noonomy” by Sergey Bodrunov was published in 2018. This is a 432-page book that was the result of the author’s extensive research [1]. This book is devoted to the analysis of social changes in the modern world. Professor Bodrunov, following the Marxist tradition, considers social transformations through the lens of economic development. Based on the study of economic and technological trends, he formed a model of social evolution. This model adequately describes many current situations. The model also has serious predictive abilities. In this regard, this book can be attributed to the category of social futurology.

The key category of the book is “Noonomy”. This is a new term proposed by Sergey Bodrunov. To them he denotes the future model of the society structure. In this model, relationships between people will change. This relationship will cease to be economic. And the economy will not be a key factor in the development of society. The reason for these changes is the rapid development of technology. Some signs of these transformations are visible today. Robots in production actively replace people [2]: according to Brookings Institution, in the coming decades, about 36 million jobs in the United States will be subject to a high degree of automation, and another 52 million – an average degree of automation. This can lead to a massive release of labor. Fundamental social transformations will result from these changes.

In modern science and public discourse, there are various assessments of the changes taking place. These opinions are often the opposite. Professor Bodrunov suggests a combined vision of the

¹ Plotnikov Vladimir, Professor of Department of General Economic Theory & History of Economic Thought, Saint-Petersburg State University of Economics, Russia

² Published in *Global Journal Archaeology & Anthropology*, 9/5 (June 2019), 99–101.

changes in question. He combines in his theory the technocratic and humanistic approaches, his ideas are based on the concept of social progress (Marquis de Condorcet, 1785). Bodrunov believes that the "historical fork" will be successfully overcome by mankind. A person's ability to improve is limitless, but the implementation of this ability requires some institutional changes. These changes are the subject of scientific analysis in the book under review.

The main part of the book consists of three sections. The first section of the book is devoted to the analysis of changes in the economic system caused by the development of technology. This section is called "Nooproduction: the run-up." On a significant amount of empirical and theoretical material, the author proves that the trend for the development of post-industrial society was short-term. It is not fundamental. The basic idea of post-industrialism, as Bodrunov writes, is a "mirage". He believes that the true vector of development of modern society should be associated with the evolution of the concept of "New Industrial State" by John Kenneth Galbraith [3].

In this logic, the main line of development is not in direction: an industrial society – a new industrial society – a post-industrial society, but in a direction: an industrial society – a new industrial society – a new industrial society of the 2nd generation (NIS.2). The crisis of the concept of post-industrialism, the author of the book argues the emergence of "new normality" [4]. "The Limits to Growth" was predicted almost half a century ago [5]. And these limits are not reached due to the depletion of natural resources, but because of the exhaustion of the development potential of the existing social model. Therefore, this model requires revision.

Rapid technological development, the Fourth Industrial Revolution [6] led to a change and complication of production methods. It changed the economic and social relations. The new industrial society of the 2nd generation is a society with technological leaders in the field of information and communication (digital) and cognitive technologies. And these leaders in the world are changing today. This leads to new interstate contradictions, which cannot be resolved within the framework of the paradigm of post-industrial society. The largest countries of the world, including the developed ones, under these conditions are carrying out the "new"

industrialization. This corresponds to the trend highlighted by Professor Bodrunov for the development of the NIS.2.

New industrialization differs from those industrializations known to history. It is built on a new technological basis. New production, above all, is based on the generation and use of new knowledge. To denote this phenomenon, the author uses the term "knowledge-intensive industrial production." The product of such production is also transformed. The product becomes a "knowledge-capacious product," which leads to structural shifts in the economy. Further, these changes affect first the culture of consumption, then the culture as a whole and, finally, through a series of institutional transformations, the entire society.

That is, the development of technology drastically affects the social structure, leads to its qualitative change, the result of which is the formation of "Noonomy". This is a new type of society. In it there will be a division of human life activity into a social system and an economic (production) system. The description of this phenomenon is devoted to the second section of the book. It has the name "Noosphere and nooproduct".

By "Noonomy" the author means a non-economic way of organizing an economy. Noonomics is a system that differs from economics in the absence of human relations in the process of material production. Unlike all previous stages of the development of civilization, individuals do not enter into noonomy with each other in the production process. Two different areas of the civilizational structure – production (the technosphere, without people) and human society enter into relations with each other. The development of NIO.2, leading to the "squeezing" of people out of production, is preparing a transition to such a structure of human civilization. For the first time in the history of the technosphere separated from human society.

This leads to the fact that the basis of civilizational development, as interpreted by Karl Marx (production relations), will disappear. There will be a new type of relationship between society and the Technosphere (but not between people involved in the Technosphere). These are relations connected with the influence of a person on the sphere of "production without people". Obviously, as this production is intellectualized, feedback will also arise.

Technosphere will influence society. According to Professor Bodrunov, many risks and fears are associated with this reverse influence. There are altogether apocalyptic predictions: mechanisms will subjugate people.

These risks are very real. Humanity stands at a “civilization fork”, located at the bifurcation point. This state is perceived by many thinkers as a “crisis of civilization”. According to the author of the book, the current state is not a fatal crisis. Collective social choice is a normal phenomenon for a developing civilization. But the idea of the dual nature of choice does not correspond to the global vision of the problem. In this situation, one should choose development not according to the “techno-scenario”, and not according to the “bio-scenario”, but according to the “noo-scenario”. The general characteristic of this scenario of civilization development is considered by the author in his book.

In his analysis, Professor Bodrunov is based on the concept of Russian cosmism and the theory of the noosphere proposed by Vladimir Vernadsky. The term “noosphere” has a Greek origin and literally means “sphere of mind”. As Vernadsky, as well as his followers Pierre Teilhard de Chardin and Édouard Le Roy, in the noosphere, intelligent human activity becomes the determining factor in the development of not only civilization, society (including the technosphere), but natural processes. Bodrunov believes that the “knowledge-capacity” and “knowledge-intensity” noted above are manifestations of noospheric development.

At the same time, the Bodrunov noonomy is not a “noospheric economy”. The treatment of this category is much broader. (“Noonomy” is not equal to “noosphere” plus “economy”!) Noonomy is a new model of a civilizational structure that will replace NIO.2. The development of technology over time will lead to the complete ousting of man from the sphere of social life, which is now called the “economy”. As a result, this sphere will cease to be an element of society, since there will be no more person in it, there will be no relations between people about production. New technologies autonomize production, a new way of social organization will arise, where production activities will no longer be economic, social. And this possible future way of social organization, Professor Bodrunov, calls the term “noonomy”.

The first part of the word “noonomy” (“noo-”) in the interpretation of Professor Bodrunov goes back to the Greek word for “knowledge”, “reason”. The second part of the term under consideration (“nomos”) is also of Greek origin. This is the law, order, way of life, principle of organization. According to Professor Bodrunov, “noonomy is a way of satisfying needs in a society where there is a “light of reason” and where there is no relationship to production, and production relations where there is no relationship to property, and property relations where there is no economy. This is a non-economic way of meeting human needs”.

The third part of the book is called “On the way to noonomy”. It has practical value. This is quite unexpected for such a deep theoretical study, which describes the fundamental trends in the development of civilization and attempts to predict its future appearance. Professor Bodrunov in this part of the book develops recommendations for accelerating the formation of a new model of human society. He analyzed specific issues of industrial, monetary, social, etc. politics. The author identified the risks of their implementation, justified recommendations for identifying best practices and their use. He argues that NIS.2 and noonomy cannot form spontaneously. They cannot be "declared" Directive or Order. These new models are evolving. We, contemporaries of this process, understanding its essence and direction, can speed up or slow it down, give it new accents. A special role in this belongs to both states and supranational regulatory mechanisms, as well as to the institutions of civil society.

As the analysis of the trends observed today shows, the extent of human presence in the social and economic systems changes. And this is reflected in the statistics regarding the ratio of working time and leisure time. Technological progress is “crowding out” people from the economic system to the social one. And we, the participants of this process, so to speak at the micro level of its occurrence, this trend cannot but dislike. Due to the progress in technology, a person can devote less time to earning “his daily bread”, and more time – to self-development, education, creativity, communication, entertainment, etc.

Therefore, the issues of humanitarian development, development of culture, overcoming social conflicts, support for science and education, etc. come to the fore today. Neither technology

nor organizational success will make humanity happy. The formation of a new civilization (noonomy), according to Professor Sergey Bodrunov, requires, first of all, the development of Man himself. And with this thought one should agree.

References

1. Bodrunov, S. (2018). 'Noonomy'. Moscow, St. Petersburg, London. 432 p.
2. Carson, E. (2019). Robots could replace humans in a quarter of US jobs by 2030. URL: <https://www.cnet.com/news/robots-could-replace-humans-in-a-quarter-of-us-jobs-by-2030>.
3. Galbraith, J.K. (2007). The New Industrial State. Princeton University Press. 518 p.
4. Goldberg, S. (2010). Investing in the New Normal: Pimco's Mohamed El-Erian aims at making profits and reducing risks in an uncertain time with his Global Multi-Asset fund. URL: http://www.kiplinger.com/columns/value/archive/pimco-global-multi-asset-fund-investing-in-new-normal.html?topic_id=43.
5. Meadows, D.H., Randers, J., Meadows, D.L., Behrens, W.W. (1972). The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. Universe Books. 211 p.
6. Schwab, K. (2017). The Fourth Industrial Revolution. Penguin. 192 p.

В.А. Плотников³

Рецензия на книгу Сергея Бодрунова «Ноономика»

Аннотация. Книга «Ноономика» Сергея Бодрунова была опубликована в 2018 году. Она посвящена анализу социальных изменений в современном мире. Профессор С.Д. Бодрунов, следуя марксистской традиции, рассматривает социальные преобразования через призму экономического развития. На основании изучения экономических и технологических тенденций он сформировал модель социальной эволюции. Эта модель адекватно описывает многие современные ситуации. Модель также обладает серьезными прогностическими способностями. В связи с этим эту книгу можно отнести к категории социальной футурологии.

В современной науке и публичном дискурсе существуют различные оценки происходящих изменений. Эти мнения часто противоположны. Профессор С.Д. Бодрунов предлагает комбинированное видение рассматриваемых изменений. Он объединяет в своей теории технократический и гуманистический подходы, его идеи основаны на концепции социального прогресса (маркиз де Кондорсе, 1785). Бодрунов считает, что «историческая развилка» будет успешно преодолена человечеством. Способность человека улучшаться безгранична, но реализация этой способности требует некоторых институциональных изменений. Эти изменения являются предметом научного анализа в рецензируемой книге.

Основная часть книги состоит из трех разделов. Первый раздел книги посвящен анализу изменений в экономической системе, вызванных развитием технологий. На значительном по объему эмпирическом и теоретическом материале автор доказывает, что тенденция развития постиндустриального общества была краткосрочной. Он считает, что истинный вектор

³ *Плотников Владимир Александрович*, профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия

развития современного общества должен быть связан с эволюцией концепции «Новое индустриальное государство» Джона Кеннета Гэлбрейта. В этой логике основная линия развития лежит не в направлении: индустриальное общество – новое индустриальное общество – постиндустриальное общество, но в направлении: индустриальное общество – новое индустриальное общество – новое индустриальное общество 2-го поколения (НИО.2).

В результате, возникает новый тип общества. В нем произойдет разделение жизнедеятельности человека на социальную систему и экономическую (производственную) систему. Описание этого явления дано во втором разделе книги. Ноономика – это система, которая отличается от экономики отсутствием человеческих отношений в процессе материального производства. В отличие от всех предыдущих этапов развития цивилизации, индивиды не вступают в полноправные отношения друг с другом в процессе производства. Две разные области цивилизационной структуры – производство (техносфера, без людей) и человеческое общество вступают в отношения друг с другом. Разработка НИО.2, ведущая к «вытеснению» людей из производства, готовит переход к такой структуре человеческой цивилизации.

Третья часть книги имеет практическую направленность. Это довольно неожиданно для такого глубокого теоретического исследования, которое описывает фундаментальные тенденции развития цивилизации и попытки предсказать ее будущее появление. Профессор С.Д. Бодрунов в этой части книги разрабатывает рекомендации по ускорению формирования новой модели человеческого общества. Он проанализировал конкретные вопросы промышленной, денежно-кредитной, социальной и др. политики. Автор выявил риски их реализации, обосновал рекомендации по выявлению лучших практик и их использованию.

Сегодня вопросы гуманитарного развития, развития культуры, преодоления социальных конфликтов, поддержки науки и образования и т.д. выходят на первый план. Ни технологии, ни организационный успех не сделают человечество счастливым. Формирование новой цивилизации (поопоту), по мнению профессора Сергея Бодрунова, требует, прежде всего, развития самого человека. И с этой мыслью следует согласиться.

З.Р. Хабибуллина¹

**ТВОРЧЕСКИЙ ТРУД: СПЕЦИФИКА, ДИНАМИКА
РАЗВИТИЯ И ХАРАКТЕРИСТИКА СИСТЕМНОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ²**

Происходящие на протяжении последних десятилетий технологические и социально-экономические трансформации стали предметом исследования широкого круга исследований в нашей стране и за рубежом. Однако до сих пор ощущается дефицит концептуальных платформ, которые не только позволяют целостно осмыслить происходящие изменения и дать им объективную оценку, но и могут быть использованы для дальнейшего исследования проблемы в рамках смежных парадигм. К числу таких концептуальных платформ относится разработка профессором С.Д. Бодруновым *концепций нового индустриального общества второго поколения и ноономики* (Бодрунов, 2016, 2018; Bodrunov, 2019), в центре которых лежит положение о важности перехода к знание-интенсивному производству и движению к будущему, лежащему в постэкономическом пространстве.

Речь идет о том, что в условиях, когда современная глобальная экономика буквально переполнена избыточными производственными мощностями, единственным и решающим фактором сравнительного превосходства остается *только высокоразвитый интеллектуальный труд*, обогащенный творческой активностью. В результате по мере перехода общества на более высокую ступень технологического развития субъект труда из средства создания материального блага постепенно трансформируется в цель и условие собственного расширенного воспроизводства, качественного внутреннего совершенствования. В этих условиях видоизменяется место, роль и значение творчески мотивированного работника в системе общественного производства.

¹ Хабибуллина Зенфира Рафкатовна, старший преподаватель Казанского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации, Казань, Россия.

² Опубликовано в журнале «Экономическая наука современной России». – 2020. – № 1(88).

1. Творческий труд в экономике XXI века: теория ноономики – основание для разработки проблем новой роли креативного работника

В широком историко-экономическом аспекте постепенное усложнение и обогащение социально-трудовых функций работника новыми компетенциями³ привело к объективной трансформации его квалификационных способностей в творчески направленную деятельность. В некоторых сферах занятости (в основном высокотехнологичных и наукоемких) можно наблюдать ситуацию, когда креативный потенциал современного работника отождествляется с уникальным ресурсом, обладающим высокой экономической ценностью. В результате специалист, в деятельности которого преобладает высокоинтеллектуальная творческая компонента, начинает постепенно перестраивать сложившуюся систему взаимоотношений с владельцем материального капитала.

Новая форма участия позволяет *креативному работнику*⁴ вернуть некогда утраченное им свойство самоорганизованности и

³ Мы считаем, что по мере развития общественных отношений происходит наполнение способностей работника новыми знаниями и компетенциями, недоступными прежним поколениям, но которые ведут к ряду качественных трансформаций. Сначала мы их фиксируем и дальше обосновываем.

⁴ Креативный работник – термин для характеристики высокоинтеллектуального труда работника, трудовые способности которого применяются в системе современного знаниеемкого производства. Креативного работника можно отождествить с творческим работником, но правильнее применять термин «креативный работник», поскольку слово «творческий» применяется в статье для описания другого феномена – всеобщего (творческого) труда, который выступает противоположностью совместному (репродуктивному) труду (термины марксистской методологии). Иными словами, носителем творческого труда может быть только креативный работник. В этом смысле термин «креативный работник» исключает тавтологию в суждениях. Эту тему активно развивает также ряд авторитетных экономистов (Бодрунов, Бузгалин, Воейков, Гринберг, Колганов, Миропольский, Рязанов и др.)

самодостаточности трудового процесса, восстанавливая в процессе взаимодействия с капиталом практически равноправную переговорную силу. В итоге формируются стойкие предпосылки, когда носитель творческого труда, с одной стороны, и собственник капитала, с другой, начинают взаимодействовать как партнеры и соучастники одного общего дела. В этих условиях креативный работник более не оказывается в положение легкозаменяемого и относительно дешевого трудового ресурса. Он не приемлет по отношению к себе характеристики в духе простой статистической единицы производственного учета. И с этим явлением владелец средств производства с некоторых пор вынужден считаться. причина этого кроется в том, что если по тем или иным причинам интересы носителя творческого труда будут ущемлены или проигнорированы, то это может привести к ряду серьезных и негативных последствий: (1) расторжению субъект-субъектных отношений, (2) утрате конкурентного преимущества, (3) возможному банкротству организации и др.

Следует отметить, что систематическое устранение труда из процесса производства по мере развития новых форм производственных отношений предрекали многие видные исследователи. Так, например, Дж. Рифкин одним из первых обосновал идею постепенного вытеснения труда из процесса производства (Rifkin, 1996). В своих трудах Т. Сакайя обратил внимание на возрастающее значение знаний и передовых технологий в системе воспроизводства, отмечая, что переход на новый уровень развития будет достижим при условии, что движущей силой роста выступают «ценности, генерируемые знаниями» (Sakaya, 1991, p. 337). Аналогичной позиции придерживается и Т. Стюарт, обосновывая тезис о том, что в технологически развитой экономической системе «разум будет олицетворяться с имуществом» (Stewart, 1997, p. 67).

Соотношение труда и творчества в постэкономическом обществе подробно рассмотрел В. Л. Иноземцев. Российский экономист убежден, что «если человек стремится достичь в ходе своей деятельности лишь самореализации и самосовершенствования собственной личности, то материальное благо перестает являться не только основным результатом его

активности, но, что более важно, субъективно не воспринимается им как цель таковой» (Иноземцев, 1998, с. 39).

А сейчас обратимся к анализу концептуальной платформы С. Д. Бодрунова, которая является важным основанием для последующих выводов автора. Как уже было отмечено, радикальные трансформации экономической системы естественным образом начинают определять контуры *нового технологического пространства*, которые профессор С. Д. Бодрунов характеризует как *ноономику*.

Развиваемая С. Д. Бодруновым теория ноономики получает растущий общественный резонанс, внося в повестку дня вопрос о том, что будущее несет «иной способ оценки хозяйственных действий, иной способ оценки потребностей – основанный не на рациональности, а на разуме, на “ноо”, исходящем из понимания истинных последствий хозяйственных решений и истинной ценности удовлетворяемых потребностей» (Бодрунов, 2019б, с. 5).

Сущность феномена «ноономика» автор теории раскрывает как преимущественно «неэкономический способ удовлетворения ноопотребностей» (Бодрунов, 2019б, с. 5), когда на смену классическому обществу с меркантильными интересами, симулятивными потребностями, товарно-стоимостным обращением, отношениями собственности и др. приходит общество высокого порядка – «ноообщество с нооотношениями» (Бодрунов, 2019б, с. 6).

Перспективы развития принципиально новой модификации глобального материального производства С.Д. Бодрунов видит в формировании знаниеинтенсивного производства на основе NBICS-интеграций, в построении будущего в русле «НИО.2 – нового индустриального общества второго поколения» (Бодрунов, 2016, 2018; Bodrunov, 2019).

И с этим трудно не согласиться. Равно как и с обосновываемым С. Д. Бодруновым выводом об изменении места и роли творческого труда по мере его восхождения от новоиндустриального (переходного) способа производства к нооиндустриальному. По этому поводу он отмечает, что «новоиндустриальный способ производства оттесняет на

задний план материальные затраты и затраты человеческого труда, позволяя человеку практически отказаться от использования собственной физической силы в процессе производства, оставаясь, тем не менее, «*внутри*» *производства, его участником*, (курсив наш – З. Хабибуллина) и, соответственно, выполнять трудовые (все более интеллектуализирующиеся) функции» (Бодрунов, 2018, с. 93). Рассуждая о положении трудового фактора в ноопроизводственной системе, он пишет, что работник как творец, созидая эту систему «уже не будет “внутри” нее находиться. Потому что у нее “внутри” – это отношения собственности, а их в ноообществе нет. С другой стороны, “внутри” нее – это трудовое участие в производственном процессе (когда труд – элемент производственного процесса!). А такого участия там тоже не будет! Человек будет находиться *вне этой системы* (курсив наш – З. Хабибуллина). Социум будет контролировать эту систему, но не находиться внутри нее» (Бодрунов, 2019б, с. 7).

Грядущее в *концепции ноономики* характеризуется масштабным сдвигом технологической платформы производства, в котором поменяются не только социально-трудовые отношения и мотивация человеческой деятельности, но значительной степени трансформации подвергнется структура занятости.

Отсюда вывод, который, на наш взгляд, вытекает из *концепции ноономики*: происходящие трансформации ставят под сомнение эффективность и прогрессивность рынка труда в том виде, в котором его привыкли понимать (пространство купли-продажи рабочей силы).

Этот вывод вытекает из обосновываемого С.Д. Бодруновым положения, согласно которому по мере перехода к новому технологическому укладу будет происходить неизбежное отмирание экономических отношений и капиталистического способа хозяйствования, модель которого построена на обязательной эксплуатации человека человеком. Горизонты построения НИО.2, развитие новых форм и приоритетов управления общественными отношениями на основе ноопроизводства автор теории видит в *выведении трудовой*

функции из непосредственной сферы человеческой деятельности, в возвышении человека над процессом материального производства.

Эта теоретическая платформа дает возможность не только глубже и шире интерпретировать деятельностный процесс креативного работника в знаниеемком производстве, но и объясняет ряд качественных трансформаций, позволяющих человеку по мере движения от репродуктивного труда⁵ в творчески направленную деятельность (в цепочке развития от индустриального через новоиндустриальный к нооиндустриальному способу производства) корректировать конкретно-историческое содержание и значение труда и качества его субъекта. Речь идет, прежде всего, о процессе возведения человеческого разума, его профессиональных компетенций и опыта в определяющий ресурс развития, согласующегося с трендом превосходства значения абсолютного знания⁶, с характеристикой человека и его креативного трудового потенциала в качестве универсума.

2. Творческий труд: проблема меры общественной полезности

Теория ноономики, развивающая новую модель общественного производства, спроектированную на основе принципа гуманного отношения к человеку, позволяет сделать определенный шаг вперед в политико-экономическом исследовании субстанции творческого труда с точки зрения

⁵ Репродуктивный труд – политэкономическая категория, обозначающая примитивизацию воспроизводимых трудовых функций, его результат заранее известен и не несет в себе ничего нового.

⁶ Существуют две формы знания: абсолютная и относительная. относительным считается неполное, ограниченное и промежуточное знание. Абсолютным – безусловное и непреходящее знание высшего порядка. В нашем случае тренд на абсолютизацию знания означает не более чем стремление общества к истинным, несимулятивным потребностям, следовательно, движение к ноообществу и ноопотребностям (что и развивает С.Д. Бодрунов).

анализа его потребительной стоимости как меры общественной полезности и тем самым обосновать тезис о принадлежности креативного работника к качественно иному (отличному от классической рабочей силы) уровню развития личного фактора производства.

Не об этом ли говорил К. Маркс, когда писал, что «труд как созидатель потребительных стоимостей, как полезный труд, есть не зависимое от всяких общественных форм условие существования людей, вечная, естественная необходимость: без него не был бы возможен обмен между человеком и природой, т.е. не была бы возможна сама человеческая жизнь» (Маркс, 1952, с. 49).

Отметим, что К. Маркс был первым, кто раскрыл и обосновал двойственную природу труда. По этому поводу в «*Капитале*» написано, что поскольку товар (результат труда) представляет собой сочетание двух стоимостей (потребительной и меновой), постольку и сам труд должен выражаться совокупностью частного конкретного и общего абстрактного труда. Но поскольку труд индустриального работника, как отмечал К. Маркс, был сосредоточен на «анализе абстрактного труда, труда как затраты рабочей силы, – безразлично, каким “полезным” способом она затрачивается» (Маркс, 1961, с. 385), постольку общественная мера потребительной стоимости характеризовалась не более, чем как способность «доставлять труд», позволяющая собственнику материального капитала извлекать прибавочную стоимость.

По нашему мнению, если *труд абстрактный* (в основе своей усредненный и унифицированный) находит свое выражение через *внешнюю необходимость* (чтобы выжить, человек обязан работать), то *труд конкретный* (свободный труд), наоборот, олицетворяется с *внутренней мотивацией* личности (человек трудится во благо обществу) и в этом случае трудовая потенция становится для человека смыслом жизни, его самоцелью и главной потребностью, а не средством обеспечения существования.

В этом контексте уместно упомянуть ход мыслей Д.И. Менделеева, который, рассуждая о разных вариантах приложения труда на практике (труд как внешняя необходимость; труд как внутренняя мотивация), отмечал, что «трудом должно называть нечто, совершенно отличающееся от того, что называется работой в исключительно механическом смысле этого слова, потому что *под трудом понимается нечто не животнo-инстинктивное, а волей и сознательностью определяемое действие людское, назначаемое для получения пользы или для удовлетворения потребности или спроса обще людского и только в том числе и для своего личного* (курсив наш – З. Хабибуллина)» (Менделеев, 2008, с. 67). В этой связи нетрудно догадаться, что труд приобретает свойственную ей творческую сущность исключительно в качестве созидателя потребительной стоимости.

Действительно, труд не столько простая работа, сколько «усилия, направленные на получение / применение знания, необходимого для удовлетворения потребностей» (Бодрунов, 2018, с. 174–175). Иначе говоря, в труде, помимо внешнего физического результата, содержится другая (более важная!) – внутренняя, так сказать, духовная составляющая, некий выразитель свободной индивидуальности и творческой воли человека – как социальной потребности более высокого порядка.

Такой подход, на наш взгляд, не только возвышает роль креативного работника в производстве, но, что важно, ставит под вопрос историческую незыблемость капиталистической системы. однако реализоваться в полной мере созидательная способность трудового начала сможет, по-видимому, только с наступлением ноопроизводства, нового качества труда и общественных отношений. Здесь особенно важно не отступить от твердой научной почвы и соблюсти методологическую дисциплину.

Не секрет, что в эпоху расцвета индустриализма труд работника в основе своей носил ярко выраженный характер эксплуатации (угнетения работника). Во многом благодаря этому в отношении рабочей силы того периода и сработал тот самый эффект ловушки, когда индустриальный работник с

преимущественно репродуктивным трудом (Бузгалин, 2017а, 2017б) становился всего лишь придатком к машине, винтиком в производстве. Неудивительно, что в этих условиях обезличенный до предела труд был низведен до уровня вынужденной жертвы, а рабочий класс был отчужден от собственности на результат своего труда.

Стоимость рабочей силы рассчитывалась по затратному принципу в пределах общественно-необходимых затрат труда. Вспомним К. Маркса, который писал, что «рабочий только потому обречен на производство прибавочного продукта и на прибавочный труд, что его вынуждают употреблять всю свою годную к делу рабочую силу для того, чтобы сам он получил только самое необходимое для жизни» (Маркс, 1978, с. 358). Неудивительно, что работник относился к собственной трудовой функции как к нечто чуждому и противоестественному его природе явлению. Похожих взглядов придерживается и В. И. Пшеницын. По этому поводу он пишет, что «разделение труда резко увеличило производительность, но разрушило целесообразность труда, превратило деятельность, творящую человека, в работу, в абстрактный труд, в средство существования, породило отчуждение труда от работника» (Пшеницын, 2012, с. 23).

3. Креативный работник в системе социально-экономических отношений позднего капитализма

Как мы отмечали ранее, в системе воспроизводства в условиях позднего капитализма изменяется и положение креативного работника. В итоге работники, в труде которых преобладает высокоинтеллектуальный труд, начинают не только иначе взаимодействовать, но и серьезно трансформировать сложившуюся систему общественных отношений. Фактически одним своим существованием обогащенный творчеством труд подрывает основы гегемонии капитала.

Казалось, еще чуть-чуть и мировое хозяйство окончательно подойдет к черте, переступив которую экономическая власть капитала утратит свое бывшее превосходство и наступит более совершенная форма социально-трудовых отношений. Но реальность доказала, что не стоит недооценивать возможности материального капитала. На практической ниве капитал в очередной раз подтверждает свою жизнестойкость и способность быстро адаптироваться к меняющимся условиям.

В современных условиях общественного производства до сих пор наблюдается ситуация, когда креативный работник продолжает функционировать на экономически подчиненной капиталу позиции, сохранив наемную форму организации труда (цель, функции и условия трудового процесса продолжает задавать и контролировать капитал). Следовательно, не будет ошибкой сказать, что во взаимоотношениях между участниками процесса производства продолжает существовать эксплуатация. А если учитывать, что только в развитых странах наемная форма труда составляет порядка 70–80% всех занятых, тогда рассуждения о скором преодолении экономической зависимости труда от капитала представляются, как минимум, преждевременными.

При этом собственник средств производства понимает, что в условиях знаниеинтенсивного производства и высокой потребности в творческом труде креативный работник становится в определенном смысле «курицей, несущей золотые яйца», потерять которую нельзя ни при каких обстоятельствах. Именно поэтому, а не из большой любви или высоких гуманистических целей владелец капитала делегирует творческому труду ряд управленческих функций и допускает до перераспределения части прибыли, параллельно создавая предпосылки для формирования «новых отношений справедливого соучастия в общественном производстве и распределении» (Хубиев, 2018, с. 60).

Но это не меняет сути дела. Присущий позднему капитализму новоиндустриальный способ производства не решает проблему социального неравенства и бедности, он его провоцирует. Экономический метод ведения хозяйства со

всеми вытекающими из него последствиями ведет к расслоению общества и неравному допуску к общественным благам. Как результат – незначительная часть довольно зажиточных людей начинают удовлетворять практически бесконечные и во многом симулятивные (ложные и искусственно созданные) потребности, тогда как абсолютное большинство остальных находится в крайне неблагоприятном (обездоленном) положении. Реально располагаемые доходы последних настолько ничтожны, что их стали определять как «самовоспроизводящихся бедных». В этой связи угрожающей становится проблема чрезмерного располосовывания общества, которая фактически привела к формированию двух противоположных экономик – экономики богатых (когда 0,5% населения мира владеет 38,5% совокупного богатства) и экономики бедных (когда 67,6% населения мира довольствуется лишь 3,3% его общемировой величины) (Рязанов, 2016, с. 278).

Перечисленное выше – звенья сохраняющейся по сей день эпохи вещизма и тотальной власти глобальных производственных сетей, подменяющих истинные (неэкономические) ценности человека денежными (экономическими) знаками и мнимыми потребностями.

Суммируем. Осознание важности развивать разумный способ ведения хозяйства на основе ноопотребностей, в конечном счете, позволяющий творческому труду преодолеть отчужденное положение и выйти на свободную индивидуальность, – ключ для построения социально-справедливого общества и высшей формы развития человека. И в этом процессе человечеству может помочь разрабатываемая С. Д. Бодроновым концептуальная платформа *ноономики*.

Список литературы

1. *Бодрунов С.Д.* Государство и технологическая революция: политэкономический взгляд // Экономическое возрождение России. 2019а. № 3(61). с. 11–14. [Bodrunov S.D. (2019a). The state and technological revolution: political economy perspective. *Jekonomicheskie Vozrozhdenie Rossii*, no. 3(61), pp. 11–14 (in Russian).]
2. *Бодрунов С.Д.* К вопросу о ноономике // Экономическое возрождение России. 2019б. № 1(59). с. 4–8. [Bodrunov S.D. (2019b). On noonomy. *Jekonomicheskie Vozrozhdenie Rossii*, no. 1(59), pp. 4–8 (in Russian).]
3. *Бодрунов С.Д.* Ноономика. М.: Культурная революция, 2018. 432 с. [Bodrunov S.D. (2018). *Noonomy*. Moscow: Cultural Revolution, 432 p. (in Russian).]
4. *Бодрунов С.Д.* Грядущее. новое индустриальное общество: перезагрузка. СПб.: Институт нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте, 2016. 328 с. [Bodrunov S.D. (2016). *Grjadushhee. Novoe industrial'noe obshhestvo: Perezagruzka*. Saint-Petersburg: Institute of New Industrial Development (INID) S.Yu. Witte, 328 p. (in Russian).]
5. *Бузгалин А.В.* Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? // Социологические исследования. 2017а. № 7. с. 43–53. [Buzgalin A.V. (2017a). Creative economy: private intellectual property or ownership by everybody of everything? *Sociologicheskie Issledovanija*, no. 7, pp. 43–53 (in Russian).]
6. *Бузгалин А.В.* Креативная экономика: почему и как может быть ограничена частная интеллектуальная собственность // Социологические исследования. 2017б. № 8. с. 20–30. [Buzgalin A.V. (2017b). Creative economy: why and how can private intellectual property be restricted. *Sociologicheskie Issledovanija*, no. 8, pp. 20–30 (in Russian).]
7. *Гэлбрейт Дж.К.* Новое индустриальное общество. М.: Аст, 2004. 602 с. [Galbraith J.K. (2004). *The New Industrial State*. Moscow, AST, 602 p. (in Russian).]
8. *Иноземцев В.Л.* За десять лет. к концепции постэкономического общества. М.: Academia, 1998. 578 с.

[Inozemtsev V.L. (1998). *Za desyat let. K kontseptsii postekonomicheskogo obschestva*. Moscow, Academia, 578 p. (in Russian).]

9. *Маркс К. Капитал критика политической экономии: в 3 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. М.: Политиздат, 1952. Т.I. кн. I: процесс производства капитала. 794 с. [Marx K. (1952). Capital. Critique of Political Economy: in 3 t. / K. Marx, F. Jengel's. Vol. I. Book I: Process proizvodstva kapitala. Moscow, Politizdat, 794 p. (in Russian).]*

10. *Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. М.: Политиздат, 1961. т. 19. 703 с. [Marx K. (1961). Sochinenija / K. Marx, F. Jengel's. Vol. 19. Moscow, Politizdat, 703 p. (in Russian).]*

11. *Маркс К. Капитал. теории прибавочной стоимости (Т.IV «Капитала») / К. Маркс, Ф. Энгельс. М.: Политиздат, 1978. ч. I. 476 с. [Marx K. (1978). Capital. Teorii pribavochnoj stoimosti (T.IV «Kapitala») / K. Marx, F. Jengel's. Moscow, Politizdat, ch. I, 476 p. (in Russian).]*

12. *Менделеев Д.И. Познание России. Заветные мысли. М.: Эксмо, 2008. 688 с. [Mendeleev D.I. (2008). Poznanie Rossii. Zavetnye mysli. Moscow, Eksmo, 688 p. (in Russian).]*

13. *Пшеницын В.И. Природа стоимости и прогресс капитализма // Теоретическая экономика. 2012. № 3. с. 19–27. [Pshenitsyn V.I. (2012). The Nature of value and the progress of capitalism. teoreticheskaja ekonomika, no. 3, pp. 19–27 (in Russian).]*

14. *Рязанов В.Т. (Не) реальный капитализм. политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России / В.Т. Рязанов. М.: Экономика, 2016. 695 с. [Ryazanov V.T. (2016). (Non-) Real Capitalism. Political Economy of Crisis and Its Consequences for the Global Economy and Russia. Moscow, Ekonomika, 695 p. (in Russian).]*

15. *Хубиев К.А. Инновационная экономика против наемной формы труда // Вопросы политической экономии. 2018. № 1. с. 55–61. [Khubiev K.A. (2018). Innovative economy against hired labor. Political economy Research, no. 1, pp. 55–61 (in Russian).]*

16. *Bodrunov S.D.* Prospects of Transitioning to a New Model for Socioeconomic System Organization (Noonomy) // Global Journal of Human-Social Science. 2019. Vol. XIX. Iss. XI. Vers. I. Pp. 1–9. URL: https://globaljournals.org/GJHSS_Volume19/1Prospects-of-Transitioning-to-a-New.pdf

17. *Rifkin J.* The End of Work: The Decline of the Global Labor Force and the Dawn of the Post-Market Era. NY: G.P. Putnam's Sons, 1996. 350 p.

18. *Sakaya T.* The Knowledge-Value Revolution or a History of the Future. NY, Tokyo, London: Kodansha International, 1991. 379 p.

19. *Stewart T.A.* Intellectual Capital. The New Wealth of Organizations. NY: Doubleday, 1997. 278 p.

Часть 7.

**НИО.2: что дальше?
(материалы коллоквиумов
ИНИР им. С.Ю. Витте)**

**Коллоквиум Института нового индустриального развития
(ИНИР) им. С. Ю. Витте на тему
«Экологические и глобализационные аспекты концепции
ноономики». Стенограмма
(03.07.2019 г.)**

Участники:

С.Д. Бодрунов – директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества России, Президент Международного Союза экономистов, д.э.н., профессор;

А.В. Бузгалин – руководитель Центра социэкономии кафедры политической экономии МГУ им. М. В. Ломоносова, руководитель Московского отделения ИНИР им. С. Ю. Витте, заслуженный деятель высшего образования Российской Федерации, д.э.н., профессор.

Александр Владимирович Бузгалин (АВБ). Сегодня – разговор о глобализации и ноономике, об экологических аспектах концепции ноономики.

Сергей Дмитриевич Бодрунов (СДБ). Если говорить об экологическом аспекте концептуальной платформы ноономики, то речь может идти о чем? О том, что, скажем, если рассматривать концепт ноономики как общую, некую такую комплексную идею, то когда, к примеру, речь идет об экологическом факторе, – это та из тех «второстепенных» (на первый взгляд) линий, которые, скажем, будучи самоценными сами по себе, подтверждают в какой-то мере все аспекты основной базовой идеи, концепции ноономики. И эта линия рискует превратиться в первостепенную. Почему? Потому что сама идея перехода к ноономике предполагает совершенствование, изменение нашего представления о том, как мы должны жить. Естественно, тут большой вопрос. В том числе, если учитывать, что мы люди и хотим остаться людьми, в этом случае речь должна идти о том, чтобы сохранить все-таки тот мир, в котором мы должны существовать как биосоциальные существа. И в этом смысле – надо говорить о сохранении этого

мира, в том числе – сохранении природы, сохранении того окружающего, проистекающего из природной среды, пространства, в котором мы живем. Я что имею в виду? Я имею в виду следующее – что если в этом пространстве (это пространство – то, что в свое время Вернадский называл ноосферой, в каком-то смысле, только я бы вкладывал несколько другое понятие...).

АВБ. Какое?

СДБ. Вот какое? Я бы вкладывал смысл следующий – что существует природа, которая породила и порождает некие следствия. Набор взаимосвязанных причин и следствий, приведший к созданию человека мыслящего и осознавшего себя и включивший в себя все цепочки этого причинно-следственного набора, в т. ч. и мыслительную, знаниевую сферу, порождаемую человеком. И каждое звено важно. Нарушение причинно-следственных цепей приводит к деструкции и «перешивке» набора, чреватого его полным разрушением. И чем выше уровень воздействия любых факторов (включая внутренние, такие, как вмешательство мыслительной части в остальные звенья), тем вероятнее деструкция всей сферы – при условии, что такое вмешательство непозитивно для этой сферы. Например, природа может породить, условно говоря, животных, которые порождают, в свою очередь, гумус. На этом гумусе могут расти какие-то другие вещи, для кого-то это удобрение, на нем что-то растет дальше, там некая «природа», биота другая. И дальше по цепочке там еще что-то. Разрушение непродуманной цепи может привести к глобальной катастрофе. Вот сейчас проблема для насекомых во всем мире. Вымирают пчелы. Во многих регионах исчезают мелкие насекомые. Огромная проблема, не знаю, знаете вы об этом или нет, что ежедневно убивается, исчезает видов насекомых столько, каких не было никогда, ни в одной геологической эпохе. Сейчас мы находимся в состоянии того самого периода вымирания природы, который очень похож на тот, который был в период, когда исчезли сначала динозавры, потом второй был период вымирания – мамонты, сейчас вымирают насекомые. Но вслед за этим меняется вся природа, меняется почему? Потому что пищевые цепочки с этими всеми жучками, червячками, которые дают питательную базу, для птиц...

АВБ. Птицам.

СДБ. Птицам. Эти птицы служат питательной средой для других, и т. д. Далее: нет насекомых – нет опыления, пропадает пищевая база для травоядных, а за ними – нетравоядных... То есть эти вещи рано или поздно могут привести к тому, что мир изменится очень сильно, и это уже сродни изменению биогеоценозов. Такие проблемы могут возникать от действия внешних сил. Но, с другой стороны, ныне – это косвенное, а то и прямое следствие вмешательства нашего в природу, действия нашего разума («ма-разма», неразумия!). То есть то, о чем Вернадский говорил, что человек уже становится геологической силой – это правда. Не будем на этом останавливаться, это понятно. Но правда и то, что он, человек, преобразуя природу, преобразует её таким образом, как завещал товарищ Мичурин: не надо ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача. Так вот мы берем эти милости такими пригоршнями, что по пути, взяв небольшую часть, мы уничтожаем гораздо больше. И вот этот процесс усиливается, постоянно не редуцируется, а растет. И растет, больше того, с тем же ускорением ускорения примерно, что растет и технологический прогресс.

АВБ. Это очень интересная параллель, которую надо будет обязательно выделить просто. Параллель ускорения ускорения в технологическом прогрессе и параллель ускорения ускорения в экологических проблемах.

СДБ. Потому что это параллельные линии, фактические изменения в окружающем человека пространстве. Технологическая линия и био-, биологическая, виталистская линия.

АВБ. Возможно, они имеют единые корни.

СДБ. Они точно имеют единые корни, находящиеся в удовлетворении человеческой потребности, и через всю историческую ситуацию человек, преобразуя природный материал, природу, удовлетворяет свои потребности, он преобразует природный материал в продукт, рано или поздно (вообще, техноцепочка и природная цепочка – это явления одного и того же порядка), через технологический прогресс. И чем сильнее прогресс технологический закручивается, тем быстрее идет переработка природного материала в неприродный. По пути не только «беря милости от природы», но и уничтожая

всё окружающее пространство. Таким образом, человек рискует, удовлетворяя свои потребности, а напомним, что в концепте нономики есть очень важный момент – это удовлетворение несимулятивных потребностей. И если симулятивная компонента наших потребностей будет продолжать наращиваться в таком темпе, как сейчас, то мы рискуем превратить наше окружающее пространство в то, что уже не может приносить нам вот эти самые милости. И возникает сингулярность, возникает точка перегиба, после которой мы не можем возвратиться назад, безвозвратно. Отсюда – главная мысль нономики, что нам необходимо поднять человека, уровень его знаний и культуры, внутренней убежденности, осознания необходимости это не делать, отходить от симулятивных потребностей и возвращаться к своему естественному человеческому, именно – ноопринципу развития; это и значит, не «зоо»-экономическому (если вдуматься – самоедскому), а ноопринципу развития как единственной разумной альтернативе.

АВБ. От зоо к ноо, вот этот.

СДБ. Это и есть тот способ хозяйствования, который называется нономикой, не «зоо»-номикой, как эта нынешняя экономика. Действительно, это зоономика. Да, а необходима нономика. То есть та самая система удовлетворения разумных потребностей, которая позволит человеку осуществлять реализацию цивилизационного развития через осознание этих проблем, через получение дополнительных знаний о том, что делать это нельзя и через имплементацию этих знаний в сознание человека – осознание... Только после этого и в результате этого мы сможем эту сингулярность преодолеть. Не после этого даже, а в результате этого осознания преодолеть сингулярность, скажем так. Технологический прогресс нам такие возможности может предоставить, но нам нужно обязательно дойти до того, чтобы эти знания технологические и знания социальные, знания сферы общей культуры, объединились в одно желание человека сохранить себя как человека, сделав свою жизнь лучше, постоянно удовлетворять свои потребности – несимулятивные. Эти потребности должны все-таки коррелироваться со всеми возможностями, которые предоставляет нам общество, технологии и т. д. Не исключено, что завтра эти проблемы не

будут важны, мы вместо одного будем применять для тех же целей нечто другое, условно говоря, не будет нефти, не будет газа, будет нечто другое. Мы, может, не будем копать землю, а будем развивать территории и т. д. Может, нам вместо железа придется использовать другой какой-то материал – тогда нам не нужно будет копать горы, разрабатывать рудники, шахты и прочее, прочее. Возможно, что нам не надо будет дымить и коптить и химию разводить, а что-то другое делать, нам предоставит техпрогресс такие возможности. И тогда мы не будем уничтожать насекомых, тех же самых, и т. д. и т. п.

Возможно, что мы вообще уйдем от этого и, при материальной базе в условиях ноономики, с выделившимся ноопроизводством, будем жить в более виртуальной реальности, чем в «реальной» реальности. Технологический прогресс нам позволит это сделать, но мы должны параллельно подтягивать свои знания социальные, свои знания устройства общества и его переустраивать на основе этих знаний об обществе, как мы переустраиваем свои производственные функции. Так же, как мы перестраиваем свои другие функции, нужно перестраивать социальные функции, функции управления государством, функции сохранения разумного уровня капитала и его контроля, функции управления, администрирования, функции «администрирования» всей нашей жизни. Это, именно вот это должно быть единой идеей, идеей ноономики, идеей перехода к новому типу хозяйствования.

АВБ. Здесь несколько нюансов, которые как раз очень интересны, развитие которых Вы просто сейчас наметили. Значит, нюанс первый, если мы переходим к виртуальным потребностям, многие это воспринимают как компьютерные игры и прочие забавы. На самом деле ведь основная концепция, которая у Вас в ноономике есть, – это общение в пространстве знаний. То есть когда приоритет потребности в переработке, то есть покупки новой кофточки или новой машины заменяется приоритетом в потребности освоения нового знания, передачи знаний. То есть...

СДБ. А Вы знаете, Александр Владимирович...

АВБ. Когда меньше ресурсов потребляется, потому что возникает новый класс пространства жизни. Я правильно понял?

СДБ. С ресурсами-то понятно, они должны в нооэкономике использоваться рационально – и с учетом в том числе возможностей из возобновления, и т.д. И виртуализация жизни человека, похоже, будет способствовать, в т.ч., рационализации ресурсопотребления, можно с Вами согласиться. А с виртуальностью вот в чем дело. Кофточка сегодня – ведь чаще не предмет одежды для укрывания от холода, а предмет престижа, имиджа и т.п. симуляций. Для чего? Чтобы произвести – что? Да, впечатление. Вчера в Париже я посетил музей Орсе. Я решил еще раз возобновить свои знания в отношении импрессионистов, и неоимпрессионистов. А там как раз новая выставка. Я пошел, посмотрел эту выставку, первый этаж, второй этаж, пятый этаж, где более новые картины представлены. Значит, специальная коллекция. Ван Гог. Ренуар. А вот и Кандинский. Хорошо, все хорошо, интересно, вспомнил, получил удовольствие, вот. Знаете, ощущение такое, будто побывал на живой природе, хотя это – просто, казалось бы, картины. И ясно, почему это течение называется импрессионизмом. Потому что «импрессион», впечатление они сумели создать, импрессионисты. Они сумели сделать свои картины как будто, понимаете, я в окна посмотрел на живую природу. И увидел отдельные вещи, глубоко продавившие мое сознание. И когда я насмотрелся, прошел по этому этажу пятому, я не захотел потом ничего смотреть больше. Ни там декоративное искусство, ни что-то еще такое. Я вышел оттуда, все, сел в такси, приехал в отель и, наверное, часа полтора был под впечатлением, будто на природе побывал. Хотя вроде бы разные авторы, да, но они так сумели дать мощное впечатление, особенно те картины, которые отражают те или иные виды – сельская местность, природа, что-то еще. Да, они добивались чего? Своими выразительными средствами? Добивались выразительности, импрессионизма, то есть импрессио, впечатления, создания впечатления. Это – разные авторы, но они сумели это, одно и то же, а именно: воздействие на зрителя сделать. И вот, создание впечатления для меня заменило посещение луга, поля, заменило что-то и что-то еще. И полное впечатление, мне казалось, даже запах я чувствую этой травы нарисованной, так и кустов, деревьев, шум слышал ветра, и прочее, и прочее. Это – не фантастика, это – да, для меня это

стало как бы реальностью, но это почему? Потому что на мой мозг такое впечатление произведено. Но если технологический прогресс позволит нам завтра добиться гораздо большего впечатления, воспроизведения чего-то, этого «конструирования» чего-то, а не только воспроизведения – отпадает, во-первых, необходимость много тратить времени на путешествия, на прочее, во-вторых, мы получаем новые знания, новые осознания, новые впечатления через технологические устройства. И не только в этой сфере. Многого мы можем получить виртуально во всех областях наших интересов и потребностей и быть ими вполне удовлетворены!.. Дальше, эти устройства позволяют одновременно обмениваться своими впечатлениями и знаниями с другими людьми. Вот там люди ходили и обменивались впечатлениями, друг с другом, там много было людей, и основная масса хотела это узнать, познать. В этом есть потребность. И она растет. Посмотрите, какие очереди в эти музеи. И очереди, я вот по своему наблюдению за 25 лет, когда я езжу по Европе, вижу – очереди растут, не уменьшаются. Хотя, казалось бы...

АВБ. Насыщение должно наступить.

СДБ. Насыщение должно быть, да ничего не наступает. Да, появляются новые поколения людей, которые хотят это узнать, почувствовать, впечатлиться и т.д. И их – все больше. И музеи меняются, постепенно выходят в виртуал. То есть два момента есть: с одной стороны, технологический прогресс позволяет этого добиться – получить впечатление, не путешествуя, все больше и больше, с другой стороны – мы можем получить эти впечатления как некую потребность, новую для человека. Понимаете, это новая потребность не только в отношении конкретного искусства, чего-то еще, это потребность человека в осознании себя, а технологии позволяют ему это с двух сторон сделать. Не слишком тратясь и путешествуя, не тратя свое время, с другой стороны, обмениваясь между собой, виртуально, также обмениваясь между собой, как если сейчас мы пишем какие-то посты, там, в интернете. В Фейсбуке или где-то еще там, обмениваемся. И дальше этот обмен будет ускоряться, упрощаться. Мы проще найдем коллег по интересам, к примеру, если мы собираемся с вами, смотрим – кому интересен

импрессионизм? И у нас сразу образуется кластер, да, и мы посмотрели, обсудили. А посмотри там, а вот это, а вот это!.. такие возможности – гораздо богаче, чем если мы просто побывали на выставке, посмотрели. То есть – это рост осознания, рост возможности, с одной стороны технологической, с другой стороны технологии подталкивают человека к повышению уровня своей культуры, через формирование возможности, формирования потребности человека в этих вещах.

АВБ. Вы знаете, осознание – это очень важный момент, но вот Вы заметили еще одну деталь важную – рост очередей в музеи. Не в магазины или еще куда-то. Мне кажется здесь...

СДБ. Я, кстати, был в магазине Галери Лафайет, да, могу сказать, что там народу было намного меньше, хотя это огромный...

АВБ. Больше музея д'Орсе. Это кстати, может быть еще один «крест Бодрунова», снижение потребности, ну, или, по крайней мере, как желательный тренд...

СДБ. Я не скажу, что замечаешь снижение потребности, если это наблюдать поверхностно. Но если посмотреть по составу людей, которые там ходят, то в Галери Лафайет сейчас гораздо больше людей, которые приезжают туда из Азии, из стран, где уровень жизни основного населения ниже и где ценности те, которые представлены в виде товаров, продуктов Галери Лафайет, являются высокими ценностями для этих людей, пока. Китайцы, например, их нарождающийся средний класс, те люди, у которых недавно страны вышли на более высокий уровень, у которого часть населения становится побогаче и может себе позволить поехать, купить. Некоторые набивают огромные сумки ненужных, абсолютно ненужных вещей, на мой взгляд. Потому что покупают просто много, баулами целыми, спрашивается, зачем? Это же – индивидуальная носка, то есть столько носить не будешь. Пока еще не наелись, что называется, пока не насытились. Но там гораздо меньше стало европейцев, почему? Потому что эти страны уже добились определенного уровня технологического развития, которое позволяет удовлетворять без особых усилий те потребности, которые в пирамиде Маслоу являются где-то в нижней части, и даже симулятивные частично потребности. Возникли лучшие

возможности удовлетворения через технологии, которые позволяют сегодня и индивидуализировать запросы, и там отдельную какую-то одежду специального типа, к примеру, скроить, сделать, и прочее, и прочее. То есть это видно. Если внимательно посмотреть, то видно. Посмотрите на среднего европейца, как он одет? Он одет casual, даже не носит костюм, как я, как правило, это уже устарело. Он носит более свободную одежду, как профессор Бузгалин, да?

АВБ. Я иногда тоже костюм надеваю.

СДБ. Да, иногда. А люди, которые ходят по Европе, так называемые европейцы, посмотрите в чем? Джинсы, какая-то такая кофта, удобно, надел, пошел, не глядя ни на что. Так доходит до абсурда, иногда смотришь, уже и безвкусица вроде бы полнейшая. Но – человеку удобно и комфортно. То есть это говорит о чем? О том, что да, у него есть деньги нечто брендовое купить, и не в одном экземпляре, в основной массе, но он это не покупает, он уже осознает, что у него того, что у него есть, ему достаточно, он на это не обращает внимание. Есть уже такие категории людей, это видно по общему движению за 20-25 лет. Так что, может быть, Вы и правы, что, действительно, потребность в такой симулятивной роскоши, значит, у значительной части населения в среднем снижается.

АВБ. Я бы сказал, может быть, это не столько уже существующий тренд, сколько...

СДБ. Намечающийся.

АВБ. Намечающийся и желательный, я бы сказал.

СДБ. Желательный, но и намечающийся.

АВБ. Он объективно намечающийся.

СДБ. Намечающийся, да. И мне кажется так еще и потому, что вот стоят на улице многие вещи, которые раньше бы вызывали интерес и могли быть украдены. Стоят всякие самокаты разнообразные, стулья на ночь кафешки оставляют на улице, зонты и прочее, просто на улице стоят, никто не берет. Потому что это уже не является той самой ценностью, которая была 15, 10 лет назад. Это есть у всех, кому надо, и этого добра всем хватает. У меня такое ощущение, что это отражается на магазинной инфраструктуре: посмотрите на магазины, как изменилась структура магазина. Если раньше было, помните –

кассы, обязательно барьер, чек, проверка. Сейчас зашел в огромный магазину, я не помню название, книги продаются, ноты, диски, детские книжонки, что-то такое. Я зашел в магазин просто ради интереса, посмотреть старые книги какие-нибудь, просто интересно, время было. Значит, внизу, в одном месте, там где-то глубоко внизу, сидит человек, владелец этого магазина, женщина, которая что-то там себе печатает, проверяет какие-то чеки, а десятки, сотни, наверное, человек под сотню, ходят по разным этажам, в подвале, где-то еще, забирают все книжки, на улице у неё выставлена огромная выставка, книжки, там, всякие диски и т. д. и т. п. Потом все, кто хотел купить, идут, ищут её, чтобы заплатить и унести. У людей нет такой уже страсти – схватить и убежать, понимаете? То есть изменилась система торговли. Почему? Потому что книг много, они разные, они удовлетворяют потребность людей в том, что они ищут. Значит, они представляют – не будет этой книги, по интернету заказал другую книгу. В общем это становится не таким дефицитом, как это было раньше, потому что во многом дефицит подстегивал к тому, что вот это перед тобой – ценность, раз ценность, надо где-то перепродать, купить, не достать, не найти. В конце концов, отсюда подогреваются и античеловеческие страсти: упереть, украсть что-нибудь такое и т. д. Вот вам прогресс, возможность вот эта прогресса – накормить, условно говоря, и «параллельно» дать возможность перевоспитать человека. Фактически, так сказать, того же человека...

АВБ. В некотором смысле он сам перевоспитывается.

СДБ. Автоматически происходит процесс. Потому что ему это уже становится не надо, и для него – и это не надо, и это не надо, а вот это надо, и вот это надо, но за это я могу заплатить. Он становится другим, уважать себя начинает, чувствовать себя «больше» человеком, это важно.

АВБ. Это важно. Есть еще один аспект, который вы мельком сейчас заметили и который, по-моему, на базе Вашей концепции хорошо развит. Аспект умного производства в связи с экологическими проблемами. Я даже не знаю, где здесь может быть связь, но каким-то нутром, мне кажется, может быть какая-то связь. Какая – не знаю.

СДБ. Нет, связь здесь абсолютно понятная на самом деле, если внимательно подумать. Умное производство – не просто умное. Что мы подразумеваем под умным производством? Под умным производством мы подразумеваем то, что это производство удовлетворяет потребность людей, мы полагаем, заменяя все больше и больше функций человека как человека. У меня сначала руки заменяли, потом за меня в какой-то мере рычаги управления, потом мозг, какие-то счетные операции перешли к автоматам и т. д. То есть человек становится над производством, чем более умную операцию человек оставляет за собой, человек делает, тем он, условно говоря, становится «больше» человеком. Поэтому когда техника умнеет, то есть начинает заменять человека в разных местах – сначала механические функции, потом какие-то другие и, наконец, интеллектуальные функции постепенно – это и есть также умный продукт производства. Это – как элемент производства. Если мы говорим о производстве, помните элемент: продукт – это то, что может быть продано. Умное производство – это значит что? Продукт уже мы рассмотрели, он становится более интеллектуальным, более умным. Но и все остальные элементы, которые там есть в производстве, они тоже стали более умными, с точки зрения применения интеллекта. Если мы посмотрим «на другую сторону» интеллекта, что такое интеллект человека? Это – то самое сознание его, что гадить нельзя, что делать надо по уму, и так далее и т. п. То есть – автоматически он ищет возможность такую потребность удовлетворить при более рациональном измерении достижения результата (с учетом требований экологии, того-сего, то есть этого осознания). В результате технологии, которые человек начинает применять, все больше и больше становятся «более умными». Умными – это значит и экологичными, в том числе.

АВБ. То есть смотрите, получается такая связка, я её сейчас немного примитивно попробую сформулировать. Чем умнее производство, тем умнее человек, чем умнее человек, тем умнее его потребности, чем умнее потребности, тем лучше для экологии. Не совсем так?

СДБ. Не совсем, хотя во многом.

АВБ. А как?

СДБ. Еще раз смотрите.

АВБ. Чтобы прояснить до конца эту связку.

СДБ. Да. Прояснить. Значит, когда мы говорим просто о человеке, без всякого производства, «без ничего» – так мы говорим о том, что человек, удовлетворяя свои потребности, сначала удовлетворяет потребность чем? Что у него ближе? Самая простейшая потребность – руками, чем-то еще, да, там, извините, зубами. Он возвышается постепенно в удовлетворении своих потребностей. Все больше и больше появляется интеллект в удовлетворении своих потребностей, применения интеллекта. Человек в результате производит нечто все более и более интеллектуальное, более интеллектонасыщенное, знаниеинтенсивное, знаниенасыщенное. Технологии возвышаются, помним, что производство – результат его – это продукт. Он становится более интеллектуальным в результате деятельности человека. Но у производства есть еще другие функции, элементы. Все эти функции становятся также более интеллектуальными, более умными. И автоматически, видимо, когда человек начинает думать: а потом что, как удовлетворить свою потребность, один из этих аспектов потребностей или одну из страт потребностей, он понимает – это потребность в удовлетворении своего желания жить по-человечески, жить в красивом обществе, в красивом помещении, экологически чистом, просто чистом пространстве. Мы сохраняем природу, мы хотим этого. Хотим? Хотим. Поэтому технологии, когда мы чего-то хотим делать, они удовлетворяют эту потребность, поэтому они умнеют «в эту сторону», в экологическую сторону умнеют технологии. Они умнеют, потому что человек все более и более интеллектуально продвинутые вещи внедряет во все эти элементы производства. И в то же время всякое умнение, поумнение человека направлено в определенном направлении, индустриальном. Его тренд меняется. Если мы говорили раньше о тренде удовлетворить потребность людей, нашлепав всего и сделать как можно больше денег, то сейчас один из трендов, может быть, не столько много денег, а гораздо больше, важнее сохранить реку Волгу, что-то еще такое, для будущих поколений, и прочее и прочее. Этот тренд становится всё более мощным, всё более сильным. И он, соответственно, исправляет это направление, удовлетворения человеческой потребности, поэтому

и технологии будут двигаться сюда же, в эту сторону. Если, конечно, этот тренд не уйдет.

АВБ. Отлично. Так, мне кажется мы первую часть, неожиданно появившуюся, очень красиво сформулировали. Теперь, если у Вас еще есть силы на вторую часть – про геополитику, то, что наметили.

Так, значит, у нас было несколько аспектов в связи с этим пространственным измерением изменений, которые происходит при переходе не только от «зоо» к «ноо», но и при переходе от экономики к ноономике, да? И в этой связи встает вопрос, а как все это связано с процессом глобализации, международного экономического соперничества, соотношения национального интереса, национальных интересов капитала, в общем, довольно широкий спектр вопросов такого геополитэкономического характера появляется, богатый.

СДБ. Сейчас я отвечу.

АВБ. Да, да.

СДБ. Тема большая, значит, реально – на большую книжку, в духе Р.Десаи.

АВБ. А Вы ведь недавно говорили про то, что не о чем больше писать... Вы знаете человека, который придумал такое – человек, сидящий тут в кресле...

СДБ. Писать, может быть, больше нечего, главное описано в «Ноономике» и других книжках, а говорить все еще, конечно, вокруг этого есть о чем.

АВБ. Есть и писать, и говорить, да, я вижу.

СДБ. Ладно, попробуем пару слов о глобализации.

На самом деле глобализация как явление есть выраженная потребность в расширении сферы действия финансового капитала, его функция (в определенном смысле), или, скажем, производная. Развитие товарных рынков в определенное время привело к рождению финансового капитала, их обслуживающего, превратив деньги в «господина», сюзерена экономических отношений. Ну а уж деньги, финансовые рынки, в силу и своей природы, и непрерывной потребности к расширению сферы действия, захвату «зон влияния», стали определяющим образом воздействовать на структуру и инфраструктуру т. н. международной торговли; корпорации, захватив национальные рынки, постепенно вышли за

пределы национальных территорий и «пошли в народ» (в другие страны и на внешние рынки), превративших в многоотраслевые конгломераты и транснациональные бизнес-структуры, их «переплетение», «освященное» переливом капитала, легло в основу формирования глобального рынка... Именно финансовый капитал диктует сейчас политическим силам правила ведения политики во всех областях жизни общества. Отсюда – всевозможные объединения (в первом своем смысле – торгово-экономические), торговые войны, псевдо-за-демократические санкции и пр. Кстати, кое-где в этих рассуждениях идет переключка с известной книгой А.В. Бузгалина и А.И. Колганова «Глобальный капитал».

АВБ. Спасибо...

СДБ. Замечу, во многом подобное развитие событий предрекали и К. Маркс, и в чем-то В. Ленин... Но если мы посмотрим в корень, процесс глобализации связан с технологическим развитием общества, человеческого общества, цивилизации. Более того, в некотором смысле, в парадигме «зоо»-развития им предопределен. Почему? Потому что, предоставляя капиталу возможности расширения, в условиях «недоокультуривания» человека в целом (недо-«ноо», в смысле ограничения симулятивных потребностей), технологический прогресс ставится на службу мало чем ограничиваемого финансового капитала. Потому что технологический прогресс позволяет капиталу более эффективно переливаться, использоваться и т. д., одновременно удовлетворяя возможность капитала, желание капитала, капиталиста приумножить капитал – помните функцию, которую мы обсуждали?

АВБ. Да.

СДБ. Значит, технологический прогресс как бы ищет, можно сказать, создает новое пространство для того, чтобы активно эти пространства втянуть в этот самый процесс удовлетворения потребностей, а финансовый капитал, в том числе, требует удовлетворения симулятивных потребностей. Что касается глобализации, то это – постепенное втягивание отдельных геополитических ареалов, что ли, в этот процесс. Он, технологический прогресс, как раз, это позволяет, это, по сути, и есть глобализация, ее корневое существо. То есть глобализация –

это то, что позволяет сегодня продвигать основную возможность продукта как феномена для удовлетворения человеческих потребностей, включая все разрастающийся их симулятивный сегмент, используя расширяющиеся возможности технологического прогресса.

АВБ. Еще раз. Я просто не включился. Значит, глобализация – это процесс, который...

СДБ. Это процесс расширения, можно сказать, финансовых капиталов, в первую очередь. Который, в свою очередь, направлен на то, чтобы увеличивать объемы неважно каким путем. Делать этот процесс бесконечным. А каким путем? Таким путем (скорее, беспутством!), что сегодня удовлетворение симулятивных потребностей достигло своей критической точки. Технологический прогресс, став орудием финансового капитала, создает новые потребности, но – все более симулятивные потребности и их тут же удовлетворяет, втягивая тем самым в этот процесс всех и вся: с одной стороны, нужно разместить продукт куда-то, с другой стороны – нужно создать возможность, чтобы этот продукт брали. Но, с третьей стороны, он использует ресурсы, те, которые остались, где-то есть, которые еще не задействованы, для того чтобы как можно эффективнее продвигать этот самый продукт и чтобы, в свою очередь, наращивать финансовый капитал. И вот этот процесс сильно подпитывается, можно сказать, не просто подпитывается, а в основе его лежит технологический прогресс. Потому что если бы технической возможности не было для расширения этих технологических, экономических возможностей, эти возможности не были бы так широки, так широко бы не шагали. Здесь мы подходим в историческом таком плане к точке, когда глобальный процесс финансиализации уже захватил все основные площадки. Теперь у него не остается возможности драматически крупных территориальных приобретений – возможности расширения экстенсивной, не остается ничего, кроме как перейти к интенсификации этого самого губительного процесса. Интенсификации в чем? В использовании природы, в первую очередь, в том числе, природных материалов, сырья и т.д. Невзирая на ущерб. И копает всё глубже, лезет всё дальше, в Арктику, куда угодно, «добывает» и добывает все больше. Дальше, он на этом не останавливается, он

лезет в душу человека. Почему? Потому что «попутно» он создает человеку такие потребности, о которых он не думал раньше и которые на самом деле являются симулятивными. Тем самым губим человека. Он финансовый капитал меняет, лезет в социальную сферу, меняя отношения людей, требуя от них, знаете, потребительства, масс-культуры и т.п. других вещей, которые, в общем-то, не являются для человека столь важными на самом деле, как это всё формируется искусственно и вбивается в человеческий мозг вот этим глобальным капиталом. Это – связь; эта связка, так скажем, между технологическим прогрессом и финансовым капиталом, глобализацией через финансовый капитал, глобализации в целом, имеет свои следствия, предполагает накладывание определенных условий на существование общества. Соответственно, формируется структура продвижения финансового капитала и т. д. Значит, существует, формируется структура мер государственного и негосударственного соответствующего образования, которое тоже содействует международной торговле, и т.д. Таким великим вещам. На самом деле все это – движение финансового капитала. Я, например, против того, чтобы создавать новые правила международной торговли в том виде, в котором она сегодня существует.

АВБ. Почему?

СДБ. Именно потому, что это современная международная торговля есть механизм продвижения интересов финансового капитала. И только!

АВБ. И навязывания симулятивной потребности.

СДБ. И навязывания симулятивных потребностей, в том числе, а скорее даже в приоритете. Каждый нынешний продукт есть результат переработки тонн природного вещества. Пара туфель требует в производстве от десяти до тридцати тонн свежей воды. А сколько их, «красивых и разных», стоят по магазинам и утилизируются потом, не будучи проданными, либо попользуются ими единицы в единичных случаях! Писали, что у г-жи К. Собчак целая комната занята шкафами с туфлями, их там сотни. И давайте учтем использование под это дело ресурсов планеты, ресурсов людских, человеческой души и чего угодно.

Еще раз подчеркну – считая все на своем пути. Живой пример – Камбоджа. Привезенные капиталистами-колонизаторами сотню лет назад в представляющие сплошные джунгли страну деревья гевеи превратились в могучие плантации. Гевея дает сок для резиновой промышленности 20-30 лет, потом ее нужно бросать, плантация превращается в кладбище сухостоя; это требует постоянной ежегодной вырубке прилегающих джунглей, посадки новых деревьев и разрастания плантаций. Процесс ширится, и ему способствует применение новых технологий для увеличения производства каучука (который на 100% идет на экспорт, подчеркнем это особо, ибо так глобальный финкапитал «вынимает душу» и «выжимает соки» из любой попавшей в его когти территории!). Прогноз ООН: Камбоджа к 2030 году станет единственной страной в мире, где вообще не станет природного леса! При этом страна стремительно превращается в страну казино, банков, теневого капитала, сутенерства и др. бррр..., стремительно меняется состав населения, местное население мигрирует либо нищенствует в стремительно «взлетающих», как миражи из воздуха, городах (по темпам роста ВВП, так его растак, страна многие годы формально обгоняет Китай!) – так действует финансовый капитал. Разрушая не только конкретный лес, его неповторимую красоту, флору и фауну. И разрушая тем самым душу, природу и общество. Это – глубинная связь.

Есть известная международная организация Global Footprint Network, GFN. Она придумала методику, хорошо обоснованную, расчета так называемого «экологического долга», и каждый год устанавливает на основе этой методики т.н. День экологического долга – дату, когда количество потребленных человечеством ресурсов превышает количество ресурсов, которые Земля может восстановить за год. Такой день в 1970 году был в декабре, т.е. экодолга не было. Потом, с 80-х годов (см. начало периода глобализации, видна четкая корреляция!), он возник и продолжает нарастать. В этом году День экодолга – примерно 30 июля! За эти годы суммарный накопленный экодолг составил более 16 лет. А экстраполяция по методикам GFN показывает, что если мы такими темпами будем продолжать «прожигать жизнь», экодолг наш к 2050 году составит 400 с

лишним лет!.. Конечно, если мы еще будем жить... При этом эта методика не учитывает темпы загрязнения природы. Все эти полярные острова бочек от солянки, гигантские разливы нефти в морях и на суше, сотворяемые человеком ежегодные циклопические таежные пожары в Сибири и в Калифорнии, техногенные катастрофы типа Тримайл Айленд, Фукусимы или Чернобыля, моря пластика в океанах, исчезновение сотен видов биоты ежегодно... Кстати, их еще одна комплексная оценка касается восстановления потребленных человеком воды, свежего воздуха и почвы – в 1970 она составляла 0,9, в этом году уже 1,75. Темпы роста – вдвое, и все время ускоряются. Это – прямой путь к глобальному изменению климата. Невосстановимому! Вот вам глобализация в «зоо»-варианте!

Хотим ли мы жить в такой среде? И сможем ли?..

АВБ. На самом деле это...

АВБ. И если мы к этому не добавим других знаний – о необходимости разумного самоограничения, использования «ноо»-подходов к организации нашей жизни, и в первую очередь возможностей технологического прогресса, не добавим в микс нашего пространства осознания мира вот этих знаний-осознаний через культуру, через воспитание человека, не синхронизируем эти процессы, мы придем, очевидно, к катастрофе. Впереди, еще раз подчеркну, – точка сингулярности нашего цивилизационного развития. Мы можем пройти ее незаметно, но последствия ощутим очень скоро. Выбор – либо продолжаем «зоо»-жизнь с «зоо»-экономикой, «зоономикой», и тогда нас вполне ждет то, о чем сказано выше, либо выходим в НИО.2 и постепенно формируем ноономику.

Но есть ли у человека эти знания? Есть. Они есть у общества. Но их финкапитал ограничивает в применении и массовом осознании. В головы внедряют гораздо больше знаний касательно продвижения интересов финкапитала – посмотрите, сколько университетов изучает финансовые рынки, глобальные технологические линии развития (в пользу, конечно же, их применимости в рынке!) и т. д. А сколько людей занимаются глубоким исследованием феномена культуры? Намного меньше, понимаете, на каждом этапе сейчас мы это видим. И когда пытаются хотя бы в школе ввести основы православной

культуры, то невежественные люди поднимают «кипеж»: а зачем нам, нашим детям эта самая православная культура? Но на самом деле – это культура. Это – первое. А потом уже – православная. Хотя то же православие вполне себе четко содержит элементы осознания воспитания феномена самоограничения, учета общественных интересов как более высоких по отношению к эгоистичным, и т.п. Точно так же – исламская культура, какая-то еще культура. Культуру нужно, если на то пошло, сейчас не «гасить», что поддерживает и к чему усиленно подталкивает финкапитал (воспитывая «потребителя», развивая «общество потребления»!), а усиленно насаждать, начиная с детских лет, чтобы человек рос в этом осознании, осознании безусловной необходимости учета интересов общества, понимания, что такое воистину «хорошо», а что такое «плохо». Вот я знаю, был в одной из школ, где развиваются т.н. одаренные дети, с шести лет до выпуска. Если с таким ребенком разговаривать, то ему абсолютно неинтересны какие-то явления масс-культуры или того, что интересует детей его возраста в обычных школах, уже в 12 лет. Он не знает, например, этих всех наших поп-исполнителей, рэперов разных; про Диму Билана – а кто это такой? Он не понимает, почему другие его сверстники кричат, хлопают в ладоши, сходят с ума по подобным кумирам и связанной с ними, «под них» симулятивной культурой (всякие фенечки, фишечки, маечки, очёчки и пр.) и т. д. Зато он прекрасно разбирается в классической музыке – не только Чайковский, Бах, Лист, Моцарт, но и Вивальди, Альбиниони, Гретри, Мейербер и т. д. И знает в подробностях их не просто биографии, а детали их жизни – ему это интересно. Он читает с листа. Читает музыку с листа. И в интернете слушает классические вещи, сверяя их с нотной записью, а не гоняет по сайтам с «фишечками»... Понимаете, это – человек культуры. У него, уверен, когда он возмужает, с более высокой степенью вероятности не возникнет мысли идти зарабатывать деньги, поставляя другому человеку дерьмо или внедряя ему в голову, что это дерьмо ему нужно. Понимаете? Это – люди нового поколения. Индиго. Вот таких надо растить обществу – культурологов, математиков, технарей, людей новой мысли, не жадных до материальных благ (при условии их достаточного

удовлетворения), интересы которых станут выше эгоистических интересов «бредпринимателей», которых сейчас массово готовит общество, порабощенное фейковой парадигмой приоритета предпринимательства над культурой.

АВБ. Да, это очень важно. Тогда, получается, что надо...

СДБ. Это нужно воспитывать в школе, везде. Но общество должно для этого многое сделать, и, в первую очередь, осознать, что для этого необходимо менять программу, менять систему подготовки, менять учителей, если на то пошло, менять технологии образования, менять многие вещи. Объединяя этот процесс гораздо более широко, чем производственное образование, гораздо более. Помните, у нас (ИНИРа и КРОНа) ежегодно конференция в Москве проводится: Конгресс ПНО (по интеграции Производства, Образования и Науки). Но еще – и культуры, правда. Не «и культуры», а я бы его позиционировал так: культура, производство, наука, образование.

АВБ. Кстати, это хороший тезис, который надо записать.

СДБ. Что имеем.

АВБ. Да. И это очень правильно.

СДБ. Ну, видите, как у нас здорово получилось объединить наши точки зрения...

**Коллоквиум Института нового индустриального развития
(ИНИР) им. С. Ю. Витте на тему
«Пенетрация и риднесс как универсальные свойства
мироздания». Стенограмма
(03.07.2019 г.)**

Участники:

С.Д. Бодрунов – директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества России, Президент Международного Союза экономистов, д.э.н., профессор;

А.В. Бузгалин – руководитель Центра социэкономии кафедры политической экономии МГУ им. М. В. Ломоносова, руководитель Московского отделения ИНИР им. С. Ю. Витте, заслуженный деятель высшего образования Российской Федерации, д.э.н., профессор.

Александр Владимирович Бузгалин (АВБ). В Вашей концепции ноономики есть эпизод, который подразумевает наличие определенного типа взаимодействия технологических решений, раскрывающего, я бы сказал, философскую сущность процесса формирования технологических укладов. Речь идет о связанной паре свойств технологий, названной Вами «пенетрацией» и «риднессом». Сначала – еще раз давайте попробуем поговорить про пенетрацию. Пенетрация – это...

Сергей Дмитриевич Бодрунов (СДБ). Начну немножко издалека. Я хочу сказать, на самом деле, что существуют общие законы, которые универсальны. Универсальны для всего мироздания. Есть, к примеру, закон всемирного тяготения. Мы считаем, что в нашем пространстве, в известной нам Вселенной, он универсален. А что за ее пределами? Возможно, этот закон действует и там. Возможно – но, как утверждают физики, работающие над теорией происхождения Вселенной, могут существовать иные вселенные, и там об этом законе мы не можем утверждать нечто подобное тому, как это имеет место в нашей Вселенной. Однако есть более универсальные законы, чем даже закон всемирного тяготения. Например, закон, который я

называю законом риднесс-пенетрации. Он гораздо более универсален, чем закон всемирного тяготения. Он всеобщ. Он – абсолютен. И он – основа мироздания. Мироздания. Здания мира.

АВБ. Да?

СДБ. Что имеется в виду? Имеется в виду следующее: мы понимаем, что если существует одна часть некоего пазла, тогда существует другая, «ответная» часть, которая позволяет пазлу сойтись. То есть элементы пазла должны совпадать. Получается картина некая.

Конечно, это первое, довольно огрубленное представление того, о чем я хочу сказать.

Тут много граней. Значит, первое и главное – это то, что у всего сущего существует способность воспринимать нечто, не являющееся «им самим», «впускать в себя», некая восприимчивость – с одной стороны, и возможность «проникать» в нечто иное, не являющееся «самим собой», – с другой стороны. Только в этом случае пазл срастется. Причем обоими этими свойствами обладает всё в существующем мире. И вещное, и невещное, всё! Это взаимопроникновение вещей позволяет создать определенную картину мира. Мир – это пазл пазлов таких вот.

Но это – одна сторона дела. Вторая сторона этого феномена – это уровень вот этих пенетрации и риднесса конкретного объекта относительно уровней пенетрации и риднесса другого объекта. Они могут идеально совпадать, дополнять друг друга, а могут иметь близкий к нулю уровень «толерантности» друг к другу, т. е. их пенетрационный и риднесс- уровни не позволяют им полностью «сойтись», «слиться», и получится другая конструкция взаимоотношения этих объектов.

Еще важнее для всего сущего третья сторона дела – то, что эта же самая ситуация, взаимопроникновение вещей, риднесс-пенетрация, в паре, всегда создают некое новое качество (известный закон перехода количества в качество есть лишь частный случай этого явления!) – характеристику ли, конструкцию ли, изменение эффектов/черт объектов, короче – новое качество того, что «взаимно». Что имеем в результате – получается риднесс-пенетрация развития/существования любого

процесса. Ведь дальше это – то, что получилось, – снова создает новое качество, если соединяется с чем-то еще, входит куда-то еще. И так – до бесконечности.

Таким образом, весь мир устроен вот таким способом. И только таким, больше никаким.

Как пример, возьмем часы. Если вы берете анкерное устройство в часах, то лопатки его вилки должны точно попасть на соответствующие шестеренки. Если этого нет, то есть если достаточного уровня риднесса у этих шестеренок в отношении к этому анкеру нет, доступности, возможности проникнуть в него, скажем так, то мы не получим понятный нам отсчет времени. И чем точнее «подгонка» анкера и шестеренки (чем ближе уровни их риднесса и, соответственно, пенетрации), тем точнее будет показано время. А если они не совпали, то анкеру «противостоит» другой объект, видимо, в этом случае это не шестеренка, а, к примеру, квадрат. Квадратный или, там, круглый элемент. Понятно, что, соответственно, не возникнет возможности анкеру маятниковое движение перевести в круговое. Соответственно, не возникает новое качество. Новое качество – это часы. Понимаете? А дальше новое качество – часы – переходит в другие элементы. Например, в какой-то датчик или реле. И будет следующее решение, и т. д. Можно продолжить до бесконечности.

Этот закон носит не просто универсальный характер в некоем пространстве, а абсолютно универсальный характер.

Мы, в частности, легко наблюдаем эту картину, когда говорят, что это относится, скажем, к технологиям. Это легко увидеть. Технология, условно назовем, анкера-шестеренки, должна быть такой, чтобы, соответственно, с одной стороны, пенетрационный уровень анкера (обобщенно – это и его размеры, и вес, и форма, и состав материала (обеспечивающий его, к примеру, твердость) и т.п.) был достаточным, чтобы входить в шестеренку, передавать усилие, раскачивать эту шестеренку, вращать ее. С другой стороны, шестеренка должна иметь достаточный уровень риднесса (обобщенно – его составляют также многие ее параметры) по отношению к анкеру, чтобы воспринимать его передаточные движения и делать поворот.

Появляется новое качество в результате этого сопряжения двух сторон процесса, двух свойств объектов.

Но это относится не только к технике. Я утверждаю абсолютную универсальность этого закона.

Выше мы говорили о пенетрации первого во второе и т. д. Посмотрели на техническом примере. Но риднесс-пенетрация как процесс присуща не только техническим системам. Но и биологическим системам – точно так же. Мы уж не говорим о процессе деторождения у млекопитающих. Вся живая природа есть иллюстрация данного феномена. К примеру, мы говорим о процессе проникновения вирусов в клетку. В результате создается новое качество совершенно – раковая клетка, условно говоря. Или в результате возникает еще какая-нибудь ситуация медицинская, биологическая, новообразования и прочее. Отсюда – мутации возникают и т. д. Новое качество. Если мы говорим о природе, то весь природный цикл сплошной – если мы говорим о живой природе, то это – сплошная риднесс-пенетрационная ситуация. Тот же процесс формирования питательных цепей. То есть понятно, что мухи (по своим, к примеру, размерам) должны быть достаточно доступны воробьям, которые их ловят, понимаете? Если этого не будет – в результате воробьи не смогут питаться и не будут существовать. Что мы сегодня в природе, кстати, и наблюдаем. Известная проблема – вымирание пчел как вида. Мы травим поля гербицидами, уничтожаем сорняки, распахируем земли под новые поля (например, под производство сахарной свеклы), но разрываем пищевую цепь пчел. Потом мы видим возникающие проблемы и начинаем пытаться по-другому что-то в эти цепи встраивать, кормить пчел ... сахаром!.. Пытаемся восстановить пищевые цепи пчел. Но цепи риднесс-пенетрации уже другие. Возникают другие качества, новые качества – в том числе исчезновения элементов живой природы.

Если же мы говорим, к примеру, о социальных проблемах, или о жизни человека в социуме, то помните – коллектив, притирка, межличностные отношения и т. д. Или – отцы и дети. И другие проблемы... Работает универсальный закон риднесс-пенетрации.

АВБ. Да, руководитель и подчиненный.

СДБ. Да, да, и т.д. И многие другие вещи.

Или, если мы говорим о сопряжении человека и техники, то мы не делаем руль такой, который было бы неудобно вращать в автомобиле. И он такой, чтобы он был и штурвал, или руль, или джойстик, или что-то еще. В зависимости от назначения. Но – всякий раз – чтобы он подходил под наши возможности: нашей руки, наших глаз, нашего торса и т. п. Точно так же мы создаем технику под себя. А иногда – обратно: себя под технику. Этот тренд постепенно набирает ход...

Те же технологические уклады, теперь ясно, начинают формироваться тогда, когда рождается новая технология, чей пенетрационный уровень, потенциал вхождения в другие технологии (я бы даже подчеркнул – не только в производственные, но и в иные технологии и сферы жизни общества – к примеру, социальные), становится выше, чем у предшествующих. В этом – ключ к пониманию того, как и почему возникают новые техуклады.

В этом плане – это всё риднесс-пенетрационный процесс. И вообще, процесс развития Вселенной, основа мироздания – это вот этот процесс сопряжения и создания новых качеств. На базе универсального феномена риднесс-пенетрации.

АВБ. Ну, вообще-то ясно. Спасибо.

**Коллоквиум Института нового индустриального развития
(ИНИР) им. С. Ю. Витте на тему
«Пенетрация и риднесс». Стенограмма
(06.09.2019 г.)**

Участники:

С.Д. Бодрунов – директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества России, Президент Международного Союза экономистов, д.э.н., профессор;

А.В. Бугалин – руководитель Центра социэкономии кафедры политической экономии МГУ им. М. В. Ломоносова, руководитель Московского отделения ИНИР им. С. Ю. Витте, заслуженный деятель высшего образования Российской Федерации, д.э.н., профессор.

Александр Владимирович Бугалин (АВБ). Мы продолжаем наш разговор о фундаментальных свойствах мироздания – пенетрации и риднессе. Главный вопрос нашего сегодняшнего разговора – единство и взаимосвязь пенетрации и риднесса. В какой мере мы можем говорить о том, что это единый процесс или две стороны одного процесса?

Сергей Дмитриевич Бодрунов (СДБ). Это просто, одна форма взаимодействия, я бы так сказал. Потому что пенетрация, сама по себе, является свойством всего сущего. Так же, как и риднесс. И, с одной стороны, всякий объект имеет некие пенетрационные способности в отношении определенных качеств, которые присущи этому объекту. Например, условно говоря, шестеренка, может быть, иметь определенную пенетрацию к другой шестеренке. Но при этом она...

АВБ. Т. е. можно сказать, извините, перебиваю, что каждый объект обладает свойством риднесса и пенетрации.

СДБ. Абсолютно верно. Я это сказал уже. Каждый объект обладает свойством риднесса и пенетрации. Но тут надо очень четко для себя такую вещь осознать, что это не просто абстрактный риднесс. А вообще-то риднесс проявляется или пенетрация, если возьмем абстрактную пенетрацию, проявляется

в определенных направлениях, определенных качествах объекта. Например, я говорю, шестеренка, может быть, с точки зрения металлообработки, такого качества этой шестеренки, достаточно имеет некие возможности для пенетрации к другой шестеренке. Но при этом эта шестеренка, может быть, с точки зрения ее структуры, из какого металла сделана, что-то еще такое, она может быть неподходящей для замешивания хлеба. Т. е. здесь совершенно качество играет роль. Или, например, сплавы в виде сплава с кем-нибудь, с чем-нибудь. Но я бы хотел просто подчеркнуть смысл самого явления. В каком бы направлении мы не взяли, оно имеет место быть. Другое дело, что когда мы говорим о потенциале пенетрации в каком-то направлении, подразумеваем, что это, может быть, шестеренка лучше подходит к одной шестеренке, но хуже подходит к другой, если взять это направление. Это для ее качества и т. д.

АВБ. А можно тогда говорить, может быть, о мере пенетрации. Или мере этого соответствия.

СДБ. Можно говорить о мере пенетрации, я это называю уровень пенетрации. Возможности ее достижения чего-то, потенциала пенетрации. Можно говорить – мера, тут главное, что понятно, что это мера – я не применяю это слово, потому что оно предполагает численное значение. Хотя, в общем, потенциал пытаются мерить численно, и уровень, и т. д. Но мера уж слишком близко приближена к этому, а здесь аршином общего не измерить. Это только качественные и сравнительные какие-то позиции, хуже – лучше, больше – меньше. Так что в этом плане если эту тему разрабатывать, то, возможно, можно подумать о каких-то способах измерения в каких-то направлениях, каких-то пенетрациях. Но мне кажется, что это такая работа, не особенно осмысленная. Почему? Потому что она для всякого нового качества новая мера. И она, в общем-то, особенного ничего и не дает, кроме тех конкретных случаев, когда мы применяем, понимая, как этот процесс происходит.

АВБ. Когда это уже есть, тогда можно что-то и...

СДБ. Да, применяем. И вот мы смотрим, что это подходит лучше, это – хуже. Почему? А вот здесь уже померить, точности выше, например, у шестеренки зубца. Или форма соответствует более соответствующая в долях,

миллиметрах или в чем-то соприкасается лучше. То есть в этом плане всякое новое качество требует новой меры. В этом особенность явления. Знаете как? Переход количества в качество, например. Там тоже ведь, я уже говорил когда-то в свое время вам, что мы не знаем, какое количество даст новое качество. То, которое подразумевается философами. Я утверждаю, что каждое новое количество дает новое качество. Единица – ноль говорил Маяковский, единица – вздор. Вот единица – ноль, глубокая мысль какая-то, что, да, в данном конкретном измерении единица ничего не может особенного сделать. Значит, ее потенциал пенетрации, ее уровень ниже, чем, скажем, два человека. В том смысле, о котором говорил Маяковский, в том качестве этого явления множества людей.

АВБ. Нести бревно, да.

СДБ. Да. Но, с другой стороны, для того чтобы поменять общественно-политический строй, то качество, которое подразумевается в философском плане, в законе перехода количества в качество, необходимо некое такое критическое количество. Или атомная бомба. Меньше урана – это одно, а вот как только соединили больше какой-то величины, получается уже взрыв. Это другое качество. Поэтому всякий раз, когда мы говорим об этих вещах, мы понимаем, что для каждого нового качества, для отдельного качества, условно говоря, нужна отдельная мера. И здесь вот это сопряжение этого закона пенетрации с законом количества, перехода количества в качество, он сопрягается на каком уровне? На том уровне, что какое-то количественное изменение пенетрационного потенциала или что-то еще такого меняет качество взаимодействия с окружающей средой. В то же время каждый предмет обладает риднессом, т. е. предмет контрагента обладает тоже риднессом. Это взаимопроникновение, у него тоже есть своя пенетрация в этом качестве, мы будем называть, это отрицательная пенетрация, здесь риднесс воспринимается так. А риднесс точно так же, его потенциал и т. д., какая пенетрация, да. В чем универсальность этой структуры, этой концепции? Универсальность ее состоит в том, что этим свойством обладает все сущее, все мироздание, оно построено именно на этом. И не будь этого качества у всего сущего, мира бы не существовало в

нашем сегодняшнем понимании. Конечно, я делаю попытки поискать какие-то противоречия с точки зрения того, что, скажем, математическая теорема, например. А она как, во что она входит?

АВБ. Видимо, в общую концепцию.

СДБ. Может быть, да. Вот можно так полагать, понимаете? Вот в этом плане, когда мы говорим о слиянии, т. е. слияние, когда вы говорите, что это как бы общее, единое целое, получается. Так две капли, например, сошлись, и получилась одна большая капля.

АВБ. И в этом взаимодействии каждая проявила свойства и пенетрации, и риднесса.

**Коллоквиум Института нового индустриального развития
(ИНИР) им. С. Ю. Витте на тему
«Нооиндустриальное общество:
от экономики к ноономике». Стенограмма
(22.11.2019 г.)**

Участники:

С.Д. Бодрунов – директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества России, Президент Международного Союза экономистов, д.э.н., профессор;

А.В. Бузгалин – руководитель Центра социэкономии кафедры политической экономии МГУ им. М.В. Ломоносова, руководитель Московского отделения ИНИР им. С.Ю. Витте, заслуженный деятель высшего образования Российской Федерации, д.э.н., профессор.

Александр Владимирович Бузгалин (АВБ). Сергей Дмитриевич, мы с Вами ранее обговаривали целый ряд проблем, связанных с трансформацией существующей экономики в направлении сначала нового индустриального общества второго поколения и далее – к ноономике.

Сергей Дмитриевич Бодрунов (СДБ). Точнее – речь шла об эволюции экономики нынешней, являющейся материальной основой нынешнего экономического общества и соответствующего общественного (социально-экономического) устройства сначала в экономику следующего этапа развития, следующего, если хотите, типа – экономику, созидающую новое индустриальное общество второго поколения, НИО.2, а затем трансформация уже этой экономики в ноономику, да. И формировании на этом материальном базисе ноообщественного устройства, ноообщества.

АВБ. И далее мы говорили там о том, что...

СДБ. Я должен подчеркнуть, не только в ноономику, сколько именно в новое индустриальное устройство на его базе, в нообщество; и здесь уже можно «новое индустриальное», в этом случае, опускать...

АВБ. Хотя термин «новое индустриальное общество»...

СДБ. Оно, как и НИО.2, будет именно индустриальное, можно в этом случае это уже и не выделять терминологически, говоря о ноообществе, если уж мы на этом остановились. Ведь никакого другого типа производства уже не будет, а если так, то оно – индустриальное, и можно это, всегда подразумевая, опускать...

АВБ. Это важно обсудить подробнее, потому что термин «новое индустриальное» – не «нео», не «ново», а «ноо»-индустриальное общество, обозначающий тип *индустриального* общества, базирующегося на ноопроизводстве и подразумевающий ноообщественные отношения, только-только вводится Вами в научный оборот, в отличие от ноономики, к которой Ваши читатели уже почти привыкли. Нюансы есть, да?

СДБ. Что такое ноономика? А что такое экономика и что такое экономическое общество? Есть различие, правильно? Правильно. Экономика – это материальная основа того общественного устройства, которое сегодня есть. Экономика развивалась исторически сообразно усложнению типа «добывания»/производства/распределения продукта, удовлетворяющего усложняющиеся, «возвышающиеся» потребности людей. Материальная база ее развития – технологический прогресс, возвышение знаниеемкости – во все времена. Время от времени эти копившиеся изменения настолько были велики, что порождали достаточно мощные, видимые качественные изменения социального устройства. Марксисты, к примеру, говорят об общественно-экономических формациях, сменяющих друг друга (замечу, не особенно вникая, почему, в какой зависимости от знаниеемкости общественного производства). Это, если позволите, общественно-экономическое выражение философского феномена отражения – цепочки отражений (потребность – знание – технологии – продукт – тип производства/распределения – закрепление в общественных институтах и т.п.). Конечно, и общественное устройство влияет на все эти вещи (обратное отражение, суперпозиция отражений...), но это мы в данном рассуждении для упрощения опустим.

Кстати, мы с Вами как-то на одном из наших коллоквиумов рассуждали об отражении – это одно из универсальных свойств мироздания. Стоит заметить в скобках, что природа предусмотрела для реализации этого свойства различные механизмы-«зеркала»; к примеру, живые существа обладают особыми клетками – т.н. зеркальными нейронами, позволяющими «отзеркаливать», «отражать» (и тем самым воспринимать!) внешний мир, его действия, эмоции, и человек в этом смысле отличается от высших животных, полагают специалисты (там, М. Якобони, В. Рамачандран, И. Бауэр), только качественно более широкой эволюцией этих клеток, и даже утверждают, что именно они составляют основу природного механизма восприятия человеком внешних направленных влияний, выделив человека из мира других существ, сформировав современного человека, который может контактировать с различными объектами и с себе подобными, учиться, получая знания, воспринимать чужие эмоции, сопереживать...

Экономика есть механизм отражения современного состояния возможностей удовлетворения потребностей людей (в т.ч. - производственно-технологических!) на общественное устройство. Какой тип экономики есть у нас сейчас, такой, собственно говоря, и тип общества формируется, а как она трансформируется – соответственно, трансформируется и общество – дальше, дальше, в соответствии и с классическими политэкономическими воззрениями, и нашим представлением о том, как развивается цивилизация.

Что касается нономики, то это тоже способ удовлетворения потребностей людей (но и более продвинутый механизм отражения возможностей удовлетворения несимулятивных потребностей социума и его членов!), материальный способ удовлетворения потребностей людей, основанный на ноопроизводстве, основанный на технологиях, основанный на, может быть, даже не ноочеловеке, а, скажем так, включающий в себя ноочеловека, как некое лицо, которое находится вне этого производства, но которое управляет, тем не менее, этим производством. Условно говоря, не совсем, как

«контролер-регулировщик» первого разряда, но контролер-регулировщик в общем, глобальном смысле.

Я отнюдь здесь, ясное дело, не считаю, что человек в ноономике будет «работать» контролером-регулировщиком – в этом случае уже сегодняшнюю ситуацию можно было бы назвать коммунизмом, вульгарно выражаясь, потому что сегодня 90% всех трудовых функций – это контроль и регулирование, даже в сегодняшнем уже производстве. Да, конечно, возьмите любого оператора, он и сегодня сам же не пальцем режет эти самые детали на станке – станок работает, а он регулирует. Нет, в ноосистеме общественных отношений у человека будут иные занятия и иная роль. Но в целом человек-социум будет выступать в роли такого регулировщика по отношению к производящей системе. Поэтому говорить о том, что, к примеру, Маркс подразумевал то, что я только что обозначил, – это неправильно, он подразумевал как раз регулирование в обобщенном смысле. Но доведенные до состояния автономности процессы автоматизации и интеллектуализации производства приведут к тому, что это обобщенное «регулирование и контроль» человека над таким производством возрастут естественным путем. И в этом плане он прав.

АВБ. В «ноо»-плане?

СДБ. Да. Ноономика – это такой способ удовлетворения потребностей, который позволяет таким путем удовлетворять потребности людей тоже через индустриальное производство, но основанное на таком обобщении знаний через индустриальную систему. То есть в таком сублимированном виде, возведенном, если не сказать – в абсолют, то по крайней мере – в некую точку, которая позволяет уже говорить об объединенной системе, оторванной от непосредственной «трудовой» деятельности человека. А правильно сказать, отделенной непосредственно от социума, но управляемая социумом, контролером-регулировщиком. Это – общество, которое будет построено на такой материальной основе, на таких отношениях, которые включают в себя и нового человека не только как регулировщика, но и как человека, который мыслит, который существует, как говорил Декарт. Который «бытием» занимается, своим сущностным самоопределением и развитием, или, как говорит

Эрих Фромм, делает выбор в пользу «бытия» в дилемме «иметь или быть». И это самое бытие его определяет его сознание и его устройство, соответственно, общение с другими членами этого общества и, соответственно, формирует общество само. Понятна цепочка рассуждений, по крайней мере. Значит, в этом, понятийном, плане различие нономики и нообщества есть такое же различие (и, естественно, такое же сходство!), как между экономикой и экономическим обществом.

АВБ. А вот ноиндустрия или ноиндустриальное общество – тут есть акцент на индустриальность...

СДБ. Индустриальное, согласен, больше артикулирует, акцентирует сохраняющуюся индустриальную основу такого производства. Но я говорю о чем? Когда я говорил «новое индустриальное общество второго поколения», я от чего всегда отталкивался? От того, что когда мы спорим сегодня, какое у нас общество – постиндустриальное или индустриальное, я настаиваю на том, что оно именно индустриальное. Поэтому слово «индустриальное» включаю в термин. Другое дело, что мы говорим, много раз так говорили – о том, что это структурно и качественно другая индустрия. И она, индустрия, при этом все время меняется, она менялась во все времена на протяжении всех веков. Эта «историческая» индустрия некоторыми классиками уже нынешними, С.Ю. Глазьевым и др., классифицировалась в уклады, например, какие-то. Потому что уклады-то шире, чем просто тип производства, когда в основе лежит тип производства. Новые технологии порождают новый тип производства, а потом дальше производственные отношения на это наслаиваются, возникает человек, обученный этому всему, имплементированный в процесс, который через эти свои внутренние ощущения, через самосознание как бы (человек же един!), постепенно переносит эти все вещи на другие сферы своего бытия, – и, соответственно, формируется общество. Вот таким путем оно формируется, не каким-то еще.

Таким образом, можно говорить о том, что индустрия, производство лежит в основе всего. Когда мы называем «индустриальный способ производства», мы подразумеваем, что это машинный способ производства, то есть это какое-то некое классическое такое понимание индустрии. Хотя можно

понимать и по-другому. Я, в частности, «для себя», понимаю это шире, я вообще представляю, что индустрия и производство в чем-то синонимичны, притом различие в нюансах: производство как процесс – это, собственно говоря, да простят меня классики, если считать то, что мы производим нечто, а производство как феномен – это индустрия. Тогда в этом случае индустрия, как феномен, возникла далеко до классически понимаемого индустриального способа производства. То есть – это то, что появилось тогда, когда человек начал брать природные вещи и обращать их (путем манипуляций на основе некоего осознанного способа, некоего добытого знания!) в вещи, которые необходимы для себя, для работы, орудий труда и т.д. и т.п. Это – первобытный способ производства, «первобытно-индустриальный» способ производства – в этом плане, в плане феноменологическом. А из такой трактовки – вывод: что касается и сегодняшней ситуации, и завтрашней – в таком случае развитие производства как индустрии не может быть «постиндустриальным» (здесь уже не столько в силу многих причин, если иметь в виду классическое понимание индустриального способа производства (мы это уже обсуждали), сколько в силу того, что индустрия есть вообще во все времена некое феноменологическое обозначение способа удовлетворения человеком своих потребностей). Оно – индустриальное, хотя оно опять же поменяло свое лицо, свой облик. Это – не то, что многоликий Янус, это, там, тысячеликий Янус, который периодически меняет свое лицо, притом сохраняя и родовые черты и того, что было ранее, в более ранних типах индустрии, и получая новые способы – ведь вовсе мы не разучились, при всем могуществе современных технологий, обтесывать камень или дубинку топором.

АВБ. Вырастание дерева из семечка...

СДБ. При этом семечко все равно есть в потенции дерево. Так что можно говорить о том, что не только в ноообществе, но и в НИО.2 это будет другой, но всякий раз индустриальный способ производства, который сегодня уже, собственно говоря...

АВБ. Возникает.

СДБ. Возникает и формируется. Если на уклады перенести, приложить к укладам, правильно сказать – наложить

на уклады, на теорию укладов, это – примерно шестой технологический уклад. Хотя я говорил, что особенность этого уклада – она другая, она, кроме особого типа технологий, заключается в качественно иной, более могучей интеграции знаний. Интеграция технологий есть в любом укладе, но для шестого – это важнейшая особенность этого уклада, которая существенно проявляется именно в шестом технологическом укладе, поскольку пенетрационный потенциал технологий этого уклада качественно более высокий, чем у предыдущих технологий (в силу того, что знания стали преобладающим ресурсом их развития (пенетрационные свойства технологии нелинейно, но возрастающе зависят от ее знаниеемкости!)). Конечно, и раньше все эти тенденции были, и разделение знаний (на известном этапе расширения пространства нашего познания и развития науки), и объединение, интеграция знаний были.

Но каждый уклад отличается, я бы сказал, «количеством наполнения» того или иного качественного состояния, качественной части какой-то. Если возьмем четвертый-пятый уклады, там эти вещи тоже возникали, говорили, вот, помните, о том, что хорошие научные открытия делаются на «стыке» наук, особенно – там, возьмите, физика, математика, химия, физическая химия, и т.д. и т.п. Коллоидные растворы, особые материалы. В общем, много чего. В последующем эта тенденция естественным образом ширилась, и сейчас возникает все больше и больше различной интеграции, сейчас уже мы говорим о совершенно другом типе интеграции, NBIC-технологии интегрируются. И при этом результаты этого развития, лежащие в индустриальный способ производства, и порождают эту самую особенность технологического уклада, который будет являться основой нового индустриального общества второго поколения. И, соответственно, новоиндустриального производства второго поколения как материальная его основа.

Что касается ноономики. Вся эта интеграция приведет к тому, что знаниепроизводящая и знаниепотребляющая сферы, а вслед за этим и индустрия, будут интегрироваться на базе наиболее пенетрационных технологий, наиболее проникающих технологий, потому что они, собственно говоря, и являются интегратором. Если в предыдущем технологическом укладе

интегратором являются информационные технологии, а до этого были таким интегратором электрические технологии какие-то, то сейчас – это когнитивные технологии, нейросети будут, искусственный интеллект, и он проникает, искусственный интеллект, в технологии обработки данных, например, big data, порождая совершенно другие феноменальные возможности – увеличения пространства применения, к примеру, технологий доверия, усиления когнитивного потенциала, искусственного интеллекта и т.д. Это приводит к чему? К тому, что производство начнет все больше и больше отделяться от социума. То есть оно, отделившись от социума, рано или поздно, приведет к тому, что сформируется производство как нечто отдельное, и в то же время как основа типа удовлетворения потребностей, то есть производство не только само по себе, но включая, если мы говорим о ноономике, в себя, как и в экономике, распределение, но – на иных принципах и инотехнологическими способами.

АВБ. То есть эти производство, обмен, распределение и потребление – они другие...

СДБ. Естественно, что это все, так или иначе, в неких иных формах, сохранится. Присутствуют другие формы, присутствуют другие качественные основания, но это и есть ноономика. Когда я говорю о ноономике, я не говорю, что это производство, я говорю ноопроизводство и ноономика, но производство (безусловно – индустриальное, я бы сказал – предельно индустриальное!) – основа ноономики как способа удовлетворения человеческих потребностей, а нообщество – это расширение...

АВБ. У Вас тем самым складывается следующая концепция: ноопроизводство – как основа ноономики, а ноономика – база для нообщества...

СДБ. Да, материальная база нообщества, потому что материальная база в широком смысле включает в себя, я считаю, в том числе, принципиальные классические отношения, «политэкономические» (если искать аналогии!) распределение, присвоение и т.д. и т.п. При этом само производство, по сути своей, все равно остается индустриальным. Поэтому можно опустить слово индустриальный, потому что производство другим не сможет быть, никаким другим.

АВБ. Это один из ключевых тезисов Вашей концепции: производство всегда индустриальное, индустрия – это генокод производства...

СДБ. Да, Вы очень точно уловили и подформулировали. А отсюда и тот вывод, который напрашивается просто автоматически – не существует «постиндустриального» способа удовлетворения потребностей, ибо он всегда – индустриальный.

Я думал об этом очень давно, но говорить об этом практически начал сейчас впервые. Почему? Потому что, для того чтобы в каком-то виде рассуждения обобщить (а особенно – объяснить), надо было некий этап, опять же, пройти, надо было, чтобы люди, которые, даже уже погруженные в эти идеи, их воспринимать могли в дальнейшем. Потому что некоторые мои представления «перпендикулярны», скажем, традиционным. Иначе, если я бы сказал, вот представьте, например, Вам при нашем первом знакомстве, что не существует вообще индустриального способа как такового отдельного, а просто все это индустрия – так Вы бы, вероятно вполне, посчитали бы, что я ни в чем не разбираюсь...

АВБ. Было бы отторжение, да. Ведь всегда находишься в некотором «соответствии» тем идеям, которые ты ранее прочитал, уложил в голову. Иногда и «затвердеваешь» в некоторых таких идеях, многократно утверждаемых разными авторами, и надо как-то критически всё перевернуть при появлении другого взгляда...

СДБ. Тут вспоминается КВН-овский анекдот из моей студенческой юности. Студент перед сдачей зачета на консультации задает вопрос профессору: «Вы, уважаемый профессор, на лекции говорили вот это, а в трех разных учебниках я вычитал, что все наоборот. Как быть?». Ответ профессора: «Вы слишком много читаете, молодой человек, поэтому у Вас и каша в голове. Вот я, к примеру, никого не читаю, кроме самого себя, и то периодически, и у меня с головой все в порядке!..». Шучу, шучу... Да, я, конечно, тоже многое новое не успеваю просмотреть, но Бузгалина иногда почитываю, почитываю Бузгалина и для просвещения, и надо же с чем-то умным сравнивать то, что приходит в голову...

АВБ. Я, кстати, давно ничего нового не писал...

СДБ. А я вот что ни читаю у Вас – все новое. «Глобальный капитал» начал перечитывать недавно, полистал, смотрю, вот, оказывается, это и это я при первом чтении и прозевал...

АВБ. Это взаимно, Сергей Дмитриевич...

СДБ. Я могу сказать даже смешнее, я недавно перечитал «Ноономику», так, просто перечитал. Ну, я-то с целью какой? Думал, что если обрабатывать дальше материал для учебника, делать новый текст, то надо бы взглянуть – какие вещи там стоило бы пересмотреть, что-то, может быть, там надо было усилить, добавить. И, Вы знаете, я...

АВБ. Удивился, неужели это действительно было...

СДБ. Шутите? Да нет, не с этой точки зрения даже, а в том, что подумал – мало что можно менять. То есть принципиально я уже добрался до такого состояния объяснения своего понимания, что уже что-то добавить или убавить, ну, можно, конечно, какие-то детали, нюансы, да, но в принципиальном плане уже все вроде бы как бы сказано, и кроме опечаток, больше особо править нечего. Конечно, можно какие-то эпизоды выкинуть, что-то дописать, «углубить», как говорил известный политик, ведь нет предела совершенствованию. А вообще, в принципе, главное – понимать: особенность какая, любой книжки? Если ты хочешь что-то сказать, ты попробуй это суметь сделать. Если ты сумел рассказать то, что ты осознаешь, значит, тогда удалась книжка, для тебя, по крайней мере. Не знаю, как там для читателя, критика или кого-то еще. А если ты не сумел это сказать, значит, не сумел сказать. Значит, тогда книжка неудачная, даже если стала бестселлером и её все читают. В этом плане, я думаю, «Ноономика» – более удачная книжка для меня, чем многие другие мои опусы. Чем ты сам ближе к тому, что ты хочешь сказать, когда пишешь, и чем меньше себя ограничиваешь, тем точнее и понятнее получается.

АВБ. Но, обсуждая даже вроде бы уже принятые вещи, часто наталкиваешься на новые аспекты, идеи. Сейчас вот у нас возник в разговоре еще один нюанс – нюанс, связанный с пониманием индустрии и нового индустриального способа производства. Я думаю, что это очень существенный, на самом деле, «нюанс», и здесь многое можно дальше думать на предмет

того, что есть системное качество, «родовое свойство» индустрии, которое сохраняется всегда.

СДБ. Да.

АВБ. Суть проблемы понятна: что общего между человеком, который вырубает из камня топор при помощи другого каменного топора и, скажем, автоматизированной системой машин?

СДБ. Можно говорить точно так же об укладах. Что есть родовое в укладах? Технологии? Что есть родовое в индустрии? Родовое в индустрии есть технологическое или производственное применение знания. И это есть родовое. Другое дело, какой это эффект дает, и его мы назвали индустриальным способом производства, а можно назвать это по-другому. Не индустриальный способ производства, а просто, условно говоря, некий способ производства, назовем там некий в кавычках, и тогда мы говорим, можно его разделить точно так же на производство первобытное какое-то и т.д. Но это – тоже производство, производит человек нечто нужное ему для чего? Для потребления. Либо орудия труда, для того же самого потребления, но опосредованного.

В этом плане основное качество, которое там «находится», проявляется – это как раз технологическое применение знания. И объем знаний, который повышается все время, приводит к тому, что изменяется сам этот тип, способ такого производства. Вот, на каком-то этапе возник так называемый в «классическом представлении» индустриальный способ производства. Хотя он ничем не отличается, кроме того, что в какой-то момент это привело к тому, что имплементация знаний, расширившись и качественно изменив производство, привела к массовому удовлетворению потребностей, значит, с помощью механизмов и машин. Да, это такое некое отличие, которое... Знаете, сейчас, допустим, человеко-машинная система, говорят. Вот, есть некий инструмент, машина, и есть человек, одно без другого не работает. А чем отличается, извините, первобытный человек с палкой-копалкой? Палка-копалка, заостренный конец, специально подготовленный, – это некое подобие орудия какого-то, машины и прочее, это человеко-машинный комплекс, палка сама по себе не будет работать,

человек сам по себе не будет работать. Философская основа одна и та же. Конечно, это, пожалуй, несколько примитивное рассуждение, но если мы не доберемся до сути, мы не доберемся ни до чего.

АВБ. Сергей Дмитриевич, давайте вернемся к проблеме продвижения от экономического к неэкономическому обществу.

СДБ. Да, в пути кормить никто не обещал, как-то надо жить.

АВБ. Да, что-то в таком духе, всегда есть хочется. И поэтому вопрос стоит о судьбах тех реальных экономических механизмов, которые есть сейчас и которые изменяются уже сейчас и, видимо, как-то будут изменяться дальше, и, скорее всего, достаточно серьезно. Классическая формула: сегодняшняя экономика – это рыночная экономика, а рынок – это система, где есть, с одной стороны, общественное разделение труда и труд носит общественный характер, а с другой – обособленность производителей, господство частного труда. Этим обособленным производителем может быть отдельный человек, это может быть фабрика, это может быть...

СДБ. Субъект.

АВБ. Сложный производственный комплекс. Но он в рыночной экономике обособлен, действует самостоятельно, на свой страх и риск, за свой счет (кредит, в данном случае, – это второй вопрос). И вот эта система на основе свободной более или менее конкуренции, частного экономического эгоизма, обеспечивает реализацию общественного интереса на базе частного экономического эгоизма. Такова абстрактная модель, идущая от Адама...

СДБ. Хорошо сказали – частного экономического эгоизма. Можно сказать – просто эгоизма, а понимаете, это сразу уводит к чему? К зоокачествам человека.

АВБ. Дальше, что с этим всем происходит?

СДБ. Дело в том, что на самом деле этот экономический эгоизм лежит в основе сегодняшней экономической парадигмы, рыночной парадигмы. Что было в советское время? Вы помните, что мы эгоистами считали самых «материальных» негодяев, это были эгоисты. Почему? Потому что формировали как раз другого человека, пытались формировать, я не говорю, что удалось это

или не удалось, насколько удалось, или во многом удалось. Но – формировали другую ментальность и другое представление о том, что есть хорошо, что есть плохо. И с точки зрения представления цивилизационного развития – небиологическое, незоологическое качество человека развивается, те стороны его сущности, и без которых мы не сможем дальше получить нормальную цивилизацию, сохранить себя как цивилизационное построение, мы не сможем ничего получить. Это вот самая важная вещь. Человек развивается естественным путем, по пути не усиления эгоизма, а снижения эгоизма, как это ни странно выглядит с позиций сегодняшнего дня. Говорят, о, все такие эгоисты! Все – да не все. Вы вспомните, если взять древние времена, когда могли съесть и соседа, «аборигены съели Кука» (помните?), а почему? «Молчит наука». Как говорил наш бард Высоцкий. Почему? По словам поэта, потому что «хотели кушать – и съели Кука!». Это – классическое определение того уровня эгоизма, который был и который прошел человек. И этот эгоизм, если взять древние войны, посмотрите, зашкаливал. Связано это было с тем, что небиологические, духовно-ценностные критерии истинности ведения дел развивались не так быстро, и превалирование «зоо» над «ноо» составляло суть этого процесса. Но – понятно, что духовные потребности, а с ними и критерии эти развивались.

Вообще каждый человек – это отдельная Вселенная, он может быть бо'льшим эгоистом, меньшим эгоистом... Один – Рабиндранат Тагор или, там, условно говоря, Махатма Ганди, которого полагают едва ли как сублимацию некоей обобщенной духовности. Лев Толстой, «непротивление злу насилием», и т.д. То есть, есть какие-то люди, которые вот такие, у них больше этого «неэго», «незоо». Тогда как другие имеют больше «эго», но уже и эти бы не съели Кука. И сам факт появления и существования таких людей говорит в пользу развития человека в этом направлении... О том же свидетельствуют многие – и растущие на протяжении веков! – проявления культуры, духовности, соучастия, социального партнерства, признания обществом многих отнюдь не материальных прав людей и т.п.

АВБ. Я в данном контексте вспомнил о Вашей статье «От «зоо» к «ноо», которая была опубликована в журнале «Вопросы

философии». То есть Вы утверждаете, что неравномерно, но все же происходит возрастание, скажем так, постэгоистической модели поведения.

СДБ. Да. Я бы сказал – возвышение. Это – точнее было бы. Но происходит это не просто так, оно не происходит само по себе, а происходит на базе развития, технологического развития способа удовлетворения потребности людей. Появилась возможность съесть быка, а не соседа, то есть научились копьем работать, съедим быка. Это уже появляется тогда, если быка много, и мяса много, некое желание соседу дать, пускай уже и он съест кусок, все равно лишнее пропадет. А у соседа есть интерес к этому куску. Постепенно вырабатывается это через интересы членов общества, появляется общественный интерес. Совместно быка ловить. Общественный интерес заключается в развитии как раз способов поддержания в нормальном, более-менее устойчивом, самосохраняемом состоянии цивилизационной системы, неразвала её. Чем больше эта система, чем она сложнее, тем больше возникает потребность в такого рода связях, неэгоистического, «незоо»-, «ноо»-характера...

АВБ. На определенном этапе развития технологий в экономической системе появляется общественный интерес как единый для всех членов общества, да?

СДБ. Не сначала. Сначала удовлетворяется первичная потребность, и на базе этого удовлетворения формируется явление под названием «учет несвоих интересов». И формируется общественный интерес. Зарождается, растет, и он всегда в чем-то единый, для всех членов общества, потому что есть и группы членов общества, группы интересов, но если общий интерес некий, он объединяет всех. Например, любые члены общества на сегодня, возьмите, никто не хочет ядерной катастрофы, правильно? Правильно. Богатые и бедные, азиаты и африканцы, и практически все, кто хотите. Другое дело, что никто не хочет болеть бубонной чумой или раком легких, но находятся люди, которые через сублимированный, опосредованный интерес тратят деньги на эту самую бубонную чуму в виде бакоружия или на производство табака. На решение таких проблем и должны быть направлены общественные усилия. И осознание необходимости этого должно быть и на уровне общества-

государства, и на уровне возвышающегося общественного «незоо»-сознания. Либо государство тратит, либо люди, как Билл Гейтс, который против СПИДа организовал фонд и свои деньги туда перевел какие-то. Я не утверждаю, что тот же самый Билл Гейтс является неким Махатмой Ганди нового поколения, хотя что-то в этом есть.

АВБ. Некая толика Ганди присутствует даже в Гейтсе. Может быть, очень маленькая.

СДБ. Да, хотя Гейтс тратит немало, но Ганди не имел того, что имеет Билл Гейтс. И такие биллы гейтсы становятся тоже, как Ганди, неким примером продвижения «ноо»-принципов. Махатма Ганди мог быть один такой, или два, или какие-то самородки появлялись, но они, как светоч, как некий ключ, открывали этот путь, объясняли, куда нужно двигаться, а потом приходили люди, такие, как тот же Гейтс, которые технологически могли как-то поучаствовать в этом деле. И с их внутренним осознанием правильности идей такого рода, и общественного интереса в этом, даже непрямого, косвенного, но своего немеркантильного интереса. Значит, осознанный общественный интерес приводил к тому, что они начинают больше участвовать в реализации этого – через различные институты, благотворительность, государственные налоги, распределение этих денег, поддержку видов бизнеса, который может прокормить людей. Ну и т.д. Огромное количество механизмов передачи этих накопленных уже ресурсов, передачи или решения общественных задач. И дальше зависит от того, какие способы использовать. Способы использоваться могут быть разные, например: если у нас, скажем, на каком-то уровне «воспитанное» общество, более воспитанное общество порождает больше воспитанных «Ганди», таких, которые попадают во власть, попадают в те структуры, даже не во власть, а в структуры управления обществом, реализующие общественный интерес на разных уровнях, тем больше мы приближаемся к нооситуации. Чем меньше таких людей, тем хуже для нас, но сама ситуация с выделением общественного блага, направляемая на общественные нужды...

АВБ. То есть нелинейное возрастание роли общественного интереса...

СДБ. ...Через технологические возможности. То есть если технологический прогресс, уровень развития производства, объем и качество производимого продукта позволяют людей накормить, значит, мы уже будем кормить. И это все больше, как бы незаметно, появляется в нашей жизни. В Лондоне можно пойти в магазин, там можно купить продукты дорого, но во многих магазинах стоят со скидками продукты, у которых уже заканчиваются сроки годности и прочее, значит, это можно купить дешевле. Некоторые магазины, в том числе в России, содержат детские дома, потому что сроки годности продуктов заканчиваются, и, если он честный торговец, он снимает продукт с полки, не стирает стикер с ценой, и не лепит новый, и такие люди тоже есть, количество их немалое отнюдь.

Но есть уже и другие, которые не стирают, а которые скидку дают, либо если продукт еще годен, но зачем его утилизировать, выбрасывать, лучше накормить тех людей, которые съедят его немедленно. И сроки будут выдержаны, и все остальное, потому что обычно люди, 90% людей, покупают продукты в срок, ну, на три, на пять дней, десять дней, а, например, такие структуры, как детский дом, они могут кушать ежедневно, дома призрения для стариков и прочее, почему оно и есть. И чем дальше, тем больше. Возьмите 100 лет назад, практически такого не было, понимаете? У нас были в Петербурге некие личности типа нынешних благотворителей, люди, которые за свой счет, своими силами пытались что-то организовать такого типа – это был более нонсенс, чем правило, а сейчас это не является чем-то таким экстраординарным. Я знаю многих людей, которые, не афишируя, тратят на свои ресурсы, средства, причем это даже не самые богатые люди, всякие люди есть. Но в то же время и государство становится все более социальным, как бы мы его ни ругали, государство, но его задача, как Путин в указе прописал, какая? Фактически – накормить людей, правильно? Какая задача в Китае? Зажиточный средний класс, правильно, общество средней зажиточности, «пинь инь», и т.д. Не общество богатой зажиточности, а с такой зажиточностью, которая позволяет решать задачи развития, в том числе – творческого...

АВБ. Кстати, Сергей Дмитриевич, опять перебиваю. Если построить мостик между этим Вашим тезисом и тезисом об отказе от симулятивных потребностей, то здесь, видимо, отказ от симулятивных потребностей – это тоже один из аспектов возвышения...

СДБ. Я с Вами полностью соглашусь.

АВБ. Это Вы с собой согласитесь в данном случае.

СДБ. Я просто до этого не добрался еще в своих сегодняшних рассуждениях...

АВБ. Извините, я Вас перебиваю и опережаю ту мысль, к которой Вы идете.

СДБ. Да нет, все правильно, я эту мысль мог и не высказать. А так Вы её подтолкнули, эту мысль, она замечательная, правильная абсолютно точно, потому что один из аспектов таких проявлений – это, в том числе, осознанный отказ от симулятивных потребностей. Это – тоже нерастрачивание общественного богатства, и частного в том числе (но общественного больше), почему? Потому что людей, извините, заставляют через рекламу купить ненужную вещь, многих частных лиц. Они тратят свои деньги не на то, что необходимо, а на то, что симулятивно. Значит, если бы эти средства оставались в их распоряжении, то их реальные доходы оказались бы выше, реальной была бы возможность потратить их на реальные потребности, реализовать те, что выше, и т.д. Они могут то же самое, этот кусок пирога общественного, фактически, направить на решение общих задач. В этом плане это действительно не просто мостик, это один из аспектов этого всего дела.

Если говорить дальше, двигаться по этой линии, то сегодняшняя экономическая система, которая до сих пор продуцирует, порождает зоотип отношения к собственности, отношения к материальному миру, вещному миру, и отношения, и скажем, даже не к вещному миру, включая его в свою орбиту. Так, возьмем т.н. «интеллектуальную собственность», первоначально же не было слова «собственность» в приложении к интеллектуальному результату; не было 100 лет, 200 лет назад понятия «собственность интеллектуальная», а потом оно появилось. Придумали, как интеллектуальный результат огородить законами. И товарищ Эдисон быстренько собрал со

всего мира у всех, кто что придумал, да и запатентовал через американский способ столбить участки с золотом, точно так же, как у них там – Джек Лондон написал в свое время: приехал на Юкон, застолбил участок, было не твое, стало твое, и огребай золотишко ...

АВБ. Это, кстати, интересная параллель: золотая лихорадка, интеллектуальная лихорадка...

СДБ. Конечно, она возникла, потому что технологический прогресс позволил получить множество вещей, которые ушлые предприниматели, не обремененные новыми принципами отношений к этому новому явлению, быстро использовали это для себя, переложив новое вино в старые мехи – на традиционный способ использования продукта. Интеллектуального, нового продукта, или какого-то способа, и т.д. Они придумали очень простую вещь: в юридической базе расписали, что это такое, интеллектуальная собственность, как она выглядит, и стали быстренько патенты и все остальное забирать и потом, дальше, требовать за это денег.

АВБ. И возникла не прибыль даже, а рента, интеллектуальная рента.

СДБ. Фактически – да. Это рента, причем не всегда на своем.

АВБ. Как будто бы ограничили участок, а дальше пускают, только если платишь арендную плату.

СДБ. Да. Примерно.

АВБ. Так и здесь. Ограничил, как Вы говорите, застолбил.

СДБ. Застолбил: участок мой, золото мою я, а если пасутся овцы твои здесь, плати за траву, которая тут вырастет и т.д. Хотя я траву эту не сеял, золото там не складывал и т.д. Так что в этом плане общество экономическое продолжает продуцировать, порождать эти самые отношения, которые на сегодняшний день размываются постепенно технологическим прогрессом. Размываются, в том числе...

АВБ. Здесь встает вопрос: как интеллектуальная частная собственность может размываться технологическим прогрессом?

СДБ. Обыкновенно. Как и всякая иная. Вы знаете, мы очень сильно продвинулись в развитии авиационной военной

техники. И очень надеялись, что хорошо свои интеллектуальные результаты (РИДы) защищаем. Застолбили, в американских традициях, ввели наше законодательство, начали продавать сборочные самолето-комплекты в Китай. Что сделали китайцы? Они взяли, разобрали все по винтикам и через некоторое время сказали – это теперь уже их самолет. И отказались от нашего контракта, второй половины. И теперь делают самолеты сами по фактически нашей документации и продают Пакистану, все вооруженные силы Китая вооружены и т.д. Что делали индийские наши коллеги? Они требовали от нас, чтобы мы продали им лицензию на производство с передачей технологии, т.е. более цивилизованно. А дальше они все равно на базе этих технологий развивают новые технологии. Таким образом, знание, с одной стороны, не удержать, если его захотят скопировать, или как-то еще. И все наши искусственные придумки, учитывая особенность знания, что оно размножимо, малоэффективны. Искусственные придумки кончаются ровно там, где заканчиваются искусственные способы изъятия ренты за эти знания. Например, суды. Вот присудит некий суд: России Китай заплатить должен что-то, а он скажет, что платить не будет. И что, войной пойдешь? Ничего не сделаешь. Это не самолет, который он здесь есть, его перегнали, он там теперь. Значит, его можно отобрать обратно. Но знания, интеллектуальный результат, переданный в другие руки, «в другую голову», назад ты не отберешь никак. Даже если войной пойдешь, не приведи Господь.

АВБ. Вот это совершенно верно.

СДБ. И второе, знание еще имеет вторую особенность, о которой мы тоже говорили в свое время. Эта особенность – в том, что оно шире, чем то, что ты нашел сегодня как ответ на вопрос, на который оно отвечает. Что из этого вытекает? Ты сегодня залицензировал некий вопрос, некое решение. Патент, что-то еще. Продал лицензию на использование, а дальше что? А дальше – знание-то шире, покупатель посмотрел – и осознал нечто иное, чем то, что подразумевает лицензируемый результат. Вот мы с Вами пьем чай, смотрим на эту ложечку с этой стороны, а он – вот с такой вот. А он посмотрел на этот предмет с этой стороны, оказывается, тут вмятина, тут впадина, слушай, а ведь

его можно использовать совсем для другого. Мы, оказывается, этой ложкой по лбу били, и хороший она для этого инструмент. А, оказывается, можно чай этой ложкой хлебать. Или мешать раствор. Или как веслом пользоваться. Понимаете? И это уже характеристика того, что мы не можем на самом деле реально все это дело удержать. Знание как вода. Оно проходит через руки как через сито. И мало, что протекает неудержимо, но еще и орошает все вокруг. Знания, имплементированные в продукты, идут по миру, несмотря на то, что удерживать их пытаются сегодня финансовый капитал. Это во многом успешно удается. Тем не менее, мы приходим к точке бифуркации, рано или поздно, когда это удержать уже будет невозможно. Когда продукт, как бы мы ни хотели, станет доступнее, а поскольку он становится все более знаниеемким, плюс с учетом упомянутых выше особенностей знания как феномена, и знание становится многократно доступнее, социализированнее. А там, где социализация, там и размытие института собственности, т.н. «отказ от собственности», экономика совместного пользования. А право пользования есть основное в феномене собственности!

Экономика НИО.2 будет как раз такой экономикой совместного пользования. Уже сейчас рост такой экономики мы наблюдаем. В отношении любой собственности. Так происходит социализация и интеллектуальной собственности, в том числе. И ее доступность, снижение относительно ценности, удешевление. Вот телефон - 50 лет назад был большой ценностью. И телевизор. Не говоря уже о персональном компьютере даже 20 лет назад. А потом появились (техпрогресс!) мобильные телефоны. Первые мобильные телефоны. Я лично покупал в свое время за бешеные деньги, чуть ли не за 5 тысяч долларов. Сколько он стоит сегодня?

АВБ. Если самый дешевый, то пять.

СДБ. Почему он удешевляется? Он ведь уже – и телевизор, и компьютер! И много еще чего. А – дешевле в разы, чем эти предметы по отдельности ранее. Потому что знание, абстрагируемся от других (в данном случае менее значимых факторов), пусть даже само по себе не дешевое как добытый продукт, деленное на количество, уменьшает стоимость этого продукта.

АВБ. Да, распределение издержек.

СДБ. Да. И мобильный телефон старый был размером пускай в два раза, в три раза тяжелее, чем этот, нынешний. И не в три раза подешевел, если материальную часть смотреть, а в сто, тысячу и т.д. Потому что именно за счет тех знаний, хотя знаний там и больше, в нынешнем телефоне, существенно больше. Но, тем не менее, поделенное на миллиарды единиц, это знание позволяет всем практически легко им пользоваться. Фактически мы сегодня пользуемся этой связью, если на то пошло, бесплатно. Стоимость знания в издержках индивидуального мобильного общения стремится к нулю. Можно так об этом говорить, когда каждый человек, к примеру, нищий в индийской деревне, показывали, в палатке сидит, и у него ничего нет, даже электричества, но зато есть телефон мобильный. Это о чем? Что он за него и платить может все-таки. Это значит, и стоимость этой услуги, она сопоставима с тем хлебом, который он ест, чтобы поддержать свою жизнь. И даже дешевле. При всем могуществе тех технологических решений, которые в этот способ общения заложены обществом.

АВБ. Есть и еще один аспект. Это – изменение роли государства, в частности, в связи с изменением соотношения частных и общественных благ...

СДБ. Государство есть отражение общественного устройства.

АВБ. Да. Но, подождите, есть у меня очень конкретный вопрос в этой связи: возможна ли и целесообразна ли экономическая политика государства, нацеленная на косвенное...

СДБ. Воспитание?

АВБ. Дестимулирование бизнеса: если вы не работаете на удовлетворение общественных потребностей, то для вас вводятся высокие налоги и т.п.

СДБ. Нет, не дестимулирование бизнеса, а точнее сказать, на то, чтобы результаты бизнес-процессов все больше воплощались в общественное благо.

АВБ. Так, это другая постановка...

СДБ. А дело в том, что в экономическом обществе, мы понимаем, результат вот этого всего общественного процесса распределения благ, добыча и распределение благ, он

реализуется экономически, через деньги, через экономические механизмы и т.д. Да, здесь есть и некая часть, и она растет, эта часть, которая распределяется другим способом, общественными механизмами и не особенно заметно. Эта часть должна расти. На эту часть должны быть направлены усилия и государства. Но в то же время...

АВБ. Часть, о которой Вы говорите, – это общественные блага?

СДБ. Если бизнес вообще будет дестимулирован, а он в сегодняшнем экономическом обществе и есть основа способа «добычи» и распределения благ, то мы разрушим основной механизм, по которому происходит стимулирование производства и распределение. Потому что в основе стимулирования производства лежит что? Потребность, потому что потребность рождает спрос, спрос рождает предложение, вообще говоря. Это – предложение (я беру обычную схему, я не говорю о соотношении спроса-предложения, взаимовлиянии их, эластичности, этой всей луковичной шелухе).

АВБ. Оставим в стороне...

СДБ. Оставим в стороне, да. И отсюда дальше – появляются те знания, которые необходимы для того, чтобы это произвести. Здесь вот как раз способ производства позволяет постепенно расширять пространство, скажем так, удовлетворения потребностей... С другой стороны, мы понимаем, что это есть длительный и постепенный процесс, и что если сейчас взять вот этот экономический стимул и где-то пресечь, осечь, например, в то время, когда еще мы общественным способом не удовлетворили все потребности, взяли и отрубили, то спрос появляется, как бы сохраняется, а стимула произвести нет. Потому что мы взяли, например, у капиталиста, да и изъяли все. Или, как сейчас в России, создали бизнесу невыносимые условия, фактически – дестимулировали. Или, как в советское время: национализировали, все отобрали. Тогда нужен другой стимул производства. Какой? Ведь надо все равно произвести. Все равно что-то сделать. И мы в ранний советский период возвратились опять же к экономическим способам регулирования и стимулирования. Зарплата, то, се, правда? Т.е. – до тех пор, пока мы не построим, извините, вот эту вот ситуацию, когда

общественное благо, произведенное обществом в достаточном количестве, станет удовлетворять основные потребности людей, до тех пор будет продолжать работать система экономическая, фактически.

Другое дело, что сегодня формы ее «отправления» превратились в гипертрофированные. Растет неравенство, растут симулятивные потребности, людей заставляют покупать не то, что надо, то есть тратиться на снижение общественного блага, а не на повышение. Хотя, казалось бы, индустриальный прогресс позволяет это самое повышение сделать.

АВБ. Подождите, получается – маленькая деталь, но, по моему, важная – рост ориентации производства на удовлетворение симулятивных потребностей реально снижает меру ориентации развития на общественные блага. Может быть, не абсолютно, но хотя бы относительно.

СДБ. Относительно снижает. Относительно уровня удовлетворения возможного. Возможного уровня удовлетворения. Потому что их, благ, реальных благ, было бы больше, оно растет, это благо. Но его было бы больше, если не было бы затрат на симулятивные потребности. И в чем проблема сегодняшняя? В том, что потребность симулятивная возгоняется. Я бы сказал, не растут, а возгоняются искусственно симулятивные потребности. Возгоняются тем способом присвоения и распределения результата индустриального производства, который сегодня существует. Не только в самом производстве, но и во всех связанных с ним экономических вещах. Что мы получаем в результате? Мы получаем в результате, что государство сегодня должно в какой-то такой вот части усилить свои регулятивные функции. Замечу, я в свое время говорил обобщенно, что роль государства при движении в НИО.2 и далее будет снижаться. И это действительно так – со снижением роли экономики как регулятора распределения. Кстати, меня жестко критиковал профессор Михаил Илларионович Воейков за эту позицию. За то, что как раз государство усиливается, что в Америке регулируют чуть ли не количество мяса в пицце.

АВБ. Это его любимая тема.

СДБ. В пище там, и т.д. И я понимаю, что это так. Но это регулирование не количества мяса в пище, это попытка, может быть, такая неуклюжая какая-то попытка, все-таки снизить, может быть, симулятивную возгонку эту. Хотя в этой части это выглядит как некое «усиление» госрегулирования. А почему так государство поступает? Потому что если дать предпринимателю полную волю, может быть, у них там, не знаю, вообще забудут положить мясо в пиццу, а продадут нечто неудобоваримое. Или заставят покупать пиццу со свехнормативным (зато выгодным для предпринимателя) вложением того же мяса! Пусть потребитель страдает ожирением, но ест! Так нашпиговывают напитки сахаром, что у полмира диабет. И это надо ограничивать, конечно. Можно так интерпретировать это, конечно.

Но мне кажется, что не в этом роль государства. Роль государства – в том, чтобы способы распределения становились все более общественно значимыми. Чтобы снижалась доходность симулятивного потребления, симулятивных операций. Я почему говорил, помните, о финансовой ренте на семинаре? Почему? Потому что финансовые спекуляции, которые возникли буквально, может быть, 100-150 лет назад и начали развиваться в конце 20-го века в наибольшей степени, дали уже кучу кризисных явлений и т.д. Эти финансовые спекуляции ничего не дают полезного на самом деле. Но они формируют некую такую базу для развития симулятивных потребностей. И они формируют одновременно очень важную проблему. И, как бы сказать, иницируют ее, и провайдерами являются важной проблемы – «отсоса» денег, извините, из реального сектора экономики в «нереальный» сектор экономики, в финансовый сектор. Финансовый сектор ненужных услуг и т.д. При этом такими способами (деньги в руках!) идет формирование снижения, антитезы тому естественному развитию небиологических черт человека, ноочерт, попытка сохранить и усилить «зоо»: давайте – разврат, там, то, се, давайте будем вводить искусственно агностицизм, атеизм, что угодно. «Мы живем одним днем» и т.д.

Стимулирование всех этих вещей, поддержка всевозможных структур, которые так или иначе могут влиять на население, на массы. А институты сдерживания этой тенденции у

государства, которые были, размываются, здесь государство ослабевает, к сожалению. Ослабевает слишком рано. И здесь должна быть более жесткой линия государства, в этой части. Вообще на любом этапе государство всегда где-то жестче, где-то мягче, где-то либеральнее, где-то мобилизационнее работает, это понятно, в зависимости от исторической ситуации. Больше того, одни «части» государства должны по одному принципу работать, что-то либерализовать, например малый бизнес. А крупный бизнес, наоборот, поставить в жесткие рамки, экологические требования, какие-то другие общественные требования. Точно так же здесь нужно ограничивать и аппетит финансового капитала, тогда, в этом случае, неравенство будет снижаться. Говорят, что очень сложно сегодня добиться этого, потому что рычаги – у этого финансового капитала, но мне представляется, что растущий общественный способ удовлетворения, который развивается на базе новых технологий, рано или поздно будет все равно подтачивать вот эту вот базу, на которой растет все это негодное древо.

АВБ. Симулятивное.

СДБ. Да. Симулятивное финансовое капиталистическое древо. И я не надеюсь, что капиталисты все станут биллами гейтсами и перевоспитаются. Но понимаю, что таких людей, которые в погоне за длинным долларом или рублем будут гнобить себе подобных, будет становиться все меньше. Отсюда и возникает ограничение себя, осознанное ограничение – но не в том, что «я хочу себя ограничить», а в другом – просто «а зачем», зачем гнаться за миражом собственности, сверхдоходности, ставя из-за этого на карту свои способности, репутацию? Свое время, свою жизнь. Просто – а зачем? Вот такого типа ограничение будет постепенно формироваться. Вторая сторона, которая сможет вызвать эти самоограничения – это потеря ценности денег, ценности той собственности, которая будет...

АВБ. Это очень интересно.

СДБ. Это следующий аспект. Потеря ценности той собственности, которая является для них сегодня стимулом. С возрастанием ноопотребностей, с возрастанием ноокомплекса в человеке, ноочерт в человеке, в обществе, будет расти и потребность в других вещах. В признании общественном, в

частности. В работе на благо людей других, на общество. В творческом развитии. С другой стороны, удовлетворение потребностей вследствие технологического и индустриального прогресса будет более интенсивным, будет снижаться спрос и на платную потребность.

АВБ. Это тоже очень важно.

СДБ. Ну, еще раз, технологический прогресс будет развиваться. Технологический прогресс позволит постепенно формировать ситуацию, когда спрос, который есть сегодня, потребность (а через нее формируется спрос) хотя и будет расти, но снизится спрос на платность, на цену вот этой собственности, благ, которые получает человек. Как гаджет, пример с телефоном – показательный. Если раньше это было важно: иметь телефон – не только позвонить, но и престижно. Сейчас престиж возгоняется искусственно. А вот – новая модель, а вот там что-то еще, а у меня золотые стразы, золотые коронки вставили, с зубами теперь этот телефон. Вот это есть «игра на зоокачествах» человека, игра на низменных чувствах. Но в то же время 90% через телефон просто получают информацию, просто потому, что им нужно получить информацию, позвонить, связаться и т.д. Использовать реальные функции аппарата. И стоит эта функция намного дешевле, она доступнее. И приходится тому же самому капиталисту что-то выдумывать, симулятивные рога и копыта к ней приделывать, а не продавать втридорога свой аппарат, хотя, по идее, монополизм ему помог бы, но технологический прогресс не позволяет уже это сделать. Уже есть естественная граница, ограничение этого аппетита через технологический прогресс. Таким образом, получается, что дальше рынок насытился. Эти телефоны стали у всех под кожей, необходимости в этом нет. Появляется либо новый продукт, либо симулятивное приукрашивание старого. Технологический прогресс подтачивает и это постепенно. Шаг за шагом. В результате ценность того, что производится капиталистом, будет снижаться. Ценность того, что производится капиталистическим способом производства, стоимость, вот эта самая стоимость будет ниже, ниже и ниже. Это тоже будет влиять, с одной стороны, на ментальность тех людей, которые занимаются этим бизнесом, или предпринимателя. А с другой стороны, они тоже люди, они будут воспитываться в том

обществе, которое формируется. У них тоже будет больше внутренних ноокачеств и характеристик. В какой-то момент они будут находить применение своим интересам в других сферах. Более общественным, более общественно значимым, через социализацию вот этих всех интересов, функции и производства, и даже не производства, а способа распределения.

Экономика постепенно, на этапе НИО.2, через т.н. «отказ от собственности» и распределение ответственности за использование собственности – а это уже вполне стремительно продвигающаяся тенденция, :выражающаяся а) в развитии экономики совместного пользования (десятки есть уже таких видов бизнеса – каршеринг, карпулинг, ВЦКП, коворкинг, коливинг, колизинг, нетворкинг, техноворкинг, свопинг, фудшеринг и шеринг персонала и т.п, да еще с тенденцией вертикальной и горизонтальной интеграции этих бизнесов, создания «эко-систем» и других подобных структур); б) всевозрастающем тренде расширения коллективного распределения бенефициев от использования собственности, в) распределении ответственности и прав управления собственностью между не столько собственниками, сколько между группами пользователей оной (акционер – менеджер – специалист!) – будет, через этап «экономики совместного пользования», более широкого обобществления все дешевого результата производства, социализации собственности, формирования через это новых типов поведения и культуры потребления, в которых будет всё меньше нужда в капитале, государственном контроле и прочая как в посредниках в отношениях между людьми в процессе удовлетворения их потребностей – да, переходить в ноономику. Т.е. будут все больше возрастать неэкономические способы удовлетворения потребностей людей, способы распределения, способы доведения благ до получателей их, способы получения их, производства и т.д., распространяться все больше и больше. Сводя на нет экономику.

Я не думаю, что это разово произойдет. Так что...

АВБ. Примерно такая же история – с частными потребностями. Нет, с частными благами?

СДБ. Может быть. Здесь можно еще немножко поспорить, но, в принципе, это – одного порядка.

АВБ. Нет, я просто пытаюсь понять.

СДБ. Просто я говорю о том, что деньги, как мерило этой самой собственности, стоимости собственности, постепенно возвратятся к исходным функциям. Средство учета, расчетов для тех, которые меняются. Постепенно и эта функция будет сходиться на нет, потому что меньше будет необходимости в расчетах. Так что роль государства, если вернуться к этому, заключается в том, чтобы двигаться в этом направлении. Двигать общество в этом направлении. Развивая общественную социализацию. Я утверждаю, что в мире это движение идет очень интенсивно. Возьмите европейские страны после Второй мировой войны. Пример Советского Союза раздолбал представление о том, как людям надо жить. Многое из-за нашего примера изменилось в капитализме 20-го века. В сторону социализации. Да, они, конечно, победили нас в экономическом противостоянии, потому что мы технологически не были еще готовы к этому. Ментально, идеологически уже много было готовности, большая была готовность, потому что идеология эта работала. Другое дело, что чем больше мы отставали технологически от них, тем меньше эта идеология влияла на умы.

АВБ. Парадокс.

СДБ. Это правильно. Потому что даже нет парадокса, Александр Владимирович, парадокса нет. Почему? Потому что бытие определяет сознание. Так, и если наше «бытие», в сравнении же все берется, по сравнению с чем-то отставало, то мы начинали думать, что там лучше, и воспринимали эти идеи. И идея победившего капитализма овладела массами еще в конце советского периода. И эта идея привела к тому, что мы начали возвращаться к новому НЭПу. Помните, открытие кооперативов, как-то еще. Потому что, с одной стороны, технологически мы не успевали рынок по насыщению потребностей сделать, значит, рынок здесь лучше работал. А идеология была наша лучше, потому что способ распределения предусматривал лучший. Но невозможно совместить эти две идеологии просто так быстро, в одном и том же государстве. В одном флаконе. Это удалось кое-как, с большими сложностями, потугами Китаю. Не знаю,

насколько он вырвется куда-то, но, в принципе, мне кажется, сейчас капиталистическая идеология там гораздо более активна, чем некапиталистическая. Хотя движение по этому пути, по крайней мере, официально провозглашенном, по пути нового строительства, у них ведется. Потому что их идея достижения «пинь инь», общества средней зажиточности, – это промежуточный этап насыщения потребностей людей, тех реальных потребностей людей, которые сегодня основная масса населения испытывает. И тогда получается, что, когда эти потребности будут удовлетворены, возникнет основа для того, чтобы увеличивать общественное достояние. Оно и так сейчас немаленькое, но на количество населения – небольшое. Оно будет увеличиваться. И вот по этому пути мы можем тоже идти, мы резко отшатнулись от этого пути, даже когда Европа продолжала это движение. Сейчас Европа, не имея такого стимула, в нашем лице, раздражителя, в какой-то мере тоже откатилась. Вы посмотрите, что делается в той же Франции, зажимают людей, какие проблемы возникают в Германии, в других странах. И это выражается, соответственно, в повышении конфликтности, в сепаратизме, протестах «желтых жилетов», чего хотите. Народ, уже привыкший к неким социальным отношениям, не готов очень быстро воспринимать откат обратно. Это является основой, фундаментом того, что большого отката быть не может уже. Потому что, попробовав сахар, отказаться от сахара тяжело, наркотик. Так что и это люди понимают – а чем дальше, тем слаще, что называется. И развивающиеся технологии позволяют капиталу идти на уступки, вынуждают его это делать. Понимает это, в этом плане, думаю, и Европа, и весь мир, наиболее, я не говорю – цивилизованный мир, это неправильно, а – технологически продвинутый мир. Вот в этом плане цивилизация продвинута там, где продвинуты технологии. Технологически продвинутый мир, если надеемся, что мы переживем точку бифуркации благополучно, когда капитализм доведет ситуацию до состояния гроги, когда в погоне за их приоритетами могут быть и критические состояния, вплоть до катастрофы. Я, честно, не очень в это верю. Я больше верю в разум общества. Но тем не менее может быть такая ситуация, когда – да гори все пропадом, и будем все равно себя бомбить, у

всех всё взрывать и прочее. Все равно мне кажется, что «внутри себя» любой человек, принимая такое решение, понимает, что он и сам может сгореть в этой катавасии. И пропасть. И всё, чего ради он собирает, там копит, для того, чтобы было себе хорошо и детям, там, кому-то еще. Ну, кому еще? Ну и т.д. А если это все сгорит? Все это пропадет?

АВБ. Вопрос!

СДБ. Хорошо, допустим, можно завоевать новую территорию, захватить ресурсы, но – а если в результате будет радиоактивное заражение местности, или ядерная зима, или еще что-нибудь такое, или мор, чума, потому что лаборатории будут разбомблены? Все эти бактерии вырвутся наружу, ни охраны никакой нет, медицина рухнула и что-то еще такое. Моровая язва общая, и до свидания. Такое может быть? Может быть. Теоретически не исключено. Если мы эту точку переживем, то в этом случае, рано или поздно, распространение знаний, которое уже сегодня позволяет этими знаниями пользоваться многим людям на Земле, которые совсем недавно еще жили в хижинах или в джунглях, рано или поздно придет к тому, что выравнивание будет происходить, региональное, социальное выравнивание. Между стратами людей, между классами – отношением к собственности определяются страты людей. Это выравнивание будет, понятно, все быстрее и быстрее ускоряться, как только мы перешагнем этот рубеж, условно говоря. Понятно, что останутся естественные потребности людей. Каким способом будут они удовлетворяться? Техпрогресс решит эту задачу. Это еще бабушка надвое сказала, что надо ориентироваться на видимые сегодня способы. Не исключено, что совсем не биологическим способом, кто его знает. Может быть, люди придумают более рациональные способы питания, воспитания, обучения. Рождение людей, наконец, например, не носить 9 месяцев ребенка в чреве матери, а «носить» будет искусственный аппарат какой-нибудь, и продолжение жизни будет в нашем цивилизованном будущем другим способом придумано. Может быть, не знаю, удовлетворение потребностей есть пищу не будет необходимостью такой, потому что еда, поставляющая энергию нам, может быть, в каких-то энергетических капсулах будет сублимирована и т.п., всяко может быть, понимаете? Все может

быть, и все эти вещи будут все более доступны людям. В этом смысле я остаюсь оптимистом. И полагаю – как в таких условиях будет работать государство? Постепенно снижая свои функции, снижая свое давление в плане регулирования общественных отношений, потому что когда надо регулировать? Когда не отрегулировано, «неопосредовано» через кого-то, когда мы не можем договориться, когда мы не можем друг друга понять. То есть вот мы можем напрямую с Вами сейчас друг друга понять, мы с Вами общаемся, нам надо с Вами сейчас государство? Абсолютно не надо, правда? Ну, чашка чая и технологический прогресс в виде диктофона. Для понимания людей, для нахождения общих принципов работы, принципов жизни, принципов деятельности, бытия, государство нужно только в той части, которая регулирует отношения, и будет оно регулировать те отношения, которые будут. Отношения между нами и вами, например, условно говоря, если абстрагироваться от индивидуальной собственности какой-то, от, не знаю, способа удовлетворения потребности в еде, там, пище. У нас какие потребности? Ну, может быть, государство могло бы, условно говоря, поощрить за то, что Бузгалин, профессор МГУ, больше знает. И он – более уважаемый человек в обществе, установить некие принципы, критерии, оценки, может быть, и от этого не материально стимулировать, а, скажем...

АВБ. На стенке написать: Бузгалин – хороший человек.

СДБ. Да, и это несколько не смешно. На стенке написать, памятник поставить, еще что-то такое, понимаете? И это будет, с другими стимулами, государство, возможно, будет регулировать такого типа отношения. Думаю, что отношения будут регулироваться также в плане, особенно важном для всего социума, потому что общественные отношения будут расти, государство будет регулировать все больше эти вещи. Например, отношения между социальной системой и производственной (производящей) системой. Например, установление каких-то общих правил и норм, каких-то, которые не должны людьми нарушаться, установление какого-то порядка, или, условно говоря, контроля за этими вещами. Понятно, что все больше общественный контроль будет, все больше общественного будет понимания, все меньше будет таких ситуаций, но они будут. И

роль государства будет на этом этапе постепенно, постепенно все это отрегулировать, а когда поле для регулирования будет исчезать, будет исчезать и государство. В первую очередь, исчезнет роль государства, традиционная ныне, как экономического регулятора, когда исчезнет экономика. Потому что сегодня, больше, во всяком случае, мне кажется, половины всех отношений, которые регулируются государством, – это экономические отношения.

АВБ. У нас состоялся содержательный разговор, появилось много новых линий развития Вашей концепции. Появилось много новых «русел», по которым может идти дальнейшая разработка Вашей концепции, имплементаций Вашей фундаментальной идеи ноономики...

СДБ. На самом деле – ничего сверхоригинального здесь нет. Это – классическая идея всех людей, которые думали более-менее целенаправленно о развитии общества. Посмотрите многих философов, экономистов, там, возьмите Маркса – в принципе, никуда от этих соображений не уйти. Я только робко кое-что уточняю. С учетом современности и проявляющихся тенденций развития. А в историческом аспекте, как шутили мы еще студентами, «учение Маркса всеильно, потому что оно вечно»...

АВБ. На этой доброй шутке, мы, наверное, и закончим.

**Коллоквиум Института нового индустриального развития
(ИНИР) им. С. Ю. Витте на тему:
«Шеринг-экономика и ноономика». Стенограмма
(05.02.2020 г.)**

Участники:

С.Д. Бодрунов – директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества России, Президент Международного Союза экономистов, д.э.н., профессор;

А.В. Бузгалин – руководитель Центра социэкономии кафедры политической экономии МГУ им. М. В. Ломоносова, руководитель Московского отделения ИНИР им. С. Ю. Витте, заслуженный деятель высшего образования Российской Федерации, д.э.н., профессор;

А.И. Колганов – профессор кафедры политической экономии МГУ им. М. В. Ломоносова, д.э.н. (дистанционно).

Александр Владимирович Бузгалин (АВБ). Мы говорим об изменении социально-экономических отношений вообще и отношений собственности – в частности, в связи с развитием новых технологий и движения в направлении к новому индустриальному обществу второго поколения и далее – к ноономике. И в частности – о процессе, который на русском языке не имеет четкого имени, в английском имеется имя sharing economy. В русском определении какое-то двусмысленное слово получается. Или бессмысленное, я не знаю.

Сергей Дмитриевич Бодрунов (СДБ). Многозначное, я бы сказал.

АВБ. Или многозначное.

СДБ. Многозначное – и бессмысленное, если напрямую читать, получается нечто вроде «обменной экономики» или «разделенной экономики». Но на самом деле – многозначное, здесь очень много связанных между собой вопросов. У нас это называют экономикой совместного владения, экономикой совместного пользования и даже экономикой совместного потребления. И они все друг друга

взаимодополняют, если так, по большому счету, смотреть. Более того, надо понимать, что она родилась не на пустом месте. И не сейчас. Первое: экономика совместного пользования – это не изобретение последнего времени. Она существует очень давно, с незапамятных времен. И с тех времен, как родилась экономика, в ней всегда присутствовали элементы экономики совместного пользования. Почему? Потому что экономически это выгоднее, чем экономика частного пользования, чаще всего. В тех нишах, где такая выгода есть, там, конечно, она никогда не умирала, а иногда и процветала. В разные времена ее пытались подстегивать разными способами во имя как экономических выгод, так и неэкономических каких-то целей, скажем, для реализации неких неэкономических идей.

Я не буду углубляться в древние времена, когда понятно, что такое «экономика» совместного пользования – вместе убивали мамонта, загоняли, и потом вместе обгладывали. Но при этом распределение шло – кто первый и крупнее, тот обглодал главную кость. А остальным – что достанется. А те, кто без кости остался, скорее всего...

АВБ. ...проигрывали в естественном отборе.

СДБ. Да, такой проигрывал «экономически», имея меньше прав, потом физиологически, и еще потом – исчезал с поляны. Здесь очень важный и тонкий момент – перехода добычи из общей совместной собственности в частные руки, по частям, позже – полностью и т.д. Такой переход был неизбежен почему? Потому что обладание в форме собственности позволяло более гарантированно удовлетворять потребности. С развитием экономики росла и потребность в сохранении «за собой» ресурса на более длительный период, и все с большей гарантией использования его в нужный момент. Собственность, как говорят политэкономы, есть форма присвоения экономических ресурсов и предметов потребления. Это еще и отношения людей по аспектам, связанным с институтом собственности – по поводу владения, присвоения, распределения, использования, распоряжения... Допустим, если мы возьмем более близкое время, то – общинность, которая была, в какой-то мере, совместным пользованием, общинная собственность, но – да, и совместное пользование. И семейная собственность – из этого же

ряда. Потому что семья – экономическая ячейка, вполне себе понятная. Экономика семьи – это значительная часть экономики как производства, так и потребления. Соответственно, здесь тоже появились некие такие вещи, которые потом, со временем, разделяли использование совместной собственности, пытаюсь его как-то выделять. Это личная собственность, это – частная собственность, которая регулировалась законодательными уже уложениями, разными актами и прочим. Кто кому наследует, кто у кого чего принимает. Кто является кем по отношению к имуществу, у кого какой набор прав/полномочий в отношении собственности. Кто вкладывает в эту собственность что-то свое индивидуальное, а кто – не вкладывает. И т.д. У нас вопросы собственности закреплены Конституцией, а потом целые тома Гражданского кодекса расписывают их детально.

АВБ. Сергей Дмитриевич, я на секунду бы Вас прервал и обратил внимание на то, что общинная собственность – это феномен, который часто недооценивается. Ведь ему тысячи лет...

СДБ. Конечно.

АВБ. И он был очень популярен. И более того, он воспроизводится до сих пор во многих странах мира, мы просто привыкли жить, ориентируясь на то, что есть Западная Европа и США. Но если мы включаем в орбиту внимания....

СДБ. ... весь мир...

АВБ. ...Индию, Латинскую Америку... Я уж не говорю про Центральную Африку. И вспоминаем историю России, где община была сильна вплоть до начала XXI века.

СДБ. Я именно это имел в виду.

АВБ. Да, мы видим это явление везде. И я уже не говорю про семью, которая является едва ли не внеисторическим феноменом последних тысячелетий.

СДБ. Да, да, вот в этом плане я думаю, что история сия очень древняя. И формы такой собственности, экономики совместного пользования, с историческим развитием тоже претерпевали разнообразные видоизменения. Наиболее популярными формами были кооперационные формы, они были особенно широко распространены у нас в советское время. Но – не только в СССР и странах соцлагеря, это заблуждение.

Андрей Иванович Колганов (АИК). Да, это так. Вспомним хотя бы Мондрагонскую группу кооперативов в Испании, показавшую хорошую эффективность. Или можно привести пример другой формы, более сложной: например, опыт создания и развития акционерной собственности работников; наиболее известная и продвинутая в этой области программа – ESOP, Emoloyee Stock Ownership Plan, или План рабочей акционерной собственности. И т.д.

СДБ. Да, я знаю, что Вы еще в начале 90-х годов прошлого века детально описали эти опыты в одной из своих книг. И эта тема никуда, оказывается, не ушла. Некоторые коллеги утверждают, что они, эти формы, до сих пор имеются в разнообразном виде. И даже настаивают на их развитии. Вплоть до того, что должно быть некое юридическое оформление, более жесткое и более целенаправленное. И развитие, поддержка государства и сейчас должна быть у нас, в частности. Вот у меня есть книга. Я совершенно ненароком, сегодня утром, зайдя в кабинет за пару часов до Вас, с удивлением обнаружил у себя на полке вот эту книжечку. Вот она здесь стояла.

АВБ. Как интересно.

СДБ. Да. Книжка называется «Коллективная форма хозяйствования в современной экономике». Монография, изданная ЦЭМИ, группой докторов наук под руководством профессора Г.Б. Клейнера. Казалось бы, где ЦЭМИ, а где – колхоз?..

АВБ. Да, мы даже с Андреем Ивановичем имели некоторое отношение к материалам для этой книги...

СДБ. Оказывается, она написана, эта монография, очень даже к месту и подробно расписывает преимущества коллективных форм хозяйствования в нынешних условиях. При этом она четко выделяет важные преимущества такой формы хозяйствования – да, более высокую экономическую эффективность, но и более высокий уровень согласования интересов владельца и работника/пользователя. Это – важно. Но в книгах – и этой, и многих других – я не нашел ясного ответа на вопрос, почему эти формы не исчезают. Более того, с развитием технологического прогресса они видоизменяются и активно расширяют свое пространство в экономике. Только ли по

указанным причинам? Я почитал эту книжечку, точнее, за пару часов не почитал, но, сказал бы, очень подробно, с карандашом, пролистал. И посмотрел, что здесь такое важное. И понял, что всё, что здесь дано, оно каким-то «боком», какой-то частью тоже поддерживает общую идею развития экономики совместного пользования. Хотя об этом здесь ни слова нет. Но зато здесь, в конце книги, в самом конце книги – последняя фраза, она достойно завершает эту книгу. «Коллективное предприятие – это ростки будущего инструмента гармонизации отношений членов общества, государства и бизнеса». Здесь коллеги из ЦЭМИ были настоящими провидцами. Насчет ростков будущего. Я бы только сказал, что не столько именно коллективное предприятие, сколько различные формы экономики совместного пользования/потребления, которые будут адекватны тем состояниям развития экономики, которые она будет поэтапно проходить в процессе продвижения к новому индустриальному обществу следующего поколения. Это – каждый раз ростки будущего. В силу своей адекватности трендам развития общества в переходную эпоху. Вот в этом как раз и элемент гармонизации, или фактора гармонизации. Или, может быть, инструмент, как они говорят, «гармонизации отношений членов общества, государства и бизнеса». Я бы подчеркнул, что – общества в целом и членов общества, потому что интересы общества, как мы с Вами это обсуждали раньше на одном из коллоквиумов ИНИРа, есть именно интересы общества, а не отдельных его членов, их отдельно нужно рассматривать.

И есть еще одна мысль в этой книге, которая тоже интересная, она говорит о чем? О том, что, может быть, они и не собирались сказать, наши ученые из ЦЭМИ. Но сказали – возможно, сами не придав этому особого значения, но отметили, потому что это правда. Значит, это фраза примерно о том, что использование метода коллективного хозяйствования – это одна из форм реализации принципа самоуправления на предприятии. Эта фраза постулирует тезис, который верен, но вроде к нашей сегодняшней теме не имеет отношения. Но дальше читаем, что эта форма предприятия предполагает значимые масштабы участия работников в его собственности. Собственность. Вот корень.

АВБ. То есть они не могут не затронуть проблему собственности и этого способа управления, так сказать, этой собственностью.

СДБ. Когда мы говорим о шеринговой экономике, другой форме экономики совместного пользования, там тоже человек использует собственность, управляет ею в какой-то элемент времени, то есть она используется коллективно. К примеру, в той форме, как это было в советском колхозе, – это были законоуложения плюс правила принятия решений в колхозе (например, распределение результатов по трудовням). На их основе осуществлялось управление собственностью в целях удовлетворения потребностей. А использование собственности в современной шеринговой экономике методологически осуществляется по тем же принципам: условно говоря, есть правила шеринга, есть устав у шеринговой компании. Для примера, каршеринг. Есть правила каршеринговой компании, а есть еще правила дорожного движения, правила гражданского законодательства, Уголовного кодекса. Есть, наконец, пользователь, его собственное представление о том, как рулить этим автомобилем. И это все вместе накладывается на идею, которая называется управление этой собственностью в данный, конкретный момент. Для удовлетворения потребности в данный момент. Соблюдая все эти нормы.

АВБ. Я рад, что Вы обратили внимание на этот аспект, потому что он, с одной стороны, оставался долгое время маргинальным, но всегда присутствовал, этот вопрос, об экономике солидарности, ассоциированной экономике, коллективной экономике. Но, Вы правы, традиционно, действительно, это ассоциировали с колхозом, где все по трудовням, во главе секретарь парткома, идиотский райком и...

СДБ. Колхоз – это даже не форма, а видовое разнообразие коллективной собственности, да, но выраженное в конкретном, формализованном варианте, в виде какого-то, значит, законоустановленного, некоего способа реализации функционала этой коллективной собственности. Здесь есть элементы и управления, элементы разделения собственности, элементы отчуждения собственности, здесь многие элементы, которые присущи экономике совместного пользования.

АВБ. Вот то, что касается шеринга, вы абсолютно правы, это новый тренд, и он во многом связан с технологическим прогрессом и с изменением социально-экономических условий...

СДБ. Я бы сказал, Александр Владимирович, абсолютно Вы правы...

АВБ. Это я Вашу мысль формулирую...

СДБ. Но я бы дополнил, что с модернизацией экономики в процессе новой технологической революции процесс развития шеринга как совместного пользования/потребления пошел галопирующими темпами. Бизнес, который имеет своей базовой моделью шеринг, бьет рекорды и роста (и абсолютно, и по доле в экономике), и капитализации. Вот у меня есть информация статистическая, что за последние десять лет в шеринг-проекты новых форматов в мире вложено более 20 млрд долларов инвестиций венчурного типа. На конец 2019 года совместная капитализация только двух крупнейших биржевых шеринг-компаний (Uber и Lyft) достигла 66 млрд долл. И по объему рынка – тоже ускоряющиеся и невиданные темпы: пять лет тому назад весь рынок шеринг-услуг оценивался в 15 млрд долл., к 2025 году его объем составит примерно 335 млрд долл., а к 2035 году, по оценке PWC, составит не менее 600 млрд долл. И драйвером такого развития выступают новые цифровые технологии, которые позволяют использовать эффективнее преимущества такого типа использования/владения собственностью (экономическую эффективность, более низкую затратность, возможность отказа от значительной части обязательств, навязываемых собственностью ее владельцу, повышение мобильности и доступности услуги и т.п.). По тем же данным, три четверти американских граждан уже пользуются услугами таких компаний. И у нас есть показательные примеры – практически четверть населения уже получила доступ к таким сервисам, а развитие шеринговой экономики в России идет вдвое быстрее, чем в ЕС. В 2019 году объем рынка шеринг-сервисов у нас уже превысил 0,75 трлн руб., это вполне верифицированные данные Российской ассоциации электронных коммуникаций.

Вообще, всякий раз заметно: экономика развивается, а вместе с ней – и экономика совместного пользования развивается, под воздействием изменений материальных,

изменений в материальной основе общества. Изменения формы отправления экономических отношений, связанные с первоначальными изменениями в материальной основе, то есть технический прогресс и, соответственно, влияние его на другие формы обмена, распределения и т.д., т.п. и производство, и прочее.

Как это вписывается в теорию ноономики? Мне кажется, совершенно железно. Вот сейчас возьмем такой пример: президентом России поставлена задача – рост экономики в целях повышения жизненного уровня населения. И, собственно говоря, он указывает как – через технологический прогресс. Президент ведь не зря подсказывает: главная задача – социальная, расширение возможностей удовлетворения растущих потребностей людей. И призывает при этом – что? Развивать технологическое пространство! Почему такая связка? Правильно, потому что человек – это его потребности, физические, духовные. Они удовлетворяются экономикой через материальное производство, каковое у нас надо модернизировать. А это надо реализовывать через переход к новому техукладу. А в нем главный ресурс – знание, а базовые технологии – цифровые, инфокоммуникационные (кстати, мне кажется, что именно из этой логики вытекает требование и времени, и президента, о необходимости ускорения цифровизации; она даст еще и ускорение темпов экономического роста как технология, «убивающая» в экономике структуры и услуги-посредники («едоки времени и денег»), что сильно уменьшает затраты времени и средств на удовлетворение потребности (на «путь» затребованного продукта/услуги от производителя к потребителю), и расширение "ассортимента» (улучшение структуры этого роста, в т.ч. – предоставление возможности усилить социальные направления, соцкомпоненту ВВП (медицину, образование, креатив), и искомое повышение на этой основе уровня жизни населения (и «количественно», и «качественно»); а это и есть не просто рост, а именно развитие). Таким вот образом – через технологический прогресс, модернизацию экономики может быть достигнут переход, с наименьшими издержками, к новому состоянию и экономики, и общества. И ноономика как базовая идеологическая и научная

концепция-платформа становится научным фундаментом этого движения в развитии нашего общества. При этом технологические достижения нового техуклада меняют формы отношения к собственности в смысле использования ее для удовлетворения потребностей. Шеринг-экономика – одно из таких проявлений. Кстати, ее развитие как формы постепенного «отказа от собственности» подтверждает и тезис ноономики о снижении ценности собственности в процессе перехода к новому индустриальному обществу следующего поколения и ноообществу. Отмечу также мимоходом, что косвенно такое развитие событий подтверждает еще один ноотезис – о снижении роли государства в ходе такой трансформации. Ведь власть и собственность – коррелируемые понятия. Вплоть до того, что это – одно и то же. Собственность – это набор прав в отношении чего-либо, требуемый для достижения предельно максимальной возможности удовлетворения потребностей. Например, в отношении предмета, инструмента, знания. Подставьте в это «уравнение», в этот список, человека – получите власть над человеком (вспомните рабовладение, затем – феодал, крепостное, демократос). Отсюда и следует вывод: государство-властелин-собственник «подданных» будет, как и прочие типы отправления функций собственности, редуцироваться. Но это – понятно, длительный исторический процесс.

АИК. Очень интересно. Но к голосам скептиков я бы тоже прислушался – не с точки зрения их «правоты», а с точки зрения живучести частно-собственнических стереотипов. Человек, который вполне вмещает в свое сознание нормальность ситуации совместного владения фирмой, к примеру, не может принять, совместное владение жильем (коливинг, современное «общежитие» развиваются медленнее других шеринг-форм). И эти стереотипы будут реально замедлять развитие шеринговой экономики.

СДБ. Но остановить не смогут.

АИК. Да, остановить не смогут. Есть еще и реальные ограничения в сфере бизнеса, когда индивидуальное распоряжение офисом необходимо, например, для охраны коммерческой тайны, возможности быстро менять график работы, контролировать персонал и т.п. Так что я не жду в этой

сфере быстрого переворота, хотя тенденция, несомненно, будет нарастать.

СДБ. Согласен. Только – один нюанс, который надо бы учитывать: развитие всё того же технологического прогресса. Оно ведь дает эффекты и по другим «линиям», и все они будут подстегивать усиление темпов перехода к адекватным формам экономики – типа шеринговой, например. Вот посмотрите – с развитием технологий пятого-шестого укладов возрастает «параллельно» не только снижение ценности собственности, но и открытость общества, и та же прозрачность и бизнеса, и всей жизни. И тогда будут скоро не нужны ни защита бизнеса, ни охрана коммерческой тайны. Которые тоже, кстати, есть формы отправления собственности.

Вот они, эти вещи, как раз и влияют. Появляется инструментарий реализации новых форм «взаимоотношений» с собственностью – развиваются и адекватные формы. Поэтому колхозы тоже появились тогда, когда появился инструментарий соответствующий. Не было бы смысла в колхозе, если бы не было соответствующего инструментария, от технологий (там, трактора, сельхозагрегаты для обработки крупных массивов земли, выращивания стад большого поголовья и т.п.) до предприятий по их эксплуатации – например МТС, что-то еще такое. Были и другие формы коллективного использования, суть в том, что одну МТС много колхозов использовало. Мой отец был начальником МТС, я прекрасно знаю, как это заказывалось, как это все делалось, и как эти трактора, сеялки-веялки, которые нужно ремонтировать, ремонтировались, как распределяли людей по заказчикам, сам работал. Поэтому я это все испытал на себе и понимаю с практической стороны, что это такое, вот такая форма коллективного пользования. Но на селе есть и другие формы коллективного пользования. К примеру, межсемейные связи, межсемейные отношения экономические, которые, казалось бы, вроде того, мелочь, но они продолжают приносить некие плюсы в экономику в целом. Например, сосед, у него есть лошадь в крестьянском хозяйстве, но он вспахал свое поле и лошадь ему больше не нужна. А затраты на нее продолжают оставаться. Что делает добрый хозяин? Он пашет соседу, другому, третьему, четвертому. Или известнейшая в сельском хозяйстве ситуация –

решили вскопать огород. Есть пять человек, а три лопаты. Пойдем у соседей возьмем две лопаты. Вскопали огород, отдали соседям, бутылку поставили. Рассчитались, экономика, понимаете?

АВБ. И вместе её выпили.

СДБ. Да, может, и вместе выпили, это уже потребление, да. Коллективное.

АВБ. Совместное.

СДБ. Да, и вот это. Или там, например, сбор урожая, обычно собираются все. А во многих местах – стройка «гуртом», обычай такой, толока – известная вещь, когда вместе строили что-нибудь. Это всё элементы, которые существуют давным-давно, но они не могли появиться без определенного инструментария. Поэтому всякий раз уровень экономического благополучия, который достигался за счет технологического прогресса, именно он позволял применять и развивать те или иные формы, в том числе экономики совместного пользования. Сегодняшний уровень, если мы говорим об этом, – он, этот уровень, позволяет нам говорить о том, что экономика совместного пользования приобрела некие новые краски и новые формы. Новые формы – это шеринговые формы, ко-формы. Например, ко-ливинг тот же. Карпулинг, краудфандинг, Airbnb, коворкинг, информационные шеринг-платформы (к примеру, Avito), апарт-отельный бизнес, поп-ап стор (краткосрочная аренда помещений), модель партнерства в e-commerce (например, у Amazon 75 тысяч водителей-партнеров, и 80% заказов выполняется именно через них), разнообразные модели проката дорогостоящего оборудования, стафф-шеринг (аренда персонала на время) и многое другое. Но – еще раз подчеркну: все это стало возможным только в условиях нового технологического уклада, предоставляющего инструментарий для реализации идей шеринг-экономики.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Новое индустриальное общество: истоки, реальность, грядущее. Ноономика. IV-й том (Избранные материалы семинаров, публикаций и мероприятий Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте по тематике концепции нового индустриального общества второго поколения и нооиндустриального развития общества) / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. Сб. науч. трудов. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2020. – 422 с.

Подписано в печать 05.03.2020.
Формат 60x90/16. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. 422 с., 23,0 печ. л.
Заказ № 9926/2

Институт нового индустриального развития
(ИНИР) им. С.Ю. Витте,
197101, Санкт-Петербург,
ул. Большая Монетная, 16.

Отпечатано в типографии ООО «Кси-Принт»,
192029, Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, 86, лит. О.